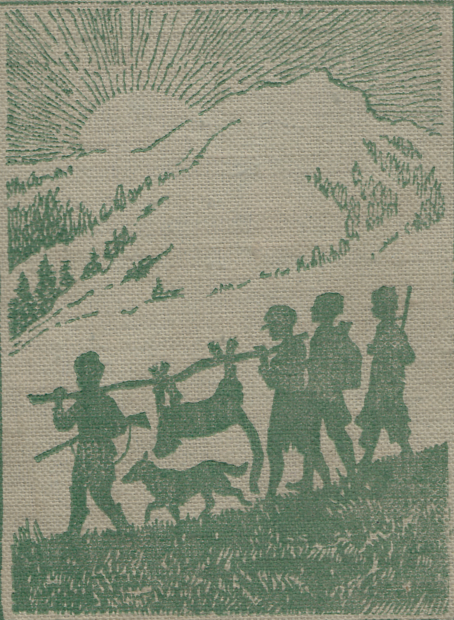


ГЕОРГИЙ ТУШКАН

РАЗВЕДЧИКИ ЗЕЛЕНОЙ СТРАНЫ

ДЕТГИЗ 1950

ГЕОРГИЙ ТУШКАН

РАЗВЕДЧИКИ ЗЕЛЕНОЙ СТРАНЫ

БИБЛИОТЕКА НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МОСКВА 1950 ЛЕНИНГРАД

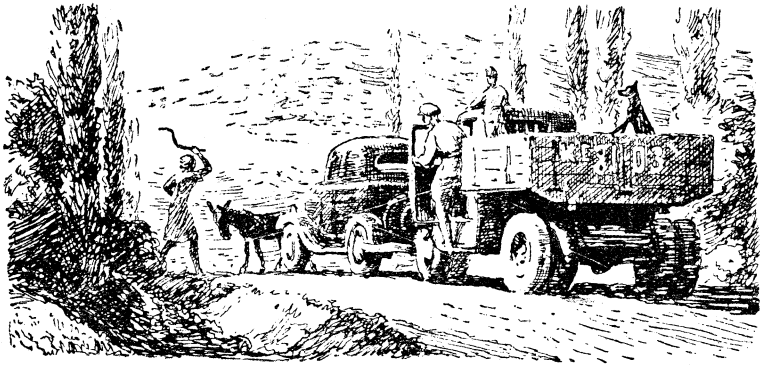
ГЕОРГИЙ ТУШКАН

РАЗВЕДЧИКИ ЗЕЛЕНОЙ СТРАНЫ

ПОВЕСТЬ

Рисунки
В. Цигаль

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТНИК ЗА ОБЕЗЬЯНАМИ

I

Солнце еще не поднялось над горами Тянь-Шаня. Был тот глухой предрассветный час, когда кажется, будто весь мир застыл в сером однообразии.

Второго августа 1945 года по одной из проселочных дорог, вдали от магистрального шоссе, медленно шла грузовая автомашина. Тусклый свет фар освещал ровную поверхность дороги, но грузовик то и дело подпрыгивал, заваливался на бок и даже задевал «брюхом» землю, выползая из глубоких ухабов. Эту обманчивую гладкость дороги создавал толстый слой лёссовой пыли, такой глубокий, что колеса тонули в нем почти до втулок. Даже опытный глаз водителя не всегда мог заметить волчьи ямы на пути, доверху заполненные пылью.

Впрочем, пыль была везде. От нее трава и деревья у дороги казались совсем белыми. Черные буквы адреса на запечатанном фабричном ящике и груда пустых мешков в кузове машины тоже побелели от пыли.

Ощупью, как слепая, машина медленно двигалась на восток от Андижана, а за ней, как дымовая завеса, высоко поднималась пыль и стояла стеной, неподвижно, не колеблемая ни одним дуновением ветра, повторяя в воздухе все изгибы дороги.

Но вот резче выступили на сером небе черные контуры горных вершин. Чаще и звонче закричали перепела на люцерновых полях. Небо поголубело. Из-за гор сверкнуло солнце. Сады, казавшиеся прежде серыми, запестрели и расцвели красными гранатами, розовыми яблоками, яркожелтым урюком. Темные гроздья винограда стали прозрачными. А вдали, как снежные просторы, засверкали под ярким солнцем хлопковые поля. Стали видны морщины ущелий и темные пятна лесов на склонах гор. Начинался день.

Луч света упал в кузов машины и осветил прядь торчавших из мешка белокурых волос мальчика. Маленький пассажир забрался в мешок еще с вечера, спасаясь от комаров. Ни толчки машины, ни скрип бортов — ничто не могло прервать его крепкий сон.

Вдруг грузовик резко рванул и понесся по дороге напрямик, через ямы и ухабы. Машину кидало из стороны в сторону. Из-под мешков выбрался огромный суровый пес — серая овчарка. На месте правого уха и глаза розовела нежная молодая кожа — след недавней раны. Пес оглядел окрестности своим единственным глазом, подошел, качаясь от толчков, к левому борту грузовика и, не в силах удержаться на ногах, сел, широко расставив передние лапы.

Грузовик помчался еще быстрее. Слева, из-за садов, наперерез ему неслась стена пыли.

Фронтовой пес, привыкший в быстром движении машины чуять опасность, опять вскочил, но его тотчас же отбросило на мешки. Пес поднялся и встревоженно посмотрел на своего хозяина. Мальчик крепко спал. Край мешка сполз и открыл раскрасневшееся круглое лицо, щедро усыпанное веснушками. Светлые брови нахмурились, а тонкие губы были крепко сжаты. Мелкие морщинки в углах рта и две резкие морщины, рассекавшие лоб, говорили, что мальчику пришлось уже повидать многое.

Впереди выросла стена пыли, поднятая машиной, опередившей грузовик, и он с ходу въехал в нее. Завизжали тормоза, яростно закричал шофер. Собака всем телом упала на мальчика. Тот вздрогнул, проснулся и приподнялся на локте, вглядываясь в пыльную мглу. Ему почудилось со сна, что все еще вечер и что машина стоит во дворе гаража.

— Ты что, Барс? — спросил мальчик и громко зевнул.

У него на зубах заскрипела пыль и защекотало в носу. Мальчик чихнул и окончательно проснулся.

Барс не стал ласкаться к хозяину, даже не попытался лизнуть его в нос. Умный, знакомый с тревогами, он смотрел вперед, стараясь понять, где опасность.

Сквозь разбитое заднее окно кабинки слышались жалобы шофера.

— Опередит меня Гриша по шоссе! Проспорил я. Конечно, по этой дороге в два раза короче, чем по шоссе... По километрам — да, а по времени? Ну сказал бы чайханщик прямо, что на недостроенном конце дороги совсем трудно ехать, так нет: «Ты бывалый, фронтовой шофер, проедешь...» Ну, что теперь будешь делать? Видимость — как в густом тумане, пять километров в час. Поедешь на первой скорости — мотор перегреешь, станешь перегонять — еще в арык заедешь... Нарисует

Гюльнара в стенгазете: едет Садык на черепахе и срочно везет части к хлопкоуборочной машине... Эх, Садык, Садык, потеряешь первое место! — горестно причитал шофер, разговаривая сам с собой.

Мальчик встал на ноги и, опершись грудью на кабинку, пытался рассмотреть, что делается на дороге.

— Ну и пыль! — сказал он удивленно и сочувственно добавил: — Плохие земли!

— Эй, зачем говоришь — плохие! — послышался укоризненный голос шофера из кабинки. — Ну, где ты еще найдешь такие богатые лёссовые почвы? Это замечательные колхозные земли!

— Да я так, просто посочувствовал, — смущенно отозвался мальчик.

Шофер принялся было объяснять мальчику о плодородии лёссовых почв, но внезапно замолчал и прислушался.

Впереди сквозь пыльную мглу слышались надрывные крики: иа-иа-иа!

— Хоп, якши! — вдруг радостно и громко сказал шофер. — Кто спешит, тот людей смешит!

Сквозь пыль виднелось какое-то черное пятно на дороге. Грузовик немного проехал вперед и остановился. Пыль мгновенно окутала машину, но когда она рассеялась, мальчик увидел обогнавшую их машину «М-1». Перед ней посреди узкой дороги сидел большой черный осел. Невысокая девушка в тюбетейке яростно стегала его прутом.

— Пошел вон, пошел вон! — кричала девушка.

Но осел терпеливо сносил удары и не собирался уходить с дороги. Он равнодушно свесил левое ухо и, оттопырив правое, только изредка кричал: иа-иа!

Тогда девушка схватила осла за уши и попробовала оттащить. Ее тапочки на босых загорелых ногах скользили в пыли, от порывистых движений тюбетейка то и

дело соскакивала с головы, и тогда короткие каштановые волосы закрывали ей глаза.

— Так! Так! — весело закричал шофер, высовываясь из кабинки в открытое боковое окно. — Умела обгонять, умей теперь и дорогу очистить! Я хорошо знаю эту породу — легче гору сдвинуть!

Девушка даже не посмотрела на шофера. Красная от усилий и досады, она перестала тянуть осла за уши, обошла его сзади и сердито толкнула ногой. Но осел и ухом не повел.

— Хочешь, я прогоню осла? — предложил шофер. — Только условие: я поеду первый, а ты за мной.

Девушка гневно взглянула на него, подбежала к своей машине, схватила заводную ручку и принялась колотить ею осла по ребрам.

— Я подожду, пока ты устанешь, — сказал шофер, — и если у тебя не такой характер, как у этого длинноухого, ты согласишься, чтобы я ехал впереди. А я скажу одно секретное слово, и осел сразу уйдет с дороги... Хочешь?

Девушка сжала губы, задумалась и, видимо, что-то решив, села в машину, нажала кнопку гудка и, не переставая гудеть, медленно поехала прямо на осла.

— Э, не надо так! — сердито крикнул шофер, сразу переставший шутить. — Осел колхозный, племенной, задавишь — отвечать будешь! Я свидетель.

Машина гудела и теснила осла, он упирался изо всех сил и исступленно вопил, а потом упал на бок, поперек дороги и... вытянув ноги поудобнее, положил голову в горячую пыль.

— Теперь залег на сутки! — угрюмо сказал шофер.

Девушка заглушила мотор, вышла из машины и стала около осла, притворившегося спящим. Она сердито толкнула его ногой. Осел только сильнее зажмурил глаза. Девушка готова была заплакать от досады.

— Больше жизни! Я очень тороплюсь! — вдруг раздался звонкий мальчишеский голос с грузовика.

Девушка смерила мальчика презрительным взглядом.

— Ишь, командир нашелся! Попробуй сам прогнать осла! — крикнула она таким же звонким голосом.

— А подвезешь меня до Джелал-Буйнака? — деловито осведомился мальчик.

— Подвезу! Еще и яблоками угощу — у меня их полная машина... Ну-ка, больше жизни! — передразнивая мальчика, крикнула девушка и, не глядя на него, устало села на подножку машины.

— Барс, возьми его! Фасс, фасс! — скомандовал мальчик, соскакивая на землю.

Пес метнулся из кузова, и в тот же миг осел взвился, как пружина, сделал огромный скачок в сторону от собаки, перепрыгнул арык и с ревом умчался.

Девушка весело рассмеялась, села в машину и, высунув в открытое окно руку, насмешливо помахала шоферу.

— А я? А Барс? — возмутился мальчик. — Ведь уговор был! — И подбежал к «эмке».

— Ты?! — усмехнулась девушка. — Ну хорошо, уговор так уговор, садись.

— Я сейчас!

Мальчик торопливо вернулся к кузову грузовика, влез на колесо и быстро схватил свой рюкзак. Он поспешил к «эмке», боясь, как бы девушка не уехала, но вдруг остановился, вернулся к грузовику и подал шоферу руку:

— Фронтовое тебе спасибо, друг, выручил!

— Изменяешь мне! — ласково сказал шофер, не выпуская руки мальчика. — Едем со мной. Помощником сделаю, шофером будешь. Как бог, ездить будешь.

— Не могу, очень тороплюсь, спасибо. А мотор я знаю, сам езжу на мотоцикле. Заболей ты в пути, я бы и машину повел... Будь здоров, спешу!

— Ну, счастливо тебе найти своего полковника, — со вздохом отозвался шофер, нехотя выпуская руку мальчика. — А ты, девушка, если другой раз будет такой случай, бери два провода, присоединяй к аккумулятору в машине, а концами тронь осла — сразу убежит.

Мальчик с собакой влезли в машину, и она тронулась.

Вскоре на дороге остались лишь густая стена пыли да запах бензинного перегара. А шофер смотрел им вслед и вытирал слезившиеся от пыли глаза.

II

Уже через километр легковая машина объехала дорожные машины и, миновав большой плакат «Пути нет!!!», быстро помчалась по новому шоссе. Юный пассажир зажал пилотку в левой руке и высунулся по грудь в открытое окно.

Было чудесное летнее утро. В садах уже перекликались звонкие молодые голоса.

Все поражало мальчика: и впервые увиденные виноградные кусты с настоящими гроздьями винограда, и незнакомые плоды, и снег на полях. Девушка удивлялась наивности вопросов своего юного пассажира. Ей пришлось объяснять общеизвестные вещи: на полях не снег, а вата, вернее — обильный урожай раскрывающихся коробочек хлопка; а виденные машины—тракторы для междурядной прополки; плоды — айва и гранаты. И совсем не поняла восклицания мальчика: «Ну и жизнь!» Девушка переспросила и, получив не слишком вразумительный ответ, все же поняла радость мальчика, восторгавшегося величием гражданской, мирной, созидательной работы в тылу.

— Да откуда ты взялся такой? — спросила удивленная девушка.

— Я? — переспросил мальчик и не без удовольствия откинулся на мягкую, пружинную спинку сиденья. — Из армии демобилизовался, — с достоинством сказал он.

— Ну?! — удивилась девушка и бросила на него косой взгляд.

Мальчик был одет в военную гимнастерку, сшитую по росту, и в такие же брюки, заправленные в хромовые сапоги. Пилотку он держал в левой руке. Светловолосая голова его была острижена по-военному, и только на лбу торчал чуб. Голубые глаза светились умом и задором.

— Кем же ты был? Героем, конечно?

Насмешливый тон девушки заставил мальчика насторожиться. Он внимательно посмотрел на свою спутницу.

— У нас в санбате была сестра, очень похожая на вас, — сказал мальчик: — такая же «заводиловка», и глаза, как у вас, и нос такой же курносый. Ее так и называли: «курносая».

— Ну ты, потише, а то вот высажу тебя прямо на дороге!

— Не высадите!

— А вот и высажу!

— А я не вылезу. Ведь вы не настоящий шофер — настоящий так не газует на выбоинах.

— Тоже мне критик! Ничего ты не понимаешь! Больше газу — меньше ям, — весело сказала девушка.

Мальчик снисходительно посмотрел на развеселившуюся собеседницу.

— Я бы мог наврать тебе целую кучу всяких историй, — сказал он, сразу переходя на «ты». — Другие и на фронте не были, а наденут военный костюм, перешитый из отцовского, и врут: мы, мол, по тысяче фашистов брали за раз... Только я не такой... Меня и так все уважают...

— Подумаешь, военный! На лбу у тебя ничего не написано. А военный костюм, сам сказал, из отцовского сшить можно.

— А это? — И мальчик указал на две колодки медалей, висевшие у него на груди.

Он поспешно вынул из кармана аккуратно сложенные потертые бумаги и с привычной готовностью протянул их девушке.

— А ну, разверни сам, а то у меня руки заняты, — сказала девушка.

Она стала читать поднесенные к ее глазам документы, и удивление ее было так искренне, что она даже забыла о машине, и «эмка» заехала бы в арык, но мальчик во-время перехватил руль и выправил ход машины.

Девушка спохватилась и вывела машину на дорогу.

— А я думала, ты хвастаешь, — просто призналась она.

— Я никогда не вру! Вот разве для соблюдения военной тайны. Мы так договорились с полковником Сапегиным. Ох, он и не любит врунов!

Мальчик вынул из кармана помятую фотографию и протянул. Девушка ожидала увидеть пожилого, солидного полковника и была очень удивлена, увидев возле разбитого каменного фашистского орла юного фронтовика, вооруженного автоматом, а рядом с ним не по званию молодого, стройного полковника.

Узкое лицо командира с короткими черными усами было строго и красиво. Из-под серой кубанки выбивалась непокорная прядь черных волос. Чуть прищуренные серые глаза смотрели слишком пристально и чуть-чуть насмешливо. Во всей фигуре полковника заметны были фронтовое щегольство и безудержная удаль.

— Славный! — сказала девушка.

— Еще бы! — с гордостью ответил мальчик. —

В беде не оставит, а соврешь — убить готов. На фронте обман может стоить жизни или сорвать победу, — нравоучительно сказал мальчик, видимо повторяя чужие слова, и, помолчав, продолжал с воодушевлением: — Даже в пустяках за ложь не спускал.

— Ты что же, из семьи на фронт убежал?

— Нет. Я ленинградец... родители погибли, я остался один... Голодал. Чуть не умер. Как объявят воздушную тревогу, все бегут в убежище, а я с ребятами — на Неву, на лед. Смотрим, где самолеты бомбы кинули. Попадет бомба в реку, оглушенная рыба в полынье вверх животами всплывет, ну, мы ловим... А потом в 1942 году меня ранило на льду осколком в ногу и в руку. Вот зенитчики и отнесли меня в госпиталь.

Девушка сочувственно кивнула головой. Насмешливая улыбка исчезла с ее лица.

— Попал в ленинградский военный госпиталь, — продолжал мальчик, — а там лежал раненый Сапегин, он тогда еще капитаном был. Он и сапер и авиадесантник. Его все любили, и я полюбил... Скажи он мне: «Умри», я умер бы... Ну, я и упросил его взять меня к себе в часть и стал воспитанником капитана Сапегина. Очень он любил песни петь, а у меня тоже голос, дискант...

Иногда с собой брал в наступление. Только редко. Мина летит, он упадет в ямку, а я сверху, чтобы не поранило его осколком. Он бывало сердится! А бойцы мне говорят: «Молодец, так и надо!» Да я и сам, без них, знаю... А в сорок пятом возле Эльбы перед самой победой полковника тяжело ранило. Я хотел с ним ехать, а он говорит: «Жди, обязательно вернусь из госпиталя в часть». А тут война окончилась, и его демобилизовали по инвалидности. Он мне тогда письмо написал, чтобы я к нему домой в Джелал-Буйнак ехал... А мы в Германии были, около Бунцлау... Там могила и памятник Кутузову... Знаете об этом?

Девушка отрицательно покачала головой. Мальчик охотно объяснил: Кутузов, когда преследовал Наполеона, умер за городом Бунцлау. Это между Бреслау и Дрезденом. Его набальзамированное тело отправили в Россию, а внутренности похоронили. Там, на холме, возле дороги, есть роща, и в ней усеченная колонна стоит, памятник. Ему и в Бунцлау огромный памятник немцы встарину поставили в благодарность за освобождение Германии от Наполеона. А теперь возле Бунцлау, около могилы Кутузова, устроено кладбище для погибших советских бойцов. Каждому — памятник отдельный, цветы кругом...

Мальчик помолчал.

— Я и в Берлине был, и в Вене, и в Будапеште. А теперь еду к полковнику Сапегину и Барса с собой везу.

— Кого?

— Овчарку, Барса.

Пес, услышав свое имя, спрыгнул с заднего сиденья и просунул огромную голову между седоками.

— Это Барс полковника Сапегина. Нас обоих демобилизовали. Я из-за него и задержался — его долго не отпускали. У него пять серебряных медалей.

— У собаки медали? Что-то я об этом не слышала.

— Ему наши саперы сами выбили за бесстрашие. Только эти медали я теперь не показываю, а то одну у меня взяли посмотреть и не отдали.

— А ну покажи!

— А ты сразу вернешь? Дай честное слово.

— Вот еще! — И девушка засмеялась. — Конечно, верну!

Мальчик достал из кармана гимнастерки медали. Девушка уменьшила ход машины и хотела взять их в руки, но мальчик не дал:

— Смотри так.

— Это за что же ему дали? — спросила она.

— Ого! Ты слышала, что были собаки — миноносители, разведчики, связисты, санитары?

— Кое-что слышала.

— Так он все умеет делать. — Мальчик ласково обнял собаку за шею, и пес уткнулся ему носом в плечо. — У него семнадцать ран.

— А где вы его взяли?

— Барс из Ленинграда. Его вырастил и сдал в армию пионер Борис Ладыгин. Этому пионеру полковник Сапегин письма писал о Барсе, а потом перестал: отец у Бориса был на фронте, а сам Борис уехал куда-то. Теперь пес принадлежит полковнику Сапегину.

Барс посмотрел в глаза мальчику и сморщил верхнюю губу, как будто улыбаясь. Девушка хотела погладить собаку, но юный фронтовик во-время остановил ее:

— Нельзя! Барс не любит, когда его чужие гладят, и может укусить... Барс, на место!

Пес послушно убрал голову.

— А ты откуда? — спросил мальчик.

— Я из Джелал-Буйнака.

— Вот здорово! Ты, наверное, знаешь полковника Сапегина?

— Сапегина? — Девушка задумалась. — Что-то не слыхала, — ответила она нерешительно.

— Как же ты полковника Сапегина не знаешь? — огорчился мальчик. — Он в Джелал-Буйнаке...

— Ну, знаешь, за эти годы в Среднюю Азию приехало много новых людей, всех не упомнишь. А ты что делать хочешь?

— Я? Буду пока охотиться за обезьянами.

— Что? Что?

— Буду обезьян в лесах ловить для зоологических садов, а потом осенью учиться.

— Здесь никаких обезьян нет, — уверенно сказала девушка.

— Ах, ты ничего не знаешь! Полковник Сапегин рассказывал в госпитале, как один охотник-киргиз ловил обезьян. — Мальчик даже засмеялся. — Обезьяны такие глупые!.. Охотник взял самый клейкий клей, смазал им воловью кожу, спрятал ее в мешок, сел на осла и приехал в лес, туда, где обезьяны водятся. Видит — высоко на дереве обезьянка прыгает. Охотник, чтобы ее не спугнуть, на нее и не смотрит, потому что всякий зверь человеческого глаза боится. А только он остановил своего осла под этим самым деревом и давай на седле подпрыгивать. А обезьянка сверху смотрит, как он подпрыгивает. Потом охотник слез и на седло незаметно прикрепил кожу с клеем, ушел в лес и спрятался за кусты. А мартышка увидела, что никого нет, слезла с дерева, села верхом на седло и ну подпрыгивать! Ведь обезьяны очень любят передразнивать. Это всем известно... Ну, ее шерсть и прилипла к клею... Обезьянка испугалась, хотела соскочить с седла и убежать, а не может... Так ее охотник и поймал.

Девушка от души расхохоталась. Мальчик нахмурился. Девушка продолжала смеяться, и даже слезы выступили у нее на глазах. Наконец она перестала смеяться и смахнула слезы рукавом. Они въехали в город, и надо было внимательно вести машину.

— Чего ты? — резко спросил обиженный мальчик.

— Сколько тебе лет?

— Мне? Четырнадцать.

— А как тебя зовут?

— Смоленский Егор Иванович, — серьезно ответил мальчик.

— Ну и чудак же ты, Егор Иванович, — поверил охотничьим сказкам! — И девушка опять засмеялась.

При всей своей выдержке юный фронтовик не мог допустить, чтобы кто-либо посмел смеяться над его полковником или подвергать сомнению его слова. Мысль о

том, что Сапегин в госпитале просто хотел позабавить раненого мальчика веселыми охотничьими рассказами, не приходила Егору на ум. Мальчик не на шутку обиделся.

— Стой... Выпусти меня! — сердито сказал он.— Полковник Сапегин терпеть не мог зубоскальства... Знал бы — не садился!

— Сиди, сиди, скоро приедем. Я тебя куда надо подвезу, в леспромхоз.

Машина въехала на широкую улицу.

— Не хочу с тобой ехать! Ничего в охоте не понимаешь, а смеешься... Сама и в лесу-то, наверно, не была!

— Это я не понимаю в лесах? Да я хозяйка всех ореховых, яблочных и фисташковых лесов на этих горах! А знаешь, сколько всего в Киргизии одних только ореховых лесов? Сорок три тысячи гектаров!

— А почему вы не знаете полковника Сапегина? Ведь он тоже занимался лесами, — укоризненно сказал мальчик, почувствовав уважение к хозяйке лесов и снова переходя на «вы».

— Чего не знаю, того не знаю, а врать не стану. Даже не слышала. Впрочем, нет: слышала, что где-то на бывшем опорном пункте научно-исследовательского института, в районе ущелья Чак, Сапегин работал.

— Он в Джелал-Буйнаке должен быть. Мне бы его мать найти, — сказал Егор. И, озабоченно нахмурившись, спросил: — Так, говорите, обезьян в лесах нет?

— Чего нет, того нет. Это так же верно, как то, что меня зовут Лена Чукмасова. А обижаться не надо. Ишь, какой порох!

— А зачем ты смеялась?

— Потому что ты веришь сказкам для маленьких.

— Я не маленький. Если бы я был в армии еще месяц, меня бы в комсомол приняли как четырнадцатилетнего. Я уже все документы оформил, но не успел.

— Ну конечно, вы, Егор Иванович, бывалый фронтовик. А все-таки, Егорка, запомни: мое имя Лена Чукмасова. Как знать, может друзьями будем... Ну, вот и город. Вылезайте, товарищ Смоленский, приехали!

Егор вылез не спеша, стараясь держаться как можно солиднее.

— Какой ты еще маленький! — воскликнула Лена Чукмасова, увидев его небольшую, подтянутую фигурку рядом с огромным Барсом.

— Не беда! — небрежно пробасил Егор. — Кто захочет, тот и в четырнадцать лет мужчина, бездельник же и в сорок лет дитя... А за обезьянами я все-таки буду охотиться! — крикнул он задорно, потрясая кулаком вслед машине, исчезнувшей в облаке пыли.

В ПОИСКАХ ПОЛКОВНИКА САПЕГИНА

I

Августовское солнце затопило горячими лучами город и загнало людей в дома и в тень деревьев. Даже кошки прятались в тень, отдергивая лапки от раскаленной земли. Они на бегу потряхивали ими в воздухе, как будто сбрасывали приставший к ним жар.

Егору не терпелось поскорее разыскать полковника Сапегина. Уж очень часто, особенно в последние дни, он представлял себе, как обрадуется и изумится полковник Сапегин, увидев перед собой кавалера двух медалей, и, главное, не одного, а вместе с их четвероногим другом — Барсом.

Кроме того, в альпийском рюкзаке, висевшем на спине у Егора, был и подарок для полковника Сапегина: восемнадцатикратный бинокль, мечта всех охотников.

Именно такой сильный бинокль хотел иметь Сапегин, и фронтовые друзья послали ему этот подарок.

Многих расспрашивал Егор о своем фронтовом отце, но даже старожилы не знали, где живет полковник Сапегин. А как же его можно было не знать? Стоит полковнику только появиться в городе, и через неделю все мальчишки, как завороженные, будут ходить за ним по пятам — такой это замечательный человек.

Егор присел возле чайханы на базаре, и его тотчас окружили ребята. Они с восторгом рассматривали колодки медалей «За отвагу» и «За боевые заслуги», его военный костюм, портупею, сапоги и в особенности Барса, который не обращал на них никакого внимания. Они-то и посоветовали Егору поскорее зайти в адресный стол, пока это учреждение не закрылось на обед. Веселой гурьбой они сопровождали Егора.

Егору казалось, что он вот-вот встретит полковника Сапегина. Он то и дело поправлял портупею на плече и искоса поглядывал на колодки своих медалей. Хорошо было бы, конечно, иметь «Красную Звезду», но война окончилась раньше, чем он смог ее получить.

За несколько минут до закрытия вся ватага ввалилась в помещение адресного стола.

II

Пожилая, измученная жарой женщина рассердилась на Егора за то, что он ввел в комнату пса. Но все ребята дружно заступились за Барса, и женщина, махнув рукой, перестала спорить и, неприязненно глядя на Егора, дала ему листок бумаги. Егор заполнил листок, уплатил пятьдесят копеек. Женщина переспросила фамилию и ушла в соседнюю комнату. Она скоро вернулась и равнодушным голосом сказала, что «Максим

Иванович Сапегин не значится». Егор сначала не понял и не поверил справке. Он стал уверять женщину, что этого не может быть, но женщина пожала плечами и предложила Егору уйти, чтобы она могла запереть двери на обеденный перерыв. Егор, приученный к дисциплине, вышел.

— Ребята, а где заведующий адресным столом живет? — спросил он. — Надо проверить эту справку.

Черная от загара, худенькая девочка лет семи, в одних трусах, сказала, что «папа живет в этом же доме».

— Веди меня к нему! — решительно сказал Егор.

Девочка, с опаской оглядываясь на Барса, провела Егора во двор и позвала в дом.

Огромный дворняга, спавший в сенях, с лаем бросился на Барса, но тот мгновенно опрокинул его на спину и схватил за горло. Рычанье, визг, стук упавших досок, звон разбитой посуды и вызванный этим переполох вовсе не способствовали «выяснению». И все же заведующий, прогнав Егора с собакой во двор, после настойчивых просьб дочки и ребят смягчился и пошел сам проверять адрес. Возвратившись, он сочувственно развел руками и подтвердил, что Максим Иванович Сапегин действительно в Джелал-Буйнаке не значится.

Егор был потрясен. Его совсем не пугало, что станется с ним здесь, в незнакомом городе — он привык к самостоятельности, — но не случилось ли чего плохого с полковником Сапегиным? Или он работает где-нибудь в военном учреждении и поэтому, как военный, не значится в адресном столе?

Ребята сидели на корточках, сочувственно глядя на Егора.

— А ну, орлы, покажите, где райвоенкомат, — сказал Егор.

Ребята с готовностью бросились вперед.

В военкомате был только один дежурный. Он внимательно выслушал Егора, расспросил о полковнике Сапегине, долго рылся в бумагах и наконец сказал, что полковник Сапегин на учете не состоит и раньше, до войны, тоже не состоял.

Егор вышел на улицу. Он растерялся и не знал, что же теперь предпринять. Надо было что-то придумать.

— А ну брысь! — сердито закричал он ребятам, приставшим к Барсу, и те испуганно замерли на месте. — За службу спасибо, — устыдившись своей резкости, сказал Егор, — только не ходите больше за мной.

Он медленно побрел по обочине улицы без цели, просто так, куда глаза глядят, а рядом с ним шел Барс. Четвероногому другу передалось настроение мальчика. Осторожно ступая, он то и дело сочувственно заглядывал Егору в глаза, стараясь угадать его намерения.

III

Егор так задумался, что столкнулся с мальчуганом, шедшим ему навстречу. Громкие рыдания мальчика сразу прервали его думы.

— Чего ты гудишь, как паровоз? Я же не сильно толкнул тебя, — сказал Егор, не терпевший плакс.

Но мальчик плакал навзрыд. Все его маленькое тело содрогалось от рыданий. Он тер кулаком глаза и, сам того не замечая, растирал грязь по щекам.

— В чем дело? — примирительно спросил Егор, поняв, что мальчик плачет не от толчка.

Но тот, уловив нотку сочувствия в его голосе, заплакал еще громче.

— Хлопец, а ревешь, как белуга!

— Белуги не ревут, они рыбы, а я деньги потерял, — наконец вымолвил мальчик.

— Искать надо, а не плакать.

— Я искал... а Степка подошел, услышал, что я потерял, и смеется. «Врешь ты все, говорит, сам истратил на конфеты и притворяешься! Вот пойду, говорит, и расскажу, что сам видел, как ты конфеты ел...»

— Ну и брат у тебя! — посочувствовал Егор.

— Он не брат — Степка Пханов, — невразумительно ответил мальчик.

— Ты вот что, орел, — сказал Егор: — плакать перестань, а расскажи толком.

— Я не орел, я Толя!

Всхлипывая и размазывая по лицу слезы, Толя рассказал, что он потерял последние деньги. Его, как сироту, из дома для эвакуированных ленинградских детей взяла тетя Глаша. Она очень хорошая, он у нее как сын родной. Вчера она купила ему ботинки на рынке, дорого заплатила, и у них до получки осталось только сто рублей. Тетя Глаша послала его с последней сторублевкой в магазин за продуктами. Он эту сторублевку потерял. А Степка еще врет...

— Так ты из Ленинграда! — радостно воскликнул Егор, чувствовавший себя очень одиноким в этом чужом городе.

— Из Ленинграда.

Егору было и радостно от встречи с земляком и жалко этого обиженного мальчугана. Хотелось помочь мальчику, но как? Он засунул руки в карманы, ощупал шелестящие бумажки... Мелочь! Эх, была бы у него тысяча рублей! Есть, правда, сотня в левом кармане гимнастерки, так это «НЗ» — неприкосновенный запас на случай беды.

— А если мы поищем еще? — предложил Егор.

— Нет, нет. Их Степка нашел и взял.

— Пойдем заставим его отдать, — сказал Егор.

— Что ты! Он сын Мустафы Пханова. Он знаешь

какой! Он уже год, как бросил учиться в шестом классе. Он большой. Он хвастался Топсу, что у родного отца потихоньку тащит деньги из кармана. Если Степка нашел, то ни за что не сознается... А сам грозится: «Все узнают, как ты у Глафиры Николаевны деньги украл». А я их не крал... — Слезы снова покатились по щекам мальчика. — «Воров, говорит, учить надо. Не принесешь — отправят тебя в исправительный дом для малолетних преступников...»

Егор смотрел в огромные карие глаза мальчика, и столько было в них горя, незаслуженной обиды и беспомощности, что Егор мгновенно вынул из кармана деньги.

— Вот твои деньги, — сказал юный фронтовик и протянул свою последнюю сторублевку.

— Ну! — как вздох облегчения, вырвалось у мальчугана.

Он порывисто схватил деньги, разгладил свернутую вчетверо смятую сторублевку, развернул ее, осмотрел с обеих сторон и дрожащей рукой протянул деньги Егору обратно.

— Это не те, — еле слышно прошептал он: — на тех в углу чернильным карандашом было написано «сорок две тысячи».

Егор понял, что не так-то просто заставить честного мальчика даже в беде принять деньги, и ему еще сильнее захотелось помочь мальчику. Егор дружески хлопнул его по плечу и сказал с напускной грубостью:

— Брось меня разыгрывать! Значит, я твою только что разменял. Ты вот что: дают — бери, бьют — беги. Ну, чего на меня глаза пялишь? Что я, дурак, что ли, свои рубли всяким встречным-поперечным дарить? И вообще, раз старший приказывает, не рассуждай, а исполняй. А ну, суй деньги в карман! — И Егор схватил руку мальчика, зажал в ней сторублевку. — А теперь аллюр три креста — беги и покупай продукты.

Мальчик стоял, не спуская с Егора изумленного взгляда. Егору стало не по себе.

— А ну крой бегом, а то вот возьму и отберу назад деньги!

Мальчик молча протянул ему сторублевку.

— Спрячь! — сердито крикнул Егор. — И пошутить нельзя. Ну, кругом марш!

Мальчик вдруг покраснел, засмеялся и, поняв, что над ним не шутят, подскочил к Егору и крепко обнял его за шею. Егор смутился.

— А ну тебя! — вырываясь, с сердцем сказал он странно скрипучим голосом, потому что в горле у него запершило и сдавило.

Он махнул рукой и поспешно пошел вдоль улицы, потом вдруг обернулся и крикнул:

— А Степке Пханову скажи, что встретил своего земляка, ленинградца, бывалого фронтовика, и если Степка тебя пальцем тронет, ему непоздоровится!

В горле у Егора опять сжало, и он, резко повернувшись, зашагал дальше. Он брел неизвестно куда. За ним, понурив голову, брел Барс, всегда послушный и верный друг. А сзади стоял худенький тринадцатилетний мальчик с сияющим взглядом широко открытых карих глаз. Сжимая в руке сторублевку, он смотрел вслед Егору, и крупные слезы текли по его щекам, но это уже не были слезы горя.

IV

Егор долго бродил по опустевшим от жары улицам города и спрашивал о Сапегине. Но никто ничего не знал. Стало так жарко, что даже самые злые хозяйские собаки, не пропускавшие без лая ни одного чужого пса, и те забились в темные углы и молчали.

Егор шел все вперед и вперед и наконец попал в городской парк. Здесь росли большие деревья, густые кусты, журчали арыки, повсюду раздавались веселые голоса ребят и их задорный смех. Егору хотелось отыскать укромное местечко, где бы никто не мешал ему подумать. Он свернул с большой дорожки и пошел по траве в густые заросли. А подумать Егору было о чем. Ведь он ехал с Барсом в Джелал-Буйнак в полной уверенности встретить здесь своего фронтового отца. И вдруг полковника Сапегина нет, да и не было в этом городе. Произошла какая-то ужасная ошибка. Но как это случилось и что предпринять?

В жизни каждого командира есть очень ответственный и важный момент, когда командир, прежде чем отдать боевой приказ войскам, принимает боевое решение. В боевом приказе есть параграф 4, который начинается словами: «Я решил»...

«...Я решил... я решил... я решил», настойчиво твердил самому себе Егор, с силой раздвигая руками упругие ветки кустов, как будто стоило только устранить их с пути — и перед Егором сразу бы открылось решение вопроса. Но дальше слов «я решил» Егор ничего не мог придумать. И вдруг за кустами кто-то отчетливо и громко произнес эти же самые слова:

— Я решил.

Егор замер в недоумении на месте. Это было не эхо. Но вот опять слышен тот же самый голос:

— Я решил двигаться вот так.

Кто-то запротестовал.

Егор осторожно раздвинул ветки и увидел четырех мальчиков. Они сидели под кустом, по-киргизски поджав под себя ноги, и так горячо спорили, что не заметили Егора.

Один из них, высокий, худощавый, с длинным, узким лицом, одетый в серые брюки и синюю майку, был стар-

ше других. Он потрясал листом бумаги. Егор тотчас прозвал его про себя «Главным». Были еще «Красная майка» — толстый мальчик с таким румянцем на щеках, что даже густой загар не мог погасить его. Был еще «Белая майка» — худощавый, подвижной маленький киргиз, и «Зеленая майка» — мальчик с порывистыми движениями, горячий спорщик. Между ними на земле, очищенной от травы, виднелись свежепрочерченные линии и лежали камешки.

Егор подумал, что ребята играют. Но он ошибался. Это была не игра. Ребята спорили о местонахождении какого-то пункта в горах. «Главный» нетерпеливо взял щепку из рук толстяка, засыпал землей проведенную толстяком линию на земле и сказал:

— Вот что значит плохо учить географию! Андижан здесь. — Он положил перед собой белый камешек. — Дальше на восток — граница между Узбекской и Киргизской республиками. — Мальчик прочертил линию. — Наш Джелал-Буйнак вот здесь, — он положил второй камешек, — а дикое ущелье реки Чак находится от нас километрах в ста, вот здесь, — и он провел щепкой борозду. — А нам надо попасть в ущелье реки Алматала. Это северный приток реки Чак, там таких притоков десятки, и поэтому вы всё путаете... В горной долине Алматала, ближе к истоку реки, и находится Пчелиный город на Ореховом холме.

Спорщик «Зеленая майка» не дал ему продолжать. Он молча вырвал щепку из рук «Главного». Но тот так же молча отнял ее обратно. Тогда спорщик пальцем прочертил на земле другую линию.

— Здесь, — крикнул он, — а не там Пчелиный город!

Толстяк «Красная майка» громко зевнул и сказал:

— Зачем спорить? Я же дал план: ущелье вот здесь. — И он прочертил пальцем новую линию.

— Не смей портить чертеж! — сердито закричал «Зеленая майка».

— Может быть, ты неправильно срисовал план? — сказал «Главный», обращаясь к «Красной майке».

— Нет, правильно, — упорствовал толстяк, вытирая пот с лица.

— Значит, план неправильный.

— Нет, правильный. Я рисовал с пхановского плана. А он заведует ларьком колхоза «Свет зари» и знает все земли своего колхоза в ущелье Чак, знает самый близкий туда путь и, уж конечно, где Пчелиный город на Ореховом холме. Он ведь для своего Степки достал этот план. А Степка собирается туда итти со своими ребятами.

— Ну и лентяй же ты, Топс! — рассердился «Зеленая майка». — Гарун сказал: «Пусть Топс зайдет ко мне, возьмет копию плана, и мы наметим по этому плану маршрут». А ты?

— Честное пионерское — план самый точный! — оправдывался толстяк Топс.

— Перестаньте спорить! — повысил голос «Главный». — Смотрите, я накладываю этот план на землю, и все получается правильно.

— Вот и неправильно, — сказал «Зеленая майка». — Пчелиный город на Ореховом холме находится на юге. На нашей карте он отмечен крестиком, а крестик должен быть на южной стороне.

— Нет, крестик на северо-западе, — решительно возразил «Красная майка».

— А я говорю, крестиком надо повернуть на северо-восток и даже на север, — вмешался маленький киргиз, — я знаю.

Они снова закричали все сразу, не слушая и перебивая друг друга. Только и слышалось: «Север, северо-запад, восток, юг!»

— У вас карта не ориентирована, — вмешался в их спор Егор, которому захотелось помочь ребятам.

Ребята мгновенно замолчали и обернулись к Егору. Они с изумлением и недоверием смотрели на незнакомого мальчика в военном.

— Вы вертите свой план во все стороны, — сказал Егор,— а его надо той стороной, где буква «С», повернуть на север, и тогда сразу все станет ясно. — Он подошел ближе к мальчикам, взглянул на схему карты, лежавшую на земле, и свистнул: — Топографы! У вас даже не указано на карте, где «С» — север! Но это легко поправить. Дайте мне схему. — И он протянул руку.

«Зеленая майка» быстро схватил схему и спрятал ее за спину.

— А ну сматывай отсюда! Катись подальше, да поживей! Нечего подслушивать! Учитель нашелся! Сами ученые! — крикнул он.

Толстяк, приоткрыв рот, испуганно смотрел на Егора.

— Ты кто? Откуда? — удивленно спросил «Главный».

Но Егор даже не ответил ему. Егор рассердился. Он ведь по-товарищески хотел помочь этим чудакам.

— Очень мне нужны ваши секреты! — с достоинством ответил Егор. — Мне военные тайны доверяли на фронте! — И он решительно шагнул назад.

Ветки кустов сомкнулись.

V

Недалеко за кустами Егор увидел фонтан и решил напоить Барса. Возле фонтана было шумно. Дети толпились вокруг курчавого мальчика со скворцом.

— Сумасшедший, ты его утопишь, он захлебнется! — в отчаянии кричали девочки, хватая мальчика за руку, которую он то опускал в воду, то поднимал.

Мальчик хохотал, отталкивая локтями и ногами облепивших его девочек.

При появлении Барса, подбежавшего к воде, одни ребята с визгом отскочили, другие, осторожно пятясь, отошли подальше. Но пес не обращал на них внимания. Он влез в чашу и с удовольствием погрузился до ушей в прохладную воду.

Егор тоже припал губами к чистой струе, вытекавшей изо рта бронзовой змеи. Напившись, он снял сапоги и опустил разгоряченные ноги в канавку, куда стекала вода из переполненной чаши.

— Разве это фонтан! — сказал Егор, щуря глаза на обступивших его любопытных ребят. — Вот у нас, это да! — И Егор с увлечением стал рассказывать о знаменитых ленинградских фонтанах.

Курчавый мальчик со скворцом отбежал в сторону.

— Ну Павлик, ну отпусти, ну Павлик! — просили его девочки.

Но мальчик то подбрасывал в воздух скворца, привязанного тесемкой за ногу, то тянул его за эту тесемку вниз. Дети вырывали птицу друг у друга.

— Сейчас же отпусти скворца на волю! Перестань птицу мучить, живодер! — крикнул Егор мальчишке.

— Моя птица — что хочу, то с ней и делаю,— упрямо возразил мальчишка.

Егор бросился к нему и, прежде чем тот успел оправиться от неожиданности, вырвал из его рук скворца.

— Отдай, отдай! — отчаянно закричал мальчишка, цепляясь за руку Егора.

Но тот высоко поднял птицу в левой руке над головой. Мальчишка подпрыгнул, не достал, упал, тут же вскочил и завопил:

— Рома, Рома!

Никто не отозвался. Мальчишка стремительно бросился прочь.

Взъерошенный скворец с открытым клювом сидел на пальце Егора, крепко впившись коготками, и закатывал глаза от усталости. Егор отвязал веревочку с его ноги, вскинул руку вверх. Скворец не хотел улетать.

Егору пришлось подбросить птицу. Скворец стал падать, а потом взлетел и сел на сук. Девочки радостно закричали. Скворец встряхнулся и принялся чистить клювом распушенный хвост.

VI

— Ты что это делаешь? — раздался рядом крик.

И не успел Егор обернуться, как его толкнул налетевший мальчишка — «Зеленая майка», тот высокий, худощавый паренек лет четырнадцати, который спорил о карте в кустах и так грубо прогнал его.

— А тебе что? — удивился Егор.

— Это он, Рома, он! Он! — твердил Павлик, прибежавший вместе с «Зеленой майкой».

— Это мой брат, ясно? — сказал «Зеленая майка». — И скворец его. А ты хулиган, вот ты кто. Отдай скворца!

— Возьми, — насмешливо сказал Егор и показал на дерево.

— Нет, ты полезь и достань! — закричал «Зеленая майка».

— И не подумаю, — ответил Егор. — Это ты научил брата мучить птиц?

— Павлик гнезда «дерет»! — хором закричали девочки.

— Павлик филина замучил, — важно сказала маленькая девочка.

— Замолчи! — сердито крикнул ей «Зеленая майка».

— Не замолчу, — храбро ответила девочка, придвинувшись к Егору. — Павлик живодер.

— Живодер, живодер! — громко, в один голос закричали девочки.

— Если ты и достанешь скворца, я не позволю твоему брату мучить птицу, — предупредил Егор.

«Зеленая майка» передернул плечами и полез за скворцом на дерево. Птица сидела на ветке, нисколько не боясь ребят, и чистила клюв.

— Дурак! — вдруг невнятно сказал скворец и повторил: — Дурак!

Все ребята замерли от неожиданности.

— Он ученый, он говорит! — закричали девочки.

Егор подбежал к дереву и схватил «Зеленую майку» за ногу. Тот дернул ногой и сбил пилотку с головы Егора.

Но в это время прибежал высокий, худощавый мальчик с длинным лицом, тот самый «Главный».

— Не надо драки, — сказал он, хватая Егора за рукав. — Ромка, слезай!

Егор рванулся. «Главный», не поняв его движения, схватил Егора сзади обеими руками. Тогда, взметнув воду, из фонтана выскочил Барс. Шерсть его на загривке вздыбилась. Он с яростным рычаньем устремился на обидчиков своего хозяина. Ребята разбежались во все стороны.

— Фу! — отчаянным голосом закричал Егор, стараясь остановить разъяренного пса.

Но Барс не слушался. Егор всем телом упал на пса и схватил правой рукой за ошейник. Барс потащил его за собой по траве, вырвался и помчался за «Главным».

— Фу, фу, ко мне! — кричал на весь парк Егор.

Он вскочил и побежал вдогонку за собакой.

«Главный» сделал отчаянный прыжок, стараясь ухватиться за ветку, но промахнулся и упал.

Егор мчался, не чуя под собой ног. Он знал, на что был способен разъяренный пес. Барс сбил с ног «Глав-

ного» и вдруг отскочил от него. Ребята в ужасе наблюдали за собакой.

Егор в изумлении остановился.

Пес подпрыгнул на месте, обежал лежавшего мальчика кругом и осторожно обнюхал. Потом он припал грудью к земле, игриво отскочил в сторону, снова припал грудью к земле и глухо залаял. Так он обычно лаял от радости.

— Как зовут твою собаку? — неожиданно спросил лежавший.

— Барс.

— А хозяин этого пса был не Борис Ладыгин?

— Борис Ладыгин, — подтвердил Егор, до сознания которого никак не доходило, почему этот мальчик знает имя прежнего хозяина Барса.

— Борис Ладыгин — это я! — сказал мальчик вставая, и голос его задрожал от волнения.

— Ты Борис Ладыгин? Ты, ты? — спросил изумленный Егор, никак не ожидавший встретить здесь, в Средней Азии, ленинградского мальчика, отдавшего своего четвероногого друга для защиты Ленинграда.

— Он Борис Ладыгин! — громко и дружно закричали все ребята и обступили со всех сторон обоих мальчиков, стоявших возле собаки.

— И ты отдал этого Барса в армию? — спросил Егор, все еще не в силах поверить ему.

— Отдал.

— А кто тебе писал из армии о собаке? — недоверчиво спросил Егор, которым снова овладели сомнения.

— Мне писал старший лейтенант Сапегин, — быстро и уверенно ответил Борис. — Он был на Ленинградском фронте.

— Верно! — воскликнул Егор. — Что верно, то верно. Максим Иванович был тогда старшим лейтенантом. Вот здорово, вот история! Ну кто бы подумал, что ты встре-

тишься со своим бывшим псом в Джелал-Буйнаке! Вот чудо!

— Чудо! — тихо отозвался Борис.

Кольцо ребят вокруг них сузилось.

— Барс! Барсенька, Барсучок! — воскликнул Борис и бросился к собаке.

— Осторожно! — крикнул Егор. — Он тебя почти забыл, а чужим не дает гладить... Осторожно!

Но Борис уже стоял на коленях возле собаки, обняв ее обеими руками, и, прижавшись головой к морде Барса, что-то шептал. Егор, готовый броситься на выручку, не спускал глаз с притихшего, растерянного Барса.

Маленький киргиз «Белая майка» бил кулаком о кулак и, сверкая глазами, кричал:

— Ай, как хорошо! Ай, как хорошо!

А на ветке шелковицы сидел скворец, и крылья его трепетали от радости, как это бывает ранней весной утром, после холодной ночи, когда он вещает новый пламенеющий, пьянящий жизнью день.

VII

— Что же ты теперь будешь делать? — спросил Борис Ладыгин, когда Егор окончил рассказ о себе.

Они сидели рядом на краю каменного водоема. Возле их ног лежал Барс, а за ним на траве сидели мальчики и девочки.

Егор наморщил лоб. Его взгляд выразил беспокойство. Без полковника Сапегина жизнь ему казалась какой-то ненастоящей. А что же теперь с ним будет? Егор промолчал.

Тогда посыпались советы:

— Учиться в ремесленном!

— А почему не в Суворовском? — спросил кто-то.

— Осенью поработает в колхозе, а зимой будет учиться.

— Ему надо в семью...

Советы эти были не очень-то нужны Егору. До Ташкента он ехал вместе с демобилизованным офицером из их части, капитаном Маловым, которому и поручили доставить Егора к полковнику Сапегину. И только настойчивость самоуверенного Егора и уверения в том, что «тут близко, я не маленький, сам доберусь», привели к тому, что в этом городе он очутился один. При желании Егор мог бы вернуться к Малову в Ташкент. Капитан любил воспитанника их части и, конечно, устроил бы его жизнь, но возвращение к Малову казалось мальчику отступлением, изменой Максиму Ивановичу Сапегину. Поэтому Егор даже не рассказал ребятам о Малове.

В глазах ребят юный фронтовик увидел столько горячего сочувствия, что ему сразу стало легче. Вот уж не думал Егор попасть в такое положение! Но трудности всегда только раззадоривали его воинственную натуру. Страстное желание во что бы то ни стало разыскать своего фронтового отца безраздельно овладело всеми помыслами и чувствами Егора.

— Буду искать полковника Сапегина, — сказал он твердо. — Буду искать, пока не найду! Понимаешь, мне без него жизни нет. Я дал слово приехать к нему. У него и так беда с рукой, а вдруг он тяжело заболел и некому помочь? Мне его надо найти. Это же мой фронтовой отец, понимаешь! Он меня не раз от смерти спасал... Теперь, после войны, мы сначала отдохнем с ним, поохотимся в лесах на обезьян, а потом зимой я буду учиться.

— Обезьян?! — задохнулись от восторга ребята.

— Да, будем охотиться за обезьянами, за барсами, за медведями и за дикими козлами для зоологических садов. — Егор помолчал. — Я должен разыскать полковника Сапегина, тики так. — Так в его скороговорке про-

звучало украинское выражение «тильке так» — только так.

— Тикитак! — повторил Борис, которому понравилось новое слово.

— Тикитак! — повторили за ним ребята.

И это слово запрыгало, как мячик, перелетающий со стороны на сторону:

— Тикитак! Тикитак! Тикитак!

— Тики так, — задумчиво повторил Егор.

В наступившей тишине густо зажужжал шмель.

— Придумал! — воскликнул Борис вскакивая. — Наше пионерское адресное бюро поможет. Кто нашел Лялину маму? Помните? Все говорили — приехала, приехала, а никто не знал где. А она на вокзале лежала больная. Мы ее нашли. А кто разыскал Тиму Савинова и Олю Равич в соседних кишлаках, когда приехали их родные? Кто? Пионеры!

Ребята вскочили. Каждый восторженно кричал что-то свое.

— Тише! — нетерпеливо крикнул Борис.

Ребята притихли.

— Неужели мы, — воскликнул Борис, — не разыщем в городе одного человека, его фронтового отца? — Борис показал на Егора. Стало совсем тихо. — Да если мы пойдем сейчас в город, да по своим улицам, да к знакомым ребятам и попросим их помочь, да по соседям и все будем спрашивать о полковнике Сапегине, то не только полковника, а если он потерял пуговку, то и ту отыщем.

— Хлопцы, — обрадовался Егор, — полковник Сапегин из себя невысокий, стройный, а когда сердится, то шевелит маленькими черными усами. Да его на второй день после приезда вся улица бы знала... А глаза у него светлые, и левая рука ранена.

Ребята, толкаясь, бросились к выходу из парка.

В парке остались четверо: Егор, Борис, Ромка и младший брат Ромки — «живодер Павлик».

— Вот видишь, — с воодушевлением сказал Борис, — а ты совсем было скис. А еще фронтовик!

— Мировые ребята! — с восторгом отозвался Егор, глядя вслед мелькавшим майкам. — Да если они найдут полковника, я последнюю рубаху отдам!

— А Барса? — вдруг спросил Павлик.

— Что ты! — сказал укоризненно Егор. — Я же его везу полковнику Сапегину! Я Барса под расписку взял.

— Барс не твой, — напомнил Павлик, сердито глядя на Егора.

Борис и Егор покраснели, но притворились, что не расслышали слов Павлика. В самом деле, кому же теперь должен принадлежать Барс?

Борис Ладыгин сидел на краю каменного водоема, любовно поглядывая на Барса, лежавшего у их ног, и думал о том, что никогда не узнал бы он Барса, если бы собака не узнала его первая. Ведь он помнил Барса совсем иным, почти щенком, веселым, игривым, а теперь у пса и следа не осталось от былой игривости и нежности.

— А демобилизованные собаки возвращаются к своим прежним владельцам? — спросил Борис.

В глазах мальчика Егор увидел выражение дружеского доверия. Стоило Егору сказать «не возвращаются», и Борис не стал бы спорить. Но Егор не мог соврать.

— Не знаю, — только и сказал Егор и вдруг понял, как ему дорог Барс.

— Ага, ага! — злорадно закричал Павлик.

— Ну ладно, — вдруг сказал Борис, — пусть будет так, как решит Сапегин!

— Люблю боевых! — с восторгом сказал Егор.

И Борис, не раз пытавшийся попасть на фронт, правильно понял это определение: «боевой» — как «смелый»,

«щедрый», «готовый поступиться самым дорогим», «настоящий друг».

Пальцы Егора, нервно сжимавшиеся в кулак, нащупали в кармане брюк небольшой предмет.

— Хочешь? — спросил Егор и протянул Борису маленький черный пистолет.

— Маленький браунинг! — воскликнул Борис.

Егор нажал спуск. Пистолет щелкнул, и на нем сверху, посредине, зажегся огонек.

— Пистолет-зажигалка, — объяснил Егор. — Кто не знает, думает — настоящий.

— Ну что ты! — вспыхнул Борис. — Такой подарок! Разве можно такую вещь взять?

Егор насильно взял правую руку Бориса, зажатую в кулак, раскрыл сжатые пальцы и сунул в ладонь пистолет-зажигалку.

— Чур, друзья, — сказал Егор.

— Мне нечем будет отдарить, — смущенно ответил Борис.

— Вот еще! — сказал Егор, сразу придя в отличное расположение духа. — Почему не сделать человеку приятное, если можешь? Я и тогда хотел вам помочь насчет карты, а вы сразу: фрр... фрр... Что там у вас за тайна такая?

— Ох! — вскочил Борис, прижимая браунинг к груди. — Ведь я совсем забыл! Мне же надо быть в половине второго в одном месте! Понимаешь, в этом нет никаких секретов, но... — Он замолчал. И, заметив обиженное выражение лица Егора, добавил: — Вечером расскажу. Ромка, бежим скорей к Гаруну!

С этими словами Борис и Ромка побежали к выходу. Павлик побежал было за братом, потом остановился и крикнул Егору через плечо:

— А Барса у тебя все-таки заберут!

— Беги, беги! — насмешливо сказал ему Егор.

— Все равно отберем... через милицию, — сказал Павлик. Он захохотал и поскакал на одной ноге из парка.

Егор заложил четыре пальца в рот и оглушительно свистнул.

Мальчишка чуть не упал от неожиданности и припустил во всю мочь.

VIII

Егор обвел глазами опустевший парк: скворец, и тот улетел.

Юный фронтовик присел на корточки возле лежащего Барса и, наклонившись к нему, прошептал:

— Не бойся, никому не отдам!

Барс понюхал руку мальчика и лизнул ее.

— Есть хочешь? — шепнул Егор.

Барс зашевелил хвостом, встал, потянулся и визгливо зевнул.

Егор снял с плеч рюкзак, вынул оттуда замотанное в свитер, разложенное надвое охотничье ружье, вынул футляр с биноклем, мешочек с полотенцем, зубным порошком и щеткой и опустевшие пакеты из-под продуктов. Мальчик обеспокоенно пошарил на дне рюкзака, вытащил несколько маленьких кусочков сухарей и протянул их Барсу. Тот слизнул сухарики.

Егор нахмурился. Сам он мог и поголодать, но заставлять голодать Барса было недопустимо.

— Пойдем на рынок! — громко сказал Егор, сунул привычным движением пальцы в левый нагрудный карман гимнастерки и денег там не нашел.

Он стал торопливо вынимать из карманов документы и вдруг вспомнил ленинградца Толю.

Егор свистнул Барсу. Пес мгновенно вскочил. Маль-

чик сунул все выложенное из рюкзака обратно, забросил рюкзак за спину и зашагал со своим четвероногим другом в город по улице, зажатой между двумя высокими накаленными глиняными заборами, все так же пышущими солнечным жаром.

Улица была безлюдна и пустынна. Даже воробьи не прыгали на дороге. Егор миновал немало запертых ворот, когда его взгляд скользнул по вывеске «Джелал-Буйнакский леспромхоз». Егор машинально повторил название вслух и вдруг остановился. Сердце его забилось сильнее. Он быстро соображал. Полковник Сапегин ведь работал и охотился в лесах. Уж где-где, а в леспромхозе должны были знать о нем. Если здесь и не скажет один, так другой наверное знает. Спрос не беда.

ГДЕ ЖЕ ПОЛКОВНИК САПЕГИН?

I

Егор быстро открыл калитку и вошел во двор. Три пса спали у крыльца в тени деревьев. Они сейчас же подняли головы и насторожили коротко обрезанные уши.

— Барс, там лечь! — сказал Егор, показывая Барсу на дерево, стоявшее у ворот снаружи.

Барс послушно вышел на улицу и сел в тени шелковицы у ворот. Егор не без трепета прошел мимо могучих собак, покрытых множеством шрамов, но они опустили головы и даже не взглянули на него.

Егор подошел к дому.

На стук никто не отозвался. Егор толкнул дверь рукой, и она со скрипом отворилась. Он вошел в сени. Здесь было прохладно и пахло лекарствами, с потолка свисали

пучки сухих трав. Первая комната была уставлена шкафами и образцами спиленных древесных стволов.

— Есть кто? — позвал Егор.

Никто не отозвался. Только монотонно жужжали мухи под потолком. Во второй, очень большой комнате, где стояли письменные столы, а на стенах висели карты, Егор увидел старуху.

— Пошел, пошел! — Она сердито замахала руками на Егора.

— Мне надо начальника, — решительно заявил Егор.

— Начальника ему, ишь ты! Если пакет, я приму. Вот еще неугомонный!

— Мне надо поговорить с начальником, и сейчас же, — настаивал Егор.

— Как же, будет он с тобой говорить! Сейчас перерыв, он отдыхает! — И старуха махнула рукой на домик, стоявший во дворе.

Егор направился к домику. Но и здесь на его стук никто не ответил. Егор слегка приоткрыл дверь, просунул голову и в полутемной комнате с окном, завешенным одеялом, разглядел на ковре, среди подушек мужчину, спавшего в одних трусах. На стене висели охотничьи ружья, кинжалы, рога диких козлов и чучело кабаньей головы с огромными белыми клыками.

Егор вошел в комнату. Но из угла к мальчику молча бросилась большая собака с обрезанными ушами и хвостом. Егор отскочил за дверь и захлопнул ее. Собака залаяла.

— Кто там? — послышался недовольный, сонный голос.

— Это я, Смоленский Егор Иванович!

— Кто, кто?

— Егор Иванович Смоленский, по делу.

— Сейчас перерыв... По какому делу?

— По личному.

— Ну, заходите. Флейта, на место! Входите!

Мальчик осторожно вошел в полутемную комнату и направился к мужчине.

Собака улеглась в углу, положив голову на лапы, и не сводила глаз с Егора.

— А ты откуда, клоп? — спросил мужчина, глядя с изумлением на Егора.

— Я и есть Смоленский Егор Иванович.

— А-а-а-а... Ну, садись на подушку... Впрочем, лучше на ковер — на подушке жарко, как на сковородке. Чай будешь пить?

И, не дожидаясь согласия, мужчина протянул руку к подносу на низеньком круглом столике и налил из чайника густого, почти черного чаю в две разрисованные пиалы.

— Пей, — сказал он Егору и сам шумно и быстро выпил, почти проглотил, чай так, что у него в горле забулькало, и, схватив с ковра полотенце, вытер им широкое потное лицо, бритую голову и шею.

Егор осторожно взял пиалу, напомнившую ему домашнюю полоскательницу, отпил несколько глотков теплого, вяжущего чая и молча поставил на столик.

Тут только он заметил, что светлая полированная поверхность столика покрыта красивыми узорами. Он дотронулся до них пальцем.

Мужчина со снисходительной ласковостью смотрел на мальчика.

— Жара... сил нет... И как только ты шел по этому пеклу?.. Да, столик неплохой... из орехового наплыва — есть такие наросты на ореховых деревьях. Человеческая фантазия не придумает такого узора... Что же ты не пьешь?

Егор, чтобы не показаться невежливым, выпил несладкий, горьковатый чай.

— Ну, так по какому делу тебя послали?

— У меня вот какое дело. Вы случайно полковника Сапегина не знаете?

— А что?

Егор поставил на столик пустую пиалу.

— Я из армии. Его воспитанник. Полковник Сапегин мой фронтовой отец. Его раненого отправили из части в госпиталь. Он писал и звал меня сюда. Я приехал, а нигде не могу его найти. В адресном был — не значится. В военкомате был — тоже нет. Нигде нет. Он и охотник и много работал в лесах, ну я и решил наведаться к вам в лесничество. Может быть, знаете?

— Сапегин, Сапегин, — задумчиво твердил хозяин, уставившись на пиалу. — О нашем Сапегине, зубном враче, и говорить не приходится — стар, холостяк, а твой молодой. Знаю я одного Сапегина в Ташкенте...

— Мой Сапегин местный, агроном-садовод, из Джелал-Буйнака. Рассказывал, что перед войной часто в горах охотился. Вы же охотник — охотник охотника всегда знает. Вы должны его знать.

— Не слыхал, брат. Я здесь второй год. Тоже из госпиталя... А ты ему что же, родственник?

— Да нет же, я воспитанник его был на фронте! Вместе воевали, а сейчас демобилизовался и приехал к нему с Барсом.

— С кем?

— С его собакой. Барсом зовут.

— А где она, во дворе? — обеспокоился хозяин.

— Нет, на улице.

— Ну, это хорошо. А то у меня, брат, во дворе зверовые собаки. Они не только собаку — медведя берут.

— Барс себя в обиду не даст.

— Да ну! — сразу заинтересовался хозяин. — А какой породы?

— Овчарка. Барс и мины искал, и донесения носил,

и раненых искал, и фашистов ловил. Он превосходно ходит по следу. Ух и пес!

— Да что ты с ним делать будешь? Его и прокормить дорого, и связывает он тебя. Может, уступишь мне? Такой мне нужен. Я бы за ценой не постоял.

— Что вы! Барс полковнику Сапегину жизнь спасал.

— А мне бы такая собачка очень пригодилась, а то на последней охоте двух собак потерял. Секач запорол клыком. Может, уступишь хоть на время, пока будешь искать своего полковника?

— Нет! Фронтовой друг — нельзя!

— Что же ты лепешку в руке держишь и не ешь?

Егор смутился:

— Я вам скажу правду: Барс с утра ничего не ел, надо его покормить. Я, если разрешите, ему дам.

— Ешь, не стесняйся. Этих лепешек да холодной свинины тебе и ему хватит... Вот ты какой! Молодец! Люблю таких! А ведь попадаются твои однолетки, да такие, что не только о других позаботиться, а и себе ладу не дадут! Все им подай, да убери за ним, и то не так и это... Мой племяш такой. У сестры он один, вот она и портит парня. Дала бы мне на выучку, я бы его научил и обед сварить, и белье постирать, и прореху зашить, и костер разжечь, и землянку построить. Научил бы стрелять, грести; ездить верхом, ходить, плавать — словом, сделал бы охотником. А ты умеешь все это?

— Я же охотник, — ответил на это Егор. — Я, если надо, и мост построю.

— Ну-ну, не заливай, брат!

— Я ведь в саперной части был, всему научился, — пояснил Егор. — Если что надо смастерить там, починить, забор или что другое, я вам в два счета сделаю. Дайте только материал да скажите, где строить. За еду отработаю.

— Ну, ты эти разговорчики брось! Нехорошо. Как же не помочь бывшему фронтовику, да еще охотнику! Сам на фронте был. Пора тебе уже понимать людей, если фронтовиком себя считаешь.

Егор опять смутился и покраснел. Хозяин понял его состояние, лукаво улыбнулся и спросил:

— А у тебя охотничье-то ружье есть?

— А как же! — оживляясь, сказал Егор. — У меня двадцатка. Мне полковник Сапегин подарил.

— А ну покажи, — сказал хозяин.

Егор быстро снял рюкзак с плеч, потом нерешительно посмотрел на собеседника.

— Не бойся, не возьму, — засмеялся тот.

— А знаете, сколько на него охотников было! — горячо откликнулся Егор. — Мне, по представлению полковника Сапегина, Военный совет армии бумагу дал, что я награжден этим ружьем. В вагоне ко мне один пристал — отдай, говорит, а то в милицию заявлю... Ну, и заявил. А в милиции говорят: нет такого закона, чтобы несовершеннолетние оружие имели. Молодой еще! Спасибо, военный комендант вокзала помог. А то совсем было отобрали.

— Знатное у тебя ружьецо! — сказал хозяин, бережно беря стволы, приклад и складывая ружье. — Патроны есть?

— Мало, — с огорчением сказал Егор. — Штук тридцать. Тяжело было тащить.

— Тридцать штук — это по нашим охотам на птицу чепуха! На одну охоту надо иметь сотню патронов. Видишь сундук в углу, возле шкафа?

— Вижу.

— Пойди открой и выбери оттуда все патроны двадцатого калибра. Они мне ни к чему. У меня теперь ружье другого калибра.

II

Егор бросился к сундуку. Собака мгновенно вскочила.

— Лежать! — закричал ей хозяин.

Егор торопливо поднял крышку сундука, окованного железом. Вот где было настоящее охотничье богатство: коробки с порохом, десятикилограммовые мешочки с различными номерами дроби и, кроме того, много патронов. Все лежало в полном порядке, и Егор без труда нашел в одном из отделений патроны двадцатого калибра.

— Их здесь очень много! — сказал он нерешительно.

— Бери, сколько унесешь, а выстреляешь, еще придешь.

Егор взял штук пятьдесят.

— Что так мало? — удивился хозяин.

— Раз вы про полковника Сапегина не знаете, значит никто не знает. Видно, придется много ходить, пока я найду его, а патроны — они тяжелые... Пойду еще в райком партии. Может, там значится.

— В райкоме не значится, — сказал хозяин. — Это я твердо тебе могу сказать. Я член бюро райкома и знаю всех коммунистов в районе.

— Полковник Сапегин охотник, — не унимался Егор. — Может, он не в городе, а охотится в горах, как собирался. Он рассказывал мне, что леса здесь удивительные. И зверя много, и птицы, и фруктов... Просто мечта охотника.

— Да, брат, плодовых лесов у нас много: и орехов, и яблок, и фисташек, и груш, и алычи... И не отдельными деревьями. Большие леса. Десятки тысяч гектаров... Собираем, а рук нехватает, и сколько еще пропадает этого добра зря!.. Дикие кабаны на этих яблоках да орехах отъедаются... Видишь эти рога на стене? Это лесная

косуля. А вон та морда — это кабан-секач. Он своим клыком мгновенно перерубил ногу моему коню, а когда я упал, пропорол мне голень.

— Скажите, — с надеждой в голосе спросил Егор, — а обезьяны есть?

— Обезьяны? Обезьяны... Люди говорили, что встарину где-то южнее были, а сейчас никто не видел... А почему тебя именно обезьяны интересуют?

Дверь распахнулась, и в комнату, тяжело дыша и утирая пот с круглого лоснящегося лица, вошел полный мужчина в белом.

— Как! — воскликнул он. — Ты еще не готов? А я за тобой. Ведь мы же опаздываем!

— Ох, прости, брат! Заговорился! Познакомься с моим тезкой, бывалым фронтовиком и к тому же охотником — Егором Ивановичем.

Егор поспешно вскочил и так крепко пожал руку вошедшему, что тот невольно дернул ее назад.

— Тише ты, медвежонок, — сказал он, — пальцы сломаешь!

Лицо Егора против его воли расплылось в довольной улыбке: он ждал этих слов удивления и восхищения своей недетской силой. Дело было даже не в силе рукопожатия, но в уменье захватить в ладонь косточки суставов пальцев чужой руки и прижать их одну к другой.

— Вот ты какой! — удивился гость и, вынув для себя папиросу, протянул серебряный портсигар мальчику.

— Не курю, — не без гордости сказал Егор.

Это был его второй козырь. На фронте было немало всяких искушений для мальчика, который жил среди взрослых мужчин, лишенных семьи и детей. Все его баловали. Но с дружеской помощью полковника Сапегина Егор научился правильно понимать многое и стал серьезнее своих сверстников.

— И правильно делаешь, что не куришь! — сказал гость, громко захлопывая портсигар.

Хозяин надел белые брюки, безрукавку, сунул ноги в сандалии, на голову надел тюбетейку и пошел к двери. Там он обернулся и сказал:

— А ты, Егор Иванович, сиди здесь и жди меня. Я через час буду. Что-нибудь вместе, глядишь, и придумаем... Кстати, ты не слышал о садоводе Сапегине? — спросил он пришедшего.

— Сапегин? Садовод? Слышал... Он работал в наших киргизских лесах, не то в горах северо-восточнее Намангана, не то в районе гор Узун-Ахмат-Тау... Ну, пошли.

— Значит, в районе реки Чак, в пчеловодной лаборатории колхоза «Свет зари», где работают Искандер и Василий Александрович? — допытывался начлеспромхоза. — Там был опорный пункт научно-исследовательского института, и там работал какой-то Сапегин, я теперь припоминаю.

— Сапегин мне так и говорил: приезжай в Джелал-Буйнак, найдешь! — радостно воскликнул Егор, сразу воспрянувший духом.

— Для наших мест такого адреса маловато, — сказал гость. — У нас до тридцати рек называются Кара-су, около двадцати — Кок-су, столько же Кизил-су — «красная вода», много долин Арпатала, то-есть «ячменная долина».

— Понятно, понятно, — перебил речь гостя Егор. — Значит, ехать надо на эту Кара-су, где пчеловодная лаборатория колхоза «Свет зари»?

Гость бросил взгляд на свои ручные часы и рассеянно сказал:

— Да, да, там... Мы опаздываем! — и заспешил к двери.

— Эй, Семеновна! — позвал хозяин.

III

Древняя старуха, шаркая по полу подошвами шлепанцев, вошла в комнату.

— Накорми и напои маленького гостя, — распорядился хозяин. — А ты, — обратился он к Егору, — жди меня. Возьми эту старинную книгу, там об охоте много, да почитай. — Он взял с этажерки книгу, наудачу раскрыл ее. — «Они делают из звероловства общественное занятие, — начал читать хозяин. — И действительно, звероловство приучает вставать рано, сносить стужу, зной, оно укрепляет силы... Против нападающих зверей употребляются лук и дротик. Звероловство поощряет и храбрость, ибо ежели сильный зверь бросается с яростью на ловца, то ловец должен уметь и разить его и защищаться... Отправляясь на охоту, мальчики несут с собой свою пищу... До тех пор, пока продолжается ловля, они не едят ничего... Мальчиков приучают к такому образу жизни для того, чтобы он не показался им трудным, когда оборона страны сделает этот образ жизни для них необходимостью...»

— Ты с ума сошел! — закричал гость в белом, заглядывая в дверь. — Мы опаздываем, а он книги читает!

— Кончаю, кончаю! — сказал хозяин, отмахнувшись от него рукой, чтобы он не мешал. — «Чувство взаимной любви сопрягает людей, разделяющих одинаковые опасности. Люди любят то, что возбуждает соревнование, охота же вызывает наибольшее...» Вот как Здорово?.. Ну, иду, иду, не сердись! — крикнул он гостю и поспешно вышел вместе со своей собакой.

Егор тотчас же подумал о голодном Барсе, ожидавшем у ворот.

— Шляется тут всякая шантрапа! Того и гляди, что-нибудь стянет! — заворчала старуха, как только затихли шаги хозяина.

— Легче, бабушка! — предупредил Егор.

— А чего «легче»? Ты что это все кругом оглядываешься?

Егор протянул было руку, чтобы взять со стола лепешку и мяса и отнести Барсу, но старуха стояла рядом и подозрительно на него смотрела.

— Все вы, — не унималась она, — шантрапа несчастная! Была бы моя воля, и во двор бы вас не пускала! Пользуются тем, что Егор Иванович душевный человек!

— Твое счастье, что ты старая, — не выдержал Егор, — а то я бы тебе ответил...

— Ах ты разбойник! — закричала старуха, будто она только и ждала этих слов. — Вот позвоню сейчас в милицию, узнаешь, что бывает за хулиганство!

— Эх ты! — только и сказал Егор.

Он вскочил, выбежал из комнаты и так хлопнул дверью, что на пол посыпалась штукатурка.

ЗАПЕЧАТАННЫЙ ПАКЕТ

I

На улице Егора окликнул маленький мальчик. Он сказал, что Борис разослал пионеров по городу на поиски фронтового воспитанника полковника Сапегина. Мальчик вызвался проводить Егора.

— Может, нашли полковника Сапегина? — радостно спросил Егор.

— Конечно. Раз наша пионерская дружина взялась за это дело, иначе не могло быть, — сказал маленький проводник с гордостью. Но где и как нашли Сапегина, он не знал.

Не обращая внимания на жару, мальчики побежали с

Барсом по улице. Пионер привел Егора в сад и оставил его там ждать под деревьями, а сам пошел за Борисом.

— Слушай, малый! — крикнул ему вдогонку Егор. — Может быть, притащишь что-нибудь поесть Барсу? С утра пес ничего не ел.

Мальчик закивал головой и убежал.

Старая шелковица привлекла Егора своими невиданно крупными красными и черными ягодами. Он съел одну, вторую, третью... Длиной в полпальца, кислосладкие, они были так сочны, что сок стекал по пальцам. Теперь, когда Егор знал, что полковник Сапегин найден, он успокоился и вдруг сразу захотел есть. Егор влез на шелковицу. Он быстро рвал ягоды, все больше пачкая соком пальцы. Впрочем, в его характере было делать все быстро.

Снизу раздалось рычанье Барса. Егор посмотрел сквозь ветви и увидел идущих по дорожке Бориса и незнакомого стройного юношу-киргиза. Юноша шел, мягко ступая, почти бесшумно.

— Нашелся твой Сапегин! — радостно закричал Борис, бросаясь к Егору. — Гарун говорит, — Борис показал рукой на юношу, пришедшего вместе с ним, — что Сапегин работает на опорном пункте научно-исследовательского института в ущелье Чак.

— Гарун, — назвал себя юноша и протянул руку Егору.

Мальчик крепко пожал ее.

— Гарун — старший вожатый нашей школьной пионерской дружины, — поспешно пояснил Борис.— Он разъездной корреспондент районной газеты и знает все на свете. Это он мне сказал о Сапегине.

— Слышал, Егор, о тебе! — участливо сказал Гарун и жестом пригласил сесть на траву. Он внимательно, но без назойливости всматривался в Егора.

— Вот спасибо вам! — сказал обрадованный Егор. — Я слышал то же самое в леспромхозе, и признаюсь, и верил и не верил.

— Значит, поедешь к Сапегину? — спросил Гарун.

— Вот только сбегаю в леспромхоз, узнаю маршрут и тотчас же двинусь в путь-дорогу.

— Хочешь отправиться вместе с нами в Пчелиный город на Ореховом холме? — вдруг спросил Борис и вопросительно посмотрел на Гаруна.

— Не могу: не по дороге, — отказался Егор.

— Это одно и то же место! Теперь его еще называют «Зеленая лаборатория», — вмешался Гарун. — Во время войны на пчеловодном опытном участке колхоза, расположенном в горной долине, работал также опорный пункт научно-исследовательского института. На этот специальный опорный пункт — а таких было много — из Украины и других мест была временно эвакуирована часть самых ценных коллекций растений, сортовых семян, и там продолжалась научно-исследовательская работа.

— Я найду этот опорный пункт научно-исследовательского института, — решительно заявил Егор.

— Его почти нет, — сказал Гарун.

— Как так «почти нет»? — воскликнул Егор.

— Это был временный опорный пункт, и теперь этот пункт свернут и возвратился на старое место. Правда, кое-что осталось в наследство колхозу. Я не буду объяснять тебе сейчас принцип размещения и работы сельскохозяйственных научно-исследовательских учреждений, — сказал Гарун, — это займет очень много времени, но знай, что во время войны научно-исследовательская работа не прекращалась ни на час ни в Москве, ни в Сибири, ни в Средней Азии. Работали везде. Советские люди, спасавшие ценные сортовые семена от фашистов в порядке плановой эвакуации или переносившие эти

семена через линию фронта, с тем чтобы в тылу решать проблемы еще большего повышения урожайности, проявляли не меньше героизма, чем бойцы первой линии. Если ты и все бойцы на фронте всегда были сыты, то благодаря заботам партии, труду миллионов трудящихся в тылу... — Гарун разошелся и хотел продолжать, вспомнив одну из своих статей на тему о героической работе тыла.

Но Егор прервал его речь.

— А куда переведен опорный пункт? — взволновался Егор.

— Свернут, — повторил Гарун. — Но реэвакуация[1] еще не совсем закончена, и занимается этим твой Сапегин, прибывший несколько месяцев назад. Вот почему ты застанешь его в Зеленой лаборатории.

— Ясно! — воскликнул Егор и облегченно вздохнул.

— А итти далеко, — сказал Гарун. — Дикие горы. Да и дороги ты не знаешь.

— Волков бояться — в лес не ходить. А я ведь бывалый фронтовик, и со мной Барс, — весело сказал Егор. — Барс один тысячи простых собак стоит. Лесов и гор я не боюсь. В Карпатах и в Судетах не заблудился, а уж у себя дома не пропаду!

Гарун внимательно осмотрел Барса.

— Ученый? — спросил он, кивая на собаку.

— Профессор! — не без гордости отозвался Егор. — Он и мины искал, и патроны подносил, и в секрете сидел, и караулил нас, и фашистов догонял.

— А нюх как? Не испортил?

— О, — воскликнул Егор, — он превосходно искал парашютистов, у него и верхнее и нижнее чутье!

---

[1] Реэвакуация — возвращение вывезенного из прифронтовой полосы в места первоначального пребывания.

— Парашютистов? — переспросил Гарун. — Интересно! Значит, он ходит по следу?

— Ну, ходит, — сразу насторожившись, ответил Егор. Попытки разузнать все о собаке, а затем постараться отобрать ее под благовидным предлогом были ему уже знакомы.

Гарун задал еще несколько вопросов недоумевающему Егору и спросил:

— Ну как, хочешь ехать с Борисом и со мной в ущелье Чак к твоему Сапегину? Ты поможешь нам в нашем деле, а мы со своей стороны поможем тебе добраться туда.

— В каком это вашем деле? — полюбопытствовал Егор.

— Ты пионер? — спросил Борис.

— Конечно, пионер. Еще с 1941 года в Ленинграде. Только в армии пионерской организации не было. Я в комсомол хотел вступить — одного месяца нехватило. А рекомендации у меня есть.

— Вот хорошо, — сказал Гарун. — Я знаю, что ты против того, чтобы мучить птиц и животных!

— Конечно, против.

— Ты против того, чтобы грабить и разрушать сады и леса? Разорять гнезда, браконьерствовать?

— Я охотник, — ответил Егор.

— Ты, Егор, человек опытный, фронтовой, с прекрасной служебной собакой и мог бы очень помочь пионерской разведке, — сказал Гарун. — Ты был бы заместитель командира разведгруппы.

— Гарун, — неожиданно окликнула юношу какая-то девочка, подходя к ним, — тебя из редакции разыскивают, звонили по телефону.

— Потолкуйте без меня. Я скоро вернусь. — И Гарун исчез за кустами вместе с девочкой.

II

— Я председатель нашей пионерской дружины, — пояснил Борис, — а Гарун, как я сказал, старший вожатый дружины. Он учился в нашей школе и еще год назад был секретарем комсомольской организации школы, и, кроме того, он член райкома комсомола. В ущелье Чак есть...

— Я знаю, — перебил Егор: — опорный пункт научно-исследовательского института.

— Это было. Там находится пчеловодный и плодовый опытный пункт колхоза «Свет зари», ну, словом, хата-лаборатория. Мы хотим помочь колхозу в работе по облагораживанию плодовых лесов. Прежде чем итти туда всем пионерам Четвертой дружины, совет дружины посылает разведгруппу для разведки маршрута и выяснения положения на месте. Кандидатов в разведгруппу было немало. Отобрали отличников, кто уже бывал в походах, хорошо выполнял общественную нагрузку и, самое главное, знает порученное ему дело. Я руковожу юннатами нашей школы. Во время войны мы помогали собирать лекарственные травы, зеленые орехи и шиповник для получения витаминов. Мы много помогали и помогаем колхозам. В этом году у нас занятия начнутся только с первого октября, и мы во многом сможем помочь лаборатории. Совет дружины утвердил разведгруппу в составе четырех человек: я начальник, потом Рома Крестьянинов, тоже отличник, мой заместитель по группе юннатов; сын лесничего, он знает лес, как академик. Третий — Топс, Алеша Омельченко. Он одно лето работал в геологической партии, а потом в почвоведческой. Есть ребята получше его, да он знает маршрут, потому что бывал там со Степкой Пхановым и с Пхановым-отцом ездил в колхоз за фруктами. Он хоть и с ленцой, но парень сильный, выносливый и умеет варить и жа-

рить. Сластена, правда. Четвертый — Гномик, Толя Батов, тоже отличник, хорошо знающий всяких там жучков-мошек-таракашек. Он правая рука нашего учителя зоологии Михаила Ивановича и очень помог пополнить коллекции зоокабинета. Он умеет делать чучела птиц и зверей, собрал коллекцию яиц диких птиц, коллекцию насекомых, бабочек. Только у Гномика дурацкая привычка таскать в карманах змей. Ему не раз за это попадало.

— Парень не из трусливых, — согласился Егор.

Борис рассказал о том, что пионерской разведкой руководит Гарун. О том, что это умный, смелый и энергичный парень. Гаруна все пионеры любят и уважают, а его статей и фельетонов всякие нарушители, как огня, боятся. Это он поднял пионеров на сбор витаминов для госпиталей и на помощь колхозникам. Гарун даже в «Комсомольскую правду» пишет и в «Крокодил». Широкая пионерская помощь Зеленой лаборатории — тоже его идея. Райком его поддерживает. А дело было так. Гарун получил заметку от пионервожатой Гюльнары из колхоза «Свет зари». Еще весной пионеры колхоза взяли на себя обязательство помочь фронту быстрейшей уборкой хлопка... Война окончилась еще в мае. Сейчас заканчивают испытание новой хлопкоуборочной машины. Если ее наладят, это освободит многих взрослых сборщиков хлопка. Председатель колхоза Туйгун еще раньше обещал пионерам послать их после уборки хлопка посмотреть Каспийское море. А Искандер, главный пчеловод и плодовод колхоза, против этого. Он говорит: «Зачем несколько дней мучить детей перевозкой в душных, пыльных, переполненных вагонах только для того, чтобы показать им соленую воду? Транспорт и так загружен: сейчас едут демобилизованные. Лучше пусть пионеры поживут в орехово-яблоневых лесах». Вот Гюльнара и просит: пусть инженеры поскорее наладят хлопкоуборочную машину, а

пионеры колхоза обещают поработать два месяца в орехово-яблоневых лесах. Конечно, они не хотят ехать к Каспийскому морю. Председатель Туйгун уехал по делам, а его заместитель Садык говорит: «Туйгун сказал — надо пионеров свозить на море, значит надо ехать». Другой бы отнесся к этой заметке формально, но Гарун не такой. Он сразу — в райком комсомола и ставит вопрос о том, что окультуривание лесов — великое дело и это дело не одной только пионерской организации колхоза. И если уже проводить опыт окультуривания, так пусть в нем участвует и Четвертая пионерская дружина. А уж если Гарун за что возьмется, не бросит, пока не наладит...

— Ох, много тебе можно рассказать, — заметил Борис, — но прежде самое главное... Так вот, от кишлака Чак нам итти километров пятьдесят пять. Есть и более короткий путь, но он труден для похода всей дружины. Словом, итти придется дня три, а дружине — дня четыре. Вот и все. Наша разведка будет вестись в секрете, это уж мы сами, участники пионерразведки, так решили.

— А почему секрет? — удивился Егор.

Борис, понизив голос, сказал:

— Есть здесь Степка Пханов...

— Слышал уже! — ответил Егор и рассказал о случае с Толей, умолчав о своей сторублевке.

Тут же он сообщил о своем намерении поговорить о Степке с директором школы.

— В том-то и беда, что Степка не пионер и уже не школьник, — возразил Борис, — он уже год, как бросил учиться — не хочет. Зимой он помогает отцу торговать в палатке колхоза «Свет зари», а прошлым летом собирал для «Витаминпрома» зеленые орехи и шиповник. Много собрал. На сбор орехов Степка получил разрешение, но Топс кое-что узнал... Дело в том, что Искандер и Василий Александрович облагородили часть орехового леса. Теперь эти ореховые деревья стали скороспелыми и

дают очень крупные орехи. В продажу эти орехи пока не пускали, они еще нужны для научной работы, и вдруг эти орехи появились кое у кого. Это было еще в прошлом году. Говорят, их тайком продавали. А Степка хвастал деньгами, папиросы курил. А в этом году Степка собирается на сбор орехов уже не один, как в прошлом году, а с ребятами. «Я, говорит, всех обгоню. Пока пионеры соберутся, я свой план перевыполню». Все «я, я, я»!

— Значит, вы хотите его накрыть на месте?

— Мы его спрашивали, но он только смеется. Мы решили накрыть его и заставить прекратить это хулиганство. Ученые стараются, работают, изобретают, а он деревья ломает, издевается... Словом, его надо... опередить. А для этого надо молчать. Понял?

— Понял.

— Ты раньше не слыхал о Пчелином городе на Ореховом холме?

— Никогда не слыхал.

— Он еще называется «Зеленая лаборатория».

— Знаю, знаю: во время войны там был опорный пункт научно-исследовательского института, куда эвакуировали растения. А теперь там только колхозная лаборатория, — почти скороговоркой ответил Егор. — Гарун только что говорил мне.

— Правильно. Там дрессируют пчел, и они берут нектар только с определенных цветов. Это необходимо для лучшего опыления. Но делаются и другие интересные опыты. Ну, вот, скажут Василию Александровичу: «Создайте такой плод, чтобы в нем было, например, тридцать процентов груши, сорок процентов яблока и тридцать процентов айвы», — ученый создаст. Говорят, что там, на опорном пункте института, был поразительный сорт пшеницы, называется она «ветвистая». У обычных пшениц в колосе тридцать-сорок зерен, а у ветвистой —

сто пятьдесят, сто восемьдесят и больше. Там есть такие цветы, каких нигде в мире нет. И все это недалеко отсюда. Ты понимаешь, как интересно!.. Не знаю, правда или нет, а говорят, что охраняют этот сад огромные растения, и у них ползучие гибкие ветки, как у лиан, а цветы, как бочки. Если кто приближается к ним, щупальцы растения хватают неосторожного и тащат в цветок-бочку. А в бочке едкий-преедкий сок. Попадет собака в бочку, бочка сверху сама закроется, а собака растворится в соке и станет пищей для растения.

— Ну?!

— Так говорят... Слыхал про росянок? Росянки мух едят, а «зеленые бочки» больших собак и то хватают. А то еще там цветы: огненные шары с голову величиной, а на них желтые нити, как щетка; тронешь нити пальцем — они пристают к пальцу. Рука пухнет. Хуже укуса змеи.

— А ты сам эти «зеленые бочки» видел? — недоверчиво спросил Егор.

— Сам не видел... Люди говорят... Там вокруг сада растет колючая изгородь, не очень-то пройдешь. Во время войны там много ученых работало, а сейчас на опытной пасеке работают от колхоза Искандер и Василий Александрович. Они занимаются не только пчелами, они из диких деревьев культурные делают. Вот наши пионеры и пойдут туда помогать в прививке.

В разговорах прошел почти час, а Гарун все не появлялся. Вдруг Барс поднялся. Раздался топот детских ног по дорожке, и из-за кустов показался мальчик.

— Организовал! — запыхавшись, сказал мальчуган, в котором Егор узнал своего проводника.

Мальчик высыпал на траву возле Барса все, что принес в кульке из газеты. Здесь были куски лепешек, каша, кости.

— Ну, по рукам? Поедем? — спросил Борис.

Мальчики крепко пожали друг другу руки, причем Егор даже забыл о своем приеме «адского рукопожатия».

III

Ничто так не наполняет жизнь содержанием, как возможность участвовать вместе с другими в интересном и большом деле. Ничто так не радует, как сознание того, что и ты тоже делаешь что-то очень полезное и необходимое.

Борис Ладыгин говорил об этом словами отца, часто повторявшимися в его письмах из армии: «Никогда не чувствуешь, что живешь по-настоящему, если не надо преодолевать препятствий».

Воинственный Борис, с детства воспитанный отцом в духе упорства в осуществлении задуманного, стремился к действию. С двенадцати лет, то-есть четыре года назад, отец дал ему в руки настоящее ружье и брал с собой на охоту.

С тех пор ни ливень, ни гроза, ни мороз, ни голод, ни трудности пути — ничто не могло остановить Бориса в его охотничьих похождениях.

И все же было одно неосуществленное желание: Борис не смог попасть на фронт, как он ни просил об этом в райкоме комсомола. Не помогло даже письмо, написанное в ЦК ВЛКСМ. Вот почему Егор, юный фронтовик, прошедший, как выражался Егор, повторяя слова Сапегина, «огонь Корсунь-Шевченковского и Сандомирского сражений», воды Прута и Одера, подземные трубы Бреслау, о чем он рассказал еще в парке, для Бориса был воплощением неосуществленной мечты. Борис проникся к Егору уважением и готов был слушать военные рассказы до бесконечности, мысленно участвуя

вместе с Егором и полковником Сапегиным в их военных приключениях.

И хотя высокий и стройный Борис внешне очень отличался от невысокого крепыша Егора, но сходство характеров их было поразительно. К вечеру они уже не могли жить друг без друга.

Вот тогда-то Егор узнал от Бориса и другие подробности из жизни Четвертой дружины. Дело было в том, что Первая и Вторая школы собирали витамины: зеленые орехи и шиповник. Третья школа преуспевала в сборе лекарственных растений. И вот дружина Четвертой школы решила не отстать от других. Пионеры, по совету Гаруна, постановили помочь Зеленой лаборатории. Лаборатории помогают, правда, свои пионеры, но они сейчас задерживаются.

— Вот тут-то наша помощь и пригодится. А уж мы покажем класс! Но сначала надо разведать маршрут, узнать, где можно будет делать привалы, какие продукты надо взять для большого похода, и, главное, договориться о помощи во всех подробностях.

Егор томился ожиданием встречи со своим фронтовым отцом и потому принялся за подготовку похода с таким рвением и знанием дела, что удивил всех.

Проверив и пересмотрев весь груз, хранившийся в школе, он сказал, что половину приготовленного груза придется оставить. Борис было воспротивился, но Егор убедил его, пояснив, что, по военным правилам, солдат может нести на себе груз весом не больше половины его собственного веса. Пришлось всем взвешиваться.

Борис весил сорок три килограмма, Егор — сорок два, Ромка — тридцать восемь, Гномик — тридцать два, Топс — пятьдесят один килограмм, чем был очень недоволен, когда узнал, что ему придется нести больше всех.

Ромка не без ехидства спросил Бориса, кто же будет, в конце концов, командовать: Борис или Егор?

— Егор тоже заместитель Гаруна, — сказал Борис.

— Егор здесь без году неделя, а я, можно сказать, старожил. Почему он заместитель, а не я?

Борис сослался на распоряжение Гаруна и на фронтовую опытность Егора. Но Ромку переспорить было трудно. Наконец все сошлись на том, что Ромка тоже будет заместителем.

Егор остался ночевать у Бориса.

IV

Утром пошли в школу и занялись подготовкой груза. Егор развешивал муку, рис, сахар.

— Надо быть готовыми сегодня к вечеру, — нетерпеливо говорил Егор, которому хотелось поскорее выехать.

Ромку отправили в чайхану и на базар разузнать, не будет ли завтра попутной машины. Ехать было далеко: километров сто на машине, так как ехали кружным путем, а там пешком по горам около пятидесяти пяти километров до Зеленой лаборатории.

На следующий день в полдень было опять очень жарко. Борис и Егор упаковывали груз в зоологическом кабинете школы, где были собраны продукты для пионерской разведки.

В дверях стояла толпа любопытных школьников. Учитель зоологии Михаил Иванович деятельно помогал, но старался делать это незаметно. Попутно он рассказывал о своих путешествиях по Памиру и по горам Тянь-Шаня. Это были советы бывалого путешественника о дисциплине в пути, о режиме похода, о гигиене ног, о хранении спичек, об укладке рюкзака и о многом другом.

Больше половины вещей, собранных для пионерской разведки, оказались лишними. Из двух чугунных казан-

ков Егор, посоветовавшись с Михаилом Ивановичем, взял только один. Из шести плащ-палаток — две, из двух топоров — один. Но ружей решили взять два. Одно было Егора, другое Бориса. К ним взяли все имеющиеся патроны, дробь, порох, капсюли, пыжи, спички, соль.

Михаил Иванович громко объявил, что сборы закончены, делать больше нечего и он уходит кормить привезенного ему беркута, чем и увлек «наблюдателей» за собой.

— Борис, а зачем нам брать Романа? — тихо спросил Егор, вспоминая встречу в парке. — Неужели нет более покладистого парня?

Борис пожал плечами и сказал:

— Он вспыльчивый, «поперечный», отчаянный спорщик, зато храбрый и охотник: зимой зайцев стрелял, лисицу убил. Я ведь тебе уже говорил, что он сын лесничего и хорошо знает лес и садоводство. Его уже утвердили. Характер у него трудный, это да...

Борис потер рукой лоб, стараясь что-то припомнить, потом вдруг опустил руки, закрыл глаза и прислонился плечом к стене. Тут только Егор заметил, что лицо у Бориса очень красное и губы дрожат.

— Что с тобой? — встревожился Егор. — На солнце пережарился?

Борис не отвечал. Он опустился на пол и тяжело дышал. Егор побежал во двор, намочил в арыке платок и выжал воду на голову Бориса. Мальчик открыл глаза — они были мутные и блуждающие.

— С утра меня то в жар, то в холод бросает... и голова болит. Думал, пройдет, а сейчас просто искры в глазах, — хрипло сказал он. — Пить хочется.

— Только не заболей... Ты ляг поудобней, положи мокрый платок на голову, может пройдет, — беспокоился Егор.

— Конечно, пройдет. Вот полежу немного. Пережа-

рился на солнце, — прошептал Борис и лег навзничь на землю. — Расскажи что-нибудь, — попросил он.

Взволнованный Егор подложил ему свернутую плащ-палатку под голову.

— Ну, что тебе рассказать? — спросил он. — Я тебе расскажу, как полковник Сапегин гриппом болел.

...Дело было так. Мы строили на льду мост, началась бомбежка, и полковник провалился под лед и заболел. Температура у него была около сорока градусов. Началось Сандомирское наступление, все офицеры штаба армии в частях. Линию противника прорвали... Противник отступает с боем. Связь плохая. Получили сообщение, что одна дивизия уже за городом. Ну, оперативный дежурный доложил, что город взят. Сообщили наверх. А полковник из штаба фронта поехал в город и еле вырвался от фашистов. А о взятии города уже пошло в генштаб... Ну вот. Вызывает командующий нашего Сапегина. Тот является, еле на ногах держится... «Знаю, что ты болен, — говорит командующий, — а кроме тебя, послать некого». — «Нет, здоров, товарищ генерал», отвечает Сапегин. «Садись тогда в мою машину, самолет «У-2» уже ждет тебя на аэродроме, лети и разведай, есть ли в городе противник». И Сапегин полетел. Видит — пожары, дым, нашу танковую колонну на дороге... Цепь лежит возле города. Оттуда ему руками машут. Подлетел к окраине — фашисты. Он назад. Только стал разворачиваться, а те ка-ак начали стрелять! Мотор зачихал. Самолет стал снижаться. «Оттяни хоть немного к нашим!» кричит полковник Сапегин пилоту. А тут фашисты стали снарядами в землю бить, в то место, где самолет должен сесть. Летчик поджал — с километр пролетели и на поле за лесом сели. Летчик починил перебитый провод, и они прилетели на аэродром. Полковник Сапегин доложил командующему, где окопы, где батареи противника, что в городе делается. Освободился

он, пошел к себе, и вдруг ему есть захотелось! Измерил температуру — нормальная. Ясно? Переволновался — и вылечился. Вот и тебе надо какое-нибудь потрясение.

— По-стара-юсь! — с трудом ответил Борис, не в силах сдержать лихорадочный стук зубов.

В дверях мелькнула красная майка, и появился Топс. Увидев Егора, он еще издали дружески помахал ему рукой.

— Едем? — деловито спросил он Бориса.

Тот молча лежал с закрытыми глазами.

— Едем, — ответил Егор.

— А что с Борисом? Борис, Борис! — Топс забеспокоился.

Борис приоткрыл глаза и тотчас же закрыл их, бормоча что-то непонятное.

Встревоженные мальчики то окликали Бориса, то щупали его лоб.

— Жар у него, — сказал Топс.

Наконец Борис открыл глаза.

— Нельзя мне болеть, — прошептал он. — Я прыгну в арык...

Борис бредил. Испуганный Топс побежал за учителем. Михаил Иванович пришел в сопровождении директора школы, молодой женщины, Елены Ивановны Скворцовой. В кабинет набилось много школьников. Все были взволнованы случившимся и лезли вперед.

Елена Ивановна расспрашивала мальчиков, где они были, что делали, о чем говорили, стараясь узнать, что же случилось с Борисом. Егор и Топс невпопад отвечали ей и еще больше усиливали ее волнение.

Наконец пришел доктор.

У Бориса оказался приступ тропической малярии.

— Пусть лежит и не встает, — сказал врач.

— И долго ему надо лежать? — допытывался Егор.

— Если все пойдет хорошо, недели через две встанет.

V

Бориса привезли домой и уложили в постель.

Егор и Топс вышли во двор. Топс советовал ждать, пока не поправится Борис.

— Ну что ж, — сказал Егор Барсу, — поедем сами на реку Чак искать полковника Сапегина?

Пес завилял хвостом.

На улице перед воротами дома Бориса загудела машина, заскрипели тормоза, и машина остановилась. Какой-то шофер звал Бориса. Узнав, что Борис болен, он передал письмо для Бориса от Гаруна и уехал.

Мальчики поспешили с письмом к Борису. Борис был в жару, его трясла лихорадка, но он был в сознании.

— Читай, Егор, — прошептал Борис.

Егор разорвал пакет и вынул оттуда запечатанный конверт и письмо.

«Я срочно выехал в командировку, — писал Гарун, — так что отправиться с вами сейчас не могу. Поэтому выезжайте без меня, и чем скорее, тем лучше, но не позже чем завтра. Я присоединюсь к вам у южных истоков реки Чак. Там два озера, встретимся у западного. Если случится, что вы придете на указанное место, а меня не будет, вскройте запечатанный конверт, и вы узнаете дополнительное задание. Иногда капитанам судов даются такие конверты с приказом вскрыть их в открытом море на такой-то широте и долготе. Как бы вам ни хотелось заглянуть в конверт, но проявите выдержку до указанного срока. В райкоме комсомола согласны, чтобы Егор Смоленский участвовал в нашей разведке. В райкоме даже хотели немедленно отправить Егора к отцу, но я отговорил: ему будет веселее в пути с вами, и вам он поможет. Лена Чукмасова выдаст разрешение на сбор плодов. Я договорился. Обязательно зайдите к ней и возьмите это разрешение. Итак, до

встречи у южных истоков реки Чак. Если будут затруднения с отъездом, секретарь райкома комсомола обещал помочь. Или зайдите к нам в редакцию. Гарун».

Выслушав письмо, Борис долго молчал, потом прошептал:

— Надо обязательно ехать, мы не можем подводить всю дружину из-за моей болезни. У нас только два месяца до начала занятий... До чего обидно получается!

— Не волнуйся, — сказал Егор. — Как только ты поправишься, ты приедешь.

— Я приеду с дружиной. Хотя мне так обидно, но ничего, не будем раскисать. Поезжайте не откладывая. Команду прими ты, Егор. Я на тебя надеюсь... Гарун говорит: ты бывалый. Бери пакет!

Егор спрятал пакет в карман гимнастерки.

Прощаясь, он взял Бориса за руку и сказал:

— Больше жизни, друг! Выздоравливай. Мы будем тебя ждать. — И он долго жал ему руку.

— Ладно, — прошептал Борис. — Спасибо. Ты славный, Егор!

...У Лены Чукмасовой ребят постигла неудача. Чукмасова оказалась в отъезде и должна была приехать только завтра утром. Попутной машины тоже не было.

— Тогда надо пойти в райком комсомола, — сказал Егор. — Так советовал Гарун. Эх, жаль, мотоцикла нет!— И Егор вздохнул.

Топс и Ромка переглянулись.

— Есть мотоцикл, — уверенно заявил Ромка

— У кого? — удивился Егор.

— У Топса есть мотоцикл с коляской, — пояснил Ромка. — Его оставил Топсу муж его сестры. Мотоцикл стоит в сарае.

— А какая марка? — заинтересовался Егор.

— Кажется, подольский, — ответил Ромка. — Ты разве умеешь ездить на мотоцикле?

— Еще бы! — с жаром ответил Егор. — Меня Максим Иванович Сапегин научил. Я экзамен сдавал. Права на вождение мне авто-бронетанковый отдел армии выдал. Я даже связным ездил.

— Пханов никогда не даст, — решительно возразил Топс.

— Как это «не даст»? Мотоцикл ведь твой? — спросил Егор.

— Мой, — протянул Топс. — Да, ты не знаешь Мустафу Пханова! Я эвакуировался с Украины сюда, к сестре. Она и ее муж — врачи. Оба ушли на фронт. Вот Пханов и попросился к нам в дом. Обещал и крышу починить и меня к родным отправить — и ничего не сделал. Ну, да скоро сестра с мужем приедут... А мотоцикл мне муж сестры подарил. Степка на нем ездил и попортил. Из-за этого мы с ним и поссорились.

— Ты, Топс, скажи откровенно: разрешаешь взять твой мотоцикл для нашей поездки в горы или нет? Да или нет? Мы ведь по делу едем.

— Да! Только мотоцикл поломан.

— Проводи меня к своему дому и покажи, где стоит мотоцикл.

Вид у Егора был такой решительный, что Топс без колебаний пошел к своему дому. А за Топсом шли Егор, Ромка и Барс. По дороге к ним присоединился Гномик.

VI

Мальчики вошли в сарай. Там стояла запыленная серая машина с коляской. Егор нажал кнопку сигнала — гудка не было. Он включил зажигание, снова нажал — раздался еле слышный хрип, который тотчас же оборвался.

— Аккумулятор сел, — заявил Егор. — Заряжать

долго. Если бы достать новый... — И Егор с надеждой посмотрел на Топса.

Тот безнадежно развел руками.

— А Николай Антонович, наш учитель физики! — вдруг в радостном возбуждении закричал Ромка. — Он недавно помогал гаражу МТС наладить массовую зарядку аккумуляторов для всех машин в городе и колхозах. Я сейчас сбегаю к нему. Скорее снимайте аккумулятор с мотоцикла! — Ромка схватил аккумулятор и умчался.

Егор осмотрел скаты. Одна камера совсем спустила. Остальные держали воздух, но требовалось их подкачать.

Пока Егор латал снятую камеру, Топс подкачал остальные. Потом все они, подражая Егору, колотили ногами тугие скаты, пробуя сопротивление.

Вскоре в сарай с криком «есть!» вбежал Ромка. Волнуясь, спеша и мешая друг другу, ребята установили принесенный аккумулятор. Егор нажал сигнал — раздался мощный, густой звук, от которого у мальчиков радостно забились сердца.

— Работает! — восторженно крикнул Егор.

Охваченный азартом, он вскочил в седло. Упершись ногой в педаль, он дал ее дотказа вниз. Мотор хлопнул и затих... Проверили бензин в баке. Полно.

Возбуждение Егора передалось Ромке.

— Дай-ка я крутну, дай я! — твердил он, мешая своей ногой Егору.

— Пустите меня, — решительно потребовал Топс, — пустите меня!

Но Егор даже не посмотрел на них. Он самозабвенно крутил правую ручку «газа» и левую — «опережения», нажимал педаль «завода». Мотор молчал. Егор устал, капельки пота выступили на его лице, но он не сдавался.

— Дай-ка я! — услышал Егор незнакомый голос, оглянулся и увидел стоявшего рядом пожилого мужчину с веселыми голубыми глазами.

— Николай Антонович, не работает! — одновременно закричали Ромка, Гномик и Топс.

Егор почтительно уступил место учителю физики. Тот не стал заводить мотор, а вывинтил обе железные свечи, служившие для зажигания горючей смеси в цилиндрах. Обе были покрыты толстым черным слоем мокрой копоти.

— Ты, что ли, главный механик? — И Николай Антонович поднес свечи к носу Егору.

— Ой, как их забрызгало! — только и сказал смутившийся Егор.

— Ну, что же надо сделать? — спросил Николай Антонович.

— Прокалить,— быстро ответил Егор.

— Правильно. Прокалить, снова прочистить и проверить работу контактов на искру. А ну-ка, действуйте сами.

— Я знаю! — вызвался Ромка. — Я не раз видел, как шоферы прокаливают свечи на костре.

Суетясь и стараясь сделать получше, ребята под наблюдением Николая Антоновича прокалили свечи на костре, разложенном во дворе, прочистили их, проверили на искру и ввинтили обратно. Завести мотоцикл Николай Антонович поручил Егору. Наконец мотор послушно затарахтел, заволакивая сарай синеватым дымом. Николай Антонович перехватил ручку и уменьшил газ.

Ребята дружно закричали «ура».

— У тебя удостоверение водителя есть? — спросил Николай Антонович. — Глядите, чтобы не остановили.

Егор показал удостоверение, а Топс сбегал и принес паспорт на мотоцикл.

— Ну, вот и прекрасно! — заметил учитель, садясь в коляску. — А теперь отвези меня в школу.

Егор сел на мотоцикл, приказал Барсу лежать в сарае и выехал за ворота в сопровождении бежавших рядом ребят.

— Вы, друзья, ждите здесь, — посоветовал Николай Антонович.

Мотоцикл умчался.

VII

Вскоре Егор опять въехал во двор и ловко развернул мотоцикл.

— Ну как? — в один голос закричали ребята, понимая, что учитель физики поехал с целью проверить уменье Егора.

— Все в порядке! — ответил Егор, отер рукавом пот с лица и счастливо засмеялся. Сердце мальчика трепетало от радостного волнения. — По машинам! — крикнул Егор, и Барс бросился к коляске.

Топс сел на заднее сиденье, Ромка и Гномик — в коляску, туда же прыгнул Барс. Мотоцикл затарахтел и, наполняя двор дымом, покатил к воротам.

Егор так быстро выехал на улицу, что мотоцикл рвануло и пассажиров чуть не выбросило. Все засмеялись. Мальчикам было весело и от быстрой езды и от сознания, что мечта их исполняется. Они ехали! Ехали на настоящем мотоцикле по улице, и ребята, завидев их, махали им руками и с радостными возгласами бежали вслед за ними в туче поднятой пыли.

Быстрая езда, сознание своей силы, восторженные возгласы встречавшихся ребят привели мальчиков в крайнее возбуждение. Расхрабрившийся Топс поднял руку и прокричал:

— Они пять раз пронеслись вокруг земного шарика

и теперь мчались в дикие горы воевать с драконами и разыскивать полковника Сапегина. Вперед!

— Стой! Тормози! — крикнул Ромка у дома Бориса, хватаясь за ручку, чтобы уменьшить газ.

Мальчики хотели попрощаться с Борисом, но его мать не пустила их к больному. Борис опять лежал в бреду.

Мальчики подъехали к школе. Топс, Ромка и Гномик перетаскивали вещи, а Егор укладывал их в коляску. Захватили ружье Бориса — ижевскую одностволку с боеприпасами — и полмешка соли сверх плана, из расчета, что придется солить дичь.

— Мои цветные карандаши и краски остались дома, — вспомнил Гномик.

— Очень нужны твои краски! — возразил Ромка.

Однако Гномик сбегал домой и принес краски. Его провожала тетя Глаша. Наконец закончили погрузку и уселись, как раньше.

— Прокатите и меня, — попросил Павлик, который присутствовал при укладке.

— Некуда, — возразил Топс, сидевший на заднем сиденье и ревниво поглядывавший на Егора.

— Ничего, пусть прицепится сзади тебя, — сказал незлопамятный Егор. В пылу радости он был готов облагодетельствовать весь мир.

Торжественные проводы школьной разведки не были запланированы. Указания мальчики получили заранее. Все же к их отъезду у школы собралось много пионеров. Был здесь и старый учитель зоологии Михаил Иванович, страстный любитель края.

Последнее напутствие Михаила Ивановича прозвучало, как речь. Егор обещал от имени всех отлично выполнить задание.

— Вам не придется долго засиживаться, — сказал Егор напоследок.

Мать Ромки сунула большой узел со всякой снедью. Мотоцикл помчался по улице под громкие крики пионеров. В конце улицы ссадили Павлика.

— Направо! — крикнул Ромка.

И они помчались по проселочной дороге, поднимая за собой пыльную завесу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СТАРТ

I

Справа и слева вдоль дороги тянулись фруктовые сады и виноградники. Вскоре показались хлопковые поля. Так ехали больше часа. Потом поля исчезли, и «разведгруппа» выехала к невысоким голым глиняным холмам, усыпанным мелкими камешками. Дорога была без выбоин, как асфальт.

— Прокатить с ветерком? — вызывающе спросил Егор, озорно прищурив глаза.

— Страсть как люблю быстрых лошадей! — отозвался Ромка.

— А разве плохо быстрее всех бегать, быстрее всех плавать? — спросил Топс.

— Прячьте шапки и крепко держитесь друг за друга, — предупредил Егор и сунул в карман пилотку.

Мотоцикл выехал на холм. Егор дал полный газ, и мотоцикл помчался вниз по пустынной ровной дороге, к холму, видневшемуся километрах в трех впереди. Замелькали кусты. Мимо поплыли холмы. От быстрой езды было и сладостно и жутко. Ведь так чудесно мчаться на мотоцикле веселой компанией все вперед и вперед!

Мотоцикл сильно тряхнуло. Егор сбавил газ и засмеялся, и все засмеялись, вытирая слезившиеся от ветра глаза. Опять началась пыльная дорога меж садов.

Проехали пять кишлаков. Солнце опустилось к горным вершинам.

— Мы проехали километров тридцать пять, — сказал Топс, — и скоро вечер. Ночью я дорогу не знаю, и спросить будет не у кого.

Ночевать ребята остановились на окраине ближайшего кишлака. Мальчиков тотчас же окружили сельские пионеры. Ромка охотно отвечал на все вопросы. Гостеприимные пионеры, восхищенные услышанным, настойчиво звали ребят ночевать в дом. «Разведгруппа» гордо отказалась, но согласилась спать на принесенной толстой кошме.

Проснулись ребята поздно. Вокруг них, на почтительном расстоянии от Барса, сидели пионеры. Все они принесли угощение — лепешки, виноград, инжир — и наперебой принялись угощать путешественников. Топс был в восторге. Да и все были горды оказанным им вниманием. Потом гостеприимные хозяева бегом провожали уезжавший мотоцикл.

Во второй половине дня запыленный мотоцикл с мальчиками и собакой подъехал к большому шоссе. Егор остановил машину под деревом.

— Устроим военный совет, — сказал он, — и всё решим. И давайте условимся: если уж примем решение, то все будем выполнять. Слезай с машины.

Ребята нехотя слезли с машины и уселись вокруг мотоцикла. Ромка, заметив на груди Егора свисток на веревочке, привязанный к карману гимнастерки, свистнул в него, но свиста не получилось, зато Барс мгновенно вскочил и подбежал к Ромке.

Егор засмеялся.

— Ты чего? — смутился Ромка. — Я могу исправить свисток.

— Это особый свисток, — сказал Егор. — Он исправный, но его слышит только собака, а человек не слышит.

— А ну дай! — попросил Топс и подул в свисток.

Барс насторожился и стал оглядываться.

— И я, и я! — закричал Гномик.

Ребята не успокоились до тех пор, пока каждый не подул несколько раз в свисток, не издававший никаких слышимых звуков.

— Надо осмотреть машину, — сказал Егор и стал осматривать мотоцикл.

Сиденье было потертое, краска во многих местах облезла, разные скаты и коляска с другой машины говорили о том, что мотоцикл был далеко не новый. Топс, услышав это, обиделся и заспорил, что «машина как новая».

— Это ее Пханов попортил, а была она новая, — обиженно твердил он.

Егор проверил свет — фара горела. Он ударил, как заправский шофер, каблуком в скат, чтобы попробовать, не спустила ли шина, и все ударили.

— Слабовато, — сказал Егор.

И тотчас же все ребята вызвались помочь ему подкачать. Гномик вынул насос, но его выхватил Топс.

— Я не могу допустить, чтобы моя машина была не в порядке, — сказал Топс. — Давай насос.

Наконец машина была осмотрена, и все пришли к заключению, что хоть она и не совсем новая, но хорошая.

II

— Военный совет начинается! — объявил Егор и сел под деревом.

Все сели в кружок. В середине разлегся Барс.

— Вот что, хлопцы, — сказал Егор: — вы все знаете, зачем мы едем в горы...

— Знаем, знаем — разведгруппа! — прервал его Ромка.

— Так вот, если мы найдем полковника Сапегина, он нам во всем поможет. Это, ребята, самый храбрый, самый справедливый, самый честный человек и самый веселый. А сейчас сочиним боевое донесение Борису о нашем мотомарше! — И Егор достал из своего рюкзака блокнот и конверт.

Ребята спешили, и получился длинный, бестолковый рапорт. Он никому не нравился. Топсу хотелось описать все очень ярко. Егор хотел писать кратко, как и полагается в боевом донесении. Ромка настаивал на подробном описании всех мест и событий, а Гномик хотел одного: скорее ехать.

Наконец написали так:

«Неизвестная высота на Ляхшском шоссе, под деревом, 16 часов 17 минут. 5 августа 1945 года.

Председателю совета 4-й пионерской дружины т. Б. Ладыгину.

Едем нормально. Все 4 активных штыка и Барс здоровы. Машина в порядке. Осталось 17 километров до урочища реки Чак. Завтра рано утром выступаем на разведку маршрута».

Егор подписался: «Воспитанник полковника Сапегина Егор Смоленский».

— А мы тогда как же? — спросил Ромка. — Уж лучше пиши: «Разведчики», и мы все подпишем.

— Разведчики чего? — спросил Топс.

— Известно чего, — отозвался Ромка: — разведчики маршрута зеленой страны, куда мы едем...

— Ладно, — согласился Егор. — Но раз мы разведчики, то, чур, быть боевыми, такими, как полковник Сапегин: храбрыми, честными, не трусить, чтобы один за всех, все за одного. Кто «за» — поднимите руки.

Все подняли руки.

— Этого мало, — сказал Егор. — Раз мы разведгруппа, то должны принять клятву, как в армии.

Где-то вдали на дороге послышался шум машины.

— Надо скорее ехать, — нетерпеливо сказал Гномик.

Егор, пошатываясь на одеревеневших ногах, вышел на шоссе. Мимо проносились машины. Егор поднял руку, но два грузовика проехали один за другим не останавливаясь. Наконец вдали показалась легковая машина. Егор вышел на середину шоссе и снова поднял руку. Машина остановилась.

— Вот письмо. Бросьте, пожалуйста, в почтовый ящик в городе, — попросил Егор, подавая шоферу конверт через открытое окно.

— Брошу,— пообещал шофер.— А спичек у тебя нет?

Егор подал коробку, сказав «возьмите себе», и спросил, куда ведет эта дорога.

— Эта? На юг, в город Ош, а оттуда, хочешь, мчись по хорошему шоссе через Памирские горы хоть в Хорог; а свернешь на ближней развилке вправо — попадешь в Фергану.

— А там что? — Егор махнул рукой на северо-восток.

— Там? Узун-Ахматский хребет и Ферганский хребет.

— А где река Чак?

— Там же. Если ехать напрямик, то по этой проселочной. — Шофер показал на дорогу по ту сторону шоссе. — Если стемнеет, держи на свет.

— На какой свет?

— Электрический! Он отражается на ближних скалах. Оттуда недалеко до колхоза «Свет зари».

Скоро машина исчезла из виду. Егор подлил бензину из запасного бачка, и мотоцикл снова тронулся в путь.

Вот тут-то и оправдалась пословица, что не всякий короткий путь самый быстрый. Они попали на очень плохую дорогу и ехали медленно, так как мотоцикл был перегружен.

III

Быстро темнело. Ребят растрясло, они устали и молчали.

— Никакого света не видно. Может быть, подождем, пока взойдет луна? — предложил Ромка. — Она уже всходит перед нами справа. — И Ромка показал вперед.

— Почему же она всходит на востоке? — неуверенно заметил Гномик.

— Ребята, да это, может быть, и есть тот самый свет? — поспешно спросил Топс.

Егор, мучившийся сомнениями, не заблудились ли они, сразу включил фару и поехал быстрее. Они доехали до перекрестка, откуда расходилось три дороги.

Меж деревьев и кустов, окаймлявших дорогу справа, ребята увидели поле, ярко освещенное электрическим светом, и услышали близкий шум работающих тракторов.

— По какой же дороге ехать? — спросил Егор у Топса.

Тот не ответил, и Егор остановил мотоцикл.

— Я здесь не ездил, — признался Топс.

— А еще хвастался, что знаешь дорогу в кишлак! — нетерпеливо сказал Ромка.

— Сбегай и спроси у трактористов, — сказал Егор. — Я не буду глушить мотор.

Топс слез и пошел на освещенное поле. Яркий сноп света на поле почти исчез. Было слышно и видно, как тракторы прошли поблизости, освещая путь фарами. Топс не возвращался.

— Сбегай ты, Ромка, — попросил Егор.

Ромка что-то недовольно пробурчал себе под нос и пошел на поле.

Шли минуты. Ни Топс, ни Ромка не возвращались.

— Заснули они там, что ли? — сердился Егор.

— Я сбегаю позову их, — вызвался Гномик и бегом побежал к полю.

— Ну и народ! — сердито сказал Егор через несколько минут.

Он заглушил мотоцикл и, оставив Барса стеречь, пошел в кусты. Егор сразу увидел всех троих. Их силуэты резко выделялись на фоне света от тракторных фар.

— Что вы стоите, как заколдованные? — спросил Егор, подходя к ним.

— Не можем найти трактористов, — скороговоркой, как одно слово, выпалил Ромка.

— Да вон же тракторы! Не видите, что ли? — вспылил Егор.

— А трактористов нет, — озадаченно сказал Гномик.

— Загадочная картинка, — насмешливо отозвался Егор: — читатель, найди, где на этом рисунке охотник, барс, лиса, топор, ружье.

Он внезапно умолк. Яркий свет прожектора осветил тракторы, тащившие плуги и бороны. За первым трактором уступом справа шел второй, за тем третий. Моторы работали, фары светили, а трактористов не было видно. Тракторы работали сами, без трактористов. Это было и странно и немного страшно.

Теперь молчали все четверо, не сводя удивленных глаз с тракторов, поворачивавших по кругу.

— Мальчики, уйдите с опытного поля, сейчас же ухо-

дите с опытного поля! — раздался очень громкий голос, очевидно в радиорупор.

Все четверо сразу же побежали прочь. Впереди мчался Ромка. Вначале свет прожекторов ослепил мальчиков. Ромка сбился с направления, но они поняли это, только забежав в неосвещенное хлопковое поле, показавшееся Ромке кустами. Здесь они увидели большую непонятную машину. По ту сторону ее, у освещенного лампочками механизма, стояли трое. Их-то и спросил Егор о дороге в колхоз «Свет зари».

— Крайняя слева, — ответил молодой человек в комбинезоне и направил луч света на ребят. — Вы откуда? — спросил он, удивленный их появлением.

— Как это так — тракторы работают без трактористов? — быстро спросил Ромка.

— Уходите, ребята, не мешайте, — строго приказал старик в спецовке.

— Управление по радио, — пояснил молодой человек, видимо довольный их восторженным удивлением.

— Ух, здорово! — только и нашелся сказать Ромка.

— Это вы и управляете ими через эту машину? — спросил Егор.

— Уходите, ребята, вам же сказано! — повторил старик.

А молодой человек пояснил:

— Это опытная хлопкоуборочная машина.

— Соня, занимайтесь своим делом! — сказал суровый старик.

— Хлопкоуборочный комбайн испытывается, он всасывает вату, — пояснил Топс.

— Это устроено по другому принципу, — коротко ответила девушка в комбинезоне, которую Егор принял за молодого человека, и скомандовала: — Кругом марш!

Мальчики весело побежали к мотоциклу.

IV

В призрачном свете луны все казалось таинственным и полным неведомых опасностей: и горная река, с грохотом катившая камни по дну, и темневшие за ней горы.

Егор, Гномик и Барс лежали рядом на плащ-палатке, разостланной на голой земле возле мотоцикла, и ждали возвращения Ромки и Топса, ушедших искать мост через реку. Ромка пошел вправо, вверх по берегу, а Топс пошел влево, по течению.

— А что, если на Ромку нападут волки? — вдруг спросил Гномик, поднимаясь на локте.

Егор, раскинув в стороны руки и ноги, лежал на спине, устремив глаза на луну, и после езды по тряской дороге ощущал истинное блаженство. Остывающий мотоцикл издавал странные звуки: он то потрескивал, то скрипел, то вдруг в нем что-то булькало. Егор прислушивался к этим звукам и испытывал гордость водителя за путь, пройденный без аварий.

Конечно, Егор умел ездить на мотоцикле, имел права и ездил на фронте, но не слишком часто и не слишком много. Обычно Егор ездил в минуты затишья, когда у полковника Сапегина было время заниматься ездой. Это бывало не часто. Вот почему первый самостоятельный пробег, законченный блестяще, наполнял Егора сознанием своей силы. Егор испытывал нежные чувства к этому послушному его воле механическому коню. Поэтому Егор в раздумье не сразу ответил на вопрос Гномика, и тот, не дождавшись ответа, лег на спину. Наконец Егор ответил:

— Волки не нападут. Они трусливые.

— Лучше бы дать ему ружье.

— Зачем? Ромка пошел в кишлак. Там увидят незнакомого мальчика с ружьем и пристанут с вопросами: кто, откуда да где взял ружье... Еще и отберут.

— А с Топсом ничего не случится? Налево какие-то заросли... Будет искать мост и вдруг встретит медведя...

— Медведь сам не нападает на человека, а если его сильно испугать, он от страха даже умереть может. Ведь Топс взял с собой одностволку, в случае чего он может выстрелить. А ты не бойся, Гномик. Хуже будет, если к нам змеи приползут. Говорят, их здесь много и они очень ядовитые.

— А ты, Егор, змей не бойся, я их руками беру, — успокоил его Толя.

— А когда ты их хватаешь за хвост, — спросил Егор, — они не шипят так: врешшь, врешшь, врешшшь?

Рядом раздалось сердитое шипенье змеи. Егор вскочил и испуганно посмотрел на то место, где он только что лежал. Толя громко рассмеялся.

— Ага, испугался! — сказал он. — Ну что, похоже шиплю?

— Это ты?

— Я. Здорово?

— Здорово! А ну еще.

— А ты хочешь созвать всех змей?

— Не надо. Ну их! А ты разве знаешь змеиный язык?

— Змеиный — нет, — сознался Гномик, — а вот птичий, это я могу.

— А ну пощелкай соловьем, — попросил Егор.

И вот послышался соловьиный свист, потом соловьиные трели. Одно колено сменяло другое, и если бы Егор не знал, что это свистит Гномик, он ни за что бы не поверил.

Егор долго стоял, не решаясь нарушить очарование, а когда Гномик замолчал, Егор тихо опустился на плащ-палатку и негромко запел: «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат, пусть солдаты немного поспят...»

И опять вспомнился Егору полковник Сапегин среди бойцов на привале. Егор невольно с грустью сказал:

— Эх, Гномик, какой человек Максим Иванович Сапегин! Второй Чапаев!

Мальчики помолчали.

— А ты где птичьему языку научился? — спросил Егор.

Гномик в ответ залаял, как собака, которой только что наступили на хвост. На этот раз вскочил Барс. Мальчики так и покатились со смеху. Барс подошел к Гномику, принюхался и, убедившись, что его провели, обиделся, отошел в сторону и там лег.

— Где же ты научился? — не отставал от Гномика Егор. — Вот молодец! Теперь я поверю, что ты и змей берешь руками.

— А я их не боюсь! — гордо ответил Гномик. — Я и тебя научу. Меня сначала отец учил. Он в Ленинграде при Естественно-историческом музее работал: чучела делал, змей спиртовал, жучков для коллекций собирал. Из жирных гусениц выдувал всю внутренность, а оболочку сушил. Он мог и змей подзывать и заставлять их танцевать под флейту. А язык птиц как он знал! Засвистит — и рябчик летит. Чуфыкнет в кулак — и тетерев на весеннем току к нему скачет. А зимой пискнет по-мышиному — и лисица к нему бежит... Вот какой он был! Таких больше нету! — Гномик замолчал.

— Так ты охотник? — спросил Егор, чтобы отвлечь мальчика от грустных размышлений.

— Не-ет, — прошептал Гномик. — Я любил собирать жуков, бабочек, иногда ловил пичуг... Пойдешь в поле, в лес, в овраг — хорошо: солнце светит, шмели гудят, птички поют, над водой стрекозы летают... Сядешь и рисуешь... Я за жуками в любые пещеры и ямы лазил. Ни грязи, ни змей не боялся. Один раз меня ребята искали-искали, звали-звали, наконец увидели, что мои ноги

из земли торчат, схватили меня за ноги и выволокли из большой норы под корнями — я туда за жуками залез. Я был тогда совсем маленький. С тех пор и прозвали меня пещерным Гномиком... А один раз я такого жука нашел! Ну никто не поверил, что это я нашел. Вот дело было! Многим ребятам, конечно, такие жучки неинтересны, они стараются, чтобы носорога или там жука-оленя выменять для коллекции, или бабочек красивых, махаонов всяких, а этот жучок был ну совсем неприметный. Я нашел его, а не знал, что за жук... Взял я определитель жуков и никак не могу найти этого жука. Бился, бился — понес его отцу. Жучок вроде обыкновенный, а оказалось, я первый открыл эту разновидность в Ленинградской области. Повезли жука в Академию наук. Меня в институт вызвали, расспрашивали. Уж я потом и старался! Все время искал новых жуков, да не успел найти — война помешала... Я и здесь ищу. Когда вырасту, энтомологом буду и художником.

Они помолчали.

— Я и чучела умею делать, — сказал Гномик. — Мы с учителем зоологии штук семьдесят сделали.

— Умеешь? — с уважением спросил Егор, не ожидавший, что этот тихий мальчик — мастер на все руки.

— Да это совсем нетрудно, — ответил Гномик, — если есть формалин и мышьяковистокислый натр. Снял шкуру чулком, намазал ее изнутри раствором, а потом набил чучело соломой, чтобы зверь был как живой. Тут и проволочки разные нужны, и солома, и подставки. А то еще делают из папье-маше туловище зверя и натягивают на него снятую шкуру. Я так не умею... Недавно я сделал чучело барсука. Вот здорово получилось! Никто не верил, что это я сам сделал. Учитель подтвердил. А я сначала в Зоологическом саду зарисовал барсука, а потом сделал чучело по этому рисунку... А у тебя, Егор, папа и мама есть?

— Нет! — коротко ответил Егор и замолчал.

— У меня тоже нет. Папа в Ленинграде погиб от бомбы, а мама пропала при бомбежке нашего эшелона с эвакуированными. И я попал сюда, в детский дом. Из детдома начали брать ребят на воспитание. Пришла тетя Глаша, Глафира Николаевна, наша учительница рисования, увидела, что я рисую, поговорила со мной и спрашивает: «Хочешь, вместе будем твою маму искать? А пока будешь у меня жить». Сначала я ее боялся. Она такая высокая и, кажется, сердитая, редко улыбается. Никогда не крикнет, пальцем не тронет, а как скажет: «Тебе надо расти, доедай», — уже сыт, а еще съешь. Она заставляет меня каждый день хоть понемногу рисовать. Я даже научился рисовать масляными красками. Месяца два назад мы поехали к знакомому охотнику. Он для нашего зоологического кабинета разных птиц настрелял. Надо было снять с них шкурки с перьями. Потом мы из них шестнадцать чучел сделали. Попробовал я срисовать их красками. У мертвых птиц совсем другой, какой-то тусклый цвет перьев. Теперь попробую срисовать с натуры, живых... Егор, ты не спишь?

Егор не ответил. Его клонило ко сну. Замолчал и Гномик. Он смотрел на огромную сверкающую луну и не мог отвести от нее глаз.

— Егор, как ты думаешь, есть люди на Луне?

— Не знаю. Полковник Сапегин говорил, что на Марсе есть жизнь. Там и пустыни есть, и каналы, и деревья с красными листьями. Он говорил: «Построим огромную «катюшу» и полетим в этом снаряде на Марс». А ты бы полетел?

— С тобой бы полетел. Ты хороший!

— Хочешь, я буду тебе помогать и у нас будет так, как у меня с полковником Сапегиным?

— Хочу!

— А стрелять ты умеешь?

— Не умею.
— Я научу.
— Не надо.
— Боишься стрелять?
— Страшно... немного... Ты не смейся, это у меня после бомбежки эшелона.

V

Лунная дорожка переместилась через реку правее, и с горы подул слабый ветерок. Барс услышал вдали шаги и ткнул мордой в щеку задремавшего было Егора. Мальчик знал этот сигнал и сразу проснулся. Монотонно, как и прежде, шумела река. Егор осторожно, чтобы не разбудить Гномика, вытянул у него из-под головы свое ружье.

Донесся тихий свист. Егор ответил. Большая тень приближалась по берегу, то появляясь, то исчезая в кустах.

— Это я, Топс! — раздался вблизи приглушенный голос.

— Чего же ты свистишь? Ты бы, как разведчик, перепелкой кричал или совой.

— Так мы же не условились.

— Мало что! Отсутствие правильного взаимодействия, как говорил полковник Сапегин, губит самые лучшие военные планы. Ну как?

— Прошел я километра два вниз по течению — никакого моста. Река такая же бурная, как здесь. Переправиться вброд и думать нечего: утонем. Спугнул какого-то зверя. Он ка-а-ак зашумит — и в кусты! Ух, и зверюга! Не иначе, тигр!

Мальчики засмеялись.

— Здесь тигров нет, — вдруг отозвался Гномик.

— Вот что, тигр, давай спать, — сказал Егор, — а то скоро опять в путь.

Топс растянулся рядом.

Ребята задремали.

Лунная дорожка переместилась еще правее, туда, где над рекой возвышались камни в белой пене. И опять Барс ткнул своим холодным носом щеку хозяина. Это неслышно подошел Ромка.

— Я — как разведчик в тылу врага, — возбужденно прошептал он.

Егор растолкал ребят.

— Все узнал. Есть очень важные новости, — сказал Ромка. — Гарун здесь.

— Гарун здесь? — Егор быстро вскочил. — Каким образом?

— Гарун сел верхом на кондора, тот распластал крылья и через секунду быстрее лани, быстрей... — начал Топс.

— Вот как стукну! — сказал, замахиваясь на него, Ромка.

Топс замолчал.

— Эх ты, — обратился Ромка к Егору, — а еще военный! А самолеты на что?

— Не станешь же ты уверять нас, — сказал Егор, — что Гаруну специально, чтобы встретиться с нами, дали самолет.

— Я не знаю, для чего ему дали самолет, — с достоинством ответил Ромка, — но знаю одно: я видел его так же близко, как вижу тебя. Он сказал мне, что прилетел на «ПО-2» и ждет нас.

— А как же ты его нашел?

— А я его и не искал. Там кишлак, и там есть мостик.

— А на мостике овечка, у овечки хвостик, — опять начал Топс.

— Замолчи, Топс! — прикрикнул Егор. — Да договаривай, Ромка, скорее!

— А что говорить? Я все сказал, — ответил Ромка. — Гарун сидел возле моста и ждал нас. Говорит, что это единственный мост через реку в этом районе и другого пути отсюда в горы нет. Он уже пошел было со мной сюда, а потом говорит: «Ты беги к ребятам, выезжайте на мотоцикле к кишлаку. По дороге увидите старый мазар, там встретимся».

— Мазар?

— Ну, склеп такой, старая гробница — вроде сарайчика. Вот там надо съехать с дороги к мазару и ждать.

— А ты не врешь? — усомнился Егор.

— Честное пионерское, чтоб мне провалиться на этом месте!

— Значит, ехать сейчас же по дороге к кишлаку Чак и у мазара ожидать. А еще что говорил Гарун? — спросил Егор.

— Сказал, что есть что-то очень важное, он сам нам все объяснит, — ответил Ромка.

— По машинам! — протяжно, как обычно командовал полковник Сапегин в таких случаях, крикнул Егор и первый бросился к мотоциклу.

Гномик поспешно повесил себе за спину ружье и свернул плащ-палатку, а Барс сразу же вскочил в коляску, вернее — на коляску, так как она была загружена доверху.

VI

Светила луна. Ребята быстро разместились на мотоцикле, Егор включил зажигание, дал газ и нажал ногой педаль доотказа. Мотор затарахтел. Егор включил первую скорость и вырулил на дорогу, включил вторую и затем третью скорость, и мотоцикл понесся по дороге;

потом он чихнул один раз, другой, третий. Егор покрутил ручку до предела, это не помогло. Мотор зачихал, и мотоцикл остановился.

— Газуй! — заволновался Ромка.

— Сам знаю, — сквозь зубы ответил Егор и снова завел мотор.

Но как только он включил скорость, мотор заглох. Егор соскочил и попробовал завести мотор. Ребята окружили его, стараясь помочь.

— Вот всегда так бывает, — заметил Ромка: — если очень торопишься, обязательно что-нибудь да разладится.

— Теперь вся искра в баллон ушла, — трагическим голосом возвестил Егор, повторяя излюбленную шутку шоферов.

— Ну и влипли! — сказал Ромка в тон Егору.

— Значит, все пропало? — испугался Гномик.

— Надо поймать искру в баллоне, — продолжал шутить Егор. — Ты ее рукой, а она ка-а-ак даст, так и отлетишь. Ну, кто ловить будет?

Никто не вызвался ловить искру.

— Я попробую, только я не умею, — робко предложил Гномик.

Егор перестал шутить, попробовал завести мотоцикл, но мотор не хотел работать. Он проверил — бензин есть, ток есть. В чем же дело? Может быть, свечи забило? Егор вывинтил из цилиндров свечи. Они были сухие, в порядке.

— Ну что, нашел искру? — то и дело спрашивали ребята.

— Сами ищите! — буркнул обеспокоенный Егор, не переставая нажимать ногой на педаль.

— Дай я, ты уже выдохся, — предложил Топс.

Егор вначале упорствовал, но потом согласился, чтобы Топс сменил его. Топс быстро нажимал педаль раз

за разом, Егор крутил ручку «газа», Ромка стоял рядом и подавал советы. Гномик усердно молча заглядывал во все сокровенные части мотоцикла, в которых он ничего не понимал, но делал это, чтобы не стоять сложа руки. Мотоцикл, как назло, не заводился.

— Тоже мотоциклисты! Дай-ка я заведу, — сказал Ромка, отстраняя правой рукой Егора, а левой стаскивая Топса с сиденья.

Огорченный Егор отошел от мотоцикла. Ромка уселся с видом знатока на мотоцикл. Он долго возился, устал и наконец, раздраженный неудачей, сказал:

— И где ты только, Топс, откопал этот старый гроб! Его надо на свалку!

— Сам ты гроб! — обиделся Топс.

— Я придумал, я придумал! — воскликнул Гномик.

— Ты?! — чуть не в один голос воскликнули мальчики.

— Ага, я. Давайте покатим мотоцикл, тут недалеко ведь.

— Верно, — согласился Ромка. — Только раз мотоцикл Топса, пусть он сам его и тащит!

И все же мотоцикл дружно покатили по дороге в кишлак, и только Барс продолжал важно лежать в коляске. Когда мальчики приблизились к мазару, Барс зарычал. Егор приказал ему замолчать.

— Машина системы «Сам пре»! — раздался веселый голос Гаруна из-под теневой стены мазара. — То вы катались на мотоцикле, а теперь мотоцикл катается на вас. Ну, рассказывайте, что случилось с Борисом?

Мальчики наперебой стали объяснять Гаруну, почему Борис не поехал. Гарун был очень огорчен.

— Я рассчитывал, что Борис меня на время заменит, — наконец сказал он.

— Разве ты не поедешь с нами? — удивился Топс.

— Не могу сейчас, — сказал Гарун. — А сами вы не справитесь?

— Мы не справимся? — Ромка даже задохнулся от негодования. — Да что нам Борис? Чем мы хуже его? Да я...

— Стоп! А что случилось с мотоциклом? — поинтересовался Гарун.

— Искра в баллон ушла, — робко сказал Гномик.

— Ну, меня этим не проведешь, я сам с усами!

Гарун подошел к мотоциклу и нажал кнопку: рев гудка показал, что зажигание в порядке. Гарун нажал педаль и дал газ. Мотор молчал.

— Брось его, — сказал Ромка. — Говори скорее: что нам делать?

— Нет, — ответил Гарун, трогая пальцами карбюратор и бензопровод. — Мне на нем обратно ехать.

— Значит, уедешь от нас на нашем мотоцикле? — ревниво спросил Егор.

— На этом самом, — весело ответил Гарун и, уверенно сев в седло, нажал педаль.

Мотор заработал четко, все громче и громче, выпуская густые клубы дыма.

— В чем же дело? Почему он у меня не заводился? — воскликнул Егор.

— Дело в кранике или, вернее, во внимании. Ты перекрыл краник бензопровода, и бензин не мог попасть из бака в карбюратор.

— Ох, я и шляпа! Ведь это я сам закрутил краник, когда приехали к реке, а открыть забыл.

— Со всяким бывает, — примирительно ответил Гарун. — Подойдите поближе.

Мальчики обступили Гаруна.

— Пакет у тебя? — спросил Гарун, кладя руку на плечо Егору.

— У меня, — подтвердил Егор, нащупывая пакет в кармане гимнастерки.

— Очень хорошо! — сказал Гарун. — Если я не прибуду, пакет откроете десятого.

— А ты не пойдешь с нами, Гарун? — с тревогой в голосе спросил Гномик.

— Сейчас никак не могу. Я сюда прилетел по срочному заданию редакции и уеду отсюда на вашем мотоцикле, а вы пойдете пешком, как полагается разведчикам.

— Но ведь мы брали продукты из расчета и на тебя, — заявил Топс.

— Спрячьте мою долю и лишний груз соли и дроби неподалеку в горах. Это будет ваша как бы запасная база. Идите не спеша. В горах, да еще с грузом, вы будете двигаться по два-три километра в час. Переходы делайте небольшие. Идите не больше пяти-шести часов в день.

— Тогда мы будем двигаться, как черепахи, — с досадой сказал Ромка, у которого была привычка всегда спешить.

— А куда вам торопиться? Дружина сможет двинуться не раньше двадцать второго августа. Вы уже на марше. Лишь бы вы к десятому августа были у истоков реки. Завтра же вы начнете знакомиться с плодовыми лесами, растущими по склонам.

— У нас нет карты, и разрешения от Чукмасовой мы не достали, — сказал Ромка.

— Карту я вам дам, — сказал Гарун, — а вот с разрешением надо что-нибудь придумать. Борис поправится и привезет его вам. Лучше не попадайтесь на глаза объездчикам. Я предупрежу в лесничестве. Вот вам карта.

Егор взял карту и развернул ее:

— Это же кроки! У нас такие есть, только похуже.

— Раз ты в этом разбираешься, то и кроки тебе помогут, как карта. На этих кроках отметите разведанный вами маршрут для будущего похода пионеров, лучшие места привалов, уточните притоки, броды на них. До озер можете не доходить, но будьте возле правого южного истока реки Чак.

— Что это такое «кроки»? — тихо спросил Гномик.

— Здесь нарисовано главное, что есть в карте, только не так подробно, — ответил Егор.

— Я довезу вам груз до моста, а потом поеду в кишлак — возьму там бензин, — сказал Гарун.

Он сел на мотоцикл и медленно поехал, чтобы ребята могли итти рядом. Возле моста он помог выгрузить вещи, проверил груз, похвалил за укладку, пожелал ребятам успеха и, сказав: «Командуй, Егор», уехал.

Шум мотоцикла, затихший вдали, заменили частые вздохи, выражавшие сожаление о мотоцикле, которым ребята так гордились, неуверенность и тревогу.

— Ребята! — закричал Топс. — Я забыл передать Гаруну документы на мотоцикл, паспорт...

— Эх ты, разиня! — с досадой сказал Егор. — Сейчас же беги отнеси, аллюр три креста. Ты кишлак знаешь. Гарун, наверное, будет у склада горючего.

Топс побежал в кишлак. Егор сел на край моста и свесил ноги над шумной рекой. Ромка и Гномик последовали его примеру. Барс лег рядом. Мост был необычный: узкий, немного горбатый, без перил, выстланный поперечными бревнами. Так они просидели молча минут сорок. Всем хотелось спать. Но вот Барс прислушался, встал, и вскоре мальчики услышали торопливый топот ног. Это прибежал Топс. Он задыхался от быстрого бега и был чем-то сильно взволнован.

— Догнал? — спросил Егор.

— Нет! — еле переводя дух, ответил Топс. — Я вам

скажу такое, такое... — И он, не в силах выразить свои чувства, потряс кулаком над головой.

То, что услышали мальчики, мгновенно согнало сон. Из несвязного рассказа Топса, прерываемого вопросами ребят, выяснилось, что он увидел в тени дерева недалеко от кишлака группу людей возле мотоцикла и машины. Топс решил, что мотоциклист — это Гарун, и пока раздумывал, удобно ли подойти к Гаруну, услышал поразительные новости: в горах, у истоков реки Чак, девятого августа ожидают приземления нескольких парашютистов. Их будут ловить возле кишлака Чак. Подробностей Топс расслышать не мог, так как в этот момент его заметили, приказали подойти, спросили, что он здесь делает, и, узнав, что мальчик ищет Гаруна — мотоциклиста с коляской, сообщили, что таковой уехал пять минут назад.

— Что же нам теперь делать? Вернуться назад или ждать? — с тревогой, почти шопотом спросил Гномик.

— Назад? Это ты сказал «назад»! Да понимаешь ли ты, что ты сказал, трус несчастный? — гневно спросил Ромка, обуреваемый желанием совершать геройские поступки.

— Я только спросил, — оправдывался Гномик.

— Ах, ты только спросил! Лучше бы ты спросил, как в таком случае должна действовать разведка... Егор, объясни ему!

— Ребята, — сказал Егор, — мы могли бы выследить, где спустятся парашютисты, выследить хотя бы одного и сообщить об этом военным. Дело не такое уж трудное.

— А хотя бы и трудное! — возразил Ромка и вслух принялся фантазировать, как все это произойдет.

— Нам никто не приказывал, а если мы оскандалимся — нас засмеют, — возразил Топс.

— Трус! — воскликнул Ромка. — Каждый пионер должен защищать Родину!

— Не робей, ребята! Главное, чтобы было чувство

локтя, боевая спайка. Все за одного и один за всех, как говорил полковник Сапегин. А ну, нагружайся — и вперед! — скомандовал Егор.

Мальчики, кряхтя, взвалили себе на плечи тяжелый груз.

VII

В ночь на шестое августа четыре маленькие фигуры, согнувшись под тяжестью груза, перешли мост возле кишлака Чак и углубились в предгорья Узун-Ахматских гор. Лай собак в кишлаке слышался все тише и наконец затих вдали. Мальчики поспешно шли вперед, чтобы до рассвета достичь леса.

— Надо правее, — прошептал запыхавшийся Топс, шумно дыша не столько от усталости, сколько от волнения. — Река Чак впадает в ту большую бурную реку, через которую мы перешли по мосту, где-то правее от нас.

Егор, еще раньше изучивший кроки, подтвердил это, и они пошли правее. Незнакомый путь ночью всегда кажется очень длинным. Мальчики уже шатались от усталости, а горной реки Чак все еще не было слышно.

На востоке на побелевшем небе четко вырисовывались черные контуры гор.

— Я не могу больше итти, — шептал Топс.

— Я тоже устал, я устал, — твердил Гномик.

— Больше жизни! Ведь мы должны разведать маршрут, постараться выследить парашютиста и пройти незамеченными, — подбадривал их Егор. — Дойдем до тех зарослей, что темнеют впереди, и там сделаем привал.

Когда путники подошли к зарослям, начинался рассвет. Гномик, Топс и Ромка, как по команде, не снимая груза с плеч, повалились на траву.

— Отвяжите ношу, так не отдыхают на привале, — требовал Егор.

Но ему никто не ответил. Ребята уже спали. Егор снял свой рюкзак, отцепил у ребят заплечные мешки, свалил весь груз в одну кучу, приказал Барсу стеречь и сам заснул сразу, как только коснулся земли.

ПО АЗИМУТУ

I

Солнце поднялось над горами, а ребята спали всё в тех же позах, как легли. Только Барс бодрствовал. На ветках прыгали щеглы, перепархивали дрозды; горлица опустилась на ветку, но, заметив под деревом пришельцев, сорвалась и улетела.

В полдень на ребят напали слепни. Послышались шлепки, сонные возгласы, и наконец мальчики проснулись. Заспанные лица их припухли, и на щеках были видны следы веточек и камней, на которых они лежали. Все с изумлением смотрели друг на друга, на деревья и кусты, окружавшие их, не совсем представляя себе, где они и что с ними.

Над головами мальчиков висело много каких-то очень коротких стручков.

— Были бы стручки длиннее и тоньше, как на акации, я бы мировые пищики смастерил, — похвастался Ромка и нехотя сорвал стручок, висевший почти перед его носом. Он раскрыл стручок, высыпал два крупных зерна на ладонь, потом себе в рот и пожевал. — Есть можно! — весело объявил он и потянулся за стручками.

Ребята сорвали по нескольку стручков, тоже недовер-

чиво пожевали, потом вошли во вкус и стали пригоршнями есть зерна. Они сразу же почувствовали голод. Захотелось пить.

— Вкус, как у фисташек, — сказал Топс.

— Ребята, да ведь это и есть фисташки! — вдруг закричал Ромка, пораженный своим открытием. — Честное слово, фисташки! Самые настоящие фисташки в костянках, а не в стручках! Только еще не совсем спелые. Я первый открыл!

— Фисташковая роща! — крикнул Топс в восторге.

— Фисташковый лес! — отозвался Егор.

Вот тут-то ребята и приналегли, да как! Шутка ли, не часто приходилось есть фисташки, а тут перед ними рос большой фисташковый лес, ешь сколько душа хочет. Это было как в сказке, когда перед героями вдруг появляются яства.

Забегая вперед, надо сказать, что никогда после этого случая ребята уже не могли есть фисташки, так они объелись.

Тут же решено было отметить фисташковую рощу как первое место привала для большого похода.

— Воды хочется, — наконец сказал Гномик.

— А ну-ка, Ромка, сбегай принеси, — скомандовал Егор.

— А почему я, почему не ты, не Топс?

— Не вступай в пререкания с командиром! Так ведь каждый скажет! — рассердился Егор.

— Конечно, пойду, с удовольствием пойду, — неожиданно согласился Ромка: — жарко, я хочу пить, а там и искупаться можно.

Ромка нарочно сказал это, чтобы раззадорить ребят.

— Хитер! — сказал Егор. — Я сам пойду, а то ты, пожалуй, заблудишься.

— Не нужно! Что я, маленький?

— Нет, оставайся и карауль груз.

— Какой же ты командир? Разве полковник Сапегин, отдавая приказ, отменял решения? Давай во всем делать так, как он.

— Ну ладно, — согласился Егор. — Значит, ребята, всё будем делать так, как полковник Сапегин? — спросил он.

— Будем, конечно.

— Мы с Ромкой пойдем за водой и на разведку, а ты, Топс, и ты, Гномик, оставайтесь стеречь.

— Вы будете купаться, — сказал Топс, — а мы? Вот уж такой несправедливости полковник Сапегин никогда бы не допустил! Он так бы сделал: если итти купаться, так всем; если не итти, так всем; если есть, так всем.

— А ты откуда знаешь, как бы поступил Сапегин? — удивился Егор. — Ведь ты его и в глаза никогда не видел!

— Разве ты сам не говорил, — настаивал Топс, — что полковник самый справедливый человек?

Егора били его же оружием. Хорошенько подумав, он согласился, что вряд ли Сапегин пошел бы сам купаться, оставив товарищей. Не в характере Егора было упорствовать в своих ошибках.

— Ладно, Топс! — сказал Егор. — Пойдем все разом. Но мы отряд, у нас есть боевое задание. Полковник Сапегин всегда выяснял, у кого к чему душа лежит. Один лучше в разведке, другой при кухне. Роман, например, хорошо стреляет, Топс неважно, а ты, Гномик, значит, совсем не стреляешь?

— Совсем, — сознался Гномик, — и не хочу.

— Почему?

— Я раз пробовал... Ружье толкает, глушит, и потом не видно, куда оно стреляет.

— Как не видно?

— Глаза сами собой зажмуриваются.

— Эх ты, вояка! — презрительно отозвался Топс.

— Мы выступаем на марш до реки,— сказал Егор. — В маршевых колоннах впереди отряда всегда идет передовой отряд с разведкой, потом основной отряд, а позади тыловой отряд — прикрывает, а по бокам дозоры. Тебя, Роман, я назначаю командиром основного отряда, ты иди в середине, с одностволкой. Я передовой отряд и пойду впереди вас. Топс, второй эшелон основного отряда, идет позади тебя. Гномик — тыловой отряд нашей колонны. А Барс — разведка, застава и дозоры. Сейчас надо ориентироваться по компасу, и мы пойдем по азимуту.

— У нас даже компаса нет! — спохватился Ромка.

— Компас есть! — Егор достал из кармана гимнастерки компас. — Трофейный! Его полковник Сапегин мне оставил, когда уезжал в госпиталь.

— А ну, дай посмотреть, — попросил Ромка.

Каждый хотел подержать компас, но Егор не выпускал компаса из рук.

— Вот север!

И ребята наклонились над стрелкой.

Егор вынул карту и, положив на нее компас, повернул ее северной стороной туда, куда показывал компас.

— А это наша точка стояния. — Егор ткнул пальцем в крошечное пятно. — А река, куда мы идем, — за кустами, возле горы; значит, итти надо на юго-восток. Пойдем без дороги, напрямик, просто по азимуту.

Ребятам понравилось выражение «итти просто по азимуту».

Но нелегко было «просто по азимуту» пробираться в густых зарослях, да еще с грузом. Вначале шли цепочкой, но ветки, которые раздвигал, а потом выпускал передний, больно хлестали идущих сзади, и цепочка растянулась. Скоро все перепуталось. «Тыловой отряд» пошел впереди «основного», а «второй эшелон» шел рядом, обгоняя «передовой отряд». «Боковые дозоры» (Барс) носились взад и вперед.

II

Егор вел отряд по компасу на юго-восток.

— Хороший азимут! Тут без глаз останешься! — сердился Ромка, с трудом пролезая в кустах. — Надо двигаться туда, где кончаются кусты.

— А в какой стороне они раньше кончаются? — спросил Егор, хитро прищурив один глаз.

Ромка не мог этого сказать.

— Залезли! — ворчал он и хотел что-то добавить, как вдруг впереди трава и кусты пришли в движение, раздались шум, треск и рычанье Барса.

— Обезьяна, обезьяна! — неистово завопил Гномик.

— Медведь, медвежонок! — кричал Топс.

Мешки с плеч полетели на землю. Топс и Гномик мгновенно очутились на деревьях. Ромка схватился правой рукой за ветку, готовый при первой опасности взвиться вверх.

— Заряжай картечью, патронами с картечью! — кричал Егор, сбрасывая, как и другие, груз на землю.

Дрожащими руками он шарил в патронташе; вытаскивая патроны, смотрел на цифру, обозначенную на бумажке пыжа, прикрывавшего дробь, и совал обратно: № 3 — зайчатник, № 5 — утятник, № 9 — бекасинник. Но где же № 00 или № 000?

Ромка, успевший зарядить ружье раньше Егора и сообразивший, что никакого медведя нет, поспешил вперед. Ребята услышали выстрел и восторженный крик Ромки:

— Убил дикого кабана!

Егор и Топс побежали к нему. Гномик осторожно следовал позади.

— Где же он? Где? — кричали мальчики, догоняя бегущего Ромку.

— Вон, в кустах, — отвечал Ромка, на бегу наво-

дя ружье в зверя, промелькнувшего в траве впереди Барса.

— Не стреляй, собаку убьешь! — крикнул Егор, останавливаясь и прицеливаясь.

Одновременно грянули два выстрела.

Ромка подбежал к Барсу, с рычаньем терзавшему что-то в траве, и закричал:

— Это я убил, я!

— Нет, я убил: считается последний выстрел! — протестовал Егор.

Мальчики были так возбуждены, что будь перед ними раненый тигр, они бросились бы и на него. Наконец удалось оттащить за ошейник Барса, и мальчики увидели в густой помятой траве небольшое серое животное.

Гномик поднял трофей за ногу.

— Да это барсук! — сказал он. — Обыкновенный барсук! Тоже охотники! Кричат: «Кабан, кабан!» Мой отец убивал барсуков, и мы ели их мясо и сало, а из шкур делали чучела для школ и музеев. Барсучье мясо не отличишь от свинины, а жир вылечивает от туберкулеза.

— Тоже профессор! А кто первый кричал «обезьяны, обезьяны»? — недовольно пробурчал Ромка.

— Обезьяны будут дальше, там, где леса в лианах,— обещал Егор.

— Какой тяжелый! — сказал Топс. — Давайте сейчас же жарить. А то «курсак пропал», — и он похлопал себя по животу.

— «Курсак пропал»! — передразнил его Егор.— Надо до реки дойти. Там и костер разложим.

— Дай я понесу. — Топс взял барсука за ногу и дернул к себе.

— Не вырывай, я уже несу! — рассердился Гномик.

— Не ссорьтесь, хлопцы! Брось, Топс, понесет охотник, — сказал Егор и протянул руку.

— Я убил, а не ты, я и понесу, — сказал Ромка, отстраняя руку Егора.

— Ладно уж! Чего там! — проговорил Егор. — «Потери противника — трофеи наших войск». Считай своим, не жалко. Мы с полем, как говорят охотники, а это главное. Вот у нас уже и есть мясо! — И он весело крикнул: — Вперед, орлы! Больше жизни!

Ничто так не окрыляет, как первый успех. Вот идут они, удачливые охотники, и солнце светит им весело, и птицы поют, и деревья кивают ветками, и все так хорошо и чудесно, что просто петь хочется!

Мальчики шли радостные и возбужденные, и каждый стремился рассказать, что он подумал, почувствовал, увидел и сделал. Они шли в высокой траве, иногда скрывавшей их с головой, и чувствовали себя землепроходцами, открывающими новые земли.

Наконец кустарник расступился. Ребята увидели перед собой могучие дикие горы, поросшие густыми лесами. А если посмотреть влево, вверх по ущелью Чак, то там, далеко на востоке, лесистые горы вздымались ступеньками все выше и выше и суровыми серыми вершинами заслоняли треть неба.

Ребята стояли молчаливые и встревоженные. Вокруг них была дикая природа. Неприступные скалы, бурные потоки, хищные звери. Последний кишлак остался позади. Что ждет их, так дерзко отважившихся пуститься в путешествие, полное тайн и опасностей? Выдержат ли они без Гаруна? Все эти мысли и чувства можно было прочесть на лицах ребят, ставших сразу серьезными.

Залитая солнечным светом, перед горами, у входа в ущелье Чак, раскинулась веселая долина, уставленная копнами сена. Яркие цветы и пестрые бабочки, порхавшие в воздухе, дополняли пейзаж. Совсем близко шумела горная река Чак, делившая ущелье на две неравные половины — очень узкий северный берег, по которому

ребятам предстояло итти вверх, и широкий луг на южном берегу, где проходила дорога. На берегу реки росли хвойные деревья и кусты.

Егор глубоко вздохнул и спросил:

— Здорово?

— Здорово! — ответили ребята.

Они были счастливы и горды: они, бесстрашные разведчики, уже на одну треть выполнили задание дружины и достигли благодатного края.

III

Ребята бодро двинулись вслед за Егором к реке, громко сожалея, что нет Бориса и что он не видит эту красоту. На каменистом берегу они расположились под большой арчой.

— Я буду свежевать зверя, — предложил Гномик, вынимая нож.

— Ну, а я пойду за дровами. Видишь, сколько кругом сушняка! — вызвался Егор.

— А я буду варить обед, — сказал Топс, — я умею.

— Ну, а я на охоту! — И Ромка вскинул ружье на плечо.

— И труд и радость надо делить пополам, — сказал Егор: — давай-ка наберем вместе дров, а потом и пойдем все на охоту.

Ромку била «охотничья лихорадка», и он нехотя согласился.

Топс сложил под большой арчой каменный очаг, разжег костер, сбегал на реку с чугунком, принес воды и поставил на огонь. Гномик подвесил барсука за задние ноги к суку и стал умело снимать с него шкуру. Барс сидел рядом с ним, не сводя глаз с мяса, и облизывался. Егор и Ромка носили дрова.

— Можжевеловые дрова лучше всех, разве что дуб не хуже — горит, как порох, и тоже дает много горячих углей, — говорил Ромка, набирая целую охапку дров. — А вот осина — ничтожное дерево: дрова все время сыпят искры, а жару не дают.

Егор изо всех сил тянул сухой сук и бормотал:

— Не ломаешься, а я все-таки сломаю!

Ромка отнес уже две охапки дров, а Егор все еще возился со своим сухим суком. Ромка подошел помочь, посмотрел на дерево и безнадежно махнул рукой:

— Не сломаешь, — сказал он. — Это железное дерево, даже топор о него тупится. Ясно?

— А ты откуда знаешь?

— Я же говорил тебе, что мой отец лесничим на Кавказе работал. Ну, и я рядом с ним. Бывало отец в отъезде, а я его заменяю. Отец приедет, волнуется, как тут без него справились, а поглядит — все в порядке!

— А ты медведей стрелял? — спросил Егор.

— Стрелял.

— А тигров?

— И тигров.

— А тигры на Кавказе не водятся.

— Скажешь! Они забегали из Ирана.

— А собаки у вас были? — поинтересовался Егор.

— А как же... штук двадцать.

— А они не лаяли так: брех, брех, брех!

— Вот, уж и рассказать нельзя! Ну, штук десять было.

Так, разговаривая, они собирали дрова. Мясо давно уже кипело в котле. Топс засыпал суп рисом. Вскоре ребята уселись обедать и наперебой уверяли друг друга, что такого вкусного супа и мяса они никогда не ели.

— Ешь больше, Гномик, бери самые жирные куски, тебе полезно, — говорил Егор: — охотничья пища — это самая здоровая еда... А теперь, — сказал он, пряча

ложку за голенище сапога, так, как делали настоящие фронтовики, — теперь устроим второе заседание военного совета.

Но ответом ему был дружный храп. Мальчики лежали, закрыв глаза, и демонстративно храпели. Егор тоже сладко зевнул, потянулся, лег и заснул.

IV

Долго спать не пришлось: Егора разбудил Барс. Сквозь ветки кустов было видно, как километрах в двух от них с горы спускается на водопой стадо.

— Вставайте! Гарун сказал, чтобы никому не попадаться на глаза, — сказал Егор.

Ромка звучно зевнул, потянувшись всем телом:

— Пусть думают, что мы сборщики яблок и орехов.

— А разрешение на сбор?

— Ага, — отозвался Ромка, — вы спрашиваете у нас разрешение? Как же, есть. Где оно? — Ромка тщательно начал шарить по карманам. — Ага, вспомнил: оно у нашего бригадира. Вы не видели его? Такой бородатый, усатый, пожилой полковник в отставке, товарищ Сапегин. Документы у него. Он немного отстал и идет позади нас. Вы к нему обратитесь.

— Тебе бы в театре играть! — с восторгом сказал Егор. — Сборщики — это подходит как оперативная маскировка нашего отряда.

— Еще бы! — самодовольно ответил Ромка. — Или скажем, что мы изучаем леса! Почему бы нам не собирать коллекции для школы?

— Мы обязаны собрать, — вставил Гномик. — У нас уже есть шкура барсука. Правда, я думал собирать коллекцию после прихода дружины, но можно начать теперь. У нас в школе будет самый лучший зоокабинет!

— Собирать камни куда интереснее! — настаивал Топс. — У меня в Днепропетровске собственная коллекция камней была.

— Нет, леса интереснее, — возразил Ромка: — в лесах все есть — орехи, яблоки, дубы...

— Сам ты дуб! — сказал Топс.

— Тише, не кричите! — остановил их Егор. — Решим так: мы изучаем леса, животных и птиц, камни, реки... Одним словом, все, все.

— Комплексная экспедиция, — подсказал Ромка, — есть такая вывеска в городе. Это значит — изучаешь все вместе: и леса, и зверей, и горы.

— Хорошо, значит мы комплексная экспедиция, — согласился Егор и задумался. — В порядке оперативной маскировки мы скажем, что нас двадцать человек — пять отрядов по четыре, — а командует нами Сапегин. Комплексная экспедиция полковника Сапегина.

— Здорово! Вот здорово! — Ребята были в восторге от выдумки.

— Вот что, — предложил Егор: — надо нам сегодня же начать записи о маршруте и вести журнал наблюдений... ну, и собирать образцы камней и растений. У меня в рюкзаке есть книжка с пустыми бланками боевых донесений. Вот и будем в них записывать. Этот дневник представим вместе с докладом Четвертой пионерской дружине. Он нам и в пути пригодится.

— Вести дневник! Давайте я буду и записывать и рисовать, — предложил Гномик. — У меня есть карандаши и краски.

— Тогда запиши приказ номер один по Комплексной экспедиции полковника Сапегина. Ты, Гномик, будешь писарь.

— Почему писарь?

Все начали спорить. Согласились на том, что Гномик

будет вести все записи, но называться будет не просто писарем, а ученым секретарем экспедиции.

— Пиши пункт первый приказа, — сказал Егор. — Сначала надо насчет обстановки и противника. Я много раз писал под диктовку полковника Сапегина и помню. — Он дал Гномику книжку с бланками боевых донесений: — Пиши!

Гномик вытащил карандаш. После долгих споров записали так:

«Приказ № 1.

По Комплексной экспедиции полковника Сапегина (КЭПС). Штаб КЭПС. 15 ч. 21 м. 6. 8. 1945 г., южная опушка фисташковой рощи на левом берегу, возле устья реки Чак.

§ 1

Противник силами парашютно-десантного отряда готовится спуститься на горы к югу от истоков реки Чак и действовать в неизвестном направлении.

Кроме того, сводный отряд Степки Пханова находится на марше в этот же район и предпримет наступление с юга, имея в виду захватить крепость «Пчелиный город на Ореховом холме».

§ 2

После двухдневного марша мото-бронетанковые части генерала Бывалого в составе 4 корпусов — «Е», «Р», «Т», «Г» — выдвинулись в район устья реки Неизвестная, где противник обнаружен не был, и части форсировали реку, в пешем порядке продолжают движение в район сосредоточения — южные высоты у истоков реки Чак.

Поддерживает: Особый разведывательный отряд под условным названием «Барс».

§ 3

Согласно приказу высшего командования «Гарун», мы должны занять южные высоты у истоков реки Чак и там ожидать Гаруна, а попутно разведаем плодовые леса и поохотимся. Потом выслать разведку, узнать, где Степка Пханов, разгромить его части и прочесать леса, совершенно очистив их от противника. После стычки, для выполнения особого задания, сосредоточиться в крепости «Пчелиный город на Ореховом холме», где занять оборону и соединиться с командующим фронтом Сапегиным, а об исполнении доложить высшему командованию.

§ 4

Я решил: продолжать марш к истокам реки Чак, чтобы выполнить приказ. Марш совершать одной колонной: передовой корпус «Р» ведет полковник Роман Крестьянинов, основной отряд — корпус «Е» — веду я, генерал Егор Смоленский, 2-й эшелон и тыловой отряд — подполковник Алексей Омельченко и майор Анатолий Батов. В голове отряд особого назначения «Барс» ведет разведку и выдвигает заставы.

§ 5

В целях маскировки зашифровать названия боевых частей, назвав всю боевую операцию «КЭПС», а фамилии зашифровать. В связи с этим произвести такие назначения:

Пункт А: Бывалый — начальник Комплексной экспедиции полковника Сапегина и охотовед.

Гномик — ученый секретарь КЭПС, начальник партии по изучению фауны.

Топс — глава геологоразведочной партии и шеф-повар.

Барсук...»

Здесь начались споры. Ромка не хотел называться барсуком. Записали:

«Роман Джелал-Буйнакский, сокращенно Джеб, — зам. начальника отряда и глава лесоразведочной партии.

Барсуков (Барс) — главный разведчик, комендантская команда, подчиняется начальнику отряда Бывалому.

Пункт Б: все тащат груз.

Пункт В: глава каждой партии для выполнения записанной в плане работы имеет право мобилизовать всех остальных, как рядовых, и командует ими до выполнения своей работы.

Командующий — генерал Егор Смоленский-Бывалый».

Кроме того, после долгих споров записали:

«Считать первым местом привала частей, которые прибудут на машинах из Джелал-Буйнака, большую арчу у реки в «Веселой долине».

Место привала отметили звездочкой на кроках.

Мычанье коров, блеянье овец и лай собак известили, что стадо достигло реки.

V

— И все же, — сказал Егор, — пастуху показываться, да еще с ружьями, не надо. И лесных объездчиков и других сторожей тоже надо избегать.

Все согласились с Егором.

Егор вынул кроки и компас. Все с интересом наблюдали, как Егор «определял точку стояния». Наметили место ночевки через двадцать километров.

Все согласились с тем, что надо подниматься в горы

по северному берегу реки, узкому и заросшему лесом, а не итти по лугам южного берега, где есть пасеки и можно встретить людей.

— Эй, Гномик, — крикнул Топс, — помой котелок и ложки!

Гномик послушно взял котелок в руки.

— Стой! — сказал Егор. — А почему ты сам, Топс, не хочешь мыть?

— Я повар, а не судомойка, — возразил Топс.

— А Гномик ученый секретарь и начальник партии, — напомнил Егор.

— Егор прав, — сказал Ромка: — почему Гномик должен помогать только Топсу? Пусть помогает всем!

— Каждый убирает сам за собой. Гномик не будет ничьей нянькой! — рассердился Егор.

— Но ты же сам командуешь нами, — возразил Ромка.

— Эх ты! Это совсем другое. Командир, чтобы победить, обязан добиваться точного выполнения своей команды. Он может наказать, но он никогда не станет издеваться над бойцом. Я командую в походе, а каждый из вас будет командовать в работе, которую знает лучше других, и я тоже должен подчиняться.

Топс, ни слова не говоря, взял котелок.

— А ложки тоже прикажешь мыть? — насмешливо спросил он.

— Оближи свою, — в тон ему ответил Егор.

— Нате! — крикнул Топс и бросил одну ложку Гномику, а другую — к ногам Ромки.

— Ну что ты, Топс, как маленький! — с досадой сказал Егор.

Через несколько минут размолвка была забыта. Все шутили, помогая друг другу укладывать поклажу на спину.

— Разведка, Барс-Барсуков, вперед! — скомандовал Егор.

Место привала опустело, и над очагом поднимался пар от залитых водой углей.

БОЕВОЙ ПУТЬ

I

Мальчики шли молча, один за другим. Тяжелый груз, включая долю Гаруна, не располагал к разговорам.

Наклонив головы, тяжело дыша и пошатываясь, мальчики прошли около часа вверх по берегу реки.

— К чорту! — вдруг крикнул Ромка, сбрасывая движением плеч груз на землю.

Он уселся на мешок. На лице его была видна усталость.

— Я не отдавал приказа останавливаться на отдых,— строго сказал Егор. — Привал, — он посмотрел на ручные часы, — через пятнадцать минут.

— Ты, все ты! А как распорядился Гарун? — вызывающе спросил Ромка. И, не ожидая ответа, продолжал, отчеканивая каждое слово: — Гарун сказал, чтобы мы спрятали груз в надежном месте, как только перейдем мост. Забыл? Уже скоро вечер, а мы все тащим эту тяжесть на своих плечах!

Егор вытащил из кармана компас и кроки.

— Ребята, — сказал он, — совсем недалеко, в горах, слева, будет первый приток, значит груды валунов. Самое удобное спрятать груз где-нибудь там, это почти рядом.

Ромка заспорил. Егору не нравилась его скверная привычка спорить по всякому поводу, и он решил по-

бороть этот раздражавший всех Ромкин дух противоречия.

— Хорошо, — сказал Егор, — давай зароем груз здесь, раз ты так хочешь.

Ромка, приготовившийся к долгому спору, был удивлен тем, что Егор так легко сдался. Конечно, он, Ромка, взял верх, но он знал, что ноша ценная, без нее не обойдешься.

— Здесь? Да ведь собаки пастуха всё найдут и выроют! Нет, здесь зарывать нельзя.

— А где же? — спросил Егор.

Но Ромка не ответил. Он прислушивался к топоту ног, который слышался за кустами.

— Егор, — крикнул Гномик подбегая, — там, за рекой, тот самый диверсант, про которого Топс слышал.

Ребята вскочили.

— Бежим! — крикнул Топс, подхватывая на плечи груз.

— Куда бежать? Стой! — приказал Егор.

— А ты не врешь, Гномик? Какой диверсант, откуда? — спросил Ромка, снимая со спины ружье.

— Почему ты решил, что там диверсант? — спросил Егор.

— Подозрительный такой, в штатском и с винтовкой, — еле переводя дух, ответил Гномик. — И все высматривает.

Егор оглянулся на Барса. Пес подбежал, настороженно глядя назад, откуда прибежал Гномик, и нюхая воздух.

— Ну, вот что, — сказал Егор: — влезем на склон горы и оттуда посмотрим. Пойдем по этой лощине.

Мальчики подхватили груз и быстро двинулись по лощине вверх. Лощина расширялась и переходила в овражек. По этому маленькому овражку ребята поднялись в гору. Егор высмотрел углубление под корнями накло-

нившегося дерева, призывно махнул рукой, и мальчики поспешили к нему.

— Пойду на разведку, — шопотом сообщил Егор, заряжая ружье, — а вы сидите здесь. Гномик, назначаю тебя связным. Иди за мной. Покажешь... Барс, вперед!

Оба мальчика вскарабкались по крутому склону овражка наверх и спрятались за деревьями. Наконец Гномик сказал:

— Вот он!

Егор достал бинокль из рюкзака и, поставив на «резкость», посмотрел.

— Глупый! — весело сказал он Гномику. — Ведь это же охотник! — и передал мальчику бинокль.

Гномик не мог справиться с полевым биноклем, а когда Егор ему помог направить его, посмотрел и восторженно зашептал:

— Он будто рядом! Я даже отчетливо вижу его лицо!

— А охотничью собаку видишь?

— Рыжая!

— Ну то-то! А почему ты решил, что это диверсант?

— А почему нет? Разве у диверсанта обязательно форма?

— Нет, — ответил Егор, — иногда бывает комбинезон для удобства.

— А чаще всего парашютисты маскируются, — раздался голос позади.

И Егор, обернувшись, увидел Ромку и Топса.

— А продукты? — спросил Егор.

— Прикрыли камнями, — ответил Ромка и попросил бинокль — посмотреть на охотника.

Ромка так громко и долго восхищался биноклем, вертел его во все стороны, что Топс еле дождался своей очереди. Топс тоже не мог оторваться от бинокля. Он заметил в небе орла, не видимого простым глазом.

— Этот бинокль — подарок полковнику Сапегину, — сказал Егор.

— Может быть, этот охотник и есть полковник Сапегин? — спросил Ромка.

— Неужели я не узнал бы Сапегина! Он стройный, усы маленькие, нос узкий, с горбинкой, а этот полный. Нет, это не он.

— А если сбегать и спросить у него про Сапегина? — вызвался Гномик.

— А что сказал Гарун? — напомнил Ромка.

— Он приказал быстрее итти, а мы топчемся на одном месте, — сказал Егор. — Нам надо послезавтра быть на южной высоте, у истоков реки Чак. Довольно плестись!

— Так ведь груз мешает, — оправдывался Топс.

— А я груз уже запрятал, — похвастался Ромка. — Пошли, покажу. Вот партизанская база будет, красота!

Егор спустился в щель и, приємотревшись к груде камней в небольшом углублении, понял, что это и есть «база».

Путь в горы был тяжелый. Ружья, одеяла, топор и прочее снаряжение весили немало. Поэтому Егор предложил взять с собой продовольствие только на время пути до Зеленой лаборатории, с тем чтобы потом вернуться за остальным. Так и сделали. Больше всего взяли соли — целых пятнадцать килограммов — для засолки дичи впрок.

При распределении груза опять не обошлось без споров. После раздела Егор, не говоря ни слова, взял половину груза, предназначенного для Гномика, себе.

— Зачем это? — запротестовал Гномик.

— Ты — разведка и должен быть налегке, не спорь,— сказал Егор.

Обе плащ-палатки превратили в мешки для Топса и

Гномика. У Егора и Ромки были рюкзаки, а одеяла привязали сверху на рюкзаки. Гномик нес порох и часть дроби, охотничьи принадлежности и одеяло.

II

Сначала мальчики шли по берегу реки веселой гурьбой. Груз больше не пригибал головы, и можно было все видеть кругом. Топс и Гномик громко восторгались и могучими деревьями, и причудливыми водопадами, и высокими травами. Но чем дальше они шли по берегу реки Чак в горы, тем ближе подходила река к скалам, тем у́же становился берег, и временами можно было двигаться только цепочкой.

— Подумаешь, горы! — в начале похода пренебрежительно говорил Ромка. — Вот у нас на Кавказе горы! Эльбрус! Вечные снега!

Но скоро он замолчал и стал с интересом рассматривать все вокруг.

Серьезность пионерского поручения и возможная близкая встреча с врагом рождали сознание ответственности. Еще бы! Не всем мальчикам случается попасть в дикие горы, да еще не просто для прогулки на день-два, а для выполнения важного задания по разведке маршрута. Тут было не до шуток. Справятся ли они без Гаруна?.. И если ребята смеялись, то это было от возбуждения и от желания подбодрить себя. Когда же наконец они устали восторгаться, Топс затянул бесконечную песню.

Вскоре дорогу перерезал бурный и шумный поток. Начинаясь далеко в горных вершинах северной гряды гор, воды, стекая вниз, брали разгон на крутизнах и, приближаясь к реке Чак, мчались, как бешеные.

— Жаль, нет моста, — сказал Егор.

Он снял сапоги, брюки и полез в пенящуюся и бурлящую воду. Гномик хотел перейти там, где вода была неподвижная, тихая и до того прозрачная, что были видны камни на дне, но Ромка во-время предупредил его, что там омут, а кажущиеся близкими камни на дне — обман зрения.

Топс, как был в трусах, полез вслед за Егором.

— Надо взять палки, течением снесет! — закричал он, отойдя на несколько шагов, и вернулся обратно.

Вырубили палки и стали переправляться. Вода на перекате была немного выше колен, но течение вырывало скользкие камни из-под ног и теснило ребят вниз. Легкого Гномика пришлось тащить всем: Переправа была трудная, и ребята, выйдя на берег, шумно радовались и шутили.

— Итак, — сказал Егор, — мы уже видели на южной стороне два притока и теперь этот один — на северной. Ты записываешь маршрут, Гномик?

— Мое дело записывать, когда продиктуют. И потом, с той, южной стороны было три притока, а не два.

— А я считаю, — сказал Ромка, — на южном берегу был один приток, на северном — три, учитывая два пересохших русла.

— Так что же записывать? — спросил Гномик.

Все остановились.

— Считать притоки должен Топс: это геологоразведочная работа, — сказал Ромка.

— Вот еще! — ответил Топс, жуя обнаруженные в кармане фисташки. — Это дело главного, а значит — Егора. Мое дело определять камни, почву, мыть золото и находить руды. Вот бы найти какую-нибудь особенную! Сразу бы прогремели на весь Союз, не то что «дубы»! — И Топс подмигнул в сторону Ромки.

— А ты взял для школьной коллекции хоть один камень?

— Нет, — сказал Топс. — А ты определил породы деревьев, растений? А Гномик определил виды птиц? — не сдавался он. — Ишь, умный нашелся!

И ребята решили: каждый должен выполнять свой долг без напоминаний.

III

Они дошли до следующего притока. Снова разделись, перешли его и сели на береговых камнях.

— Вот этот камень, — сказал Топс, тыкая палкой в серый камень, — известняк, этот — конгломерат: в нем разноцветные камешки точно в бетон заделаны. Тут их много. Не брать же их с собой. Пусть Гномик запишет все о камнях.

— Конечно, надо записать: мы же должны разведать край и доложить пионерам, — согласился Егор.

Гномик вынул «Книгу донесений» и записал:

— «Час...»

Он посмотрел на Егора; тот поднял руку к глазам, посмотрел на ручные часы и сказал:

— Семнадцать часов пятнадцать минут.

— «В семнадцать часов пятнадцать минут шестого августа КЭПС прошла справа три притока, слева два»,— записывал и читал вслух Гномик.

— Нет, — сказал Егор, — запиши так: «В южных склонах Узун-Ахматских гор три ущелья, в одном из них — поток; с западных склонов Ферганского хребта — два притока». Названия узнаем потом.

— Горные породы по берегу реки, — сказал Топс: — известняк, конгломерат, встречается кварц.

— Где? — спросил недоверчиво Гномик.

Топс протянул руку, взял молочно-белый камень, показал и бросил в кусты. Оттуда мгновенно выскочил заяц и поскакал в заросли.

— Ах, ах, заяц, заяц! — закричал Топс, срываясь с места и показывая рукой на убегающего зайца.

Появление зайца было так неожиданно, что мальчики не успели даже схватиться за ружья.

— Эх вы, охотнички! — укоризненно сказал Топс.

— «Ах, заяц», «ах, заяц», «ах, ах»! — передразнил его Егор. — Ахаешь, а из-за твоей фигуры стрелять нельзя было, ахало несчастное! И ты тоже охотничек! — обратился Егор к Ромке. — Заяц выскочил, чуть тебя не опрокинул, а ты вскочил и за камень схватился, а ружье на коленях лежало. Ты до сих пор этот камень в руках держишь!

Ромка с досадой швырнул камень в соседний куст. Оттуда с шумом вылетели две крупные длиннохвостые птицы и полетели через реку.

— Ах, ах, стреляй! — опять закричал Топс.

Теперь Топс и Гномик напали на Ромку и на Егора.

— Да откуда же я знал, что они там! — сердился Ромка.

— Далеко было стрелять, — смущенно оправдывался Егор. — Может быть, там еще есть?

Егор и Ромка подошли с ружьями к кустам. Топс кинул камень, но в кустах уже было все спокойно.

Вдруг Гномик бросил тетрадь на землю и ринулся к кустам. Все недоумевающе переглянулись. Гномик вернулся, сжимая в руке шею змеи.

— Змея! — испуганно закричал Топс и попятился.

— Брось, сейчас же брось! — кричал Ромка.

Егор тоже испытывал неприятное чувство брезгливости. Он боялся змей.

— Да это не ядовитая. Это у́ж, желтопузик, — успокаивал их Гномик. — Возьми, — предложил он Егору, но тот поспешно шагнул в сторону.

— Брось! — сказал Егор. — Что мы, твоего желтопузика с собой таскать будем, что ли!

— Я его спрячу в карман, — сказал Гномик, — и если Топс еще раз полезет ко мне за фисташками, желтопузик его цапнет.

— Ну тебя с твоими фисташками! Выбрось змею! — сказал Топс.

Гномик взял ужа за хвост и распрямил.

— Сантиметров семьдесят, — сказал он. — А ну-ка, Джеб, пиши: «Возле берега реки, в кустах...»

Ромка быстро записал все, что ему продиктовал Гномик, лишь бы скорее избавиться от неприятного соседства.

После этого Гномик положил ужа на землю. Ромка хотел тотчас же раздробить ему голову камнем, но Гномик яростно запротестовал.

— Пусть живет. Ужи полезные, — сказал он.

— О деревьях тоже запиши, — подсказал Егор.

Ромка взял карандаш и стал писать в дневник, громко прочитывая записанное:

— «На правом берегу реки Чак встречаются фисташковые леса, дикие груши, ясень, древовидный можжевельник, или, по-местному, арча, дикие вишни, дикие сливы...»

— Только не ври, — сказал Егор. — Надо, чтобы все было правда. Ну, где мы видели груши, сливы, вишни?

— Да вот эти деревья, рядом с тобой,— ответил Ромка, — только на них уже все обобрано и объедено.

— «А из животных и птиц встречаются барсук, заяц, фазан», — стараясь «перешибить» Ромку, продиктовал Егор.

— Где ты видел фазана?

— А те птицы, что вылетели.

— «...и заросли облепихи в долине реки», — продолжал Ромка, всегда старавшийся, чтобы последнее слово было за ним. — Пиши, — сказал он Гномику, передавая тетрадь: — «В зарослях облепихи водятся трясогузки, ку-

лики, дрозды, синицы, корольки, горихвосты, а в воде должны быть оляпки».

— Что значит «должны быть»? Раз не видел, не пиши, — предупредил его Егор. — Где, скажут, вы видели этих оляпок?

— Оляпки есть, я почти видел, но издалека, когда мы вышли из фисташкового леса. Оляпки под водой по дну ходят и ловят водяных насекомых.

— Нет, уж лучше не врать.

— Да я не вру!

Так, поправляя друг друга, они составили описание маршрута.

— А знаете, ребята, — сказал Егор, — хорошо, что мы не убили зайца. Сейчас их не время стрелять. А кто нарушает охотничий закон, кто ведет себя в лесу не как хозяин, а как вор и грабитель, тот браконьер. Может, это была зайчиха и у нее маленькие, а если бы мы ее убили, они тоже погибли бы. — Искоса посмотрев на Ромку, Егор добавил: — Барсука тоже нельзя стрелять.

— Нечего так на меня смотреть, ты тоже стрелял! — запальчиво отозвался Ромка.

— А я и не отрицаю. Барсука мы приняли за дикую свинью, а этих можно стрелять, они сельскохозяйственные вредители. Ну, пошли! — Егор хлопнул себя по затылку, думая, что там лазит слепень. — Ох! — вскрикнул он, рассматривая корчащуюся на камнях пчелу.

— Да их здесь много, — сказал Гномик и, подойдя к Егору, молча вынул жало.

Мальчики снова пошли. Очень скоро они увидели на противоположном берегу под горами домик и много ульев. В воздухе то и дело с жужжаньем проносились пчелы. Ребята перешли с открытого места за кусты облепихи и осторожно двигались в зарослях, стараясь не выдать пасечнику своего присутствия. Дальше они снова увидели две пасеки.

Уменьшенный вдвое груз опять стал казаться им тяжелым. Приходилось смотреть себе под ноги, чтобы выбирать такие места, где удобнее было бы поставить ногу среди камней. Усталость притупила чувства мальчиков. И все же Егор каждый раз, завидев приток справа или слева, сверялся с кроками Гаруна и убеждался, что все нанесено совершенно верно.

Солнце еще не село, когда Гномик шопотом стал жаловаться на усталость, а Топс усиленно советовал остановиться на ночевку, чтобы успеть до ночи сварить еду. Егор согласился.

Впереди, невдалеке от берега, показался домик. Ребята остановились.

Егор посмотрел в бинокль.

— Домик как будто пустует, — сказал он.

Ромка тотчас же вызвался пойти на разведку.

Через двадцать минут ребята увидели Ромку на крыше домика. Он махал руками и звал ребят.

IV

Это был домик колхозных пастухов, составлявший как бы звено в каменном заборе, ограждавшем большой загон для скота.

Отбросив крюк, закрывавший дверь, ребята вошли в небольшую комнату.

Здесь были стол, скамьи и деревянные нары, на которых лежали свернутые в трубку кошмы. Стол и скамьи были сделаны из красивого орехового наплыва и поражали замечательным узором. На полке стояли стопка книг и пиалы, перевернутые кверху дном. В таком же положении был и казан на печи.

Ребята вошли в пристройку. Возле стен лежали сухие дрова. Посредине стояли деревянные чаны.

Топс подошел, наклонился к кадке, стоявшей в углу, понюхал и сказал:

— Была брынза! — Он запустил руку в кадку.

— Не трогай! — предупредил Егор.

— Не собираюсь, да и нет ничего. Один рассол, — обиженно ответил Топс.

Барс везде побывал и все осмотрел.

— Здесь и переночуем, — сказал Ромка. — Можно переночевать, но трогать ничего не будем.

Так и решили.

Через десять минут дым наполнил комнату, а через час все сидели вокруг казана и жадно ели вкусный суп с рисом и барсучьим мясом.

— Мы немало прошли, — гордо сказал Ромка.

— «Нам путь не страшен, дойдем до облаков!» — пропел Топс.

— Мы совсем как партизаны, — сказал Егор.

— У нас Гномик трус, — сказал Топс. — Если он увидит диверсанта, так сейчас же испугается — и назад.

— Ну, а ты что сделаешь? — спросил Егор.

— Я? — Топс подумал и смущенно улыбнулся: — Не знаю. А что ты сам сделаешь?

— Ребята, — крикнул Ромка, — а вдруг нам удастся не только выследить, но и поймать парашютиста!

— Ты скажешь! — Топс засмеялся.

— Неужели четверо — и не справимся? — не сдавался Ромка.

— Гарун ничего не приказывал, — отозвался Гномик.

— А инициатива бойца? Я много читал об этом, — настаивал Ромка. — Ты как, Егор?

— Я готов, — ответил Егор. — Взрослые думают — ребята маленькие, неспособны на большие дела, а мы им докажем.

— А если оскандалимся? — высказал опасение Топс.

— Засмеют, — уверенно поддержал его Гномик.

— Ребята не только на фронте — и в тылу помогали задерживать парашютистов, — напомнил Егор.

— А нас четверо, — не унимался Ромка. — Надо бросаться всем сразу.

— Вот именно! — воскликнул Егор. — Сразу и всем. А ну, давайте попробуем. Я диверсант, а вы на меня нападайте... Подождите, я Барса выгоню, а то, если пес увидит, что на меня напали, он на вас кинется.

Егор вывел Барса во двор и запер дверь.

Он усердно взялся за дело и до тех пор обучал ребят приемам нападения и защиты по системе Самбо, пока даже миролюбивый Гномик не научился предупреждать удары. Приготовили даже веревки с петлями.

Когда занятия кончились и был впущен Барс, Топс сказал:

— Ребята, а зачем нам лезть на эту высоту к югу от истоков реки? Мы могли бы хорошо пожить в этой берлоге.

— Пожить? — переспросил его Ромка. — По-твоему, жить — значит сидеть на одном месте, спать, есть и загорать. Словом, топтаться на месте: топ, топ, топ, топс... А для меня жить — значит действовать, совершать геройские поступки!

— Попробовал бы ты, Топс, сказать это на фронте!— И Егор даже задохнулся от негодования, охватившего его при одной мысли, что среди них может быть человек, пытающийся уйти от выполнения своего долга.

— Нас что, гулять послали? — в тон ему воскликнул Ромка. — Или ты забыл о разведке маршрута и о Зеленой лаборатории?

— Топс испугался парашютистов, испугался! — закричал Гномик, который не без страха думал о возможной встрече, но скрывал свой страх из боязни, что его могут высмеять.

— Трус несчастный! — сказал Ромка. — А кто вчера

хвастался: «Я храбрый, я храбрый!» Храбрый не может бояться!

— Полковник Сапегин говорил не так, — вмешался Егор: — храбрый это тот, кто ничего не боится, а если и боится, то выполняет приказ, а трус это тот, кто боится и не выполняет.

— Но ведь мы еще не взрослые, — оправдывался Топс.

На это Егор ответил:

— Кто захочет, тот и в четырнадцать лет мужчина, бездельник же и в сорок лет дитя. И это верно, потому что так говорил Максим Иванович Сапегин. И если мы хотим подражать ему, мы докажем это на деле!

Эту ночь ребята провели в избушке, и Барс сторожил их сон.

ЯБЛОНЕВЫЕ ЛЕСА

I

Поднялись ребята вместе с солнцем, рассчитывая после полудня достичь истоков реки Чак. Предстояло пройти более двадцати километров. Все круче и уже становилось ущелье. Все выше и выше громоздились горы справа и слева.

— Где же яблоневые леса? — спрашивал Топс. — Где горы орехов и молочные реки с медовыми берегами?

Один раз мальчики увидели вдали диких козлов, а когда лакомились крупной и сочной малиной, то Гномик заметил на земле следы огромной лапы с когтями, и это сразу отбило у ребят желание углубляться в заросли малинника.

Решили не отвлекаться в сторону, а итти по ущелью вверх. До сих пор ребята много шутили и смеялись. Опасность казалась им далекой. Но свежие медвежьи

следы сразу настроили всех на серьезный лад. Смех и шутки кончились. Ребята шли и внимательно всматривались в молчаливые и таинственные горы, заросшие лесом. Никогда еще среди разведчиков не было такого согласия.

План нападения на парашютиста-диверсанта был разработан во всех подробностях: Ромка должен нападать на его правую руку, Топс — на левую, Гномик упадет под ноги, Егор схватит за горло и применит все самые трудные приемы. Барс будет использован по мере необходимости.

Ребята шли и обсуждали разные возможные случайности: «а если он вынет пистолет», «а если к нему прибегут на помощь».

Теперь на привалах Гномик падал каждому под ноги по очереди — то Егору, то Ромке, то Топсу.

— Пусть учится, — сказал Егор и решил, что нужно еще научить Гномика стрелять. — Держи ружье, — предложил он Гномику.

Но тот даже не захотел на него смотреть. Егор настаивал, и Гномику пришлось подчиниться.

— Цельсь, — сказал Егор.

Гномик попробовал, но целился, зажмурив глаза. Как ни бился с ним Егор, так ничего и не вышло. Они поссорились. Егор даже перестал с ним разговаривать. Гномик ходил печальный и все твердил: «Я же не умею!»

Ромка и Топс называли Гномика всякими обидными словечками, и Егор не вмешивался. Он помнил украинскую поговорку: «З смиху люды бувають». Но пока и это не помогало. Гномик неожиданно проявил сильное упорство и ни за что не хотел стать охотником.

На пятом километре от ночевки мальчики подошли к подножью высоких гор. С южных гор стекало два одинаковых по силе потока, а разведчикам надо было ждать «у южного истока», но таких оказалось два. Егор вынул кроки, там были нанесены эти истоки. Оба вытекали из

двух горных озер. По какому же ущелью лучше подниматься? Топс хотел лезть по правому, Ромка — по левому.

Спор решило яблоко. Небольшое, желто-красное, оно медленно кружилось в заводи, образовавшейся рядом со стремительным течением правой реки. До сих пор ребятам не удалось встретить ни одного ореха, ни одной груши, ни одного яблока. И вот теперь перед ними плавало спелое яблоко, то подплывая к самому берегу, то удаляясь. Мальчики перешли через поток, сняли груз и бросились ловить яблоко с берега. Каждому хотелось добыть его. Бросали камни, надеясь, что волны прибьют яблоко к берегу. Топс сгоряча неудачно бросил камень, попал в яблоко, и оно, как мяч, перескочило на середину заводи.

— Вот так удар! — издевался Ромка. — А ну еще раз!.. Ребята, бросай камни, яблоко уплывет совсем!

Вдруг Гномик перестал бросать камни. Стоя на берегу и вытянув шею, он заглядывал в прозрачную воду.

— Жалко, что крючков нет, — сказал он, — хорошо бы поудить.

— Чепуха, только время зря потеряем, — сказал Ромка.

— Крючок? Поищем. — Егор полез в левый карман своего рюкзака и вынул узелок, где среди ниток, иголок, кусочков материи виднелись перепутанные лёски с крючками.

— Ну вот еще! Артель «Напрасный труд»! — запротестовал опять Ромка. — Пойдем по правому ущелью: где одно яблоко, там и другие. Не с неба же оно упало.

— Лучше отдохнем, — предложил Топс, уже успевший прикорнуть среди камней, и громко зевнул.

Вдруг Барс вошел в воду, поплыл к яблоку и, взяв его в зубы, приплыл назад.

Ребята похвалили его. Егор вымыл яблоко, почистил,

разрезал на пять частей и роздал по кусочку всем ребятам и Барсу. Яблоко было превосходное.

— Пошли скорей! — звал Ромка.

Но Егор объявил привал перед подъемом и занялся крючками, а Топс пошел вырезать ветку для удилища.

Пока Егор разматывал лёски, Гномик наловил в траве кузнечиков. И едва только кузнечик на крючке коснулся воды на перекате, как его потянуло вниз. Гномик дернул удилище, и в воздухе мелькнула серебряная молния. Это была небольшая маринка. Теперь даже Ромка потребовал у Егора крючок.

И вот замелькали в воздухе удилища, а встревоженный Барс метался по берегу и нюхал бившуюся на берегу рыбу. Ее в беспорядке набросали на траву между береговыми камнями. Топс и Гномик побежали вниз по берегу, выискивая лучшие места; Егор и Ромка поднялись вверх по реке. Маринка хорошо брала под небольшими водопадами.

— А кто будет нести всю рыбу? — спросил Топс и предложил сварить рыбу здесь же, чтобы не тащить.

Но остальные не соглашались: здесь узкое ущелье, над горами клубятся тучи, того и гляди застанет дождь, и если будет ливень, река разольется и их унесет.

Ребята разделили рыбу поровну, нагрузились и пошли вверх по тому ущелью, что было справа. Приходилось влезать с одного камня на другой, все вверх и вверх.

Вдруг Ромка остановился и шумно втянул носом воздух. То же проделали и другие.

— Пахнет яблоками? — спросил Ромка.

— Пахнет, как из яблочного склада! — поддержал его Топс.

— Сюда-то нам и надо, — заметил Егор. — Ведь это южная гряда гор у истоков реки Чак. На ней-то и ждать парашютистов. Здесь мы вскроем пакет.

Ребята полезли напрямик.

Вначале склон был крутой, безлесный, с обнаженными скалистыми стенами. Ребятам пришлось туго. Они карабкались, отдыхали, вытирали пот. Наконец они перелезли через каменный выступ и очутились на пологом склоне, поросшем деревьями.

II

Перед ними был лес, но не просто лес, а яблоневый лес. Большие раскидистые и очень ветвистые деревья были покрыты зрелыми и созревающими яблоками. Ярко-красные, желто-зеленые, коричневые, белые, они виднелись среди листьев. Ни заборов, ни сторожей — никого не было. Целый огромный яблоневый сад. Ешь сколько хочешь!

Вся земля была усыпана, как разноцветным ковром, созревшими плодами.

— Я говорил, лезем сюда! Я не ошибаюсь! — кричал в восторге Ромка.

— Нет, это я сказал «лезем сюда»! — протестовал Топс.

— Прибыли! — сказал развеселившийся Егор.

— Вот красота! — прошептал Гномик.

Забыв усталость, ребята бросились подбирать яблоки. Гномик не стал собирать с земли. Он сорвал яблоко, откусил, и лицо его исказилось гримасой. Он выплюнул:

— Кислятина! Есть нельзя!

— Почему? — возмутился Топс, уплетая за обе щеки коричневатое яблоко, поднятое с земли. — У меня сладкое.

— Я, как начальник лесоразведочной партии, — сказал Ромка, — могу заявить, что здесь разные сорта. Одни сладкие, другие терпкие, третьи горькие, есть и крупные и мелкие. Учитесь выбирать по внешнему виду.

— Уже вечер, надо суметь выбрать сначала ночлег, — напомнил Егор, — а яблоки от нас не уйдут.

Ребята шли по яблоневому лесу очень медленно. Они часто наклонялись, хватали с земли яблоки; некоторые, попробовав, сразу выбрасывали, другие клали в карманы, насыпáли за пазуху. Но скоро класть было уже некуда.

— Чур, это мои яблоки! — сказал Ромка, останавливаясь под одним деревом.

— А здесь кто-то уже окапывал деревья, — послышался голос Гномика.

— Где? — встревожился Егор.

Под деревом земля была вскопана.

— Хороший хозяин всегда обкапывает яблони, — сказал Ромка.

— Может быть, это не лес и мы забрались в чужой яблоневый сад? — забеспокоился Егор.

— А почему же тогда яблоки не убрали и они гниют на земле? — недоумевал Топс.

— Надо нам отсюда убираться, — предложил Гномик.

Смущенные ребята шли все вместе, стараясь не шуметь.

— Куда пойдем? — шопотом спросил Топс.

Егор молча махнул рукой, показывая вверх на склон.

Невдалеке раздался сильный треск и шум. Гномик мгновенно спрятался за дерево, Топс полез на дерево, а Ромка — на другое. Из далеких кустов через поляну с шумом промчалось темное животное, преследуемое Барсом.

— Кабаны! Дикие свиньи! — закричал Егор и быстро зарядил ружье свинцовой нарезной пулей — жаканом. — Вперед!

Легко кричать «вперед», но когда у тебя на плечах тяжелый груз и ты устал от трудного пути по горам, тогда не очень-то побежишь вперед. Ребята пробежали несколько шагов и пошли шагом, тяжело дыша.

— Ну вот, — сказал Егор останавливаясь, — наконец и кабанов увидели. Это они взрыли землю клыками в этом яблоневом лесу.

Егор приложил свисток к губам — Барс возвратился.

— Эх, Бориса нет! — не без ехидства пожалел Ромка. — Тот бы не упустил кабанов.

— Разини мы, ворон ловим, — согласился Егор и долго не мог успокоиться, придумывая себе всё новые и новые обидные прозвища.

Топс в этом ему охотно помогал.

III

Вскоре ребята вышли на большую полянку, поросшую пихтами. Из-под камня бил родник. Позади, далеко внизу, виднелось ущелье Чак, по которому они поднимались три дня. А кругом были покрытые лесом горы.

— Эх, стукнем топориками! — сказал Егор. — Мы нашли хорошее место для привала. Лучшего не найдешь.

Мальчики сбросили с удовольствием рюкзаки. Топс и Ромка начали бороться. Егор тоже бросился в свалку, но вдруг остановился: неведомый край, неведомые горы, а ведь он старший. Он припомнил все, что Сапегин говорил об ответственности старшего за жизнь и благополучие бойцов. Старший! Егор усмехнулся. Не так давно за ним самим присматривали в воинской части, а теперь — старший! Егор взял топор.

— А ну, ребята, кто из вас срубил и обстругал хоть одно дерево на своем веку? — крикнул он ребятам.

— Я рубил, и не одно, — сказал Ромка и передернул плечами.

— Это когда ты тигров стрелял? — И Егор лукаво прищурил один глаз.

Топс и Гномик засмеялись. Ромка досадливо махнул рукой и про себя решил: вперед не завираться.

Егор поднял руку, призывая ко вниманию, и сказал:

— Полковник Сапегин говорил: тот еще зеленый юнец, кто не посадил ни одного дерева на земле; тот еще зеленый юнец, кто в своей жизни не срубил ни одного большого дерева и ничего не построил.

— Я сажал, ей-богу сажал, честное пионерское! — закричал Ромка. — Я желуди сажал, и из тех желудей в лесном питомнике на Северном Кавказе вырастали дубки. Потом сосновые шишки разделял на части, и из их семечек вырастали сосны. А ты, Егор, сажал?

— Я не посадил еще ни одного дерева, — сознался Егор, — но я еще посажу, и не одно. А большие деревья я рубил, и много: строил мосты и землянки вместе с саперами. А ты, Топс? А ты, Гномик?

Мальчики сознались, что еще не посадили ни одного дерева. Рубить и строить им тоже не приходилось.

— Сажать мы научимся и будем сажать в Пчелином городе на Ореховом холме, — сказал Егор, — а рубить и строить поучимся сейчас. А ну, Гномик, бери топор, сруби эту сухую пихточку на шалаш и обтеши ее.

Гномик взял топор и, волнуясь, последовал за Егором. Даже против небольшой пихты Гномик был такой маленький!

— Не робей! Держи топор крепче, чтобы не вырвался, и руби сверху вниз, вот здесь. Да не попади по ноге, стой вот так. А потом подрубишь с другой стороны, пониже, и пихта упадет на поляну.

Гномик поднял топор, размахнулся и изо всех сил всадил топор в дерево. Егор так «переживал» за него, что даже крякнул. Гномик высвободил топор, опять поднял над головой и опять рубанул. И сознание того, что вот он маленький, а может срубить такое большое дерево и построить из него шалаш, придавало силы мышцам и если и не делало удар точным, для чего требуется мастерство, то, во всяком случае, старательным,

и это наполняло сердце гордостью от сознания своей силы.

И когда Гномик подрубил дерево почти до половины, Егор показал ему, где нужно подрубать с другой стороны.

Наконец настал торжественный момент: небольшая пихта качнулась раз, второй и стала падать. Ребята бросились в стороны, раздался треск, ветки зашелестели, и земля дрогнула от удара. Все закричали «ура», но громче всех кричал Гномик. Он тотчас же вызвался срубить и второе дерево, но Топс возражал: настаивал на своей очереди. Топс срубил дерево тоже первый раз в жизни.

Потом Егор взял топор и показал, как обтесывать дерево, а рядом стояли ребята и с восторгом наблюдали за работой, слушая рассказы Егора о том, как он с саперами-плотниками строил мост под огневым налетом неприятельской артиллерии. Гномик и Топс по очереди обтесывали деревья.

Хорошо! Звенит топор, летят щепки, пахнет смолой! Работа спорится в руках, и так хочется потрудиться!

Вот уже и гости прибыли: трясогузки бесстрашно прыгают рядом.

— Тащите! — кричит Егор, показывая на обтесанные стволы сухих пихт.

Ребята с жаром принялись строить шалаш. Снова звенит топор в руках Егора. Ударяя обухом, он загоняет куски стволов в землю. А готовый костяк скрепляют ветками. Сверху шалаш покрыли зелеными ветками пихты и ели. На гребень шалаша набросили две плащ-палатки. Вот и дом готов. После этого ребята натаскали в шалаш веток. Все пробовали, удобна ли кровать, и нашли, что она лучше настоящей.

— Зверски есть хочу, невозможно больше терпеть! — кричит Егор. — Разводите костер! Будем рыбу жарить на раскаленных камнях, будем уху варить!

Пылает костер. Топс бежит к роднику и несет полный-преполный чугунок прозрачной воды. Гномик кладет рыбу на спину, вспарывает ножом и, тщательно сняв черную пленку, бросает ее в костер, чтобы Барс случайно не съел. Ромка режет маринку на куски, моет и кладет в чугунок. Вода льется через край. Дым и пар бьют в лицо. Ромка подбрасывает дров. Языки пламени опять лижут чугунок, и аромат ухи наполняет воздух.

Егору невтерпеж. Он выгребает жар от костра в сторону и ставит на него крышку от котелка — это сковородка. В нее Егор наливает из бутылки хлопкового масла. Масло шипит, разбрызгивая капли; струится синий чад. Егор накладывает полную сковородку рыбы. Соль, где же соль? Надо бы перевернуть рыбу. Два куска вываливаются на угли, ребята подхватывают их — и в рот. Горячо, но как вкусно!

— Чудно! — кричит Топс. — Эх, жаль, Бориса нет!

— Ну что бы Борису заболеть попозже! Так нет же! — отозвался Гномик.

Барс лежит у костра, положив голову на лапы, и не мигая смотрит в огонь.

Все довольны. Трудный путь остался позади, и возможная встреча с парашютистами кажется совсем не страшной. А до Зеленой лаборатории остается всего пятнадцать километров.

БОЕВАЯ ТРЕВОГА

I

— Подъем! В ружье! — закричал Егор громко и властно.

Ребята даже не шевельнулись.

Солнце уже взошло над горами, но в тени у шалаша

еще держалась ночная прохлада. Начинался четвертый день пребывания ребят в пути. Кругом было столько прелести и в пении птиц, и в игре солнечных зайчиков, и в манящих к себе красных яблоках, на которых искрились радужные капли росы, что сердце Егора переполнилось радостью, и он не мог больше наслаждаться этой радостью один.

Вдали зеленели дремучие леса, и кто знает, может быть, в этот самый миг там, цепляясь хвостами за лианы, прыгают обезьяны, а внизу пасутся стада диких коз и барсы подкрадываются к ним из ущелий.

Может быть, за ближайшими кустами на опушке леса бродят куропатки, а дикий кабан, разжиревший на яблоках, только и ждет случая попасть на вертел к ребятам, чтобы быть зажаренным кусочками на шомполах над раскаленными углями при свете луны и треске цикад.

В этих диких горных лесах они могут чудесно провести время, полное охотничьих приключений. В диких ущельях, наверное, водятся медведи. Так зачем же терять время — ведь и так человек тратит на сон треть своей сознательной жизни! Вот придумали бы ученые такие таблетки, чтобы можно было принять одну — и не спать круглый год, принять другую — и свою силу увеличить раз в сто, в тысячу раз... Взял и перепрыгнул бы с одной вершины на другую!

Ну как можно спать в такое утро, да еще после команды «в ружье»! Будь это в воинской части, бойцы уже через минуту были бы в строю с оружием в руках. Попробовал бы кто-нибудь опоздать! Так размышлял Егор.

— По-о-о-о-дъем! — закричал он изо всех сил, подражая зычному голосу старшины Игнатова, которого «за порядок» так ценили в части.

— Чего кричишь? — недовольно буркнул Ромка, с трудом приоткрывая один глаз.

Гномик, услышав команду, испуганно сел, а Топс с мычаньем потянулся всем телом, громко зевнул и сказал сонным голосом:

— Ох, уж и сладко я спал!..

— Парашютисты! Скорей! — крикнул Егор и, увидев перепуганные глаза Гномика, юркнул за шалаш, еле удерживаясь от смеха.

Ребята мгновенно были на ногах.

— Парашютисты? Где? — посыпались встревоженные возгласы.

И Егор понял, что этим шутить не следовало. Положение спас Барс. Он, мокрый, стремглав выскочил из леса к ребятам, отряхнулся всем телом, обдавая ребят холодными брызгами.

— Я пошутил! Айда купаться! Кто скорей? — И Егор побежал в лес, к горному потоку.

А за ним с криками: «Держи его, лови!» бросились остальные.

Егор на ходу снял гимнастерку и майку, на берегу быстро сдернул брюки и трусы и прыгнул в шумный, неистовый поток. Ребята тоже мгновенно разделись и бросились ловить Егора. Громкие веселые крики огласили лес, спугнув с ближних деревьев стаю диких голубей.

Где уж тут ловить Егора! Вода швыряла мальчиков на каменные глыбы, вздымавшиеся из воды. Только они схватятся за камень обеими руками, вода мгновенно отдирает пальцы от скользкой поверхности. Ребята станут на дно — вода вырывает из-под ног камни и валит, пробуют плыть — вода несет тело, как щепку.

— Ух, здорово! — кричит Ромка, когда его голова показывается над поверхностью воды.

Борьба с течением раззадорила ребят. Зубы у них стучали от холода, и разговаривать было трудно. Поэтому они обменивались одними возгласами: «Ух!», «Ах!», «Аха-ха!», «Здорово!»

Ценой ушибов и царапин ребята нашли единственный возможный способ купаться в этом бешеном горном потоке, напоминавшем водопад: надо было подобраться к валуну сверху, со стороны течения, и тогда сильные струи холодной воды, прижав тело к камню, давали возможность держаться на одном месте. Пена то и дело хлестала поверх камней и накрывала ребят с головой. Все это было интересно, но и страшно: стоило пошевелиться, как вода волокла тело за камень, и тогда надо было вновь бороться с течением.

Барс сидел на берегу и не сводил глаз с ребят. Он то и дело вскакивал и выказывал явное желание по первому зову броситься на помощь. Наконец он стал бегать вдоль берега и недовольно лаять и прыгать, даже пытался побежать в лес, стараясь отвлечь ребят от этой страшной горной реки.

Первым из воды выскочил Ромка. От его красного, будто раскаленного тела шел пар. Он помчался голышом через лес на поляну, чтобы согреться под жаркими лучами солнца. За ним погнались остальные.

Ребята подпрыгивали, скакали через камни, потом стали играть в пятнашки. Ромка сильно «запятнал» Топса, тот дал ему сдачи, они сцепились и упали на траву. Егор свалил на них Гномика, Барса и с криком «мала куча» навалился сверху сам. Барс вырвался и бросился наутек. Егор попробовал перехватить пса за ногу, но не успел. Тогда мальчик вскочил и побежал догонять Барса. Разыгравшийся пес не давался и носился по лужайке кругами. Все ребята принялись ловить его, но это было нелегко. Барс лаял, хватал зубами ребят, но не кусал. Мальчики были в восторге от такого умного, веселого и сильного товарища.

Вскоре все так запыхались, что бросились на траву, заложили под голову руки и, глядя в голубое небо, долго молчали.

II

— Зачем ты закричал «парашютисты»? — вдруг с укором сказал Ромка.

— Это я зря, — сознался Егор, — и мне бы от полковника Сапегина за такую штуку попало. Виноват. Больше этого не будет.

— Так нельзя делать, — тоном старшего сказал Ромка и стал говорить о том, что никогда нельзя пугать в шутку товарищей.

Он говорил так долго и так скучно, что даже Топс прервал его, крикнув:

— Смени пластинку! Сказал просто, все поняли, и ладно. А то тянет, тянет, как Пханов!

— Ребята, а секретный пакет с заданием? — вдруг напомнил Гномик.

— Его надо вскрыть не здесь, а у истоков реки Чак, — сказал Топс.

— А разве истоки реки Чак не там, где мы купались? — спросил Гномик.

— А помните, что сказал Гарун напоследок? — спросил Егор и ответил: — Пакет вскрыть надо десятого августа, то-есть когда окончится срок ожидания и Гарун не придет. По-моему, высота южнее истоков реки Чак — это и есть то самое место, где мы находимся, а пакет сейчас вскрыть нельзя.

— Но мы не на вершине горы, — сказал Гномик, — а на склоне. А где должны спуститься парашютисты?

Этого никто не знал. Мальчики строили различные догадки, где диверсанты-шпионы могут приземлиться — в лесу или в ущелье, и, может, на счастье, они переломают себе ноги, и тогда с ними легче будет справиться.

Много было разных предположений.

— А может быть, парашютисты уже спустились, спрятались в этом лесу за кустами и видят нас? — вдруг

сказал Топс, до этого все время молчавший и только слушавший.

Ребята переглянулись и стали всматриваться в окружающие кусты.

— Уж ты скажешь! — рассердился Ромка. — Сегодня еще только восьмое, а они должны спуститься девятого.

— Ты не понял, — возразил Гномик: — Гарун возле мазара сказал нам распечатать пакет у истоков реки Чак, но не ранее десятого.

— Честное пионерское, не вру! — заявил Топс. — А парашютисты подписку, что ли, давали, что раньше не спустятся? Может, они решили пораньше спуститься, чтобы спутать карты, и уже здесь.

— Нет! — решительно сказал Егор. — Советская разведка работает отлично. Наши знают, где и когда... Ребята, — продолжал он, сразу оживившись, — если мы вначале решили только выследить, а потом решили поймать парашютиста, то надо разведать местность.

— А куда же мы пойдем? Мы же не знаем, где они должны спуститься, — спросил Гномик.

— Лучше никуда не ходить, — сказал Топс. — Лесов много, ущелий много, гор много — еще заблудимся.

— Заблудиться не заблудимся, — уверенно ответил Егор, — есть компас, а давайте-ка мы подумаем, как быть. Можно, конечно, два дня жить в этом шалаше и никуда не уходить, а если сюда забредет парашютист — захватить его. Но полковник Сапегин говорил, что на войне надо не уподобляться дичи, на которую охотятся, а самому охотиться, наступать.

— Плохо, что Гарун совершенно ничего не знает об этом нашем «мероприятии», — сказал Топс. — Командируйте меня в кишлак, я позвоню ему и спрошу.

Егор нахмурился и спросил:

— Я, ребята, Гаруна не знаю. Вы сами как думаете?

— Если мы решили показать, на что способны пионеры, так нечего прятаться в кусты! — заявил Ромка.

Гномик был очень взволнован. Он просто ненавидел сейчас Топса за то, что тот всегда все таинственное и романтическое превращает в скучное и обыкновенное.

— Тебе со Степкой Пхановым лучше дружить, — сердито сказал он Топсу, — и помогать Мустафе Пханову торговать в ларьке!

— В ларьке этого самого колхоза «Свет зари», возле которого мы проходили мост через бурную реку? — поинтересовался Егор.

— Этого самого, — недовольно проворчал Топс.

— Ты поэтому и дорогу так хорошо знал сюда? — спросил Егор.

— Ага, — отозвался Топс. — Я не знаю, что Гномику от меня надо. Мы со Степкой Пхановым приезжали в колхоз Чак за фруктами. Спроси в колхозе про Мустафу Пханова — все скажут, что это «золотой человек». Кто за колхозные фрукты выручит больше других? Пханов. Кто достает колхозу доски, гвозди? Пханов. Кто достал колхозу две автомашины? Пханов. Кто достал бензин для колхоза? Пханов. Председатель колхоза Туйгун прямо не знает, куда усадить Пханова и чем угостить. Пханов, если ему что-нибудь надо достать, — просто мед медович. А все-таки он жадный очень. Все ему мало. На людях он добрый человек, а дома злой...

— Я участвовал в двухстах боях, — гордо сказал Егор, — со мной не бойтесь никаких Степок.

— Не задавайся, — сказал Ромка. — Если бы война не окончилась, я бы тоже был в армии.

— Был бы, но все же не был.

— А насчет двухсот боев ты выдумываешь. Сбавил бы хоть сто.

— А что такое бой, ты знаешь? Ты думаешь, бой — когда встанешь и бежишь в атаку? А боем называется

даже перестрелка, когда отбиваешь контратаку. Бой бывает и встречный, и в обороне, и в наступлении. Я не вру и не задаюсь, — сказал Егор. — У командира должен быть авторитет, и вы должны мне верить. Командир без авторитета — пустое место, так говорил полковник Сапегин.

— Но он, наверное, учил, чтобы командир нос не задирал! — не сдавался Ромка.

— И этому учил. А я не задираю. Он говорил, что герой всегда скромный и беззаветно любит Родину, знает дело и отважен. О! — И Егор поднял указательный палец вверх, как иногда это в шутку делал полковник Сапегин. — Ну, а теперь давайте одеваться!

Ребята побежали к ручью, разыскали одежду и вернулись на лужайку.

III

— А что это летит? — вдруг спросил Гномик. — Не самолет?

Над горами на западе Егор увидел в небе точку. Он побежал в шалаш за биноклем.

— Воздух! — закричал Егор, посмотрев в бинокль, и юркнул в шалаш.

Мальчики — туда же. Влез и Барс.

— Дело серьезное, — взволнованно заметил Егор. — Теперь понимаете? Это наш самолет-разведчик. А чего бы разведчику зря летать над горами? Ясно?

— Ясно! — отозвались в один голос присмиревшие ребята.

— Слушай мою команду! — решительно приказал Егор. — Действовать заодно — и будет успех. Помните, как мы учились нападать в избушке? Шалаш наш хорошо замаскирован под деревом, дождемся вечера и пойдем на гору. А пока ты, Гномик, бери бинокль, садись под

деревом и наблюдай. Будем меняться по очереди через час. Если что заметишь, докладывай.

— А как же суп варить? Ведь дым будет, — сказал Топс и добавил: — Чертовски есть хочется!

— Надо бы сварить, — поддержал его Ромка.

— Я буду наблюдать в бинокль. Если надо, сразу зальем костер, — предложил Гномик.

— Костер разведем в лесу, возле горного потока. В лесу дым рассеивается. Топить будем сушняком — дыму меньше, — сказал Егор.

Ему и самому захотелось есть.

Топс и Ромка отправились варить суп, взяв с собой казанок, мясо, соль, топор и спички. Егор остался один и задумался.

Он провел в боевой части три года и стал храбрым. Бывало при артиллерийском обстреле, когда полковник Сапегин опускался на землю, Егор падал на него сверху, чтобы прикрыть его своим телом. Не было ни одного человека в части, который не сделал бы того же, и Егор очень гордился этим, хоть и виду не подавал, когда Сапегин выговаривал ему перед всеми за безрассудную храбрость.

Герой должен проявлять собственную инициативу, чтобы при изменившихся условиях, которых не смог предусмотреть командир, добиться победы.

«Инициатива в данном случае — это итти разведать местность, чтобы потом искать самим парашютистов. Или, может быть, это безрассудство? Справятся ли ребята? Если бы стрелять было можно! Впрочем, когда надо добыть «языка», всегда приказывают брать его живым». За себя Егор ручался, за Ромку тоже — он хоть и любит спорить, но парень боевой, — а вот Топс? Он ленивый и, наверное, трусоват... Разве если уж очень разозлится, то станет храбрее. Что касается Гномика, он хоть и худенький, но жилистый и выносливый и пойдет

за Егора в огонь и воду. Одним словом, ленинградец. Жаль, что не охотник, стрелять не умеет и, главное, не хочет даже учиться. Егор подумал, взял свое охотничье ружье, потом положил его на место и, захватив одностволку Ромки, вышел из шалаша.

— Гномик! — позвал он мальчика, внимательно смотревшего в бинокль.

— Ух! — воскликнул Гномик, показывая рукой на далекий склон. — Там семь штук козлов, коричневые. А впереди козел с большими рогами. На, смотри, смотри, ну смотри! — И он протянул бинокль.

— Гномик, — сказал Егор, беря бинокль, — ну-ка, бери ружье, я научу тебя стрелять. Сейчас это главное.

— А если нас услышат! — испуганно сказал Гномик.

— Учись целиться и спускать курок, — сказал Егор и подал мальчику ружье.

Он подробно объяснил устройство ружья, показал, как надо заряжать и как стрелять. Гномик, плотно сжав губы, долго целился, потом положил палец на спусковой крючок и зажмурил глаза.

— Открой правый глаз, — рассердился Егор, — открой! Или ты трус?

Гномик приоткрыл правый глаз и дернул спуск. Ружье качнулось вниз. Курок не был взведен.

— Еще раз, — сказал Егор и взвел курок.

Так он заставил Гномика проделать много раз, пока тот не перестал зажмуривать глаз и стал плавно спускать курок. Но, спуская его, он все же нервно моргал глазами.

Егор заставил Гномика целиться стоя, с колена, и лежа, и с дерева, и в летящих птиц. При этом он рассказал, как попасть в птицу, летящую наискось. Надо было целиться значительно впереди нее, в зависимости от того, как скоро эта птица летит вперед. Если это утка и летит шагах в тридцати, надо целиться на полторы

длины ее туловища, а если это чирок и он летит в пятидесяти шагах от охотника, то стрелять надо вперед, глазом отмерив длину восьми его туловищ, примерно на метр вперед.

Лицо Гномика выражало напряжение и старательность, но было видно, что все это он делает не из любви к военному или охотничьему искусству, а потому, что так надо. Егор подавил вздох огорчения.

Прибежал Ромка. Он звал завтракать.

Горячий суп ели так дружно, что говорить было некогда. Это было последнее барсучье мясо.

После еды Егор объявил «мертвый час».

IV

Ничто так не сплачивает друзей, как грозящая всем опасность, преодолеть которую можно лишь общими усилиями.

По сигналу Егора, ребята беспрекословно улеглись в тени деревьев. Сквозь приоткрытые веки они видели голубое небо, спокойное и обманчивое. С севера плыли небольшие пухлые облачка. Они громоздились и походили то на замки и гроты, то вдруг разрывались и напоминали головы зверей.

— Самолеты! — сказал Гномик и сел, протянув руку вверх, но тотчас поправился: — Мухи, а я думал...

— Индюк тоже думал, да издох! — сердито сказал Ромка, переворачиваясь со спины на правый бок.

Ему не лежалось, и он предложил пойти и принести яблок.

— Иди, — сказал Егор. — Только хорошо маскируйся, далеко не забирайся.

Ромка свистнул Барса. Тот поднял голову и внимательно посмотрел вслед удаляющемуся мальчику, но с

места не двинулся. Егор показал собаке рукой на траву рядом с собой. Барс подошел и лег рядом.

— А парашютисты с пулеметами? — спросил Гномик.

При слове «парашютисты» Барс внимательно посмотрел на небо.

— Хлопцы, — воскликнул Егор, — я совсем забыл! Ведь Барс умеет следить за парашютистами. — И, заметив недоумевающие взгляды Гномика и Топса, пояснил: — Видите, он при слове «парашютист» посмотрел вверх. Он лучше нас их увидит.

Барс приподнял левое ухо и пытливо посмотрел на Егора.

— Парашютист! — крикнул Топс.

Пес мгновенно обратил глаза к небу.

— Значит, мы их можем поймать! — воскликнул Гномик.

— А ты не верил? Конечно, поймаем. И не сомневайтесь, — стараясь говорить как можно увереннее, подтвердил Егор. Он вспомнил наставления полковника Сапегина о том, как важно, чтобы бойцы верили в победу.

Пришел Ромка и высыпал из майки на траву груду яблок. Твердые, но сочные яблоки захрустели на зубах у всех, и только Барс, понюхав яблоко, отвернулся и положил голову на вытянутые лапы, наблюдая за хозяином.

Топс рассказал Ромке о том, что Барс может выследить парашютистов. Тот недоверчиво прищурил глаза, но ничего не сказал. Барс пес подходящий. Хорошо бы иметь такого. Только это же пес Бориса. Егор, видно, об этом и думать не хочет. Ему захотелось подразнить Егора.

— Егор, а ты вернешь Барса Борису? — спросил Ромка с самым невинным видом.

— Как полковник Сапегин решит, так и будет, —

сказал Егор, — так мы договорились с Борисом... Ну, вот что, хлопцы, сон у нас не получается. Пойдемте лучше на разведку в горы. Я разведу вас в секреты, там будете сидеть и наблюдать, но так, чтобы себя не выдать врагу. Посылайте донесения. Если случится очень серьезное, бегите сюда. Только незаметно. Или лучше сделаем так: я к вам буду посылать Барса. Он работал связным. У него на ошейнике есть кожаный кармашек, и там будет моя записка. Вот и вписывайте туда свои донесения.

Ребятам это очень понравилось. Все по очереди ощупывали кармашек и засовывали туда пальцы. Они никогда еще не видели, чтобы пес работал связным. Это могло быть очень интересно.

Егор взял свою двустволку, Ромке дали одностволку, и ребята цепочкой пошли вслед за Егором, шагая в ногу, след в след, как разведчики-следопыты.

Они прошли через яблоневую рощу, то и дело нагибаясь за спелыми, красными яблоками, — их много валялось под деревьями. Такого обилия лесных яблок ребята еще не видели. Топс нес в руке узбекский нож; время от времени он очищал им яблоки. Топс был человек практичный. Кожура у яблок была жесткая, и на зубах чувствовалась оскомина.

На пути то и дело попадалась изрытая свиньями земля. Разведчики часто спугивали диких голубей и куропаток, но ни один из мальчиков не выстрелил, строго соблюдая законы разведки.

Барс бежал то впереди, то сбоку, и когда он останавливался, вглядываясь в заросли, весь отряд по знаку Егора опускался на землю.

Воинственный дух обуял ребят. Они мечтали поскорее сразиться с противником. Но противника нигде не было видно.

Так они поднимались часа два, прошли яблоневую

рощу и вышли на опушку хвойного леса. Здесь Егор оставил в секрете Топса, дал Барсу понюхать его одежду и повторил несколько раз:

— Топс, Топс, Топс.

Дальше, по выражению Ромки, было «пустопорожнее место». На склоне не было леса, кроме отдельных рослых деревьев, а еще дальше была вершина, и на ее верхушке росли кусты можжевельника.

— По-пластунски! — шопотом приказал Егор, лег на живот и пополз, прижимаясь к земле.

За ним пополз Ромка, потом Гномик. Барс тоже полз рядом с Егором. Все было совсем как на фронте. Возле первого раскидистого дерева разведчики полежали, отдохнули, огляделись. Внизу темнела опушка леса, откуда они приползли. На открытых местах горного луга никого не было видно.

Мальчики поползли дальше. А когда выползли на вершину к можжевельнику, перед ними оказалась вторая, очень высокая и скалистая вершина, по сравнению с которой первая казалась холмом.

Устроили военный совет, и Егор предложил туда не лезть. Разведчики охотно согласились. Они замаскировались в зарослях можжевельника и долго осматривали окрестности, «ведя разведку наблюдением».

Как только Егор приложил к глазам бинокль, он увидел на скале диких козлов. Все тоже захотели посмотреть козлов. Ромка смотрел дольше всех и до тех пор не хотел отдавать бинокль другим, пока ребята не вырвали бинокль у него из рук.

— Вот что, Ромка, — обратился Егор к нему, — это самый опасный пост: противника можно ожидать со всех сторон. Требуется огромная выдержка, умение маскироваться и наблюдать. Тот, кто останется здесь, должен дежурить всю ночь. А перед утром я пришлю смену. Барс будет бегать связным. Останешься?

— А бинокль дашь?

— Дам. Но бинокль — полковника Сапегина. Не потеряй и не разбей.

— Тогда останусь, давай. — И Ромка почти вырвал бинокль из рук Егора.

— А донесения пишите так, — сказал Егор: — указывайте хоть приблизительно время, где находитесь и что делает противник, что вы делаете и что решили делать дальше в этой боевой обстановке.

Егор позвал Барса, заставил его понюхать платье Ромки, несколько раз повторил «Рома, Рома, Рома» и похлопал ладонью по земле около Ромки.

— А я где? — Гномик жадно смотрел на бинокль.

— Топс пусть сидит на опушке леса, чтобы ему было видно ущелье внизу и позицию Ромки, а ты, Гномик, иди в лагерь, влезай на дерево возле лагеря и наблюдай за тем ущельем, откуда мы пришли, и за северным склоном гор. Я сам пойду разведывать все подозрительные места и буду резервом главного командования.

V

Гномик сидел в верхних ветвях ели, над шалашом, и жалел, что бинокль остался у Ромки. Егор пошел вверх по берегу. Он хотел дойти до озера, откуда вытекает поток, но прошел километра три, а озера все не было.

Егор сел отдохнуть на камень возле ручья и уже через несколько минут заметил куропаток. Они были не такие мелкие, как те, которых они встретили на пути. Крупные серые птицы суетливо бегали возле берега и не замечали мальчика. Барс лежал возле камня и исподлобья следил за Егором. Юного охотника била «охотничья лихорадка». Ну как тут не выстрелить! Ведь

одним выстрелом можно свалить двух или трех птиц. А шум выстрела?

Переживания Егора длились недолго. Он уже решил было стрелять, но куропатки шумно взлетели: по берегу промчалась лисица. Она от кого-то удирала. Егор опустил ружье, не зная, радоваться ему или печалиться, слез с камня и стал за стволом дерева. Барс поднял голову и прислушался. Егор так и не мог понять: то ли это был говор людей, то ли в этом месте поток шумел иначе. Он написал записку: «15. 32 м. 8. 8. 1945 г. Пункт Белый Камень, 3 км от лагеря вверх по потоку. Как будто слышал говор вражеских разведчиков в восточном направлении. Слежу. Генерал Бывалый». Записку Егор вложил в кожаный кармашек, подшитый к ошейнику Барса, и приказал Барсу:

— Ищи Топса, ищи Ромку!

Это он повторил много раз.

Пес помчался.

Егор пополз вперед, прячась между камнями, и вдруг увидел перед своим лицом змею. Он отскочил назад, поднял камень, и потревоженная змея медленно поползла под обломок скалы. Это отбило у Егора охоту ползти. Он пошел во весь рост, всматриваясь в камни. Так он прошел шагов двести, но никого не обнаружил и возвратился к тому камню, на котором сидел.

Поток громко шумел. Камни скрежетали по дну. Егор хотел было выкупаться, но делать это одному было как-то скучно, и он отправился в лагерь. Гномик ползал по траве и собирал жучков, чем очень рассердил Егора. Он заставил его снова залезть на сосну.

Через полчаса запыхавшийся Барс нашел Егора возле шалаша. Егор вынул записку. Топс написал, что, кроме птиц, никого и ничего нет. Ромка доносил, что видел в бинокль одного неизвестного разведчика километрах в двух к западу. Он сидит, как и Ромка, на дереве. И еще

Ромка видел дым в лесу по ту сторону склона, и там же в ущелье проехало несколько военных верхом. Кавалеристы двигались по лесу цепью в восточном направлении. Приписка гласила: «Смотри на небо, над северной грядой гор».

На это Егор и сам обратил внимание. Вместо одиноких облачков, видневшихся раньше на голубом небе, сейчас с северной стороны появились целые гряды облаков, и сзади них, зловеще синея, двигалась сплошная туча, окутывая верхушки скал.

Птицы пели сначала громко, а потом вдруг замолкли.

— Будет дождь, — сказал Егор. — Вряд ли самолеты полетят в горах ночью, да еще в дождь: им не видно будет, куда сбрасывать парашютистов. Я думаю, Гномик, надо снять секреты, пока совсем не стало темно. Слезай!

— Я тоже так думаю, — сразу согласился Гномик и быстро спустился на землю.

Егор послал Барса с приказанием к Топсу и Ромке возвращаться в лагерь.

— Начинай готовить, — сказал он Гномику, — или лучше иди-ка ты налови рыбы на ужин.

— Один? — спросил Гномик, глядя на потемневший лес.

— А ты боишься?

— Нет, только у меня компаса нет.

— Я дам. А обращаться с ним ты умеешь?

— Не очень.

— Значит, не умеешь. Ну, пойдем вместе.

Возле ручья было сумрачно. Егор начал искать наживку, но кузнечиков нигде не было.

— А ты переворачивай камни возле травы, те, что неплотно лежат, — посоветовал Гномик. — Они должны с той стороны сидеть.

Мальчики сдвинули несколько камней, но и там было пусто. Мух тоже нигде не было заметно.

— Вот так штука! — удивился Егор.

— Это перед бурей, — сказал Гномик. — Пойдем в шалаш.

Они возвратились и у шалаша нашли Топса. Тот сидел и аппетитно жевал лепешку.

— Ты почему один ужинаешь? Это не по-товарищески, не по-охотничьи, — сказал Егор. — Мы еще крошки в рот не брали.

— А Ромка не придет! Я виделся с ним. Он привязал Барса на свой ремешок и говорит, что еще посидит вместе с Барсом, чтобы тот в темноте домой привел его, иначе он может заблудиться.

— Смотри, какой боевой парень! Но ведь его дождь насквозь промочит. Может, ты сходишь за ним?

Но Топс наотрез отказался итти за Ромкой:

— Он и сам скоро придет, потому что голоден.

«В РУЖЬЕ!»

I

На ужин Егор предложил сварить рисовый суп «без ничего». Костер разложили неподалеку, в кустах, чтобы не видно было огня. Стало очень душно. Тело покрывалось испариной. Блеснула молния, и в отдалении загрохотал гром, отдаваясь многократным эхом в горах. Суп скоро был готов, и ребята, отложив в котелок порцию для Ромки, быстро опорожнили казанок.

Всё же ребята решили не ложиться спать и дождаться Ромки. Они прилегли возле шалаша. Разговоры быстро затихли: сказывалась усталость предыдущих дней.

Они сами не заметили, как задремали. Тучи затянули все небо, и стало темно. Изредка грохотал гром.

Егору снилось, что он никак не может заснуть, поэтому он очень был удивлен, когда почувствовал, что его кто-то сильно трясет за плечо. Егор с трудом открыл глаза и ничего не увидел. Была совсем темная ночь.

— Проснись, да проснись же! — услышал он громкий шопот Ромки над ухом.

«Снится», решил Егор. Но Ромкина рука снова потрясла его за плечо. Значит, это не был сон.

— Ну что? — спросил Егор, сразу просыпаясь.

— Два парашютиста! Ты понимаешь, сначала один, а совсем рядом сел другой. Если бы один, я бы сам справился, а то сразу двое! — одним духом выпалил Ромка.

— Брось дурить! — недовольно сказал Егор, поворачиваясь на бок.

— Егор, — крикнул Ромка, — я не шучу: честное пионерское, парашютисты! Двое... чтоб я на этом месте провалился, чтоб... Ну честное пионерское!

Всю сонливость Егора как рукой сняло. Он не слишком верил в возможность встречи с парашютистами. Скорее это была военная игра. Ведь Топс мог и ослышаться... А тут вдруг такое дело...

— В ружье! — сдержанно крикнул Егор и, схватив правой рукой Топса, а левой Гномика, яростно принялся их тормошить.

Гномик проснулся сразу, а сонливость Топса возмутила Егора и Ромку.

— Да ведь темно же! — возражал Топс сонным голосом. — Как же ты их заметил в такой темноте?..

— Барс помог, — взволнованно зашептал Ромка. — Как стемнело, я ждал долго, а потом задремал, а Барса

держу на ремешке, намотал на руку. Вдруг слышу — рычит. Я хотел его погладить по голове, положил ладонь на голову и чувствую, что он задрал голову кверху, шерсть на загривке вздыбилась, весь дрожит и только так глухо — ррр-ррр!

— Правильно! — воскликнул Егор. — Это сигнал. Значит, Барс почуял парашютиста. Ну, а ты?

— Я? Я встал, кругом ночь, и думаю, как мне быть, что делать. Ружье зарядил жаканом и Барсу шепчу: «Вперед», а он как бросится вперед, чуть ремень из руки не вырвал. Я держусь за ремень, а он тянет, аж хрипит. Тащит меня, как трактор!

Егор, затаив дыхание, слушал сбивчивый рассказ Ромки. Топс от волнения громко сопел, а у Гномика дробно стучали зубы.

— Мы бежали, бежали, и вдруг Барс — стоп, стал. Все небо в тучах, а тут немного посветлело, и вижу я что-то огромное, темное с неба опускается. Все ниже, ниже, а дальше второе. Чтоб я провалился на этом месте, если вру! Ну что я один мог сделать? Вот я и прибежал. А главное я и забыл: самолет было слышно, плохо, правда, так: врр... ррр... Во! Слушай!

Ребята затаили дыхание. Было совершенно тихо, и нарастающий звук приближающегося самолета они отчетливо услышали.

Кружил ли это тот самолет, что сбросил двух парашютистов, или это прилетел второй, ребята не знали, но летящий самолет они слышали очень хорошо. Наступали давно ожидаемые события.

— А куда те двое делись? — сжав левой рукой нижнюю челюсть, чтобы сдержать невольный стук зубов, спросил Гномик.

— А я не знаю, — ответил Ромка. — Я как увидел, сразу шепчу Барсу: «Егор! Егор!», и он вниз меня по

склону потащил. Я раз пять упал... Это у тебя, Гномик, зубы чечотку отбивают?

— Это чисто нер-рвное, — еле проговорил Гномик, дрожа всем телом.

Барс стоял настороженный, поглядывая то вверх, то на Егора. Топс испуганно сопел.

— Ребята, что же мы? Это же другие парашютисты летят! — встрепенулся Егор. — Если тех упустили, так хоть этих попробуем задержать. Пошли! За мной! — И он, схватив Барса за ошейник, приказал: — Парашютист... парашютист... ищи!

Пес поднял голову на шум мотора, прислушался и потянул Егора, державшего поводок, в сторону яблоневого леса.

За ним, стараясь держаться поближе друг к другу, побежали ребята.

— Гномик, а петли взял? — спросил Егор.

— Какие петли? — удивился Гномик.

— Как «какие»! — рассердился Егор, останавливаясь. — А те веревки с петлями, что надевать на руки парашютисту!

Гномик молчал.

— Ну, как мы тогда практиковались в избушке... Ты их сунул в карман рюкзака.

— Они там, — подтвердил Гномик.

— Беги! — строго сказал Егор.

— Один?

— Конечно!

Гномик помчался к шалашу.

— Только не уходите без меня! — крикнул он на бегу.

Прибежал он очень скоро и дальше шел, осторожно держась рукой за край гимнастерки Егора, «чтобы не отстать».

Вскоре шум самолета затих.

II

Барс вывел ребят на опушку и остановился, подняв голову к небу. Было не очень темно. Повидимому, тучи поредели, и кое-где пробивался лунный свет. Черными глыбами темнели силуэты одиноких деревьев.

Вдруг Барс сдержанно зарычал, рванулся вправо, в лес. За ним, не выпуская ремешка из рук, еле поспевал Егор. Ребята старались не отставать, но все время натыкались на стволы, и ветки били их по лицу. Приходилось бежать, вытянув вперед руки, чтобы защитить глаза.

Внезапно Барс свернул влево. Он рвался вперед и хрипел, да и ребята дышали слишком шумно, как загнанные кони.

Барс остановился, Егор с разбегу упал через него, но сразу же вскочил. Пес приподнялся на задних лапах, потом опустился и стал вертеться во все стороны.

— Потерял! — с досадой сказал Ромка.

— Ищи! Ищи! — шептал Егор. — Ведь прошло всего несколько минут, они где-то здесь.

Опять потемнело, а потом посветлело. Барс рванулся влево, к деревьям. Где-то вверху раздался шелест, треск разрываемой материи; что-то большое, ломая сучья, зашумело по веткам вниз, и перед ребятами невысоко над землей повисло что-то темное. Барс рванулся, и Егор не смог его удержать. Раздался сдержанный человеческий крик, шум борьбы. Темное пятно оказалось человеком. Парашютист неудачно опустился на дерево, застрял в его ветвях и, запутавшись в стропах парашюта, повис над самой землей.

— Хватай парашютиста! — не своим голосом заорал Егор и, расставив руки, налетел на барахтающегося человека.

Егор протянул руки вверх, рассчитывая схватить парашютиста за горло, но это оказалась не голова, а

сапог, запутавшийся в стропе. Егор не видел, что делают другие, но в ту же секунду кто-то дернул его за ногу так, что Егор со всего размаху ударился спиной о землю, а головой — о ствол дерева.

Ромка, Топс и Гномик облепили парашютиста со всех сторон, стараясь схватить его за руки, но это оказались ноги; когда же хватали за ноги, то натыкались на руки. Все это привело их в замешательство. Вскоре Барсу удалось схватить парашютиста за правую руку.

— Он висит головой вниз! — крикнул Егор вскакивая. — Гномик, давай петли, петли!

Петли, конечно, запутались в кармане. Получилась заминка, но все же ребята поняли, что вверху торчат не руки, а ноги, а руки внизу, причем одна у Барса в зубах, а другой рукой парашютист колотил собаку по голове.

Это была совершенно удивительная удача! Не часто приходится встречать парашютистов, зацепившихся парашютом за верхушку дерева и к тому же висящих вниз головой! После отчаянной борьбы мальчикам наконец удалось надеть петли на руки парашютиста и веревки от петель натянуть вниз в стороны. Ромка, лежа на земле, удерживал одну веревку, Топс — вторую, Гномик держал Барса.

— Хенде хох, хенде хох! — твердил Егор, дрожа всем телом от волнения, и стягивал веревкой брыкающиеся ноги.

— Сдаюсь! — прохрипел парашютист. — Сдаюсь, черти! Опустите на землю и поверните голову вверх — глаза лопнут.

— Ага, сдаешься, гад! — закричал Егор, и радость победы придала новые силы ребятам.

Егор быстро ощупал тело парашютиста. Кобура была пуста, а нож Егор вынул и принялся обрезать стропы парашюта, удерживавшие человека. Их было двадцать восемь.

— Готовсь! — крикнул он ребятам и обрезал последние стропы.

Парашютист упал на землю, и на него снова навалились мальчики. Парашютист боролся как мог. Но что может сделать один, даже взрослый, мужчина со связанными руками и ногами, когда на него наваливаются четыре четырнадцатилетних парня, в которых яростная борьба вызвала необычайный прилив сил?

— Черти... — хрипел парашютист, хорошо выговаривая русские слова. — Я свой!

Услышав это, ребята совсем обрадовались. Ага! Попался! Не ждал! Радостным возгласам не было конца.

— Давай кляп в рот вставим: еще закричит, а те услышат, прибегут, — прошептал Ромка на ухо Егору. Он был переполнен отвагой и боялся упустить победу.

Пленный, услышав о кляпе, пытался возражать. Он говорил всякие нелепые вещи, но ребята и слушать его не хотели. Они не без труда вставили ему в рот три носовых платка и тряпку, а руки связали за спиной. Ноги развязали, чтобы он мог итти. Егор заставил всех ребят искать на земле выпавший пистолет, но никто его не нашел. Заставили искать даже Барса, но и тот, разгоряченный борьбой, искал невнимательно, прыгал все время около пленника и ничего не нашел.

— Иди! — приказал Ромка пленному. — А не пойдешь — смерть!

— Смерть! — повторили Топс и Гномик, испытывая невероятное чувство подъема от сознания своей победы.

У Гномика был разбит нос, у Ромки ныла шея и был ободран лоб, но это были сущие пустяки. Воистину страх опасности в тысячу раз страшнее самой опасности. Они шли позади парашютиста и нисколько не боялись его. Злой, драчливый, но и только.

Впереди шагал Ромка и держал в руке веревку, оканчивающуюся петлей на шее пленника; по бокам, то и

дело обегая встречные деревья, но так, чтобы не отставать, шли Гномик и Топс. Егор шел позади, в правой руке сжимая ружье, а левой удерживая Барса за ремешок. Барс плохо повиновался. Он то и дело порывался вперед и чуть не валил Егора с ног. Наконец Егору это надоело. После удара прутом пес послушно пошел у ноги.

К шалашу дошли быстро. Егор завел пленного в шалаш и велел завесить вход одеялом. В руке Егора вспыхнул фонарик и осветил пленника. Он был молодой, голубоглазый, с вьющимися каштановыми волосами.

— Типичный фашист, — сказал Ромка.

Пленник замычал, заморгал, давая знать, что хочет что-то сказать, но Егор решил пока не вынимать кляпа изо рта. Они вместе с Ромкой обыскали пленного, на этот раз очень тщательно. Больше всего их тревожила потеря такого прекрасного трофея, как пистолет. В карманах комбинезона они нашли коробку советских папирос и спички. Ромка сломал три папиросы в надежде найти секретное донесение или ампулы с ядом, но Егор запретил это делать, сказав, что все, что надо, найдут те, кому следует этим интересоваться.

Под комбинезоном пленного была гимнастерка, и в ее карманах Егор нашел воинские документы на имя Алексея Ивановича Черненко, записную книжку с обозначением условных сигналов и позывных.

Связав пленному ноги и предупредив, что пес будет его стеречь, а в случае попытки пошевелиться перегрызет глотку, ребята, по зову Егора, вышли из шалаша на военный совет.

III

Не успел Егор сделать и двух шагов, как на него налетели ребята и сжали его в своих объятиях, стараясь выразить охвативший их восторг.

— Вот здорово! Вот так штука! А ловко мы его! Кто бы думал? Можно и других поймать! Вот Гарун обрадуется! А Борис как будет рад! Вот подарок Четвертой дружине! Молодец ты, Егор!

Егор был очень польщен этим выражением доверия и восторга.

— Что я! — сказал он. — Главное — Ромка. Не услышь он, так бы и проспали. Из Ромки вышел бы превосходный разведчик!.. А теперь как полковник Сапегин будет доволен!

— Что я! — сказал Ромка, решивший щегольнуть великодушием. — Это Барс. Он услышал, он и привел.

Барс, услышав свое имя, тотчас же примчался. Тут все набросились на него, и он рыкнул от слишком горячих и неосторожных прикосновений к нежной и еще очень чувствительной коже на месте правого уха.

— Так что же делать дальше? — задал Егор вопрос. — Будем сейчас вести его в кишлак или пойдем ловить остальных?

— Ловить! — было единогласное решение.

А что делать с пленным? Предложение оставить Гномика стеречь пленного Гномик категорически отверг. Никто не пожелал остаться, все хотели действовать. Наконец решили, что пойдут все, а пленного оставят в шалаше и привяжут к кольям, чтобы он, изгибаясь, как змея, не выполз наружу.

Так и сделали.

Венера поднялась высоко над горами. Приближался рассвет. Снова Барс услышал приказ «парашютист» и снова повел ребят за собой. Бежали задыхаясь, но не сбавляли скорости. Через полчаса Барс привел их в лес. Под свисающими с дерева стропами пес остановился.

— Ребята, парашют висит! — сообщил Ромка.

Но это все видели и без него.

— Да ведь это тот самый парашют! — сказал Егор.

Ощупали обрезанные стропы и окончательно убедились, что они опять попали на то самое место, где недавно поймали своего пленника.

— Надо обязательно снять парашют, — приказал Егор: — он висит на ветке, его днем будет далеко видно, и он нас выдаст, потому что каждый парашютист, спустившись, должен спрятать свой парашют; если он этого не сделал, значит с ним что-то приключилось, и это привлечет внимание его единомышленников.

— Давай снимать, — согласился Ромка. — Я полезу и сниму.

Ромка, как белка, полез на пихту, но снять парашют с дерева было нелегко.

— Я легкий, я могу! — вызвался Гномик.

Ему дали нож, и он влез на ветку пихты, под купол парашюта. Гномик полоснул ножом и распорол шелк.

Рассветало, когда ребята наконец стащили парашют вниз. Это был целый ворох шелковой материи. Ее сложили как могли и увязали стропами. Тюк получился большой и неуклюжий.

— В шалаш отнесем? — спросил Гномик.

— Нельзя! — сказал Егор. — Уже светло, и когда мы выйдем из леса, нас могут с горы заметить. Зароем здесь или отнесем к тому каменному ребру, что мы видели в лесу, в западной стороне, и там спрячем в камнях.

Так и сделали.

IV

Утро было ветреное. По небу неслись тучи. Лес шумел. Ребята, не спавшие ночь, чувствовали усталость и непрочь были отдохнуть. Что же касается поимки остальных парашютистов, то днем это казалось труднее, днем уже не найти висящего парашютиста, запутавшего-

ся ногой в стропах. Ребята шли молча. Барс впереди, Топс и Ромка тащили легкий, но неуклюжий тюк. Шли долго. Ромка два раза уже предлагал зарыть парашют в землю и вернуться к шалашу. Он даже высказал опасение, как бы без них пленник не убежал. Егор и сам думал об этом. Но зарывать парашют было долго, а скалы должны быть рядом.

Серая поверхность скал, уходящая неровной стеной вверх, вскоре показалась меж деревьев.

— Пришли, — сказал Егор.

Но мало было притти — надо было выбрать место. Под скалами громоздились большие валуны. Решили итти вниз по склону искать место, где спрятать парашют.

V

Мальчики заглядывали во все каменные складки, во все выемки. Особенно усердствовал Гномик. Наконец почти одновременно они увидели огромное темное отверстие в скале. Это была пещера. Множество горных ласточек, наполняя воздух щебетаньем, влетало и вылетало из нее.

Мальчики вошли. Пещера была высокая. Здесь мог бы поместиться трехэтажный дом. Ее стены и потолок в тех местах, куда не заглядывало солнце, были облеплены ласточкиными гнездами. А на полу лежал толстый слой рыхлой почвы, образовавшейся из разрушенных гнезд ласточек и их помета.

При виде людей ласточки всполошились. Они стали беспокойно носиться, чуть не задевая мальчиков за головы.

— Место неплохое, — сказал Егор. — Если забудем где, проследим по полету ласточек, и они нас сюда приведут.

Ромка и Топс охотно согласились: им надоело тащить тюк.

Задняя часть пещеры была вся загромождена обломками скал. В глубине, за большой каменной глыбой, свергаясь с потолка, шумел небольшой водопад. Вода лилась в широкое круглое углубление в полу. Там она не задерживалась, а стекала по краю широкого наклонного колодца.

Ребята поспешили к водопаду, напились воды и долго заглядывали в водослив. Он, как подземный ход, вел куда-то вглубь. Усталые, они уселись возле водопада.

Только сейчас ребята почувствовали, как они устали за ночь. Их клонило ко сну, не хотелось двигаться, но Егор немедленно поднял ребят и стал высматривать место, куда спрятать парашют. Внезапно Барс поднял голову и угрожающе зарычал. Ребята насторожились. Барс зарычал сильнее.

— Ребята, — тихо сказал Егор, — Барс предупреждает, что поблизости есть люди!

— Парашютисты? — испуганно спросил Топс.

У входа в пещеру послышался шум. Кто-то шел. Мальчики сорвались с мест и бросились мимо водопада к камням в глубине пещеры.

Едва только мальчики успели притаиться у задней стены за каменными глыбами, как у входа раздались голоса.

— Парашют забыли, парашют! — прошептал Гномик в тревоге.

— Тише! А ну, Ромка, давай зарядим ружья картечью, — распорядился Егор.

Мальчики перезарядили ружья.

— У них ррр-евольвер-рры,— дрожащим голосом сказал Гномик.

— Тсс!

Ребята замерли.

В пещеру вошел человек в комбинезоне, а за ним еще два.

Егор крепко держал Барса за ошейник.

«Сейчас подойдут сюда, — думал Егор. — Что сделаешь с охотничьим ружьем против пистолетов!» Егор услышал приближающиеся шаги, потом прерывающийся плеск воды. Диверсанты умывались под водопадом или пили. Ребята уже не выглядывали, а прижались к самому подножию камней. Егор зажал рукой морду Барса, поправил ружье и толкнул локтем Ромку, чтобы тот был готов действовать.

Диверсанты отошли к выходу.

— Поискать в пещере, что ли? — сказал кто-то по-русски.

Егор удивленно прислушался. Потом вспомнил, что шпион обязательно должен хорошо говорить по-русски. Значит, это шпионы. Спрятаться было негде. Егор напряженно думал, перебирая все возможные способы, и вдруг его осенила догадка.

— Ползите за мной скорее, — шепнул Егор.

И ребята двинулись ползком за ним к водопаду.

Теперь ребята хорошо рассмотрели водослив. Под водопадом чернело отверстие шириной в метр, куда стекала вода.

— Сюда! — сказал Егор.

Ребята замерли.

— В колодец? — испуганно спросил Топс, которому не хотелось мокнуть, и он быстро добавил: — А если там кобры, скорпионы и кара-курты?

— Если диверсанты нас найдут, это будет хуже кара-куртов, — прошептал Егор. — Гномик, ты берешь змей в руки, лезь первым, скорее!

Гномик молча полез ногами вперед, стараясь не попасть под струю воды. Едва его голова исчезла в проходе, пустили Топса, потом полез Ромка, за ним Барс, и, на-

конец, последним двинулся Егор. Взглянув еще раз в сторону парашютистов, Егор ощутил на себе испуганный взгляд чьих-то глаз из-за камня.

Было ли это на самом деле или ему показалось, Егор в тот момент так и не понял.

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ

I

Этот сток для воды напоминал подземный ход. Он уходил колодцем куда-то вниз. Вначале это была широкая, слегка наклонная труба, и ребята упирались в ее стенки руками, стараясь не очень вымокнуть в воде. Потом эта труба поворачивала в сторону и шла почти горизонтально, и тогда можно было двигаться на четвереньках.

Было совершенно темно.

Смертельная опасность позади, мрак и таинственность впереди удесятеряли страх и настороженность. Скользкие камни под дрожащими пальцами казались гадюками, камешки, падавшие сверху на шею, — кара-куртами, а углубления с водой — бездонными пропастями.

— Здесь подождем? — глухо донесся голос Гномика.

Егор не ответил. Он соображал. Сколько можно прождать в этой трубе? Ну час, ну пять часов, а потом? А если шпионы будут искать и захватят их пленного в шалаше?

— Надо спешить! — решил Егор. — Еще можно лезть вперед?

— Можно, — донесся голос Гномика.

— А не застрянем? — взволнованно спросил толстый Топс.

Никто не ответил.

Вдруг страшный грохот прижал их к земле. Вот опять и опять.

— Стреляют!—крикнул Егор.—Сзади в нас стреляют!

Ребята, двигавшиеся медленно, неистово ринулись вперед. Лица задних натыкались на ноги передних. Острия выступов больно ударяли по голове, царапали бока, рвали одежду.

— Скорее! Тсс! Что же ты остановился? Не канителься! Не толкайся!

Всплеск воды... Вскрик:

— Что там? Кто? В чем дело? Гномик!

Послышался крик:

— Тону!.. Ой, холодная, как лед! — И наконец: — Стою по пояс, не бойтесь... ко мне, здесь большая лужа!

— Без паники, — сказал Егор: — позади нас узкий проход, так что взрослым не пролезть!

Помогая друг другу, ребята осторожно спустились в холодную воду. Они стояли, держась друг за друга. Егор послал Барса вперед. Пес поплыл. Шли минуты, пес не возвращался.

Ребята все еще боялись громко говорить, опасаясь, что их услышат враги, но делать было нечего, и Егор приказал в темноту:

— Голос!

Оглушительное «гав, гав» было ответом.

— Там стой! Голос! — опять крикнул Егор.

Барс опять залаял. Очевидно, он не плыл, а стоял, и, возможно, у выхода.

Ребята медленно побрели по воде в сторону, откуда лаял Барс. Нащупали Барса. Он стоял на сухом выступе в проходе; здесь можно было итти согнувшись, но дальше опять пришлось лезть на четвереньках. Одна мысль тревожила всех: а вдруг выход так узок, что им не выбраться наружу? Это было так страшно, что мальчики не решались даже сказать об этом друг другу.

Они долго ползли, потея и задыхаясь, пока радостный и возбужденный возглас Гномика: «Светлеет!» не ободрил их.

Наружу выползли без всяких затруднений. Солнечный свет слепил. Глаза слезились. Их лица были поцарапаны и измазаны грязью, мокрая и грязная одежда была порвана. Каждому хотелось убежать подальше от этого страшного места. Егор огляделся. Они были в глухом ущелье, заросшем деревьями. «Каменное ребро» на склоне было позади них.

Ребят била нервная лихорадка.

— Порядок! — солидно, как подобает командиру, сказал Егор, но, не в силах сдержаться, он возбужденно потряс кулаками в воздухе и громко прошептал: — Здорово, а? Вот провели врага! Вышли из окружения и без потерь! Поизорвались малость, намокли, так это же пустяки!

— Бежим, — шептал Топс, — бежим дальше!

— Замерз,— прошептал Гномик посиневшими губами.

— Только не бояться, — сказал Егор, — мы здесь в полнейшей безопасности.

Он снял и выжал одежду. Все последовали его примеру. Барс катался по земле, а потом спустился вниз, где, невидимая сверху, в камнях журчала вода, разгреб камешки и начал пить воду. Ребята подпрыгивали, боролись, стараясь согреться. Но все же каждый шорох заставлял их замирать. То и дело кто-нибудь из них шептал: «Тсс... тсс!», и все они прислушивались. Но это были ложные страхи.

— Думал, пропадем! — сознался Топс.

— И какой дурак так странно строил этот подземный ход! — негодовал Ромка.

— Вода, «незнайка», вода. Сток для подземной воды, — охотно пояснил развеселившийся Топс. Он почти успокоился.

Так прошло минут десять. Ребята помылись, вернее выкупались, почистили ружья и одежду.

— Военный совет! — объявил Егор, присаживаясь на горячий камень. — Что будем делать?

Топс посоветовал ждать ночи. Гномик с ним согласился. Ромка предложил пойти разведать, где эти два парашютиста, и если они заснули в пещере, окружить их и захватить.

— Мы решили поймать одного и поймали, — напомнил Егор. — Главное, чтобы наш пленник был доставлен в кишлак: он даст показания, и можно будет поймать других. Поэтому одевайтесь. К шалашу пойдем лесом. В лесу Барс учует невидимого врага на расстоянии и предупредит. Только не трусить! Вместе мы гору свернем!

Ромка стал было спорить, но его быстро утихомирили.

Теперь ребята шли цепочкой, след в след. Впереди шел Егор, а перед ним осторожно двигался Барс, то и дело принюхиваясь и прислушиваясь. Стоило остановиться Барсу, и все замирали на месте, с нетерпением глядя на Егора. Тот подавал знак, и снова все шли вперед, готовые каждое мгновение броситься на врага. Вера друг в друга удесятеряла их силы.

II

Подходя к шалашу, ребята почти бежали. Они торопились поскорее узнать, что с пленником. Полянку обошли снизу по зарослям. Пленник был на месте. Ребята выволокли его из шалаша и развязали ему ноги. Он порывался что-то сказать, но его не стали слушать, свели с горы в ущелье, к реке, туда, где ловили маринку. Там ребята его накормили и напоили из своих рук, но опять

не стали слушать всякий вздор, который он попробовал рассказывать, чтобы его отпустили. Вначале Егор приказал пленному замолчать, а когда это не помогло, ему снова вставили кляп.

— Мы отведем тебя в кишлак и сдадим властям, — сказал Егор, — но если по дороге ты вздумаешь бежать, тебя догонит этот пес и загрызет. Поэтому слушайся.

Затем Егор достал коробочку, где у него хранились иголки и нитки. Ребята, чтобы не терять времени, ели и одновременно зашивали прорехи на одежде. Через час они тронулись в путь. Правда, Топс пробовал возражать. Он настаивал на отдыхе: ведь уже более суток они не спали. Но на сей раз Топса никто не поддержал. Все чувствовали ответственность положения.

И на этот раз шли не по северному берегу, а по южному, широкому, шли, прячась в тени деревьев.

Впереди шли Гномик с Барсом и вели разведку. Дважды, заметив неизвестных, Егор приказывал углубляться в лес и обходить. Они шли всю ночь и так устали, что утром, это было 10 августа, Егор приказал сделать остановку. Проспали часа четыре. Пленник, когда его кормили, опять пытался уговорить ребят отпустить его. Он сердился, грозил, но ребята снова вставили ему кляп в рот.

Знакомой фисташковой рощи они достигли после обеда. Егор ушел на разведку с Барсом, а вернувшись, сообщил, что попасть с пленником незамеченным в кишлак им не удастся. Поэтому решили, что Ромка, Гномик и Барс будут стеречь пленника, а Егор и Топс отправятся в кишлак и позвонят Гаруну. Так и сделали.

Егор и Топс были так возбуждены, что почти всю дорогу бежали. Мост перешли, когда солнце уже опустилось к горе. В кишлаке было шумно. Перед правлением колхоза, где был телефон и куда Топс привел Егора, стояли три машины, возле них сновали военные.

Топс толкнул Егора.

— О парашютистах знают, — тихо сказал он.

Егор и сам сообразил, что военные здесь недаром.

— Может, сказать начальнику? — предложил Топс.

— Нет, — не согласился Егор, — прежде всего мы должны доложить Гаруну, а он распорядится, как быть.

Часовой не пропустил мальчиков внутрь дома и после настойчивых просьб Егора, что им надо совершенно срочно позвонить в город по очень важному делу, пошел доложить дежурному. Тот сейчас же вышел, выслушал и пригласил мальчиков в комнату.

Егор вошел, быстро оглядел присутствующих и, заметив майора, вытянулся, отдал честь, громко и внятно сказал:

— Разрешите обратиться, товарищ майор!

Брови пожилого высокого майора удивленно поднялись. Он посмотрел на мальчика и, улыбаясь, ответил:

— Прошу.

— Разрешите позвонить в город по совершенно срочному делу.

— А какое дело? — спросил майор, заинтересованный не совсем обычным видом мальчика, одетого в военную форму и, видимо, хорошо обученного в воинской части.

— Военная тайна!

— О! А как же ты доложишь о своей тайне по телефону? — спросил майор. — У тебя код или шифр?

— Так точно!

— Ну, звони! — И вдруг глаза майора сузились, как будто он что-то припомнил.

Егор позвонил и, сразу узнав голос Гаруна, крикнул ему:

— Докладывает Егор. Мы выследили, — он понизил

голос до шопота, — вражеского парашютиста, ночью, у истоков реки Чак...

В трубке послышался удивленный возглас Гаруна.

— Поймали! — лаконически продолжал Егор, кося глазом на майора, заинтересованного разговором.

— Не может быть! — воскликнул Гарун.

— Честное пионерское! — подтвердил Егор.

— А где он? — спросил недоверчиво Гарун.

— Поблизости, — ответил Егор и напомнил, что говорит из комнаты, где есть посторонние.

— А майор Нароков там?

— Вы не майор Нароков? — спросил Егор и, услышав утвердительный ответ, сказал Гаруну: — Майор здесь.

Гарун попросил передать трубку майору.

Майор Нароков сначала слушал спокойно, потом удивленно сказал: «Этого не может быть», и с интересом уставился на Егора. Мальчик невольно одернул гимнастерку, Топс поднял голову выше. Майор, переговорив с Гаруном, передал трубку Егору.

Гарун приказывал, если Егор говорит правду, передать пойманного парашютиста майору Нарокову. Егор ответил: «Есть!» и повесил трубку.

— Где же пойманный? — серьезно спросил майор. — Ты не того? — И он подмигнул. Егор покраснел. — Не ошибаешься? — пояснил майор.

— Нет, товарищ майор, не ошибаюсь. Он в пяти километрах отсюда, в фисташковой роще.

— Доехать на машине можно?

— Доберемся, — ответил Егор.

— Поехали! — И майор направился к выходу. — А это еще что за воин? — спросил он, указывая на Топса, который тоже полез садиться в машину.

— Из моей команды! — с гордостью ответил юный фронтовик.

III

Легковая машина с майором, лейтенантом, бойцом и двумя мальчиками проехала через громыхавший и дрожавший под колесами мост и покатила по лугу к фисташковой роще.

— Приехали! — сказал Егор и на ходу выскочил из машины.

— Где же? — спросил майор вылезая.

— Сюда!

И Егор провел майора и сопровождавшего его лейтенанта в заросли фисташек.

— Лежать! — крикнул Егор вскочившему им навстречу Барсу.

Пленник сидел, устало прислонившись к стволу дерева. При виде майора он вскочил. Майор подошел и сразу вынул у пленника кляп изо рта.

— Как же это вы, Черненко, так глупо попались? И кому же — мальчишкам!.. Развяжи ему руки! — приказал майор.

Ребята опешили. Егор, не сводя удивленных глаз с майора, взял нож из рук Гномика и перерезал веревки.

— А мы-то, дураки, старались! — с досадой негромко сказал Ромка и сразу загрустил.

Топс понял, что поймали не врага. Он бурно вздохнул, вспоминая пережитое.

— Что вы носы повесили? — так же тихо отозвался Егор. — Мы ведь поставили себе задачу и выполнили ее! — Все же Егору было не по себе.

— Несчастный случай, товарищ майор. Парашют зацепился за ветку дерева, а моя нога запуталась в стропе, я повис боком, очень низко над землей, и не успел вынуть нож и перерезать стропы. На меня сзади бросился этот волкодав, — пленник кивнул на Барса, — и схватил за руку. А тут налетела целая орава этих черте-

нят — и все на меня. Нас предупредил капитан Федотов, чтобы мы спускались из расчета на врага, поджидающего нас у реки и возле кишлака. Я ожидал всего, но тут просто случайность... и эти ребята... Я даже их всерьез не принял, когда увидел, поэтому и не оказал должного сопротивления... Случайность...

— «Случайность»! — язвительно повторил майор. — А разве не надо рассчитывать на то, что у врага будут сторожевые собаки? Случай с вами очень характерен, и мы его специально разберем, когда будем обсуждать итоги этого десантного урока. Ведь не станете же вы уверять, что ночью, вися чуть ли не вниз головой, вы сразу увидели, что это мальчики, и поэтому перестали обороняться.

— Он отбивался, как тигр, — сказал Ромка, с ненавистью глядя на своего пленного, так нагло отрицавшего их заслуги. — Он разбил нос Гномику, — продолжал Ромка, — стукнул кулаком Топса по голове, мне посадил фонарь под глазом и всем насажал массу синяков. — Ромка поднял майку, чтобы все могли увидеть его тело, сплошь покрытое синяками.

Глаза Егора весело блеснули. Он вспомнил купанье и камни.

— А ну поднимите рубашки! — крикнул он.

И перед глазами майора предстали детские тела, украшенные кровоподтеками.

— Однако! — сказал майор. — Вы, ребята, боролись не на шутку!

— Еще бы! — отозвался Черненко. — Но у них был пес, и это меня доконало. Я никак не пойму, откуда они взялись!

— Откуда? — Майор улыбнулся. — А ну-ка, юный фронтовик, расскажи, как вы сюда попали.

Егор слегка покраснел, одернул гимнастерку, выпрямился и рассказал без утайки обо всем, как было.

Майор внимательно выслушал его рассказ и веселым взором окинул всю компанию. Ему нравились эти мальчики, проявившие в очень сложных условиях инициативу, сметку и храбрость. Он не был уверен, педагогично ли их хвалить за выполнение того, на что они не имели указаний своего руководителя. Но раз это им не было запрещено и ребята проявили истинный патриотизм, то вряд ли было бы умно порицать поступок, вызванный их лучшими чувствами, и майор сказал так:

— Вам, ребята, еще рано вмешиваться в военные дела, хотя один из вас в силу обстоятельств даже побывал на фронте. Всему свое время. Вам еще придется послужить в армии, и кто знает, может быть, вы все станете героями. До тех пор пока существуют капиталистические страны, не исключена возможность военной провокации с их стороны. Так вот, если бы вам приказали не вмешиваться в дела учебного десанта, а вы бы нарушили этот приказ, то вас следовало бы наказать. Но вы действовали от чистого сердца, желая помочь Родине. Оказались не из пугливых, проявили и сметку, и отвагу, и опыт следопыта. Вы боевые хлопцы и, я уверен, хорошие охотники. Садитесь, поедем со мной в Джелал-Буйнак. Вы заслуживаете серьезной благодарности. Поехали!

— Товарищ майор, разрешите обратиться! — сказал Егор звонким от волнения голосом.

— Говори!

— Мы не поедем сейчас в город. У нас тут еще много дел.

— Ну, чем бы вас отблагодарить? — спросил майор, смотря на Ромку.

Тот покраснел от волнения и обиженно сказал:

— Я думал, мы настоящего поймали... а тут... и благодарить не за что!

— Ишь какой! Ну, а ты? — обратился майор к Топсу.

— Спасибо, мне ничего не надо. Вот сестра с мужем демобилизуются, приезжайте к нам в гости в Джелал-Буйнак. Нагорная, одиннадцать.

— Спасибо, при случае заеду... Ну, а ты?

Гномик покраснел и тихо сказал:

— Если бы вы нашли мою маму... Наталия Михайловна Батова, из Ленинграда. Нас разбомбили у Бологого.

— Запомню, — обещал майор и перевел взгляд на Егора.

Но тот, не дав ему спросить, вытянулся и отрапортовал:

— Служу Советскому Союзу!

— Смирно! — крикнул майор, так что даже Барс, лежавший в тени, вскочил.

Майор приложил руку к головному убору и, отчеканивая каждое слово, сказал:

— От имени командования объявляю вам, пионеры разведотряда Четвертой пионерской дружины, благодарность за участие в проведении учебного десанта, за бдительность, за инициативу и смелость, проявленные в сложных условиях горного района, ночью.

Ребята, замершие по стойке «смирно», готовы были стоять так вечно и слушать замечательные слова, внушавшие им веру в свои силы. Пусть их парашютист оказался не шпионом и не диверсантом, пусть все это было военное ученье и они были в нем «элементом случайности», но враг всегда может напасть, и они выдержали первый экзамен бдительности и храбрости. Они чувствовали себя так, что прикажи им майор бежать сто километров без передышки, они помчались бы, как ветер, а прикажи умереть — умерли бы!

Майор понял состояние ребят по их горящим глазам

и возбужденным лицам. Он скомандовал «вольно» и улыбнулся ласково и весело.

— Кто же у вас самый боевой? — спросил он.

Глаза Топса, Ромки и Гномика уставились на Егора.

— Товарищ майор, разрешите сказать, — обратился к нему Егор. — Из нас первый Роман Крестьянинов заметил парашютиста. Он остался в секрете, не страшась надвигающейся грозы. Мы уже спали, а он прибежал и поднял нас по боевой тревоге.

Майор внимательно посмотрел на Егора, потом достал небольшой складной ножик и, подойдя к Роману, сказал:

— Вот тебе на память, и помни, что куда бы ни попадал советский человек, в каких бы обстоятельствах ни очутился, он всегда должен быть преданным Родине и уметь побеждать.

— А как же пистолет? — напомнил Егор. — Ведь мы его не нашли.

— Не было, — ответил Черненко, — это же была только учеба. А как же поступить с парашютом? — обратился он к майору. — Он ведь остался на дереве.

Но здесь ребята наперебой стали рассказывать, как они снимали парашют, правда его пришлось разрезать, и о своих приключениях в пещере.

— Ну что же, — сказал майор, — придется вам, Черненко, завтра с утра отправиться в горы, кстати у вас будут попутчики. А сейчас собирайтесь, поедем в кишлак. Скоро вечер, и вы проголодались, да и, наверное, устали, — добавил он, обращаясь к ребятам.

— Нет! — ответил за всех Егор.

Но осунувшиеся лица ребят говорили другое. Ехать в кишлак ребята отказались. Они заявили, что будут ночевать здесь, а еду себе достанут охотой и рыбной ловлей.

— Для вас, ребята, это получилось больше чем учеба, — сказал майор: — это было испытание ваших

сил, и вы его блестяще выдержали. Охотьтесь, взбирайтесь на недоступные вершины, познавайте природу и, главное, овладевайте знаниями!

Ребята долго кричали «ура» вслед уносящейся машине.

IV

— Вот это настоящий командир! — горячо сказал Егор и, помолчав, добавил: — Эх, скорей бы притти к полковнику Сапегину!

Понемногу возбуждение улеглось, и ребята почувствовали усталость. Решили охоту перенести на утро, а сейчас устроить постель из сена и лечь без ужина спать.

Все пошли за сеном на луг. Егор запретил брать из новых стогов, поэтому они собирали клочки старого сена по всему лугу. Они уже собрались ложиться спать, когда возле рощи опять загудела машина. Мальчики выбежали на опушку. Возле машины стоял Черненко с рюкзаком в руках.

— Мой парашют уже принесли, — сказал он, — отправляйтесь в поход без меня. А это вам посылает майор. Рюкзак верните.

Егор высыпал содержимое рюкзака на траву. Здесь были две буханки хлеба, колбаса, сливочное масло и четыре банки консервов.

— Спасибо! Передайте майору большое спасибо! — сказал растроганный Егор.

Черненко уехал. Ребята перенесли продукты к биваку, наелись вволю и, прежде чем вскипятить чай, легли отдохнуть, а когда проснулись, было позднее утро 11 августа, и слепни, может быть те же слепни, что и в первую ночевку здесь, напали на них и разбудили.

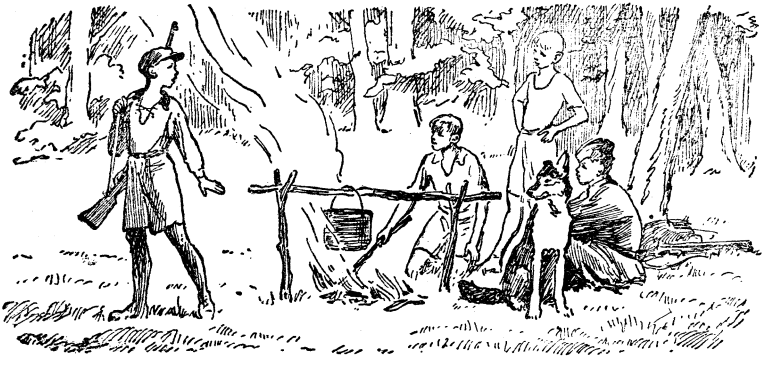
— А что сказал Гарун? Когда он присоединится к нам? — спросил Ромка.

— Он сказал — дальнейшие инструкции в пакете, а вскрыть его мы должны там, где мы захватили парашютиста, то-есть в верховьях реки Чак, — напомнил Егор.

— Это все равно на пути к Пчелиному городу на Ореховом холме, — сказал Ромка.

— Вперед! — приказал Егор.

— Вперед! — так же дружно, как вчера, ответили друзья и двинулись в путь по знакомой дороге.



ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ИГЛЫ РАЗДОРА

I

В свой шалаш на «Горе парашютистов», как они ее назвали, ребята вернулись на второй день, поздно ночью, и сразу легли спать.

Егор проснулся первый. Переход от сна к бодрствованию у него произошел, как обычно, мгновенно. Часы показывали 10 часов 23 минуты. Теперь, когда одно задание было выполнено и ничто не мешало скорой встрече с полковником Сапегиным, Егор не мог больше ждать.

— Подъем! — закричал он.

Ребята дружно вскочили по команде.

— Нам давно пора вставать, чтобы через горы попасть в Зеленую лабораторию.

— Зачем торопиться? — запротестовал Топс. — Давайте день отдохнем, а то спешили сюда, потом в кишлак с парашютистом, потом опять сюда! А сейчас опять надо спешить. Разве это жизнь!

— И какой ты рохля, Топс! Тебе бы спать и спать! — рассердился Егор. — А мне все время хочется что-то делать, даже прямо жалко, что целую ночь надо спать.

— Я не пойду, — решительно заявил Ромка. — Топс прав, нам надо отдохнуть.

— А ты, Гномик? — ревниво спросил Егор.

— Конечно, я с тобой, — отозвался Гномик. — А как же иначе?

— Ладно, мы с тобой, Гномик, как ударная армия пойдем вперед, — сказал Егор: — с дезертирами нам не по пути.

— Ну ты, потише! — закричал Ромка. — А про пакет забыл?

— Ох, я и ворона! — воскликнул Егор и вытащил из кармана гимнастерки серый конверт.

— «Распечатать у истоков реки Чак», — торжественно прочел Егор и потряс пакетом в воздухе.

— А разве истоки здесь? — спросил Гномик, любивший во всем точность.

— Начало истоков, — вмешался Топс, — должно быть выше и дальше на восток.

— Горный поток, где мы купались, — это южный исток реки Чак, — сказал Егор, — а тот, где мы ловили рыбу, — северный. А написано: «Распечатать у истоков». Значит, мы имеем право распечатать здесь.

Егор вынул нож, аккуратно вскрыл пакет и достал небольшой листок. Он громко прочитал текст:

— «Приказ начальнику разведгруппы Четвертой пионерской дружины. Первое. Ждите меня. Я буду до шестнадцатого...»

— Дневка. Заслуженный отдых, — гордо сказал Топс: — мы не только выследили, но и поймали парашютиста!

— А как нас майор благодарил! — отозвался Ромка.

— Вот мы какие! — не удержался Гномик.

— «Эх я! Спасибо мне!» — передразнил их Егор, и мальчики смутились. Егор продолжал читать: — «Если я не приеду, то не пугайтесь, не ссорьтесь, а идите в Зеленую лабораторию...» Ну как, мальчики? Не испугаетесь, милые крошки? — насмешливо спросил Егор.

Все засмеялись — так их развеселила эта приписка.

— Ну, значит, дневка три дня, — заключил Егор. — «Второе. Еще раз напоминаю правила обращения с оружием: никогда не направлять оружие на человека, даже если оно не заряжено, и носить его дулом вверх или вниз, но не в сторону соседа. Курки без надобности не взводить. Если надо прыгнуть, влезть куда-нибудь и т. д., необходимо курки спускать, а подходя к деревне, разрядить ружье за двести метров до деревни. Упав или споткнувшись, нужно посмотреть, не набилась ли земля в стволы, иначе (при забитых стволах) во время выстрела может разорвать ружье. Не добивать прикладом раненую дичь. Если патрон не входит в патронник, не пытаться насильно заколачивать его, а заменить другим. На привале не ставить ружье к стволу дерева, а подвешивать на надежный сук, дулом к земле. Итти в ряд, но на расстоянии. Поддерживать связь. Стрелять только вперед. Не стрелять по неясной цели, на шум, да еще крупной дробью...»

— Знаем, не маленькие! — отозвался Ромка.

— «Третье, — прочел Егор. — Еще раз напоминаю: ни в коем случае не позволяйте никому постороннему, и в частности Степке Пханову, если он появится, унести хотя бы один гигантский орех из Зеленой лаборатории...»

— Степка собирался, — вмешался Топс, — сделать на-

лет именно на крупные орехи Зеленой лаборатории. Они самые скороспелые. Орехи собирают в конце сентября, а эти поспевают к концу августа.

— Тут сказано «гигантские», — заметил Гномик.

— А разве не все равно? — осведомился Топс.

Егор промолчал, Ромка пожал плечами.

— «Четвертое, — читал Егор. — Выясните у Искандера и Василия Александровича, нельзя ли по образцам орехов определить, из каких ореховых лесов взяты эти орехи...» Какие орехи? — удивился Егор.

— А те, что были у Бориса, — заметил Ромка. — Напрасно ты их не взял...

— А ты чего молчал, если знал! — напустился Егор на Ромку. — «Напрасно не взял, напрасно не взял»!

— Ты же начальник, а не я, — обиделся Ромка.

Егор сердито отмахнулся от него.

— «И пятое, — громко прочел он. — Чаще наблюдайте за облаками над северными вершинами».

Ребята тотчас же обратили свои взоры на север. Там были такие же поросшие лесом горы, а дальше, как острова в океане, вздымались голые каменные пики.

— Ты все понимаешь насчет севера? — спросил Егор Ромку.

— Конечно, — самоуверенно ответил Ромка, хотя ничего не понял. — А ты?

— Я не понимаю, — признался Егор. — А что ты понял?

— А то, что опасности надо ждать с севера, — объявил Ромка.

— Это из записки ясно, — сказал Егор. — А вот какая опасность?

Егор вынул бинокль и стал рассматривать окрестности. Ребята ждали.

— Ничего, — сказал он, опуская бинокль.

— Ладно, дневка так дневка, — провозгласил Топс

и, волоча ноги, направился на лужайку под тень деревьев.

Ребята побрели за ним. Егор сказал:

— Объявляю дневку перед походом в Пчелиный город на Ореховом холме.

II

Они лежали на спине и сквозь слегка приоткрытые веки смотрели на голубое небо, белые облака, парящего орла, порхающих бабочек. Им не хотелось ни двигаться, ни говорить, а только так лежать, заложив руки под голову, ни о чем не думая, и ощущать всем своим существом спокойную неторопливость лесной жизни.

Так прошло часа два. Барс успел уже два раза сбегать к потоку напиться воды и выкупаться, а ребята лежали все в том же положении.

Егор лежал и думал о полковнике Сапегине. Хорошо было бы поскорее притти в Пчелиный город на Ореховом холме и сразу встретить там полковника. Вот было бы счастье! Тогда они вчетвером.— Максим Иванович, Егор, Гномик и Барс — будут охотиться в этих чудесных лесах... И почему Гномик так боится выстрелов?

Мысли Егора бежали. Три с половиной года, проведенные только среди взрослых, сказались на его характере. Многие мысли Егора и выражения были заимствованы у взрослых. Так, например, он во всем старался подражать полковнику Сапегину и быть не только прямым, честным, храбрым, вежливым и настойчивым, но даже копировал Сапегина в мелочах. Так было и сейчас, когда Егор думал не просто о дружбе ребят, а о «создании дружной боевой семьи» и старался разобраться в характере своих попутчиков... Ромка очень уж воображает о себе: чуть что, сразу лезет в ссору. «Способен на

героические поступки, а в обороне будет киснуть, — определил он, подражая Сапегину. — Топс — добродушный, но ленивый. Вот лакомка! И любит поболтать. Такой, если взять его в руки, будет работать, как автомат. Гномик — робкий, скрытный и какой-то неуверенный. О таких Сапегин говорил, что им надо привить уважение к себе и уверенность в своих силах... Но чего хочет этот строптивый, поперечный Ромка? Трудно будет с ним итти». Егор стал думать о себе. Может быть, легче было бы итти одному? Нет, раз он дал слово Борису и Гаруну, он должен выполнить задание до конца. «Взялся за гуж, не говори, что не дюж»!

А Ромка лежал и мечтал о славе. Он с восторгом вспоминал случай с парашютистом, останавливаясь на самых ничтожных подробностях своего участия в этой борьбе. Даже Егор, и тот вынужден был признать перед майором его, Ромкины, заслуги в этом деле. Кто выследил парашютиста? Он, Ромка, и только он. Кто блокировал правую руку парашютиста? Тоже он. А кто из ребят разбирается лучше всех в породах деревьев и умеет с одного взгляда определить яблоню со сладкими яблоками? Тоже он, Ромка. Ему бы следовало командовать отрядом КЭПС...

Хорошо бы поехать еще в Индонезию, на помощь индонезийским ребятам. Он бы показал Егору, как надо командовать! Он объединил бы всех ребят на борьбу с империалистическими захватчиками и организовал бы, как Ковпак, партизанский отряд. Они бы нашли в тропических лесах Суматры особое дерево, помазались бы его соком и стали невидимками. И тогда тысячи человек-невидимок проберутся на позиции, где готовится наступление... Неприятельские бомбардировщики уже ревут на аэродроме, готовые лететь с авиабомбами и газами, чтобы уничтожить мирные села. Вот уже сотня бомбардировщиков двинулась по аэродрому. А он, Роман Крестьянинов, стоит на пути этой сотни и не пускает ее.

янинов, взмахивает красным флажком, видимым только для своих, и тысяча зажигательных бутылок сразу разбивается о сотню бомбардировщиков, летит в бензохранилища, в склады боеприпасов... Пожар... Паника... А Роман со своими невидимками уже в штабе захватчиков. Они связывают генералов и офицеров, грузят пленных в трофейные автомобили и мчатся в лес... И всем будет казаться, что автомобилями никто не управляет, а на самом деле в первой машине едет он, невидимка Роман.

Топс лежал на спине, устремив глаза в небо. Ему ничего не хотелось. Ему просто было хорошо. Хорошо, что три дня отдыха, никуда не надо спешить, хочешь — лежи на спине, хочешь — перевернись на бок. Рядом сладкие яблоки, а итти за ними лень. Жить бы здесь да жить. Но разве беспокойный Егор даст спокойно пожить! Ему хочется всегда что-то делать, чего-то добиваться, а если даже ничего не надо, он все равно придумает что-нибудь. Непоседливый человек! И Ромка тоже непоседа, только Ромка непостоянный, а Егор, если что уж задумал — умрет, а будет добиваться... А тут еще этот Степка! Степка Пханов, конечно, расскажет отцу, что Топс был против них, а Мустафа Пханов — человек злопамятный, и когда Топс вернется домой, ой-ой, что будет!

А Гномик думал о Егоре. Какой Егор хороший! А он, Гномик, чем может доказать свою любовь? Жаль, что Егор почему-то не любит ни жуков, ни бабочек, ни змей. Будь у него, Гномика, целая коллекция бабочек, он бы отдал лучшие экземпляры ночных бражников. Или, может быть, научить Егора рисовать? Здесь такие красивые деревья, такие пестрые скалы — и белые, и черные, и зеленоватые, и красные! А лучше всего, если бы мама была жива, и она усыновила бы Егора, и они вместе вернулись бы в Ленинград и жили бы, как братья.

Гномик вспомнил, как бомбили их эшелон, вспомнил крики и стоны... Как он тогда искал мать — и не нашел!.. Ему сказали, что она еще, может быть, жива, но ранена и отправлена в госпиталь. Он и сам не знает, как он попал в Среднюю Азию. Единственное, что у него уцелело, — коробка цветных карандашей, масляные краски да кусочки холста. Вот бы сейчас порисовать! Нарисовать бы всех ребят около пещеры: пещера, а сверху удав ползет или кобра, она здесь может встретиться. Хорошо бы поймать и варана. Но эти ящеры водятся в Кара-Кумах... Надо разузнать, что здесь есть.

— Хорошо, когда никто не командует! — раздался вдруг насмешливый голос Ромки.

— «Обессиленная рать улеглась на травке спать»! — продекламировал Топс и спросил: — В рифму? — И сам ответил: — В рифму. — И похвалил себя: — Ты поэт, Топсик!

— Хорошо, когда дневка много дней, — сказал Гномик. — Мы все время торопимся, как на пожар, устали... У меня все кости ноют.

— Я тоже как больной, — сказал Топс. — Даже есть не очень хочется.

— Ты, Гномик, записал что-нибудь в дневник? — поинтересовался Егор.

— Ни строчки.

— Так вот, — продолжал Егор, — ты, Гномик, сегодня запиши все, что случилось, в дневник, а также опиши путь и места наших остановок. Мы уже отметили привалы большого похода, а сейчас ты просто опиши, что случилось, а мы займемся хозяйством: казан помоем, суп сварим, дров соберем...

— Опять казан мыть, дрова собирать, и все для того, чтобы варить! — с досадой воскликнул Ромка. — Давайте сегодня без варева. Надоело! — И Ромка лениво перевалился на правый бок.

Егор попробовал настаивать, но Ромка яростно запротестовал, и Топс его поддержал.

— Так что же мы будем делать? — осведомился Егор.

— А ничего! — сказал Топс. Он перевернулся на бок и подложил руку под голову.

— Значит, ничего? — переспросил Егор и, посмотрев на голодного Барса, предложил: — Давайте все-таки обед сварим.

Но Топс и Ромка напомнили, что уже было решено сегодня не варить.

Егор молча подошел к шалашу, взял котел, топор, рис и отправился к ручью. За ним поспешил Гномик.

Топс и Ромка переглянулись и ничего не сказали. Вскоре слабое дуновение ветра донесло запах дыма.

— Пойду посмотрю, что они там делают, — смущенно сказал Топс в свое оправдание и, волоча ноги, поплелся на запах дыма. За ним молча последовал Ромка.

III

— Скоро будет готово? — деловито спросил Ромка.

— А кто сказал, что ему горячая пища надоела? — спросил Егор, лукаво прищурив один глаз.

Ромка засвистел, резко повернулся и пошел прочь.

— Куда ты? — удивился Топс.

— За яблоками! — сердито буркнул Ромка.

Гномик молча и усердно подносил сухие сучья, Егор подкладывал их в костер.

— Соль сыпал? — заботливо спросил Топс, будто ничего не произошло. Он взял из рук Егора ложку, попробовал суп и добавил соли.

Ромка притащил целый рюкзак яблок и высыпал их возле костра.

— Я принес только для себя, — сразу же предупредил он.

— Берите ложки! — крикнул Егор.

Топс и Гномик стали с аппетитом есть рисовый суп, но Ромка упрямо отказался. Он ел яблоки и заедал их лепешками.

— Не очень налегай на лепешки — их мало, — предупредил Егор.

— На меня хватит, — отозвался Ромка.

— Свою дневную порцию ты уже съел.

— Ну, съем завтрашнюю, — не сдавался Ромка.

Они поспорили, и Ромка, которому давно не представлялось случая поспорить, потребовал сейчас же выделить всю его порцию лепешек. Егор сердито швырнул ложку, пошел в шалаш, принес все лепешки и поделил. В котле оставалось еще много супа, когда Егор поставил казан перед Ромкой, сидевшим в стороне.

— Ешь, не дури, — сказал он.

— Эту бурду? — спросил Ромка, состроив гримасу отвращения и шумно втянув носом пар. Он зачерпнул суп, попробовал и громко сплюнул: — Эта бурда насквозь пропахла дымом и в горло не лезет! — С этими словами он оттолкнул котел ногой, котел опрокинулся, и суп вылился.

Барс подошел и принялся подбирать языком рисинки с земли.

— Ломайся, но зачем ты Барса оставил голодным! Что он тебе плохого сделал?

Ромке было стыдно за свою горячность, ему было жаль Барса, о котором он забыл в пылу спора, но ложное самолюбие и на этот раз помешало ему признать свою вину.

— Подумаешь! — нарочито небрежным тоном сказал Ромка. — Топс еще сварит!

— Нет, не буду, — решительно отказался Топс.

— Ты сам сваришь, — тоном, не допускающим возражения, заявил Егор.

— А кто меня заставит, если я не хочу! — вызывающе крикнул Ромка. Он покраснел и обиделся еще больше.

— Твоя совесть, — ответил Егор. — Ты за парашютиста ножик от майора получил, а кто обнаружил парашютиста? Барс! А кто помог поймать парашютиста? Тоже Барс. За что же ты его обижаешь?

— На, на, на! — закричал Ромка, швыряя Барсу свои лепешки. Он был вне себя. В глаза мальчикам он не смотрел.

— Напрасно, — сказал Егор. — А что ты сам будешь есть?

— Не твои продукты. Здесь есть и моя часть риса, соли и сахара.

— А мы тебе не будем варить, раз ты такой! — с упреком сказал Топс.

— Подумаешь! А я вот возьму и уйду от вас!

— Чего ты шумишь, чего ты в бутылку лезешь? Разве я не правду сказал? — спросил Егор.

— А вот и уйду!

— Ломается! — сказал Гномик, глядя в землю.

— Упрашивать поперечных не будем! — отрезал Топс.

— И уйду! — крикнул запальчиво Ромка. — А без меня вы путь в Пчелиный город на Ореховом холме не найдете. Еще как попросите!

Егор насмешливо свистнул.

Ромка со злостью глянул на Егора, побежал к шалашу и сдернул с него одну плащ-палатку. В шалаше он взял ружье и патроны, свою ложку и одеяло и потребовал, чтобы сейчас же и ни минутой позже ему выделили его часть продуктов.

— Ты что это, неужели в самом деле уходишь? — удивленно спросил Егор.

— Пусть! — шепнул Топс. — Он передумает.

— Пока давай полкотелка рису, столько же муки, соли и сахару, — сказал Ромка, — а потом я приду и доберу остальное.

— Нет уж, пожалуйста, все сразу забирай, — сказал Топс.

— Ах, так! Ну давай все!

Топс неторопливо перемерил котелком все запасы и выделил Ромке четвертую часть.

— А в чем варить будешь? — лукаво спросил Гномик. — Чугунный котелок не разобьешь на части, а в кулаке не сваришь. Так как же, а?

— А котелок? — сказал Ромка.

Глаза всех остановились на фронтовом котелке Егора.

— Ладно, бери, — сказал Егор, морщась будто от боли: ему была неприятна вся эта глупая ссора. — Только не потеряй.

Ромка молча запихал вещи и продукты в рюкзак, а Топс и Гномик стояли рядом и лукаво переглядывались с видом заговорщиков, хорошо знающих, чем все это кончится.

— А ведь он в самом деле уходит! — прошептал удивленно Гномик.

— Ты куда, Ромка? — строго спросил Егор.

— Тебя не спросил! — вызывающе ответил мальчик.

— Значит, тебе, Роман, не дорога честь школы и дружины? — спокойно спросил Егор и, не выдержав, крикнул: — Ты что, обалдел? Мы почти у цели, хорошее и плохое делили поровну... Совсем с ума сошел! Да ты что, шутишь, разыгрываешь нас, или серьезно?.. Если уйдешь, я объявлю тебя дезертиром!

— Ты? Меня?! — в ярости закричал Ромка. — А ну попробуй, попробуй только!

— Эй, Ромка, куда же ты? — сердито крикнул Егор вслед удаляющемуся мальчику и вскочил, чтобы удержать его.

Но Топс крепко схватил Егора за руку и шепнул:

— Еще хуже ломаться будет! Мы его знаем: пересердится — сам придет, будто ничего и не было!

Шелест задеваемых Ромкой веток доносился уже издалека и наконец затих.

— Почему же он не возвращается? — нетерпеливо спросил Егор.

— Не пересердился, — только и ответил Топс.

— Эх ты! — раздраженно крикнул Егор. — Надо было удержать его: ведь мы один отряд, одна малая семья, ведь нас всего четверо! Шляпа я, а не пионер, поверил тебе!

— На Ромку иногда находит, — пояснил Гномик и добавил: — Невыдержка.

— Придет, — уверенно обещал Топс, — вот увидишь.

Прожужжал шмель, и порыв ветра обдал ребят пылью. Ребята протерли глаза и, заслоняя их ладонями от пыли, стали внимательно рассматривать небо. Белые облака сгрудились, сбились в кучу. С севера ползла низкая сизая, почти черная туча. Внезапно ветер зашумел в деревьях, срывая листья. Начинался предгрозовой вихрь.

— Ребята, — сказал испуганно Гномик, — пошли в шалаш. Ух, и в ушах звенит!

В воздухе чувствовалась гроза. Издали донесся рокот грома. Ветер стих так же внезапно, как и начался. Стало душно. Солнце скрылось за тучами, но ребята поминутно вытирали пот с лица.

Вскоре полил дождь.

IV

Ребята тешили себя мыслью, что ливень скоро кончится, но дождь, то усиливаясь, то затихая, шел не переставая.

— Под таким дождиком вся Ромкина злость остынет, — заметил Топс.

— Жаль, намокнет, еще простудится, — сказал Гномик. — Он упрямый, не придет, хоть и промокнет.

— Если бы намок, явился бы, — возразил Егор. — Видно, нашел крышу.

Но Егор все-таки выглянул из шалаша и громко крикнул:

— Роман, Роман, Роман!

Но шум дождя совершенно заглушал его голос.

К вечеру ливень перешел в мелкий, затяжной дождь. Закутавшись в одеяла, мальчики сидели в шалаше, а со стен по стебелькам и веточкам на них скатывались капли и даже струйки воды. Поняв, что дождь скоро не кончится и обламыванием торчавших веточек дела не поправишь, Егор быстро разделся и выскочил со своим одеялом наружу. Он покрыл гребень и стены шалаша одеялом и плащ-палаткой. Холодный душ был неприятен, и все же Егор не вошел в шалаш до тех пор, пока не прорыл топором канавку вокруг шалаша для отвода стекавшей воды. Только сделав все это, мальчик вернулся в шалаш. Там он достал из рюкзака полотенце, вытерся и попросил ребят растереть ему спину, что те и выполнили с большим рвением. Егору сразу стало жарко и даже весело. Он быстро оделся и, посмотрев на озябших ребят, предложил:

— Ляжем плотнее друг к другу — так мы делали на фронте, когда костер нельзя было разжечь.

Они расстелили одеяло на ветках, легли, прижавшись

друг к другу. Гномик был в середине, а Барс — рядом с Егором. Сверху они укрылись третьим одеялом, и сразу стало тепло и уютно.

— Хорошо! — прошептал Гномик засыпая.

Ночью Барс разбудил Егора. При свете молний мальчик увидел сквозь входное отверстие блестящие струи дождя. Ему почудились чьи-то шаги. «Должно быть, Ромка возвращается», подумал Егор и, притворившись спящим, стал прислушиваться. Дождь полил с новой силой. Никто не появлялся. Доносились шелест, рокот и шипенье — повидимому, поток наполнился дождевой водой.

И вдруг... С путешественниками всегда случается это «и вдруг». Егор даже как следует подумать об этом не успел — в полудреме он почувствовал, как холодная вода покрыла его с головой. Сон мгновенно исчез. Егор был под водой. Он хотел вскочить — и не мог. Вода обрушила на них шалаш, и плотный слой веток, прижатых водой, не давал подняться. Егор хотел крикнуть, но вода попала в рот, и он чуть не захлебнулся. Рядом исступленно барахтались Топс и Гномик. Чтобы спасти их и себя, надо было во что бы то ни стало пробиться сквозь душившие их сверху ветки. Егор схватил левой рукой руку Гномика и рванулся вверх, но ветки не пропустили его. Тогда Егор что было силы рванулся еще раз, просунулся головой между веток и вздохнул полной грудью. На мгновение он поднялся, удерживая на своих плечах всю тяжесть шалаша, но его сбило с ног и потащило вниз вместе с шалашом. Теперь Егор понял одно: что они были среди бурной реки, образовавшейся от наводнения в горах. Силь — так называется такой поток — своим краем мчал их по склону, увлекая камни, ветки. Вдруг их ударило обо что-то, и они остановились. Шалаш прижало течением к стволу дерева.

Все происшествие длилось несколько десятков секунд,

но Егору это показалось вечностью. Он был ошеломлен, испуган, но теперь единственным его стремлением было спасти ребят, все еще находившихся под водой. Егор потянул Гномика за руку, но оказалось, что впопыхах он схватил не руку Гномика, а ружье. Егор мгновенно забросил ружье за спину, схватился обеими руками за кучу веток и рванул ее в сторону. Наконец над водой показалась голова Топса. Он задыхался, надрывно кашлял и так вцепился руками в Егора, что тому понадобилось несколько раз встряхнуть его, чтобы заставить освободить руки и если не помогать искать Гномика, то хотя бы не мешать.

Гномик шевелился под водой у ног. Он запутался в одеяле и почти захлебнулся. Когда его подняли на руках и опустили головой вниз, у него изо рта хлынула вода. Потом Егор и Топс прижали Гномика к себе, с трудом удерживаясь возле ствола. С новой силой кругом бурлила и шумела несшаяся по склону вода. Единственным желанием ребят было удержаться на месте и не позволить течению унести их вниз, в реку.

Гномик бормотал что-то о крушении, звал маму и был сам не свой. Дождь стих и скоро совсем перестал. Вода быстро спадала, и наконец уровень ее опустился до щиколоток. Перепуганные ребята все еще цепко держались друг за друга и за дерево.

— Ромка! — громко закричал Егор.

— Ромка, Роман! — звали ребята.

Никто не отозвался.

— А он сидит в ласточкиной пещере сухой и хохочет, — сказал Топс.

Егор перестал звать Ромку, но тревога за судьбу товарища не оставляла его. Подбежал мокрый Барс, обнюхал их, стал на задние лапы, положил передние на плечи Егора и лизнул его в нос. Егор так обрадовался, что долго не освобождался из этих дружеских объятий.

Тут только он почувствовал холод и, чтобы не стоять без движения, засунул руки в воду и начал шарить под грудой мокрых веток, оставшихся от их уютного шалаша.

Сначала Егор вытащил рюкзак, полный воды. Он вылил воду, вынул бинокль и бумажные патроны. Патроны были подмочены. Егор очень огорчился: теперь для стрельбы сохранились только те патроны, которые были в патронташе на поясе.

Потом Егор и Топс уже вместе рылись в груде камней и веток в поисках унесенных продуктов и вещей. Гномик сидел возле ствола дерева, все еще не выпуская его из рук, и трясся от испуга и холода. У всех, как говорится, зуб на зуб не попадал.

К счастью, взошло долгожданное солнце. Умытый лес стоял в туманной дымке испарений. Небо было бело-голубое. Трава лежала гладко прилизанная к земле по ходу воды. Тут и там валялись камни, принесенные сверху. А на опушке, у нижнего края лужайки, возле стволов деревьев, как возле огромного гребешка, прочесавшего несшиеся с горы струи воды, нагромоздились кучи веток, травы, листьев и камней.

Ребята в мокрой одежде долго рылись окоченевшими руками в этих грудах лесного хлама и нашли еще кое-что из своих вещей. Теперь у них были: ружье, патроны, один нож, пустой рюкзак Егора, одеяло и плащ-палатка. Нашли еще половину разбитого чугунка и почти пустые мешки от продуктов. Их не завязали после дележа, и вся мука, сахар и почти весь рис погибли. Сохранилось только немного соли — остатки крупных кусков, не успевших совсем растаять, да котелка три риса, смешанного с листьями и камнями. Дробь рассыпалась, порох пропал. Это было бедствие.

Чтобы согреться, мальчики разделись догола и долго носились по лужайке наперегонки с Барсом. Захотелось есть.

— Ничего, ребята, — утешал Егор, — мы могли бы хоть сейчас пойти на свою «партизанскую базу» и снова взять себе продуктов. Но что там ни говори, а раньше мы должны найти Романа. Мало ли что бывает. А вдруг с ним беда?

— А вдруг Ромку смыла вода, унесла и разбила о камни? — вслух подумал Гномик.

— И это может быть, — заметил Егор и нахмурился.

Судьба Ромки все больше беспокоила его.

Гномик заметил костяную иглу.

— Костяная спица! — закричал он.

— Ну и что? — спросил Топс.

— Как «что»? Не с неба же она свалилась! Ее принесло сверху, — сказал Гномик. — Может быть, на горе становище киргизов на летнем джейляу и там какая-нибудь старушка вяжет спицами, и на становище приютился Ромка.

Разговаривая, ребята продолжали поиски. Искали топор, но так и не нашли.

— Давайте поищем еще мою коробку с карандашами и красками, — попросил Гномик, — а потом пойдем на гору — может быть, там Ромка.

— Стоп! — сказал Егор. — Топор тяжелый, он, наверное, остался на том месте, где был шалаш.

Топор нашли и очень обрадовались. Всем еще больше захотелось есть. Мальчики жадно грызли яблоки.

— Пойдем-ка на гору, — сказал Егор, — может быть, там, на джейляу, действительно найдем Романа. Нехорошо, если с ним беда случилась, а мы не поможем... Все вещи захватим с собой... Это место ни для какого бивака не годится. Надо было выбирать место повыше. Это нам урок... Не найдем Романа на горе, пойдем в ласточкину пещеру. Может, он там.

Ребята быстро собрались, но мокрые одеяла никто нести не хотел, поэтому их развесили сушить на деревьях.

V

Ребята медленно поднимались в гору. Им встречались лиственные и хвойные леса и альпийские луга, но нигде не было видно даже следа пребывания людей. Ромки тоже не было видно.

— Ну, Гномик, где же твоя бабушка со спицами? — ежеминутно приставал Топс.

Гномик молча озирался.

Чем выше они поднимались, тем яснее становилось Егору, что вряд ли они встретят жилье так высоко: ведь и ниже были пастбища с нетронутой травой. Егора, да и других все больше беспокоила судьба Ромки. Егор много раз упрекал себя, что позволил ему уйти. Хорош командир, у которого бойцы разбегаются! И главное — все получилось из-за пустяка. Егор утешал себя, что Ромка лучше, чем они, знает лес и, увидев приближение дождя, выбрался на более высокое место.

— Ребята! Лук! — закричал Гномик.

— Где? — удивился Топс и вдруг опустился на колени.

Действительно, вся лужайка вокруг них поросла диким луком.

Впереди них поднялись какие-то серые крупные птицы и со свистом улетели. На склоне горы они увидели стадо диких козлов; но козлы были далеко, и Егор жадными глазами проводил их, пока они не исчезли за камнями.

Здесь были альпийские галки с яркокрасным носом и красными ногами. Высоко в небе парили орлы. Дул прохладный ветер. Мальчики поднялись очень высоко, и перед ними раскрылся край горных пиков и зеленых лесов. Егор достал из рюкзака сверток, обернутый в мягкую непромокаемую бумагу, развернул его, вынул совершенно сухие кроки и ориентировался. На севере

виднелся большой хребет, и от него шли отроги, между которыми виднелись узкие полоски рек; с юга тянулся другой хребет, и они смыкались почти в том месте, где стояли ребята. Это была дуга высоких гор, в которой текла река Чак.

Ребята глядели в бинокль и восхищенно вскрикивали, показывая пальцами то на видневшиеся вдали водопады, то на озера, и наконец, устав восхищаться, сели отдохнуть.

— На моей карте, — сказал Егор, рассматривая крокки, — здесь, на горе, отмечена какая-то постройка возле озера, а мы ее не видели — ни ее, ни озера. Надо найти. Может, там Ромка?

— А если там объездчик? — спросил Топс.

— Теперь нам незачем скрываться, — сказал Егор. — Может быть, он знает, где Ромка.

Топс и Гномик пошли вслед за Егором вдоль по склону. Егор то и дело взбирался на высокие камни и в бинокль осматривал окрестности. Один раз он долго вглядывался во что-то. Он не терял надежды увидеть Ромку. Гномик и Топс тоже беспокоились за Ромку. Каждый чувствовал себя виноватым в том, что Ромка ушел.

— Ну? — нетерпеливо крикнул Топс.

— Какие-то развалины, — ответил Егор, — и только. Есть озерко.

Меньше чем через час ребята были возле небольшого горного озерка. Вместо построек виднелась груда камней.

— Утки, на озере утки! — прошептал Гномик Егору. — Только, Егор, лучше цельсь!

— Стреляй сам, — предложил Егор.

Но Гномик замахал руками.

— Ты должен меня слушаться или нет? — спросил Егор.

Он принялся уговаривать его, стыдил за трусость. Даже Топс начал сердиться.

— У нас осталось так мало патронов, — говорил Топс, — мы тебе даем не ради баловства, а чтобы научить, а ты капризничаешь, как Ромка!

Но все было напрасно.

Егор махнул рукой, чтобы ребята легли, подкрался к уткам из-за камней и без всякого труда застрелил одну утку, которую Барс сейчас же достал из воды.

— Это нырок, — сказал Гномик, взвешивая мокрую утку на ладони. — Они ныряют раньше, чем ударит дробь.

Егор не отвечал. Он осмотрел в бинокль окрестности, потом спрятал бинокль, зарядил ружье и пошел по склону горы вниз.

— К ласточкиной пещере, — пояснил он.

На опушке яблоневого леса Барс поднял стадо диких свиней. Они с шумом исчезли между деревьями. Егор побежал за ними. Топс и Гномик от него не отставали, но скоро все затихло, и Барс вернулся к ребятам с виноватым видом.

— Пойдем по следам и зажарим свинью целиком, — мечтательно сказал голодный Топс.

Следов было очень много. Они скрещивались, повторялись, и разобраться в них было трудно — все они были свежие.

— Бестолку, — сказал Егор. — Пошли в пещеру. Может быть, Ромка там.

Ребята с радостью вбежали в уже знакомую «ласточкину пещеру». Но ни Ромки, ни его вещей здесь не оказалось. Мальчики напились воды под водопадом, вспомнили о своих приключениях в этой пещере. Они припоминали каждый свой шаг, каждое слово. Сотни ласточек с писком носились вокруг, почти задевая их крыльями.

Гномик, жалея птиц, посоветовал уйти, чтобы зря не беспокоить пташек.

— Одна семья ласточек, — сказал Гномик, — уничтожает почти миллион насекомых за год. Надо любить ласточек.

Егор поспешил увести свою команду.

Теперь ребята серьезно забеспокоились и решили искать Ромку внизу. Может быть, его снес сиель? Они пошли вниз по склону у подножья скалистого ребра, опоясывающего гору сверху донизу, шли мимо множества щелей в каменных складках. Гномик то и дело заглядывал в них, собирая жучков. Он внимательно рассматривал насекомых и некоторых торопливо засовывал в маленькую бутылочку.

Азарт Гномика передался и Топсу. Как начальник геологоразведочной партии КЭПСа он приказал Егору и Гномику собирать камни, рассматривал их, громко называл: «песчаник», «известняк» — и бросал в сторону. Только один камень он спрятал в карман — черный и тяжелый, сказав, что из этого камня можно добывать свинец.

Больше таких камней Топс не находил и, недовольный этим, сердился, что ребята пошли вниз, а не взобрались вверх на скалы: он предполагал, что камень свалился сверху.

Держась возле «Каменного ребра», ребята продолжали итти яблоневым лесом вниз по склону.

Вдруг они совершенно явственно услышали стук топора. Кто-то рубил. Но кто? У Ромки топора не было.

Теперь ребятам не нужно было скрываться, напротив — они хотели встретить людей. Но все же на стук топора пошли осторожно, как разведчики, стараясь не шуметь, вытянувшись цепочкой.

VI

Возле самой скалы, на лужайке, они увидели мальчика в темном киргизском халатике. Мурлыча песню себе под нос, он умело колол дрова. Маленький киргиз заметил ребят, только когда они подошли вплотную. Он сначала испугался Барса, но потом быстро овладел собой.

— Здесь киргизское становище, джейляу? — спросил Топс.

— Нет джейляу, — решительно ответил мальчик, внимательно рассматривая ребят.

— Как нет? — вмешался Гномик. — А это откуда? — и он показал две найденные костяные спицы.

— А-а-а! — Мальчик кивнул головой. — Это керпек чешен.

— Где этот Керпек Чешен?

— Там! — Мальчик махнул рукой в сторону скалы.

— А там люди живут?

— Нет людей.

— Ага, уже откочевали со скотом с летних джейляу, я так и думал, — уверенно заявил Топс.

— Как тебя зовут? — спросил Егор.

— Асан, — ответил мальчик, пятясь от Барса, обнюхивавшего его ногу.

— Что ты здесь делаешь?

— Теперь я в Комплексной экспедиции полковника Сапегина, — быстро ответил мальчик.

— Полковника Сапегина? — вне себя от радости повторил Егор. — Ты его знаешь?

— Не знаю, — ответил Асан. — Здесь начальник его отряда номер два.

— А как зовут начальника отряда? — спросил Гномик.

— Джеб, — ответил Асан.

Топс протяжно свистнул.

— А где же он?

— Пошел охотиться. Эй, эй! — крикнул Асан на Барса, исчезнувшего в расщелине. — Забери собаку — суп съест!

Егор побежал за Барсом и позвал ребят.

Топс и Гномик вошли в небольшой грот. Передняя половина его была свободна от камней. Невдалеке от входа было постлано сено. Там лежали Ромкин рюкзак, плащ-палатка и одеяло. Рядом, прикрытый крышкой, стоял котелок Егора, и на нем лежало пять лепешек.

— А мы искали, мы беспокоились! — с облегчением произнес Топс.

— Замечательное место для бивака во время большого похода, если ребята захотят свернуть в этот яблоневый лес, — заметил Егор.

— Ромка устроился получше нашего, без потопа, — с восторгом отозвался Гномик. — А обедать нам не даст!.. — И он запнулся, увидев входящего Ромку.

Изумленный Ромка остановился на пороге, не зная, что и сказать. Но это было только одно мгновение. Он шагнул к гостям.

— Ну что? — насмешливо спросил он Топса и Гномика с торжеством в голосе. — Ко мне пришли? Что же, я командир добрый, не то что некоторые!

Ромка нарочно не смотрел в сторону Егора, будто просто не замечал его.

— Так ты, значит, главнач отряда номер два Комплексной экспедиции полковника Сапегина? — насмешливо спросил Егор.

Ромка уже давно «пересердился» и с утра чувствовал себя очень виноватым перед ребятами за поступок, недостойный пионера. Утром же, после силя, он, беспокоясь за судьбу друзей, отправился к шалашу, но не за-

стал ребят там. Сначала он очень испугался. Ведь ребята могли погибнуть, и сознание, что он «дезертировал» (а теперь Ромка понял свой уход именно так) и благодаря этому спасся, потрясло мальчика. Он уже собрался бежать вниз на розыски, но, увидев одеяла, развешанные для просушки, понял, что ребята живы, и страшно обрадовался. Ромка кричал, звал ребят до хрипоты, чтобы увести в пещеру, но никто не откликнулся на его зов, и он вернулся обратно, переживая по дороге свою вину. А они тут как тут, «у него в доме», да еще «задирают нос»! Ромка сразу вскипел, зазнался, и вместо примирения началась новая ссора.

— А хотя бы и так? — вызывающе сказал Ромка.

— А какое же ты имеешь право присваивать себе это имя? — возмутился Егор.

— Такое же, как и ты. Ты и прогнал меня потому, что боялся! — выпалил Ромка и сам испугался своих слов. Но отступать он не умел и, защищаясь, очертя голову ринулся в наступление.

— Я боялся?

— Да, боялся, чтобы я не стал командиром.

— И поэтому ты ушел? — искренне удивился Егор. — Ты хочешь командовать?

— Хочу! — Ромка вызывающе поднял голову.

Егор внимательно посмотрел на Ромку. Тот, повидимому, ждал резкого отпора со стороны Егора и приготовился к самому яростному спору.

— Командуй! — неожиданно для всех сказал Егор. — У нас есть общее задание, и пока мы его не выполним, мы не должны разделяться. Мы дали слово Борису, Гаруну и вашей дружине... Командуй!

Ромка недоверчиво посмотрел в глаза Егору, но тот смотрел прямо и твердо.

— Ну что же, — поспешно сказал Ромка, еле сдерживаясь, чтобы не выказать радость, — беру команду на

себя. Во-первых, не называйте меня Ромка, а зовите командир...

Топс хихикнул.

— Ну, или Джеб, как в первом приказе... Во-вторых, мы эту пещеру выберем как место бивака для большого похода. Здорово я выбрал? Здесь и вода рядом и дождь не промочит... В-третьих, тащите ваши вещи и продукты сюда. В-четвертых, Гномик запишет в дневник мой приказ и события.

Ребята смущенно молчали.

— У нас пропали продукты, потоком унесло, — сказал Гномик, — спички отсырели.

— Вот что! Вот почему ты отказываешься быть начальником! — обратился Ромка к Егору. — Пришел на мои хлеба?

— А я сегодня же могу пойти на базу и принести продукты, — возразил Егор.

— Не кипятись. Не жалко. Берите ложки, садитесь есть. Как, и ложек нет? Ну что же, будем есть одной, по очереди. Да, у Асана тоже есть ложка.

Ребята уселись вокруг и принялись есть рисовый суп с голубями, заедая лепешками. Котелок опорожнили в один миг.

— Это я шесть диких голубей застрелил, — похвастался Ромка и быстро добавил: — в лёт!

Ромка соврал. После многочисленных промахов по куропаткам он уселся отдохнуть под большое дерево, а на нем любили сидеть голуби. Не большое искусство — стрелять в сидячих!

— Вот он, мой верный Пятница! — И Ромка похлопал Асана по плечу.

— Тоже мне, Робинзон Крузо! — насмешливо отозвался Топс.

— У нашего Миклухо-Маклая никаких Пятниц не было, — тихо сказал Гномик.

— Вот уж, и пошутить нельзя! — сказал Ромка. — Да знаете ли вы, что мы все Пятницы у Асана! Его прислал к нам Гарун.

Тотчас же посыпались вопросы: как, что, почему?

Асан хотел объяснить, но Ромка его опередил. Из довольно сбивчивого объяснения Ромки — а он, когда волновался, всегда говорил скороговоркой — ребята поняли следующее. Егор, докладывая Гаруну о поимке парашютиста, слишком рано повесил телефонную трубку. Гарун хотел с ним поговорить, но когда дозвонился в кишлак, уже не застал его. Поэтому Гарун вызвал пионервожатую Гюльнару и попросил ее послать пионера, хорошо знающего горы, разыскать пионерразведку, ожидающую его у истоков реки Чак, и предупредить, чтобы ребята последние пятнадцать километров шли, не ожидая его. Здесь путь был уже сложнее, и Асан должен был им помочь найти горную вьючную тропу.

— Гюльнара сказала, что лучше итти по долине реки Алматала, по тропинке для тяжело навьюченных лошадей, — сказал Асан.

Он тут же объяснил, что в Пчелиный город на Ореховом холме есть три пути. Вьючный путь идет по долине реки Чак и по долине Алматала, в верховьях которой и помещается главная пасека. Этот путь можно сократить, если итти напрямик через горы от того места, где ребята ловили рыбу. Этот второй путь, от колхоза до Пчелиного города, длиной в пятьдесят пять километров, Гарун и указал ребятам. Есть еще автомобильная дорога. Ее сделали для Зеленой лаборатории, построив три моста, но этот круговой путь, чуть ли не в сто пятьдесят километров, самый длинный и скучный.

— Чего Гарун боится за нас, как будто мы маленькие! — сказал Ромка, не скрывая обиды.

— Наверное, силь там повредил мосты. Но о том пути и разговора нет, — сказал Асан.

— Неужели мы такие несмышленыши? Какая же это разведка, если мы пойдем обыкновенной дорогой! — продолжал Ромка.

Егору стало не по себе. Топс многозначительно засвистел.

— А ты, Асан, хорошо знаешь эти дикие горы? — спросил Гномик.

— Почему дикие? — удивился Асан. — Здесь в долинах много наших колхозных пасек. Пастухи пасут скот. В сентябре сюда придет много сборщиков.

— Ну, можно заблудиться? — не унимался Гномик.

— Заблудиться? — снова удивился Асан и объяснил, что в горах, где вершины гор служат как бы маяками, а пути идут по долинам рек, заблудиться трудно. А если кто и заблудится, то надо итти по течению ручья до реки, а потом по течению реки вниз — и обязательно кого-нибудь встретишь.

На вопрос, откуда он так хорошо знает это, Асан ответил, что летом он работает помощником пастуха.

— А что сказал Гарун насчет запечатанного пакета? — прервал Егор рассказ Асана.

Но тот ничего не ответил. Об этом Гарун ничего не сказал.

— Хоть сегодня и четырнадцатое августа, — начал Ромка, — но раз Гарун прислал Асана...

— Гарун сказал — отдыхайте два дня, — возразил Асан.

— Значит, завтра не пойдем! — не без радости провозгласил Топс. — Мы не спали всю ночь, и отдохнуть не мешает. Все равно скоро вечер.

— Ложись спать! — крикнул Ромка.

— Приготовиться ко сну! — поправил Егор.

Он накормил Барса костями и остатками лепешек и с наслаждением растянулся возле Асана на сухих листьях.

— Чье это жилище? — спросил Егор.

— Я увидел — будет дождь, и приготовил, — кратко пояснил Асан.

«Сделай это Ромка, — подумал Егор, — мы бы об этом услышали двадцать раз. Хороший парень Асан!» решил Егор и заснул.

ДИКИЕ ПЧЕЛЫ

I

— Подъем! — по-военному прозвучал на всю пещеру звонкий голос Егора, и он вскочил, как всегда бодрый и веселый.

Барс тоже вскочил.

— Почему «подъем»? — сердито возразил Ромка — Кто здесь сейчас командует, ты или я?

— Ты, — согласился Егор, — я просто забыл об этом.

— А раз я, так лежи, как все, и не объявляй подъема!

Егор послушно лег. Барс удивленно посмотрел на него и тоже лег.

— Подъем! — изо всех сил закричал Ромка.

И все шумно вскочили. Барс радостно прыгал. Он то и дело бросался к выходу, стараясь увлечь за собой ребят.

— Приказываю, — сказал повелительно Ромка: — Егор идет за дровами, Гномик приносит воду, Топс варит суп, Асан — мой связной. Живо!

— А умыванье? — спросил Гномик. — Забыл?

— На умыванье за мной гуськом! — закричал Ромка и побежал из грота.

За ним бежали Егор, Гномик, Топс и Асан. Барс несся впереди.

Голубое, безоблачное небо, теплое, еще не жаркое солнце, щебетанье птиц на умытых дождем деревьях — все было чудесно. Ребята радовались хорошему дню.

— Топсинька, хочешь умываться? — спросил Гномик и тотчас же ответил: — Топсинька хочет! — и, схватив пригоршню воды из ручья, обрызгал Топса.

Топс вскрикнул, потом засмеялся, и все засмеялись. Топс брызнул в отместку на Гномика, но попал в Егора, за которого спрятался Гномик.

— Хлопцы, — сказал Егор, — я иду за дровами.

Гномик тотчас же вызвался ему помочь. К ним присоединился Топс, а потом Асан.

— Отставить! — закричал им вдогонку Ромка. — Я уже отдал приказ, кому что делать, а кто его нарушит, получит наряд!

— Нам все равно итти в пещеру, — возразил Асан, — зачем по пути махать пустыми руками? Айда, все понесем дрова. Не большой труд.

— Не возражай! Не вступать в пререкания с командиром! Ты мой связной, понял? — сердито крикнул Ромка. — Что скажу, то и выполняй.

— Ничего, хлопцы, действуйте, как приказал командир, — сказал Егор. — А насчет связного ты, Ромка, эти штучки брось. Ведь мы решили — один за всех, все за одного, вот и выполняй.

— А ты не вступай в пререкания с командиром, — оборвал его Ромка, — а то я и с тобой поговорю!

— Давай поговорим, — с готовностью согласился Егор.

— И поговорим! — угрожающе повторил Ромка. — Не забывайте, что вы на моем иждивении, — напомнил он. — Кто будет бунтовать, сниму с довольствия.

— Тики так? — насмешливо спросил Егор.

— Ой-ой, гроза, а не командир! — И Топс схватился за голову и подмигнул ребятам.

— Вполне серьезно, нечего тебе смеяться, Топс. А кто будет слушаться, выдам табачное довольствие!

— Откуда у тебя такое? — удивился Егор. — Ты же не куришь.

— А вот нашел, — сказал Ромка и вытащил из кармана небольшую старую трубку с коротким мундштуком и кисет.

— Где ты нашел? — спросил Егор.

— Это я нашел, — заметил Асан.

— А ну, Ромка, покажи! — И Егор протянул руку. — Может быть, это не просто трубка.

— Не захочу — и не покажу.

Егор не стал упрашивать, но тотчас же решил сделать все, чтобы не зависеть от капризов Ромки.

— После завтрака, — сказал Егор, — я схожу на охоту, чтобы не сидеть на твоих хлебах.

— Здесь самые богатые охотничьи места, — подтвердил Асан.

— Пожалуйста, подумаешь! — ответил Ромка.

Он был рад, что Егор уйдет. Он сам понимал, что «зарвался», но не хотел снижать тон, чтобы не подумали, что он отступает.

— Возьми трубку, — вдруг сказал Ромка, протягивая Егору трубку.

Но Егор тоже «показал характер» и трубки не взял.

— Не надо, — сказал он.

И Ромка опять обиделся.

Мальчики сели завтракать. Ромка ел молча и злился и на Егора и на себя.

II

После завтрака Ромка продиктовал Гномику приказ:

— «Бывалый, Топс и Асан отправляются на охоту. Я и Гномик проводим бонитировку, то-есть оценку каче-

ства этого яблоневого леса, вставим все пропущенные записи в дневнике и принесем с места старого бивака одеяла. Без дикого кабана не возвращайтесь».

Егор утвердительно кивнул головой. Топс испек на дорогу лепешек. Возник спор, кто будет пользоваться единственным котелком. Ромка, как главнач, оставил его себе.

— Только не приходите без дикого кабана, — повторил он напоследок.

Егор пошел вслед за Барсом по склону. Топс еле поспевал за ним. Асан, бежавший позади, вдруг вскрикнул: «Забыл!» — и бросился обратно к пещере.

— Не спеши, у меня сердце разорвется от такого бега. Подождем Асана, — попросил запыхавшийся Топс.

— Догонит, — не сбавляя шага, ответил Егор.

Ребята не прошли и ста метров, как невдалеке послышался выстрел, потом второй, третий, четвертый.

— Обалдел Ромка, что ли? Патроны расстреливает! — с досадой сказал Егор.

Мальчики оглянулись. Почти у вершины «Каменного ребра» стоял Асан и щелкал бичом так громко, будто стрелял.

Егор махнул ему рукой, чтобы он сошел, но Асан опять защелкал бичом, привлекая их внимание, и, показав, чтобы оставались на месте, быстро спустился и объяснил, что, перевалив эту каменную гряду, они попадут куда надо.

— Эй, подождите, я с вами! — донесся крик Ромки, и он прибежал, еле переводя дыхание. — Ну, как? Где кабан? — горячился Ромка.

Далеко впереди зашуршали кусты.

— Не надо кричать, — предупредил Асан и нахмурился.

Все было — и два охотника, и загонщики с собакой, и кабаны, — а охоты не было. Солнце поднималось все

выше. Охотникам явно не везло. Наконец зверь мелькнул шагах в ста от них, возле самой скалы. Барс бросился к нему.

— Наша будет! — закричал Ромка.

Все видели, как Барс настиг небольшую дикую свинью, схватил, потом отскочил, как ужаленный, и залаял на нее. Свинья исчезла за камнями.

— Барс с ума сошел! — рассердился Ромка, раздосадованный неудачами. — Пес ни к чорту не годится! Разве это охотничья собака? Незачем его держать!

Ромка говорил это, чтобы досадить Егору. Егор тотчас же подозвал Барса. У пса на носу были капли крови, он все время облизывался и тер нос лапой.

— Вот так потеха! — не унимался Ромка. — Поросенок укусил пса за нос, а пес испугался! Вот трус, вот трус! Охоться с ним сам и без кабана не приходи! Я пойду с Гномиком на старую стоянку. — Ромка повернул назад.

— Что же ты? — укоризненно прошептал Егор, присаживаясь на корточки и рассматривая нос Барса.

Барс обиженно взвизгивал и отводил морду в сторону, порываясь бежать.

III

Охотникам не везло. Бывают же такие несчастливые дни! Топс советовал возвратиться в пещеру. Самолюбивый Егор не хотел итти с пустыми руками. Асан уговаривал переночевать. Утром он обещал показать настоящий «охотничий рай». Так и решили. Солнце было уже невысоко. На ужин Егор подстрелил трех куропаток. Он мог бы настрелять и больше, да пожалел патронов.

Асан привел их в чудесное место, под большой пихтой на берегу ручья, откуда открывался вид на всю долину, освещенную заходящим солнцем.

Асан молча собрал сухих сучьев и развел костер. Егор помог Топсу очистить куропаток и, пока тот опаливал их на огне, сел на камень у костра, положив ружье на колени, и задумался, уставившись в одну точку. Топс спросил его, нет ли соли. Егор ничего не ответил. Соль оказалась у Асана. Потом Топс еще что-то спросил, и Егор снова не услышал.

Асан подошел, сел возле Егора на траву и, прикоснувшись к его руке, тихо сказал:

— Сегодня счастья на охоте нет, завтра будет!

Егор, все так же уставившись в одну точку, ответил:

— Не то... Ленинград вспомнил. У тебя, Асан, есть мать?

Асан сочувственно закивал головой. Он стал рассказывать о себе, о своей матери Айше — знатном бригадире-виноградаре, ведавшей также опытными делянками в колхозном винограднике, о том, как он с друзьями ловил весной сурков в капканы, а зимой поймал даже двух лисиц.

Асан оказался веселым и разговорчивым мальчиком. Скоро Егор и Топс знали все подробности о жизни колхоза «Свет зари»: об обязательствах пионеров, о хлопкоуборочной машине (тут Егор рассказал о шофере Садыке, везшем части к этой машине), о предполагаемой поездке к Каспийскому морю.

Егор кратко рассказал о своей жизни на фронте и о полковнике Сапегине. Асан, поджав ноги, присел к костру и любовно поправлял горящие ветки. На его лице застыла радостная улыбка. Оказывается, Асан слышал, что есть Сапегин в Зеленой лаборатории. Егор обрадовался, начал расспрашивать его. Но выяснилось, что Асан не видел его ни разу.

Егор начал горячо рассказывать о Ленинграде и вдруг как-то сразу замолчал. Асан тревожно посмотрел на него и снова заговорил о колхозных пионерах.

Наступил вечер. Днем птицы прячутся в тени, стремясь в прохладу к ручьям и ущельям, а утром и вечером лес живет полной жизнью. Так было и сейчас. Яростно цокали черные дрозды, прыгая по ветвям кустов. На высоких деревьях ворковали горлицы, клинтухи и вяхири. Звенели щеглы. Попискивали князьки, перепархивали с ветки на ветку иволги.

Асан, рассказывая, делал большие паузы, все чаще прислушиваясь к голосам птиц, и наконец замолчал.

Очарованные вечером, Егор и Топс тоже молчали. Они вслушивались в этот переливчатый разноголосый хор леса, не в силах высказать друг другу переполнившее их чувство любви к природе, вечно изменчивой и чарующей.

Стемнело. Затихли дневные птицы, приближалась ночь — десятая ночь, которую ребята проводили в пути. Над кромкой горы в сиянии всходила луна.

Где-то совсем близко в кустах закричала сплюшка, отозвалась вторая, третья. Все яростней разносился крик цикад. Будто сотни эхо повторяли их со всех сторон, и казалось, что даже горы звенят.

— Куропатки готовы, можно есть, — услышал Егор голос Топса и не отозвался.

Мысли Егора были далеко-далеко. Он видел себя на поле боя. Он стоял на коленях возле раненого полковника Сапегина, сестра молча перевязывала рану, а вокруг темной стеной стояли бойцы и молчали. Это было в Германии после ночной стычки у городской ратуши, вечером, на опушке городского парка.

«Ну, чего же ты, казак, раскис? — сказал тогда Сапегин Егору. — А еще говорил: «Я боевик»! У меня же сущая царапина — «прысохне, як на собаци».

Но Егор видел раны и знал, что это не так.

«А вы чего молчите, хлопцы? Как на похоронах собственных! — обратился к бойцам полковник Са-

пегин. — Я выбуду не надолго. А ну-ка, на прощанье споем «соловья»... Эй, соловей, начинай!»

Был такой же вечер, и пели соловьи.

И Егор тогда, еле сдерживая слезы, запел, потому что так хотел полковник Сапегин, и тот слабо подпевал ему:

Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат,
Пусть солдаты немного поспят...

Егор сидел на камне у костра, устремив невидящие глаза на восходящую луну. Видения прошлого проносились перед ним... Он опять вспомнил Ленинград, мать... Она легла спать и не проснулась. Вспомнил сестренку, погибшего отца...

Вдруг горло Егора что-то крепко сжало. Он вскочил, хотел что-то сказать, но только досадливо махнул рукой и побрел напрямик, не разбирая дороги, спотыкаясь о камни.

— Что ты, Егор? — встревоженно крикнул Асан и вместе с Топсом побежал за ним.

В этот вечер Егор обрел верных друзей.

IV

Ромка и Гномик в день ухода Егора сходили на место старой стоянки. Везде возле деревьев валялись кучи лесного хлама — следы наводнения. Мальчики сняли с веток просушившиеся одеяла и нашли две ложки.

Но не это обрадовало Гномика. Он нашел свою коробку с масляными красками и цветными карандашами. Она оказалась в одной из куч, которую они разрыли в то памятное утро после потопа, но нижний слой листьев не перевернули как следует. Ну как же не смеяться и не радоваться! Правда, коробка была раздавлена кам-

нем и два карандаша сломаны пополам, а один тюбик с белилами раздавлен, но это сущие пустяки.

Гномику очень не терпелось взяться за карандаши. Как хорошо, что у него сохранилась книжка с бланками боевых донесений! Едва только они возвратились и Ромка принялся готовить обед, как Гномик отошел в сторону, сел на камень и принялся зарисовывать скалу с пещерой.

Ромка рубил дрова и, увидев, что Гномик рисует, возмутился.

— Как! — сказал он. — Я, главнач КЭПСа, готовлю обед, потому что ты не умеешь, а ты, вместо того чтобы помогать мне, лодырничаешь, рисуночки делаешь!.. А нука, иди работай! — И он отобрал у Гномика карандаши.

Дров было достаточно, и все же Ромка, чтобы занять Гномика, послал его за дровами. Гномик не стал спорить и собрал большую кучу дров, дня на три.

На второй день Ромка и Гномик пошли в яблоневый лес. Ромка выбирал яблони со сладкими плодами и обвязывал стволы этих яблонь травинками — «перевяслами».

Гномик удивлялся уменью Ромки почти с одного взгляда выбирать деревья со сладкими яблоками.

— Опыт и практика, — твердил Ромка, отмечая деревья. — Я еще на Кавказе научился. С меченых яблонь не трогай яблоки: это мои.

— А где мои? — спросил Гномик.

— А какие выберешь. Только, чур, моих не трогать.

Вечером охотники не возвратились. Мальчики долго ждали их.

Утром Ромку и Гномика разбудил Барс. Он вбежал в пещеру и тронул их своим носом.

— Пошел вон! — презрительно крикнул Ромка. — Пошел вон, дармоед!

Пес опустил хвост и, понурив голову, медленно вышел из пещеры.

— Как тебе не стыдно, Ромка! — запальчиво крикнул Гномик.

— Он самый настоящий дармоед, а не добытчик! — еще больше разозлился Ромка. Ему самому стало стыдно за свои слова, но, раз начав ссориться, он уже не умел остановиться.

* * *

Егор вошел, удерживая обеими руками что-то лежавшее поверх рюкзака у него на спине. Он сбросил ношу на пол.

— Кабан, кабан! — радостно закричал Гномик.

Ромка вскочил, подбежал и вскрикнул:

— Ребята, что это?

— Иди посмотри-ка, Гномик! — весело позвал Егор.

— Это керпек чешен, — сказал Асан входя.

— Да это дикобраз, настоящий дикобраз! — воскликнул подбежавший Гномик.

— Как дикобраз! Откуда дикобраз?

— Ну да, дикобраз, — сказал Егор. — Это его иглу мы нашли в кучах мусора после потопа, и Гномик уверял, что это вязальная спица. А «керпек чешен» не название кишлака, а так киргизы называют дикобраза.

Вошел Топс с тяжелой ношей на плечах.

Асан услышал последние слова Егора и несколько раз повторил: «Дикобраз».

— Эх, и завтрак же у нас будет! — воскликнул Топс, бросая убитого кабана на землю.

То же сделал и Асан.

Все принялись с увлечением готовить завтрак.

— Теперь тебе ясно, Джеб, что это была не свинья возле скалы, а дикобраз? Барс не виноват. Он тоже никогда не видел дикобраза. Он накололся носом на иглу и отступил, а ты решил, что Барс трус и испугался поросенка.

— Подумаешь, дикобраз! — ответил Ромка. Но на самом деле ему было стыдно перед Егором и ребятами.

Во время завтрака, как и всегда, никто не страдал отсутствием аппетита. Егор с увлечением рассказывал, что Барс наконец-то понял, чего от него хотят. Ведь он служебная, а не охотничья собака, и его никогда не учили охотиться — это не так просто. Надо было не только найти, но догнать и, самое главное, удержать дикую свинью на месте до прихода охотника. Вот это и проделал Барс рано утром. Если Барс уже научился делать это, с ним можно добычливо охотиться.

Это было утро поразительной удачи.

Сидя у костра, Ромка устроил заседание военного совета.

— Что же мы будем делать с мясом, чтобы оно не испортилось? — спросил Топс. — Коптить?

— Чтобы коптить, надо много времени, — возразил Егор, — а мы спешим.

— Надо бы отправить его нашим пионерам в город,— предложил Топс: — пусть знают, какие мы устраиваем коллективные охоты. Вот звон будет по всему городу!

— На себе далеко не унесешь, а в Пчелином городе есть лошадь, — сказал Асан. — Если попросить Искандера — даст. На ней отвезем за кишлак на шоссе, а там на машине отправим.

— А как же Искандер, не зная нас, даст лошадь? — спросил Ромка.

— Почему не даст? — удивился Егор. — Я полковника Сапегина попрошу, меня-то он знает!

После завтрака мальчики выкупались, а потом Топс предложил итти в лес есть яблоки. Все согласились.

— Только, чур, моих яблок не трогать! — крикнул Ромка.

— Какие это такие твои яблоки? — насмешливо спросил Топс. — Ты что, уже посадил яблони и они выросли?

— У моих яблонь, — донесся ответ, — на стволах сделаны кольца из травы!

— Ладно, не бойся, не тронем твоих! — обещал Топс.

Топс ходил от яблони к яблоне, поднимал с земли падалицу, пробовал и, если яблоки были сладкие, засовывал себе за пазуху, под рубашку, а кислые выбрасывал.

— Эй, — крикнул ему Ромка, следовавший позади, — ты что же берешь из-под моей яблони? Я же сказал — на моих травяное кольцо. Разве ты ослеп?

Действительно, некоторые стволы были обвиты травой. На них-то и показывал Ромка.

— Подумаешь, плантатор, собственный сад завел! — сказал Топс.

Ребята разбрелись по лесу, пробуя опавшие яблоки, и если попадалось дерево с очень сладкими яблоками, то оно уже было помечено травяным кольцом.

— Ромка воспользовался нашим отсутствием и захватил почти все лучшие деревья! — сердился Топс. — Зачем ему столько яблок?

Наконец Топсу надоело. Он оглянулся, увидел, что Ромки нет, и набрал яблок из-под яблонь с меткой Ромки.

Вскоре мальчики сошлись у скалы и, высыпав яблоки на траву, разделись и легли загорать.

— Топс, ты зачем брал мои яблоки? — рассердился Ромка.

— А где на яблоках метка, что они твои? — попробовал отшутиться Топс.

— Нет, мои, — настаивал Ромка, — я могу даже показать, из-под какой яблони ты взял их.

— Вот что, Роман, — еле сдерживая негодование, сказал Егор, — мы собирались с тобой поговорить по душам!

— Говори!

V

Ребята уселись в кружок под деревом.

— Я буду говорить прямо, — сказал Егор. — Вот мы, пятеро ребят, пришли в замечательный лес. А ты что делаешь? Ты забрал лучшие деревья и говоришь — это мое, не тронь. Это ты у Степки Пханова перенял?

— Я командир отряда, а желание командира — закон, — заявил Ромка тоном, не допускающим возражений.

— Надо, чтобы командир был примером, — сказал Егор. — Если все голодают, он последний сухарь разделит. Если всем страшно, он должен быть примером храбрости. Все спят, а он за всех думает. А ты?

— А я? А кто вам нашел парашютиста, когда вы спали?

— Ты неправ, Роман, ты сам понимаешь, что ты неправ. Парашютиста ты подстерег, это правда, а яблони себе брать ты не имеешь права! — горячо говорил Егор.

— Ведь ты пионер? — неожиданно сказал молчавший до сих пор Асан и даже побледнел от волнения.

— Ну, пионер! — вызывающе подтвердил Ромка.

— Ну, признайся, что ты неправ, пересолил ты, ну признайся, — говорил Егор, видя, что только ложное самолюбие не позволяет Ромке сдаться.

— Ты же сам говорил о командирском авторитете, — протестовал он.

— Настоящий командир всегда признает свои ошибки. Ну, Ромка, будь другом, ну я тебя прошу, Роман! — И Егор обнял Ромку за плечи.

Ромка посмотрел на возбужденные лица ребят, хотел «отбрить» Егора и вдруг сказал:

— Ну, виноват! Теперь довольны?

Обрадованные ребята с криками «ура» бросились обнимать Ромку. Он отбивался, вырывался, но, конечно, был доволен.

— Вот за это люблю, это по-товарищески! Ненавижу ссоры и свары между своими ребятами! — сказал развеселившийся Егор и, взяв самое красное «Ромкино» яблоко, добавил: — За твое здоровье! — и запустил зубы в сочную мякоть.

— Мир так мир! — провозгласил Ромка. — Вы постарались на охоте, но и я не лодырничал. Раз такое дело... пойдем... не жалко! — Он направился в лес.

Топс попытался было выяснить, стоит ли итти, но Ромка объявил, что это «секрет» и «сюрприз» и кто не хочет, пусть пеняет на себя.

Ромка шел вверх по склону, внимательно присматриваясь к деревьям. Наконец он остановился возле больших толстых груш.

— Пришли, — торжественно возвестил он.

Ребята внимательно осмотрели деревья, но никакого сюрприза заметить не могли. Это были обыкновенные груши. Об этом, не стесняясь в выражениях, сказал Топс.

— А это! — нетерпеливо воскликнул Ромка и гордо показал вверх на огромное дерево. Ребята подняли головы и увидели небольшое отверстие, возле которого роились пчелы.

— Дикие пчелы! — крикнул Гномик.

— Мед! — отозвался Топс.

— Ребята! — не в силах сдержать радостное волнение, громко закричал Ромка. — Ребята, мы выкурим всех пчел дымом и тогда возьмем килограммов двадцать меда!

— Вот это друг! — восторженно объявил Топс и сжал Ромку в объятиях.

— Молодец, Ромка! — похвалил Егор.

— Но как ты нашел, как? Ведь мы вместе ходили! — допытывался Гномик.

— Опыт и практика! — ответил Ромка, самодовольно

улыбаясь. — На Северном Кавказе научился. А ну, орлы, тащите сухой травы и сухих листьев. Мы живо всех пчел задавим дымом!

Егор, Топс и Гномик побежали выполнять приказ. Асан остался возле дерева.

— А ты что за каменный гость? — спросил Ромка. — Тащи траву.

— Ты пионер? — нахмурив брови, спросил Асан.

— Ну, пионер! Ты уже один раз меня об этом спрашивал. В чем дело?

— Нет, ты не пионер! Так настоящие пионеры не делают!

— Да ты что, обалдел? Я сам нашел, делюсь по-пионерски со всеми — и я не пионер! — Ромка был оскорблен в лучших своих чувствах.

— У нас так настоящие пионеры не делают никогда, — негромко, но твердо сказал Асан. — Когда мы, колхозные пионеры, находим диких пчел в лесу, мы не убиваем их дымом.

— Заливаете водой?

— Нет! Мы совсем не убиваем пчел.

— Берете мед ночью? — недоверчиво спросил Ромка.

— Когда мы находим в лесу диких пчел, мы сейчас же говорим об этом ближайшему пасечнику — пусть он возьмет всех пчел в улей. Живых пчел. Тогда на колхозной пасеке на один улей будет больше. Мы, пионеры, так делаем! А мед диких пчел отдают нам в награду.

— Что ж, это правильно, — подумав, согласился Ромка. — А жаль — ребята огорчатся.

Но ребята, вопреки предсказанию Ромки, не огорчились. Егор и Гномик даже обрадовались такому решению. Только лакомка Топс так сокрушенно вздохнул, глядя вверх, на дупло с медом, что все рассмеялись.

— Кто же пойдет на пасеку? Ты, Асан? — спросил Ромка.

— Мы не можем терять сейчас время, — заявил Асан. — Гарун сказал: пусть отдыхают два дня. Сегодня второй день. За полдня я не успею сходить на пасеку и вернуться с пасечником. Это можно сделать через несколько дней. Завтра утром мы выступим, а сегодня отдохнем.

— А зачем нам отдыхать? — спросил Ромка. — Кто устал, пусть скажет.

Но никто не признал себя уставшим. Было решено, не откладывая на завтра, выступить сегодня же, переночевать в горах, а утром притти в Пчелиный город на Ореховом холме.

Пошли обратно к пещере.

— Теперь этот яблоневый лес, — Топс сделал широкий жест рукой, — наш, всех пятерых.

Асан нахмурился:

— Зачем так — пятерых? А наши колхозные пионеры?

— А пионеры из города? — добавил Егор.

Ребята стали мечтать об организации пионерского колхоза.

— Здесь на сто дружин хватит, — сказал Гномик. — Мы будем соревноваться в сборе яблок.

— А ведь, пожалуй, это действительно будет очень интересно, — согласился Егор. — Летом и осенью жить в горах, собирать плоды, работать в лесу, а зимой учиться. Здесь также можно организовать пионерскую охотничью артель. Я знаю, Максим Иванович Сапегин нас поддержит. Вот будет здорово! Но надо по-настоящему разведать все эти дикие места, установить, где находятся яблоневые и ореховые леса, где растут алыча и фисташки, где больше водится кабанов и диких коз.

— Я знаю, — склонив голову на плечо, скромно сказал Асан.

— А ну-ка, нарисуй план, нарисуй, — потребовал Ромка, когда они пришли к пещере.

— Дай бумагу и карандаш, — попросил Асан и сел на камень.

Гномик дал дневник экспедиции, карандаш и придвинулся к Асану. Маленький пастух провел линию реки Чак, нарисовал притоки, назвав каждый по имени, а затем точками, кружками и крестиками указал расположение яблоневых и ореховых лесов, заросли диких груш и алычи. Все это он делал наглаз, но с большим знанием дела.

— Откуда ты все это так знаешь? — удивился Гномик.

— Помогал ореховой экспедиции Академии наук, — коротко пояснил Асан. — Один отряд изучал это ущелье. Я был с ними. А потом видел их карту.

— Ты знающий, — с уважением сказал Топс.

— А бонитировку[1] проводили? — не утерпел Ромка, чтобы не щегольнуть научным словцом. Как известно, он не терпел ничьего превосходства.

— Бонитировку проводили, — спокойно ответил Асан, — и образцы собирали.

— А ну доложи нам! — И Ромка с любопытством уставился на Асана.

— Это Искандер хорошо знает, — уклончиво ответил Асан, — они с Василием Александровичем тоже помогали экспедиции.

— А ты можешь помочь нам наметить маршрут большого пионерского похода от кишлака Чак в Зеленую лабораторию? — попросил Егор.

— Конечно, — ответил Асан и принялся обстоятельно рассказывать, где лучше остановиться, в каком ручье какого вкуса вода и где есть пещеры.

— А Степка Пханов, — спросил Ромка, — может по-

---

[1] Бонитировка — оценка качества.

пасть в Зеленую лабораторию не по ущелью Чак, а другим путем?

Асан подумал и сказал:

— Может: с юга, через горы.

Об этом пути Асан только слышал.

— Мы должны знать все пути, — заявил Ромка. — Если изучать этот край, так до конца.

МУЖЕСТВО

I

Ребята решили срочно выступать. До Зеленой лаборатории осталось всего пятнадцать километров, а напрямик и того меньше.

Весь груз унести не могли: очень уж много было мяса. По совету Асана, чтобы облегчить груз, все мясо обрезали с костей, а кости выбросили, как это делают местные охотники. Мясо слегка посолили, уложили в рюкзаки и мешки.

Асан предложил самый легкий путь: спуститься с горы к тому месту, где ребята ловили рыбу, и итти по ущелью реки Алматала, но Ромка воспротивился. Он сказал, что где пройдет дикий козел, там пройдут и они: среди разведчиков не может быть трусов, а путь по долине Алматала всем известен, очень длинен и итти неинтересно.

Ромка был очень возбужден, настроен очень воинственно, и спорить с ним было трудно.

Асан повторил, что не знает ближней дороги, но Ромка упорствовал. Он хотел обязательно итти напрямик, самым коротким путем.

Но убедительным в словах Ромки было то, что если

Степка, как об этом еще в парке рассказал Топс, идет с юга, из-за южных склонов хребта, значит путь там есть. Так почему же, если пройдет Степка, не пройдут они?

Егор вытащил карту. На кроках все было упрощено и слишком схематично.

— Попробуем через Большой Капчугай. Если можно пройти, то только там, — неуверенно сказал Асан.

Остальные ребята, не зная местности, не принимали участия в споре, но соглашались с тем, что надо притти в Пчелиный город на Ореховом холме раньше Степки. На этом особенно настаивал Ромка. И, как сказал Егор, «с точки зрения использования оперативного элемента внезапности», он, конечно, был прав.

Асан нерешительно посмотрел на ребят и сказал:

— Старики говорят, что в этом Капчугае живет очень большой змей, длинный, в полкилометра, и толстый, как лошадь. Давно один охотник туда пошел и не вернулся. Поэтому лучше итти рано утром, когда все змеи спят и утренний холод сковывает их.

— Сказки! — Егор усмехнулся. — Если надо, то и дракона убьем!

— Нам не страшен змей-дракон, змей-дракон, змей-дракон! — запел Топс.

— Даже будет жалко, если не встретим это чудище, — храбро сказал Ромка.

— Лучше не встречать, — возразил Гномик, — потому что это могут быть не сказки. Иногда полозы достигают огромных размеров, и я читал, что они умеют катиться колесом. Не убежишь... А может, там живет старый-престарый полоз метров в пятнадцать?

И все же было очень заманчиво итти через леса, горы, по неизведанному еще пути, создавая в своем воображении таинственные опасности. А вдруг они на самом деле увидят «Капчугая» — огромного змея! Почем знать, может быть этот змей и существует!

II

Уже через час Комплексная экспедиция полковника Сапегина во главе с Ромкой двинулась напрямик на восток. Ромка держал в руке компас Егора, то и дело «ориентируясь», чтобы вести всю команду «по азимуту». Шли, поднимаясь по склону горы, и там не было никаких тропинок. Перед ними было ущелье, такое глубокое, что они не слышали шума реки, казавшейся сверху белой ниткой. А ведь ребятам по этому берегу и нужно было спуститься вниз, а потом вновь подниматься по почти отвесному противоположному склону.

— Если итти, так итти, — настаивал Асан, — а кто долго смотрит, тот пугается, у того сердце дрожит, и страх его делает получеловеком. Айда вниз, пока вы совсем не испугались.

Асан привык лазить по горам, и крутой спуск не страшил его. Чтобы показать, как надо спускаться, Асан зажал палку подмышкой и, тормозя концом палки, начал спускаться на спине, притормаживая пятками. Ромка искоса поглядывал на Егора. Топс и Гномик, как гуси, вытягивали шеи и со страхом заглядывали вниз.

— Пойдем! — сказал Ромка не слишком уверенно и полез за Асаном.

Один за другим, наваливаясь всей тяжестью тела на палку, ребята наконец спустились вниз, к реке.

Над пенящимися, бурлящими водами, падающими с каменной стены, стоял гул. Водяная пыль цвела радугой. Берег был усыпан обломками скалы. А между обломками росли ежевика и малина. Ребята, вытирая пот и тяжело дыша, боязливо оглядывались во все стороны. Ущелье было дикое. Никто не решался заговорить. Егор первый протянул руку и сорвал ягоду. Малина была очень крупная, сочная и душистая. Такой малины он еще никогда не ел.

— Первый раз в жизни ем такую ягоду, — сказал Егор.

— У Искандера в сто раз лучше, — возразил Асан.

Барс зарычал на заросли малины. Ребята отбежали назад. Егор и Ромка приготовились стрелять. Гномик хотел бросить камень, но все закричали на него. Потом все успокоились и сели отдохнуть.

— Хорошо! — громко сказал Егор, и эхо повторило: «Хо-ро-шо!» — Гоп-гоп! — крикнул Егор; горы отозвались.

Топсу захотелось пить, но вода в реке была мутная, почти белая. Топс посмотрел на флягу, которая висела на поясе у Гномика. Там, как правило, хранился неприкосновенный запас — водяной НЗ. Вряд ли он мог им понадобиться здесь, в горах, где повсюду сочилась вода.

Топс незаметно отстегнул флягу от пояса Гномика. Она оказалась легковатой.

Отвинчивая крышку фляги, Топс оглянулся на Егора и увидел, что тот заметил его проделку. Топс заморгал глазами, давая понять, будто он вздумал подшутить над замечтавшимся Гномиком. Егор в ответ подмигнул с видом заговорщика. Топс опрокинул флягу в рот и тотчас же с отвращением отшвырнул.

— Что ты сделал! — закричал Гномик и бросился к зазвеневшей на камнях фляге, из которой выползали разные жуки.

Топс бегал подпрыгивая и с остервенением выплевывал жучков. Он подбежал к потоку и стал с отвращением полоскать рот. Мальчики покатывались со смеху.

Только Гномик не смеялся. Взволнованный, он ползал на коленях и собирал своих жучков. Он внимательно осмотрел одежду Топса и даже заглянул ему в рот, подозревая, что тот проглотил самого ценного жука. Топс задохнулся от негодования, услыша такое обвинение. Очень ему нужны жуки! Он до сих пор плюется!

— А жука все-таки съел, жукоед! — чуть не плача, твердил Гномик, ползая по траве.

Асан тоже ползал на коленях вместе с Гномиком в надежде помочь ему найти пропавшего жука.

— А вы знали, что в фляжку насыпаны жуки? — сердито допытывался Топс.

— Конечно, знали, — со смехом сказал Ромка.

— И ты, Егор, знал?

— И я знал, потому и решил проучить тебя. НЗ можно употреблять только с разрешения командира. Это же неприкосновенный запас, — поучал Егор. — Я знаю, есть муравьеды, — сказал он, лукаво прищуриваясь, — а жукоедов вижу впервые. Ну как, будешь трогать НЗ?

— Не тоскуй, Топс, — утешал его Ромка, — ты счастливее нас: ты никогда не умрешь с голоду, если можешь питаться жуками.

— Умный человек не споткнется дважды об один и тот же камень, — сказал Асан. — Пора итти. Я никогда здесь не проходил, но думаю, что подниматься на гору будет очень трудно. Может быть, пойдем по берегу реки и поищем путь полегче?

— Вперед, только вперед! — упрямо крикнул Ромка, не терпевший возражений.

III

Прямо перед ними, застилая полнеба, возвышался очень крутой склон. На нем то здесь, то там торчали одинокие кусты и деревья. Склон горы казался покрытым множеством тропинок. Издали трудно было разобрать, были ли то козьи тропы или просто осыпавшиеся камешки на карнизах.

— За мной! — преувеличенно бодро скомандовал Ромка.

Они не без труда перешли реку. Затем Ромка, помогая себе руками, полез по широкой тропе, подымавшейся круто вверх. Его нетерпеливые возгласы заставили остальных поспешить.

Около часа мальчики медленно, шаг за шагом, поднимались по крутой тропинке, боясь посмотреть вниз, и забрались очень высоко. А потом тропинка исчезла.

— Будем спускаться? — спросил Топс.

— Вот еще! — возмутился Ромка и двинулся по узкому каменному карнизу, выступавшему из отвесной скалы.

Теперь ребята двигались боком, прижимаясь грудью к каменной стене, засовывая в расщелины пальцы или хватаясь ими за выпуклые камни. Груз на спине тянул назад, в пропасть.

— Не смотрите вниз, не оглядывайтесь, — говорил Асан: — сорветесь или так испугаетесь, что не сможете итти ни вперед, ни назад. И тогда можно упасть...

— Замолчи! — сердито прошипел Топс.

Ромке было не по себе, но самолюбие не позволяло ему отступить. Поэтому Ромка предложил «ради Гномика», самого маленького пионера в группе, вернуться обратно и обойти ущелье.

Но Гномик очень спокойно ответил, что он не боится. Он привык лазить по горам, и ему даже очень интересно заглядывать в расщелины скал, где могут быть неизвестные науке жучки.

— Может, тебе страшно? — спросил он участливо.

— Мне? — протянул Ромка и засмеялся. — Я ничего не боюсь. Вот Топс, тот явно трусит.

— Я не трушу! — сказал Топс задорно. — Мне просто неудобно: камни колют ноги, груз тащит назад — но я могу итти по такой дороге хоть тысячу километров.

Обливаясь потом, замирая от страха, но движимые чувством самолюбия, мальчики шли вперед. Каждый из них страстно желал, чтобы кто-нибудь другой не выдер-

жал и сознался, что «лезть на рожон» глупо, но самому предложить возвратиться, чтобы найти путь получше, казалось позором. Никто не решался отступить первым, чтобы его не обвинили в дезертирстве и трусости. Они поднимались все выше и выше в надежде, что скоро кончится эта «чортова дорога».

Так прошел еще час. Ребята поднялись высоко над рекой, карниз стал совсем узким, итти стало еще труднее. Пот заливал глаза, а смахнуть его было невозможно, потому что руки были заняты: ребята цеплялись пальцами за неровности скалы.

Ромка не выдержал и стал громко ругать дорогу. Но путь был так труден и опасен, что он скоро замолчал: он не мог тратить силы на разговор. Опасно было взглянуть вниз, опасно было остановиться.

— Кажется, зашли, — хрипло пробормотал Ромка и остановился.

Но никто даже не упрекнул его.

Ромка стоял, раскинув на каменной стене руки, прижавшись щекой к камню; за ним стоял Егор, потом Гномик, Асан, Топс и, наконец, Барс. Псу было труднее всех. Он стоял, застыв, как изваяние, и смотрел вниз, туда, где виднелась тонкая, как нитка, река.

— Пойдем назад? — тихо спросил Ромка, дрожа всем телом.

— А Барс как повернется? — спросил Егор. — Барс не сможет повернуться и сорвется.

— Нам путь закрывает сосна, — прошептал Ромка.

Всем захотелось посмотреть, но щека, прижатая к стене, казалось, помогает держаться, и не было сил отклонить голову, чтобы выглянуть из-за плеча соседа.

— Сосна — значит, скоро вершина, — так же тихо сказал Егор, стараясь не дышать, чтобы движение груди не отодвигало от стены плотно прижимавшееся к ней тело. — Ромка, иди к дереву.

— Но дальше сосны пути нет, — тихо сказал Ромка и вдруг качнулся.

Топс громко застонал.

— Слушай мою команду! — властно закричал Егор.— Быстро иди к дереву! Ну, раз, два! Шагай, там же выступ! Ты слепой, что ли?! Да иди же, иди!

И столько было уверенности и силы в голосе Егора, что упавший духом Ромка медленно, как слепой, чуть-чуть передвинул левую ногу вперед. Перебирая потными, исцарапанными пальцами по шероховатой стене, он переместил левую руку, слегка передвинул корпус и тихо подтащил правую ногу и потом правую руку. Он вздохнул так, будто пробежал километр без передышки, и вновь проделал то же самое.

Сосна медленно приближалась к нему. Она была метрах в семи, но потребовалось не меньше двадцати минут, чтобы приблизиться к ней. Сосна росла в расщелине. Могучие корни вонзались между потрескавшимися камнями. За сосной был острый угол скалы. Но под сосной был крошечный «пятачок» пространства. Самое трудное было повернуться и прыгнуть на этот «пятачок».

Собравшись с духом, Ромка прыгнул и обхватил ствол руками. Теперь он сидел верхом на корне, у основания сосны, а сзади на «пятачок» уже прыгнул Егор, а потом остальные. Мальчики сидели вплотную друг к другу, крепко сцепившись руками. Последним прыгнул Барс. Свесив голову, он так невозмутимо заглядывал вниз, что ребята в испуге закричали на него. От пережитого напряжения их трясла лихорадка, и даже от одного вида Барса, заглядывающего в пропасть, у них кружилась голова.

— Забрались! — наконец сказал Топс. — Я же говорил!

— Что ты говорил? — свирепо набросился на него Егор и стал осторожно снимать с плеч рюкзак, но ле-

вый чересплечный ремень не отстегивался. — Да помоги же, Ромка, — с досадой сказал Егор, — а то трудно будет лезть на дерево!

— На дерево? — ужаснулся Ромка.

— Я вот что думаю, хлопцы, — сказал Егор, не обращая внимания на Ромку. — Спуститься мы не сможем, это ясно. Что, если влезть на эту сосну, потом на ветку, а с ветки — на площадку там, вверху? Видите — средние ветки уходят за верхний срез этой стены. Может быть, там вершина? Двадцать метров — и мы на горе...

— Я полезу, я легче, — вызвался Асан. — Залезу и посмотрю. Я на самые высокие ореховые деревья лучше всех влезаю.

— Лезь, — окинув Асана оценивающим взглядом, согласился Егор.

Он помог Асану отвязать с плеч мешок, и мальчик быстро полез по толстому стволу, обхватив его руками. Ребята, насколько доставали руки, подталкивали его снизу. Наконец Асан достиг первой ветки, метрах в семи над ребятами.

— Ну как? — с надеждой крикнул Егор.

— Площадка! — возбужденно закричал Асан. — Вижу большую площадку, пятьдесят овец поместится!

— А вершина? — спросил Егор о том, что интересовало их больше всего.

— Вершины еще не вижу. На площадке, позади, возле обрывистого края, растут три сосны, такие, как эта, и ветки их заходят на площадку выше. Значит, там тоже площадка.

— А можешь перелезть на площадку по ветке? — спросил Егор.

— По ветке? — недоверчиво переспросил Асан и, подумав, ответил: — По ветке... попробую...

Через минуту Асан, упираясь в ствол скрещенными ногами, полез выше. Потом он достиг третьей ветки.

Ее разветвленная верхушка уже лежала там, на невидимом снизу выступе скалы.

Асан сел верхом на ветку и стал передвигаться. Ветка хорошо выдерживала мальчика, но когда Асан достиг середины, она начала прогибаться вниз, увлекая с выступа свободным концом камешки и песок. Ребята нагнули головы, оберегая глаза. Вдруг ветка громко зашелестела, и камешки посыпались градом. Егор повернул голову и увидел, что верхушка ветки свешивается вниз, а на ней, вцепившись обеими руками, висит Асан и дергается всем телом, пытаясь оседлать ветку ногой, чтобы вползти по ней обратно на дерево.

Топс ахнул и невольно посмотрел вниз. Там виднелась та же белая нитка реки, и глубоко под ними летела какая-то большая птица. Егор закусил нижнюю губу. Гномик в ужасе прижал левую руку к сердцу. Ромка открыл рот, не сводя глаз с Асана.

IV

— Держись! — крикнул Егор. — Я сейчас! — Он сбросил рюкзак и быстро полез на дерево.

Страшно было сидеть под деревом, а лезть по дереву и того страшнее. Егор еще не долез и до половины, как Асан жалобно вскрикнул и рухнул вниз. Раздался отчаянный вопль мальчиков: «Держи!»— и Асан упал на их протянутые руки. Асан был белый, как известковая вода в реке, весь дрожал и не в силах был сказать ни слова.

Егор перевел дух и вспомнил о Карпатах. Однажды во время боя за высоту «2147» был оборван провод на очень крутой скале. Послали Егора, как самого легкого. Он лез, стараясь изо всех сил, потому что хорошо знал, что успех боя зависел от него. Там Егор, воспитанник части, был самым младшим, а сейчас он самый старший,

он отвечает за товарищей... Вот и ветка... Егор сел, отдышался и осмотрел площадку. Вершины росших на ней сосен достигали следующего, верхнего среза скалы. Может быть, там вершина горы?

— Гномик! — крикнул Егор. — Собери все веревки и лезь ко мне. Можешь?

— Могу, — отвечал Гномик, не представляя себе, как это он полезет на такое толстое дерево. Он собрал веревки, привязал один конец к поясу, обхватил ствол руками, и руки его не достали друг друга. Но Гномик все-таки полез. Он еле двигался вверх, ноги то и дело скользили вниз.

— Не надо! — крикнул Егор и начал спускаться.

Гномик слез к ребятам.

Егор спустился и объяснил свой план. Он связал все веревки так, что получилось три длинных конца, прицепил их к своему поясу и полез. Укрепившись на ветке, Егор спустил один конец веревки. Ромка обвязал Гномика за пояс, и тот начал карабкаться. Егор подтягивал. Наконец Гномик влез к Егору, а потом на два метра выше, к четвертой толстой ветке, конец которой раскачивался над площадкой.

— Гномик, — сказал Егор, — теперь стань спиной к стволу, а лицом к концу ветки.

Гномик повернулся. Егор поднялся к нему, попробовал, хорошо ли привязана вокруг пояса Гномика веревка, и собрал на руку свободную часть веревки, вторым концом которой Егор привязал себя к дереву. Гномик внимательно смотрел на Егора непонимающими глазами.

— Садиться на ветку верхом и лезть? — спросил он.

— Гномик, только ты можешь спасти нас: ты самый легкий, — серьезно сказал Егор. — Хорошо?

— Хорошо, — взволнованно ответил Гномик.

— От твоей ловкости зависит наше спасение. Ты при-

вязан и если сорвешься, то не упадешь, я удержу Веришь мне?

— Верю!

— Я крикну: раз, два, три, и ты раскинь обе руки и быстро иди по ветке; потом спрыгнешь на ту площадку. Только иди быстро, чтобы ветка не успела прогнуться, но и не беги. Ну, раз, два, три! Иди же, иди!

Гномик взглянул широко раскрытыми глазами в глаза Егору. Смотрел не мигая.

— Боишься? — шепнул Егор.

Гномик повернулся к ветке лицом, держась руками за ствол позади.

— Иди! — крикнул Егор. — Иди!

И Гномик, раскинув руки в стороны, стремительно пошел по ветке сосны. Вот он достиг середины. Ветка вздрагивала под его ногами и сильно заколебалась сверху вниз. Гномик замедлил движение, остановился на секунду, взмахнул руками и пошатнулся.

— Беги же, беги! — закричал Егор. — Беги!

Гномик, балансируя руками, снова двинулся вперед. Конец ветки подогнулся, и он упал прямо на площадку наверху.

— Есть! — радостно кричал Гномик, вскакивая на ноги. — Влез!

Гномик сделал все, как сказал ему Егор. Первой веревкой он привязал конец ветки, по которой шел, к ближней из трех сосен, что росли на площадке. Конец второй веревки привязал к стволу той же сосны на площадке на метр выше первой. Таким образом получился мостик из ветки и веревки и перила, за которые можно было держаться.

Егор, придерживаясь рукой за веревку, натянутую на уровне головы, легко и просто прошел на площадку по ветке, привязанной концом к сосне. Гномик бурно обнял его.

— Ты лазишь, как охотник, — сказал Егор, гордясь своим товарищем.

Конец третьей веревки Егор спустил вниз. Барса и вещи они с Гномиком легко втащили к себе веревкой. А мальчики один за другим поднялись на дерево и оттуда перебрались на верхнюю площадку.

С этой площадки, точно так же как и в первый раз, Егор поднялся по сосне вверх и наконец увидел долгожданную вершину горы. Она предстала перед ними голой серой скалой, совершенно отвесной. Лишь в южной части было покатое место — каменный желоб, заполненный камнями. Эти последние сто метров по каменной осыпи оказались не менее трудными. Ребята лезли по камням вверх, а камни сползали под ними, угрожая унести к обрыву. Очень мешал груз.

На самой вершине виднелись два огромных валуна. Егор обвязал веревку вокруг груди Барса и послал его наверх. Держась за эту веревку, он следом за Барсом довольно легко поднялся и помог ребятам влезть на вершину горы. Рюкзаки вмиг были брошены на камни, и все мальчики сразу заговорили, не слушая друг друга. Раздался веселый смех и восклицания.

Егор влез на огромный валун и стал осматривать окрестности. К нему подошел Асан.

— Ай-ай, — сокрушался Асан, — нам надо было итти левее, вон на ту покатую гору, а мы влезли на хребет!

Но все были так рады, что выбрались из опасного места, что никто не стал бранить Ромку, поведшего их по этому пути.

— Сейчас отдохнем около этого камня, — сказал Егор, — а через полчаса пойдем вниз к лесу и поищем места для ночевки. До Зеленой лаборатории нам сегодня не дойти.

Егор спрыгнул с камня и повалился на реденькую желтую траву, упругую, как проволока. Рядом с ним

рухнули все остальные. Ребята прижались друг к другу, чтобы было теплее на этом высокогорном сквозняке.

Казалось, что они только на мгновение закрыли усталые веки, — а проснулись утром! Каждый чувствовал биение сердца другого, будто у них билось одно сердце.

— Я вчера вел себя, как дурак, — сказал Егор, глядя в небо и ни к кому не обращаясь: — у меня нехватило мужества сознаться, что мне страшно и что по этой чортовой дороге итти опасно, а главное, глупо лезть на рожон. А надо было сознаться: мы бы во-время повернули назад и нашли правильный путь. Из-за дурацкого молодечества чуть не угробились.

Он сел на траву, окинул лукавым взглядом всех ребят и тихо спросил:

— Странно: неужели никому больше не было страшно? Только мне одному?

Дружный смех был ему ответом. Мальчики наперебой рассказывали, как они трусили, еле-еле шли и как ни за что не хотели опозориться и сказать об этом.

Тогда же было решено, что лучше всего в своих ошибках сознаваться сразу и что на это тоже требуется мужество.

ГИБРИДЫ

I

Утро было чудесное. С вершины открылась замечательная картина. Везде зеленели леса. Казалось, этим лесам конца-краю нет. А среди лесов то здесь, то там величественно поднимали к небу свои вершины отдельные горы и целые хребты.

И тут же, между горами, причудливо извивались реки и блестели озера.

Ребята смотрели на ущелья, раскинувшиеся у их ног, на пройденный уже путь, и гордость наполняла их сердца.

Они смотрели туда, где из-за высоких скалистых вершин всходило солнце, и жажда действовать, бороться снова овладевала ими. Глаза их сверкали отвагой, а смелые мысли заставляли сердца учащенно биться. Ребята чувствовали себя самыми отважными, самыми счастливыми путешественниками на свете.

— Смотрите, смотрите!—то и дело кричал кто-нибудь из них, желая, чтобы все радовались вместе с ним.

Возбужденные голоса мальчиков не стихали ни на мгновение.

— Эх, Бориса нет! — жалел Егор.

Дул ровный свежий ветер. Из глубины темных ущелий уползали тени.

И тогда Ромка проявил настоящую отвагу. Он превозмог ложную гордость.

— Вот что, Егор, — сказал он серьезно: — передаю тебе командование. Командуй ты!

Топс даже свистнул от удивления. Асан, услышав эти слова, напряженно вглядывался Ромке в лицо, а Гномик подбежал и крепко пожал ему руку, приговаривая:

— Вот это правильно!

— Топс, ты чего свистишь? — рассердился Ромка, вырывая руку у Гномика.

Его строптивая натура не выносила ни чрезмерного дружеского сочувствия, ни порицания.

— Разве мы не решили вчера, что храбрость нужна и для признания своих ошибок? — спросил Ромка. — Егор, конечно, опытнее меня... вот и пусть командует... Или ты, Топс, хочешь командовать?

Егор, пораженный поступком Ромки не менее остальных, все же не выказал ни чрезмерного удивления, ни восторга, а только сказал:

— Ромка молодец! Нечего нам важничать друг перед другом!.. А теперь мы будем делать так, — продолжал Егор, — как решили вначале: каждый будет брать команду на том участке, который он знает лучше других. Я лучше знаю правила похода, и, значит, я командую в походе, на биваке. Роман командует на работах в лесу и в саду. Топс — специалист по камням, Гномик — по всяким жукам, змеям и так далее. Они командуют на этих работах. Асан будет наш проводник и краевед.

— Отсюда нам до Зеленой лаборатории полдня пути, — заметил Асан. — Спускаться в долину Алматала будет очень легко. Айда!

Веселой гурьбой ребята спустились к опушке леса и дружно принялись собирать сухой валежник для костра.

II

После завтрака было принято решение заполнить дневник, чтобы, если кто-нибудь поинтересуется в Зеленой лаборатории, «не ударить в грязь лицом».

В составлении записей о последних днях участвовали все. Больше всех помогал Асан, хорошо знавший этот край, птиц, зверей, травы, горы и все особенности погоды.

Топс продиктовал о камнях, Гномик — о насекомых и змеях. Егор продиктовал об охоте. Роман переписал все записки «научно».

Первая страница начиналась так:

«Там, где сходятся углом отроги высочайших гор Ферганского и Узун-Ахматского хребтов, течет река Чак, в которой вода мутнобелая от размытых камней известняка. Здесь в долине и ущельях, защищенных горами от северо-восточных холодных ветров, погода мягкая и с дождями». Далее шло подробное описание растительного

и животного мира гор. Вторая часть отчета состояла из описания маршрута для большого похода. Ребята уточнили кроки, указали места ночевок и отдыха, проставляя расстояние в километрах. Особым пунктом было записано, чтобы дружина ни в коем случае не шла в Зеленую лабораторию через Большой Капчугай, а по долинам рек Чак и Алматала.

Гномик украсил дневник зарисовками птиц, зверей и гор.

Описанию ливня — силя — была посвящена целая страница, а когда Асан сказал, что грозовые тучи приходят с севера и поэтому если смотреть на север, то увидишь их заранее, Ромка вспомнил напутствие Гаруна «чаще смотреть на север», и все подосадовали, что раньше не догадались об этом.

Асан посоветовал и помог Топсу найти подорожник и приложить его листья к ссадинам на ногах. У других тоже обнаружились ссадины.

Собирая подорожник, Топс заметил огонь на горе.

— Это не огонь, — сказал Асан. — Старый пастух Тагай говорит — это светится глаз дракона и кто туда пойдет, тот не вернется.

— Тагаю верить нельзя, — заявил Егор.

Асан согласился с ним и сказал, что один ученый несколько раз ходил на эту гору в поисках древних стойбищ и никаких драконов не обнаружил, но нашел каменные чаши.

— Археология, — буркнул Топс.

— Не совсем, — склонив голову на плечо, сказал Асан, — а только он по этим следам древних открыл древние рудники, открыл золотые россыпи.

— Молодец! — с восторгом одобрил Топс и быстро спросил: — В горах есть еще такие старинные стойбища и древние разработки?

— Покажу, — обещал Асан.

III

После полудня мальчики спустились на седловину горы, куда должны были выйти из Капчугая, если бы знали тропинку. Спускаться по лесистому склону вниз, к реке Алматала, было легко. Из травы часто вылетали куропатки. Юные охотники вскидывали ружья, целились, но не стреляли: патронов было мало, их надо было беречь. Долго шли лесом.

Выйдя на веселую зеленую полянку, Егор остановился. Впервые он увидел очень близко дикого козленка. Серовато-рыжий, наполовину высунувшись из куста и насторожив уши, он с любопытством смотрел на них. Егор уже знал, что дикие козлы тэке бывают мышиного цвета, с большими ребристыми рогами, загнутыми назад, к спине, а лесные косули — небольшие, коричневатые, и рожки у них торчат вверх «вилками», а если рога закручены по бокам головы, как у этого, то это архар. Пока Егор раздумывал, рядом с ним грянул выстрел. Архаренок рванулся и упал. Ребята ринулись к нему. Архаренок было вскочил, но Барс опрокинул его на землю и схватил за горло. Архаренок жалобно заблеял.

Из-за куста стремительно выскочила девочка. Она пронзительно завизжала, бросилась к Барсу и стала что есть силы бить его кулаками по спине.

— Брось, негодный, сейчас же брось! — кричала она.

Но Барс не выпускал шеи архаренка.

Егор опомнился первый. Он прыгнул вперед и, схватив Барса за ошейник, оттащил в сторону.

— Держи его, не пускай, он съест Паньку! — испуганно кричала девочка, и слезы текли по ее щекам.

Архаренок вскочил на ноги, не переставая блеять. Девочка упала перед ним на колени, обняла обеими руками за туловище и прижалась щекой к его шее.

— Панька, Панечка, Панечка! — твердила она.

Все это случилось совершенно неожиданно. Ребята

стояли растерянные. Ясно было, что архаренок ручной. Но откуда эта девочка? Высокая, стройная, на вид ей было лет четырнадцать. Черные волосы коротко подстрижены, зачесаны назад и сзади собраны лентой. Большие карие глаза с ненавистью смотрели на мальчиков. Синее с красными цветочками платье ярко выделялось на траве.

Архаренок пошатнулся. Девочка отпустила руки, отстранилась, оглядела его и охнула: левая передняя нога козленка ниже колена была в крови и болталась.

— Браконьеры проклятые! Вот что вы наделали!

Девочка вдруг заплакала во весь голос. Она вскочила на ноги и попыталась поднять с земли архаренка, но это было ей не по силам.

— Вот папа вам покажет! — твердила девочка плача.

— Откуда я знал, что он ручной! — оправдывался смущенный Ромка.

— Как «откуда»! — воскликнула девочка, перестав плакать от негодования. — Ведь это же гибрид! — сказала она, как будто объяснила все.

— Гибрид? — переспросил Топс, не совсем представляя себе, что это такое.

— Ну да, гибрид, — повторила девочка. — Панька наполовину баран, наполовину архар. Разве вы сами не видите, какого он роста, какие у него рога и какая шерсть? У него есть подшерсток, а у архара только ость...[1] — Девочка снова стала всхлипывать, потом смахнула слезы ладонью и строго приказала: — А ну-ка, помогайте!

Ребята поспешно окружили архаренка и стали неумело поднимать его.

---

[1] Ость. — Шерстяные волокна по своему внешнему виду и по техническим качествам классифицируются на: а) пух, или подшерсток, — сильно извитые и очень мягкие волокна; б) ость — грубое, толстое, почти прямое волокно, в большинстве случаев имеющее сердцевинный слой и обычно по длине превосходящее пух.

— Паньку надо отнести домой, он умирает. Берите на руки... Таких, как вы, судить надо!

— Смываться, что ли? — тихо пробормотал Ромка, но так, чтобы его слышали только ребята.

— Подожди, не хнычь, — сказал Егор. — Поправится твой гибрид: он ранен только в ногу, а козлы на рану крепкие. Только надо забинтовать как следует.

Егор поручил Ромке быстро вырезать четыре ветки и обстругать их, Топсу и Асану — собрать мох, а Гномику — приготовить тонкие веревки.

Егор хотел уложить архаренка на траву, но не тутто было: Панька не понимал, что ему хотят добра, и не хотел ложиться. Он упирался и рвался из незнакомых рук. Наконец Егору удалось повалить его на траву. Он взял его за раненую ногу. Архаренок рванулся и заблеял.

— Пусти, белобрысый, ему больно! — закричала девочка, хватая Егора за рукав.

— А ты лучше помогай, чем мешать! — крикнул Егор сердито.

Девочка мгновенно замолкла и широко открытыми глазами уставилась на Егора. Она даже перестала плакать.

— Ты не кричи на меня! Ты не доктор! Кто ты такой?

— Я? — Егор запнулся. — Начальник отряда.

— Браконьер ты, вот кто ты! Панька умирает, смотри!

Архаренок лежал неподвижно, закатив глаза. Потом он открыл их, заблеял и слегка рванулся. Но мальчик крепко держал его. Наконец перебитая нога архаренка была уложена меж четырех деревянных дощечек, сверху обложена мхом и крепко стянута веревками.

— Как охотник говорю, через месяц будет бегать!

— Какие вы охотники! — сказала презрительно девочка. — Каждый настоящий охотник знает, что диких бара-

нов можно стрелять только в ноябре, а если вы не соблюдаете сроков отстрела, вы браконьеры! За это штраф и тюрьма. Да, да, тюрьма!

IV

Асан подошел к Егору и, наклонившись к самому его уху, сказал, что ребята ждут его за кустами и советуют не связываться с этой крикливой девчонкой.

— Слушай, девочка, — сказал Егор, — ты вот кричишь «браконьер, тюрьма, штраф», даже мои ребята испугались, а ведь сама ты Паньку не дотащишь. Я понесу Паньку, только скажи папе, как было на самом деле. Ведь Ромка этого козла принял за дикого, а не нарочно.

— Ага, струсили, трусы несчастные! Набедокурили — и в кусты!

— Я не трус, я на фронте был.

— Ты? Вот и неправда!

— Я не вру. Я на Втором Украинском был.

— А как тебя зовут?

— Егор.

— А меня Люда.

— Я в Германии побывал. Меня прозвали Бывалый.

— Все равно папа будет сердиться. Ты понимаешь, у нас их только три, всего три гибрида.

— Я сам расскажу, что случилось с козлом.

— Он не козел, а баран, и я не буду врать.

— А ты и не ври. Расскажи, как было. А кто твой отец?

— Мой? Василий Александрович. Он ученый-пчеловод и садовод, а гибридами колхозный зоотехник Карабек занимается; он уехал и просил папу и меня присмотреть за ними, и вдруг такая беда!

— Стой! Значит, ты живешь в Пчелином городе?

— Да.

— А Сапегин там живет?

— Живет.

— Вот здорово! Наконец-то! А я так боялся, что его нет! Ну, ребята, ох, я и рад! Ох, я и рад! Будто сто пудов с плеч. Ведь это мой отец...

— Ура! Сапегин нашелся наконец! Вот здорово, Егор!

Ребята тискали Егора в объятиях, жали руки, словом всячески выражали свою радость. Девочка удивленно смотрела на них.

— А Сапегин и сейчас там? — спросил Егор.

— Сейчас нет: он повез семена и приборы на станцию в город. Скоро приедет.

— А мы к вам идем и даже мясо в подарок несем. Мы из пионерской дружины к вам... — вдруг выпалил Гномик.

— Да ну? Что же вы не сказали?.. Так ты сын Сапегина? Вот интересно! Он ничего не говорил о тебе.

— Ничего? — удивился Егор.

— Ничего, — подтвердила Люда.

Егор озабоченно нахмурил лоб.

Ребята, взяв с Люды обещание, что она расскажет отцу все, как было, и не будет их «пилить», согласились итти с ней.

— Честное пионерское! — сказала Люда, поднимая руку.

V

Вскоре процессия во главе с Людой двинулась вниз по склону.

Егор, тяжело ступая, нес на плечах Паньку. Ноша оказалась тяжелей, чем он ожидал, и к тому же очень неспокойной. Но разве стоит обращать внимание на эти

мелочи, если они дошли до цели своего путешествия! Наконец-то он разыскал своего фронтового отца!

Егор окликнул Ромку.

Ромка, чувствовавший себя виноватым и ожидавший упреков за Паньку, с готовностью предложил понести гибрида.

— Эх ты! — укоризненно шепнул ему Егор.

— Так я же не знал! — оправдывался Ромка.

— Не то! — И Егор досадливо поморщился. — Разве это выстрел? На пятнадцать шагов, в такую цель — и только одна единственная дробина в ногу! Эх ты, мазила!

Ромка даже остановился от неожиданности. Но в следующее мгновение он догнал Егора и спросил, недоумевая:

— Значит, ты был бы рад, если бы я ухлопал этого гибрида?

— Конечно, нет. Хорошо, что ты его только ранил... Ну что ты уставился на меня? Но за выстрел обидно! Полковник Сапегин смеяться будет. «Ну и стрелки!» скажет.

Лес расступился. Ребята вышли на опушку. Между горами лежала широкая речная долина. Начиналась она в невидимом отсюда ущелье и, расширяясь, тянулась влево на север и там вдали круто поворачивала на юг, к реке Чак.

Есть долины суровые, пустынные, каменистые, безжизненные; есть долины со сквозняками, страшные, заросшие держи-деревом. А эта была, как сказал Ромка, «зеленая и веселая». Ветерок шевелил травы. А прямо перед ребятами на восточной стороне реки Алматала тянулась ровная, почти сплошная стена высоких серебристых тополей. Но не это поразило ребят. В любом поселке росли тополя, сдерживая неистовство ветров, связывая корнями грунт возле арыков и создавая тень. Правее тополей виднелись неизвестные деревья такой большой

высоты, что они были чуть не вдвое выше тополей. Их сомкнувшийся зеленый купол господствовал над всей долиной. Асан протянул к нему руку и торжественно возвестил:

— Пчелиный город на Ореховом холме.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ПЧЕЛИНЫЙ ГОРОД НА ОРЕХОВОМ ХОЛМЕ

I

— Что же вы отстали? — нетерпеливо крикнула девочка, в недоумении глядя на ребят, которые неподвижно стояли на опушке леса.

Вместо ответа Егор опустился на колени, потом присел и, повалившись на бок, осторожно опустил гибрида на траву.

— Устал? — посочувствовала девочка.

Егор вытер рукой пот с разгоряченного лица.

— Ты бы, Люда, сбегала, позвала кого-нибудь на помощь, — сказал он. — Тащить твоего Паньку трудно, я устал, а ребята не осилят.

Ребята, как по команде, закивали головами.

— А еще хвалится: «Мы охотники»! — презрительно

сказала Люда. — Команда слабосильных, вот вы кто такие! Сама понесу! — И разгневанная девочка опустилась на колени и попыталась взять Паньку на руки.

Егор мягко отстранил ее руки.

— Неужели у вас никого из молодежи нет? — спросил Ромка, считая свой вопрос очень дипломатичным.

— Вот еще! Не срывать же урок у пасечников! Сегодня папа занимается с ними последний день.

— А, случайно, Степки у вас нет? — прямо спросил Топс, за что получил от Ромки удар локтем в бок.

— Степки? — удивленно повторила Люда, припоминая, и качнула головой: — Нет. Даже среди двадцати пасечников на курсах из других колхозов — и то нет. В Зеленой лаборатории такого никогда не было. А наша Мария Ивановна с Сапегиным поехала провожать груз. Может быть, она знает. У Искандера тоже нет таких помощников на наших опытных участках колхозной агролаборатории в кишлаке. Я не знаю такого.

Егор смотрел на Люду, сидевшую рядом с ним на траве, и раздражение от первой встречи исчезало. У этой девочки, искренней в выражении своих чувств — возмущения, гнева, удивления, — не было и тени жеманства. Говорила она решительно, в глаза смотрела смело, даже с вызовом. В ее словах «наши курсы», «наши опытные участки», может быть, и чувствовалось излишнее честолюбие, но разве сам Егор не считал «свою» часть и «своего» командира Сапегина лучше всех? Егор понял, что с такими, как Люда, надо не «дипломатничать», а быть искренним.

— Сегодня пасечники уйдут, — продолжала Люда, взглянув на Егора. Брови ее слегка приподнялись, выдавая желание понять Егора, но уже в следующее мгновение она овладела собой и продолжала чуть более сурово: — Сегодня все пасечники уйдут из Пчелиного города на свои пасеки. Наша — самая главная, а остальные

пять — младшие. Даже два наших пасечника, и те уйдут на дальнюю пасеку выкачивать мед. Так что на несколько дней в Пчелином городе на Ореховом холме должны остаться папа, я и Васька.

— Ага! — торжествующе сказал Ромка. — А ты говоришь, мальчишек нет...

— Так это же лошадь, — ответила Люда, окидывая Ромку презрительным взглядом. — Вот еще, буду я врать!

— А вдвоем не страшно? — поспешно спросил Гномик, желая отвлечь внимание и предупредить назревающую ссору Ромки с девочкой.

— Нет, — сказала Люда, — здесь нет ни воров, ни разбойников, а волки боятся Коку, нашу киргизскую овчарку.

— А если вдруг на вас спустятся ночью парашютисты? — спросил Ромка, прищурив один глаз.

— Этого никогда не может быть, — уверенно сказала девочка. — Сюда даже в войну фашисты никогда не залетали.

— А вдруг? — с напускным страхом в голосе спросил Ромка.

— Ты, Люда, — вмешался Егор, — его поменьше слушай. А то он еще начнет тебе рассказывать, как он вдруг заметил ночью на горе парашютиста, как он его выследил...

Глаза у Ромки стали круглыми и, как говорится, метали молнии.

Гномик фыркнул. Топс не выдержал и засмеялся. К нему присоединился Асан, а потом Егор.

Приключение с парашютистом в передаче Егора казалось небылицей. Вряд ли кто мог этому поверить. Ромка, видимо, хотел поспорить, но, взглянув на смеющихся, махнул рукой и сам засмеялся.

— А почему вы смеетесь? — недоумевая, спросила Люда.

Но ребятам стало еще веселее.

— Вы, может быть, надо мной смеетесь? — сердито спросила она, краснея, и поправила волосы.

Ребята сразу перестали смеяться.

— За что же над тобой смеяться? — сразу став серьезным, сказал Егор. — За то, что ты такая храбрая и не боишься ходить одна по лесу? Не то что другие девочки.

— Тогда говорите правду! — потребовала Люда. — Почему вы смеетесь?

На пути в Пчелиный город на Ореховом холме Егор рассказал о случае с парашютистом. А шли они через широкий луг. Вначале пришлось пройти большие заросли колючих кустарников. Возле этих кустарников кружилось множество пчел. Мальчики с удивлением посмотрели на кустарник: на ветках было мало цветов. У всех, кроме Люды и Гномика, пчелы вызвали настороженность. Множество пчел было и на цветущих травах, издававших очень сильный аромат.

— Опытные участки медоносов. Проблема улучшения естественных лугов и использования неудобных земель,— пояснила Люда тоном гида, разъясняющего непосвященным тайны науки. Очевидно, это было для нее привычным делом.

Когда они проходили по щетинистой желтой стерне, Люда остановилась и сказала:

— Видите, там, где чучела, стоит неубранная пшеница?

Ребята увидели два чучела, возвышавшихся среди участка еще зеленеющей пшеницы.

— Это второй урожай скороспелой пшеницы, — продолжала Люда. — Вывели ее в Зеленой лаборатории. Это опытное поле мы тоже засеем медоносами. Здесь будет замечательный сорт клевера, а это и сено и мед. Жаль, что вы раньше не пришли: вы бы увидели замечательную ветвистую пшеницу. — В объяснениях Люды все было

обязательно «замечательным». — Да! Вы ее увидите у папы на маленьких делянках. Он, хотя это и не наше пчеловодное дело, все-таки попросил у Сапегина немного зерен для опытов. Сапегин нам оставил. Ну, пошли!

Ребята бодро зашагали вслед за Людой.

— Реку перейдем вброд, — сказала девочка. — Мост снесло во время наводнения. Даже плотину разрушило, и наша маленькая автоматическая гидроэлектростанция не работает. Ветряк тоже погнуло.

Цепляясь за кусты, ребята спустились к реке. Люда уверенно вошла в воду, направляясь к островку. Воды было по колено. Барс то брел, то плыл рядом с Людой.

Наконец они вышли из воды и направились к зеленым деревьям. Чем ближе ребята подходили к «зеленой шапке», тем отрывистее становился их разговор, и наконец они совсем смолкли.

— Глядите! — крикнул Ромка, вступая в тень гигантских деревьев и поднимая голову кверху. — Ух, это просто древесные ихтиозавры!

Все с невольным почтением и даже страхом смотрели на исполинские деревья, раскинувшие во все стороны свои огромные ветви так далеко, что вверху они сомкнулись, образуя огромный зеленый купол.

— Это ореховые деревья, — с гордостью сказала Люда.

— Врешь! — убежденно сказал Ромка и вдруг воскликнул: — Гляди, а ведь и правда! Честное пионерское! Листья, как у ореховых деревьев, и стволы тоже! Ребята!

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... — громко считал Топс.

Стволы высились, как серые колонны, шириной почти в два обхвата.

— Это разве орехи? — отозвался Топс. — Это ореховые великаны!

— Вот так фокус! — продолжал изумленный Ромка, разглядывая деревья. — Им, наверное, тысяча лет.

— Эти деревья лишь немного старше нас, — пояснила Люда.

— Ну, это ты брось! — не поверил Ромка и пошел к дереву.

— Мальчик, назад! — поспешно крикнула Люда. — Под этими деревьями можно проходить только там, где есть навесы, а то сорвется орех и стукнет тебя по голове.

Ромка опасливо поглядел вверх и вошел под навес.

— Ну и деревья! — только и сказал Егор.

Его привлекало все большое, сверхскорое и сверхмощное.

Ребята шли, подняв головы кверху, почти не глядя под ноги. Эти ореховые деревья, соприкасающиеся ветвями, поднимались в высоту, как десятиэтажные дома. Они раскинули в обе стороны свои ветви метров на тридцать.

На поляне стояли три белых дома. Вокруг них были устроены навесы под ореховыми деревьями. На большом дворе и возле домов, везде, где было свободное место, цвели цветы. Их было очень много. Вьющиеся розы украшали веранду. От дома налево шла дорожка, тоже под навесом. За линией густо посаженных тополей ребята увидели старый фруктовый сад. Могучие деревья стояли там неподвижно, ровными, уходящими вдаль рядами. Ветви их, усыпанные плодами, опирались на бесчисленные подпорки. А в междурядьях стояли многоэтажные ульи. Были там трехэтажные, но больше всего было четырехэтажных ульев. О них Люда сказала, что это «русские вертикальные ульи». В середине было одно место, где деревьев не было. Там, в центре этого Пчелиного города, белел одноэтажный домик.

От сараев с громким лаем мчалась большая дымчатая, почти голубая собака. Барс бросился ей навстречу.

— Ребята, — воскликнул изумленный Топс, сходя с дорожки под навесом в сторону и поднимая что-то большое, круглое, — вот это орехище! Как яблоко! Давайте играть в футбол!

Ребята окружили Топса.

— Это не орех!

— Дай посмотреть!

— Нет, орех!

Люда взяла орех из рук Топса и сказала:

— Мальчики, я забыла вас предупредить: здесь вы не должны трогать ни одного ореха. Это орехи Искандера, и я обещала их стеречь.

— Да на деревьях их много...

— Но эти орехи только для посадки, а не для еды,— ответила Люда. — Их еще очень немного.

— Помните, я говорил про эти орехи? — напомнил Асан.

— Что ты говорил? — спросила Люда, нахмурив густые брови.

— Говорил, что Искандер не хочет продавать орехи в колхозной палатке Пханова, а хочет их только разводить. Про это весь колхоз знает.

Теперь ребята поняли, о каких орехах говорили Борис и Гарун.

— Да, — сказала Люда, — Искандер очень ценит эти орехи. Вы где этот орех подняли?

— Здесь, — показал Топс.

— Каждое из этих семи ореховых деревьев имеет свое имя. Я должна на каждом упавшем орехе написать день, когда он упал, и название орехового дерева. Имена я записываю по заглавным буквам. Вот это дерево называется «Джаным» — значит, «Д». — Люда вынула из карманчика чернильный карандаш, послюнила его и записала на скорлупе ореха: «Д» — 16 авг.». — А те оре-

хи, что поспеют после десятого сентября, Искандер разрешает есть.

— Это какие-то выродки, а не орехи! — упрямо сказал Ромка.

Люда снисходительно улыбнулась и сказала:

— Егор, неси Паньку за мной в овчарню, а ребята пусть ждут здесь. Только орехов не трогать!

— Ладно, иди, — сказал Ромка.

— Нет, обещайте! — настаивала Люда.

— Не тронем, — обещал Гномик, — я прослежу.

Девочка внимательно посмотрела на траву под деревьями и пошла к загону, позвав с собой Коку. Барс пошел следом, поглядывая на голубоватую овчарку.

Ребята с удовольствием сбросили свою ношу на землю и тут же разлеглись под навесом на траве.

— Асан, это и есть Зеленая лаборатория? — тихо спросил Ромка.

— Нет, Зеленая лаборатория за фруктовым садом.

— А ты был там? — поинтересовался Топс.

— Нет, не был. Не всякого туда пускали во время войны.

II

Люда привязала Коку около собачьей будки, открыла калитку загона и пропустила Егора в огороженный двор. Барс остался по ту сторону изгороди. Два взрослых серых, как Панька, гибрида при виде собаки и незнакомца отбежали подальше.

Егор осторожно опустился на колени, Люда подхватила Паньку и поставила на ноги. Панька сейчас же рванулся и поскакал на трех ногах в самый дальний конец загона, где стояли два взрослых гибрида.

Егор вышел из калитки к обеспокоенному Барсу и только было протянул руку, чтобы приласкать его, как

невольно остановился и сразу забыл о Барсе. Он увидел рядом с Ромкой невысокого худощавого мужчину в белом чесучовом костюме, в очках и соломенной шляпе; видимо, это и был отец Люды.

Егор подбежал к ребятам и услышал последние слова Ромки:

— Вот мы и решили всей бригадой принести вам в подарок мясо диких кабанов.

— Позвольте, позвольте, я что-то не понимаю... Вы, собственно, кто такие?

— Мы пионерская разведка, мы... — начал Егор.

Но мужчина в очках повернулся к Егору, схватил его руками за плечи и, не дав договорить, сказал:

— Чудесно, дорогие мои, чудесно! Наконец-то вы прибыли! А я так вас ждал! Почему вы опоздали?

Ребята были в недоумении. Как же их могли «так ждать»?

— Мы сбились с пути, — пояснил Ромка.

— А где остальные? — спросил мужчина.

— Там, — и Егор показал рукой в сторону запада.

— И скоро прибудут?

— Как только они получат от нас точный маршрут и мы выясним необходимые вопросы, — сказал Егор.

— Очень приятно, очень приятно познакомиться. Я — Василий Александрович Подосинников.

— Егор Иванович Смоленский. — И Егор пожал Василию Александровичу руку.

— Роман Крестьянинов.

— Алеша Омельченко.

— Асан Шерафудинов.

— Толя Батов.

— Это я, папа, привела их из леса. У Паньки сломана передняя нога, и они ее перевязали.

— Положили в лубки, — подсказал Ромка, благодарно посмотрев на Люду.

— Как же это так! Боже мой, что скажет Карабек!

— Все в порядке, профессор, — сказал Ромка, — через месяц Панька будет прыгать на всех четырех.

— Вы думаете? Как же это случилось?.. Впрочем, вы же с дороги, — засуетился Василий Александрович, — вам надо поесть и отдохнуть. Люда, Люда! Угости хоть чаем наших дорогих гостей. Они пить хотят. А потом обед...

Ученый бросил быстрый взгляд на черные от копоти и пыли руки ребят и повел их умываться.

— Ничто, — заметил тактично старик, — так не освежает после длительного пути, как умывание.

Он налил воды в умывальник, сходил за полотенцем и так ухаживал за ребятами, что тем стало неловко.

— Да мы сами, вы не беспокойтесь, — сказал Егор.

Скоро ребята сидели за столом вместе с Людой и Василием Александровичем, пили чай и вели увлекательную беседу.

— Мы изучали по дороге лес, — похвастался Ромка.

— Почвы и горные породы, — добавил Топс.

— И фауну, — совсем тихо сказал Гномик.

— Что? — переспросил Василий Александрович, наклоняясь к Гномику. — Ах, фауну! И нашли что-нибудь интересное?

Тут Гномик осмелел. Он достал из своего рюкзака альбом и, краснея, подал его Василию Александровичу.

— Научные зарисовки? Удод, альпийская галка, оляпка, дятел... Прекрасно сделано! Дятел в особенности. Очень полезная птица для ореховых лесов. Кто же из вас рисовал?

— Гномик! — с гордостью в один голос сказали мальчики.

— А вы кто же? — обратился Василий Александрович к Ромке.

— Я лесовод. Гномик, покажи, пожалуйста, днев-

ник. — Ромка раскрыл дневник и прочитал: — «Таксация леса в урочище реки Чак. Древесно-кустарниковая растительность, включая и плодовые породы, начала отступать в горы и сокращаться по площади... Гибель древесно-кустарниковой растительности,— продолжал Ромка, — вызывает уменьшение воды в реках и родниках».

— Именно так! Если вырубить леса возле рек, они мелеют и высыхают. А наши горные леса сохраняют влагу. Двадцать пять процентов дождей над нашими горными лесами превращаются в подземный сток. И, что самое ценное, воды лесных территорий доходят до хлопковых полей, когда наибольшая потребность в воде. Любите лес! Любите деревья! Заставляйте их быстрее расти! Вы, конечно, слышали, о теории стадийного развития растений академика Лысенко?

— Как же, знаю, — сказал Ромка.

Остальные ребята молчали, а лица их выражали растерянность.

— Ничего, здесь вы все это поймете и скоро овладеете многими премудростями. А эти исполинские орехи, — сказал ученый, — тоже результат гибридизации и воздействия внешних условий на определенных стадиях прорастания семени. Академик Лысенко говорит, что нет ненаследственных изменений, поэтому наши ореховые деревья мы считаем исходным материалом для выведения новых сортов. Ведь нас окружают целые леса дикорастущих плодовых: здесь есть грецкий орех, леса диких яблонь и леса груш, миндаля, алычи, терновника. Мы обязаны окружающие нас леса превратить в плодоносящие сады.

— Так ведь вы же пчеловодная лаборатория! — вырвалось у Топса то, о чем думали и другие, но не решались спросить.

— Вы хотите сказать, что окультуривание плодовых лесов не относится к функциям пчеловодной лаборато-

рии? — немного вызывающе спросил Василий Александрович и, быстро поднеся руку к глазам, большим и указательным пальцем поправил круглые очки на носу.

«Вот хорошо, что я не спросил!» мысленно обрадовался Ромка.

Топс отвернулся, встретив грозный взгляд Егора.

— Ошибаетесь, батенька! — горячо проговорил Василий Александрович. — Ошибаетесь!

— Папа! — укоризненно напомнила подошедшая Люда.

— Ах да, да! Простите. Мне, видите ли, не раз уже приходилось спорить с маловерами по этому вопросу, вот я и горячусь. Но думаю, вы не из тех... — Василий Александрович с облегчением вздохнул и продолжал без прежней запальчивости: — Мы занимались изучением взятка, то-есть медосбора, на плодовых и вопросами опыления пчелами цветов. От этого тоже зависит урожайность. Вот и пришли к мысли, что не так уже много труда надо, чтобы окультурить близлежащие плодовые леса, а польза огромная. Вмешались в жизнь ореховых деревьев... и вот! — Василий Александрович величественным жестом показал на гигантские орехи: — Не стыдимся! Надо быть мертвым человеком, бюрократом и формалистом от науки, чтобы сидеть сложа руки там, где ты можешь много сделать на благо народа, даже если это не прямо относится к твоим обязанностям ученого. Ну, и мы кое-что сделали. Хоть наша опытная плодовая агролаборатория и находится в колхозе, но ведь руководит ею Искандер, и здесь ее отделение. Искандер замечательный энтузиаст своего дела, мичуринец... Ну, да вы сами все увидите. Ведь это благороднейшая и чудеснейшая задача — превращать дикие леса в лесосады!.. Очень хорошо, что вы наконец прибыли!

Все в ученом нравилось Егору. Нравился острый взгляд голубых глаз, будто пронизывающий насквозь, и

яркий, здоровый румянец, столь необычный для человека его лет, и юношеский энтузиазм, и седая бородка с усами, как на портрете Михаила Ивановича Калинина, и даже манера Василия Александровича потирать руки в знак удовольствия.

— А когда приедет Максим Иванович Сапегин? — не утерпел Егор.

— Он сейчас занят реэвакуацией последних растений из опорного пункта и бывает только наездами. Но почему вы назвали его Максимом Ивановичем? — удивился ученый.

— Папа, оказывается, Константин Николаевич Сапегин — фронтовой отец Егора Ивановича, и Егор приехал сюда, чтобы с ним встретиться.

— Максим Иванович, — улыбаясь, поправил девочку Егор.

— Да нет же — Константин Николаевич, — мягко, но упрямо настаивала Люда.

— Да, да, у нас здесь Константин Николаевич Сапегин, доктор биологических наук, — подтвердил старик.

— Значит, не Максим Иванович?! — воскликнул Егор и быстро сказал: — Мой Сапегин среднего роста, стройный, с небольшими черными усами, молодой, и левая рука ранена.

— Нет, нет, это недоразумение, — поспешно ответил ученый. — Константин Николаевич Сапегин высокий, полный и на фронте никогда не был.

Егор побледнел так, что веснушки ярко выступили на его лице.

— Ведь я же из-за него сюда приехал! — со страданием в голосе сказал он. — Я думал, здесь Максим Иванович, а здесь другой... Ох, беда какая!

— Что же делать? — воскликнул растерявшийся Гномик.

— Роковая ошибка, — отозвался Топс.

— Плохо! — покачал головой Ромка.

Доброжелательный и отзывчивый Василий Александрович очень огорчился.

— Конечно, обидная ошибка, — сказал он. — Да вы не волнуйтесь, — успокаивал он. — Приедет Константин Николаевич Сапегин, может быть он знает, даже наверное знает, где ваш Максим Иванович. Может быть, они даже родственники. Он должен через несколько дней приехать за книгами. Вообще он бывает здесь не реже одного раза в месяц.

— Но, может быть, он и не родственник? — настаивал Егор.

— Допускаю, — отозвался ученый. — Но почему не выяснить у него самого?

Егор стукнул кулаком по столу так, что пиалы подскочили и зазвенели.

— Все равно найду Сапегина! — с неожиданной горячностью заявил он. — Землю переверну, до Дальнего Востока, до Северного полюса дойду, а найду! Завтра же поеду!

— А твое обещание Гаруну? — напомнил Ромка.

Егор вскочил и заходил взад и вперед возле стола. Он негодовал на себя. Выяснить, какой Сапегин работает в Зеленой лаборатории, он мог бы еще в кишлаке Чак. Ему помешали пионерские «секреты». Егор досадовал на себя, на Гаруна, на Ромку, и у него было такое настроение, что он был готов отправиться обратно хоть сейчас. Но имел ли он право бросить ребят, не выполнив взятого на себя обязательства? А обещание Гаруну и Борису? Он не может нарушить свое слово! Что он скажет полковнику Сапегину, когда наконец найдет его? Как он объяснит ему, почему он не оправдал доверия пионеров Джелал-Буйнака? Нет, надо было что-то решить. Но что? Ведь, в конце концов, он привел ребят сюда. Маршрут разведан... еще осталось... — Егор остановился.

Василий Александрович положил мальчику руку на плечо.

— Дорогой мой, не горячитесь, никогда не надо принимать необдуманные решения, — мягко сказал он. — Послушайте старика. Дождитесь Сапегина, оглядитесь, может быть мы вместе с вами что-нибудь и придумаем. Вы попали не за границу, вы в своей стране, среди своих людей. Поживите с нами, посмотрите, что мы делаем, а чтобы не было тоскливо, помогите нам... Я уверен, вы с радостью будете вспоминать наши места... А главное — не вешать голову! Ведь вы же фронтовик, мне говорила Люда...

Егор благодарно посмотрел на ласково улыбающегося старика и сел за стол. Конечно, он не должен был распускаться.

— У вас здесь очень много дичи? — спросил Ромка, зная, что эта тема может отвлечь Егора от печальных мыслей.

— Да, дичи здесь очень много, — ответил Василий Александрович, — но, знаете ли, я не охотник. У нас есть даже два ружья и большой сундук с порохом, дробью и патронами. Карабек охотится на архаров в научных целях. Я вам покажу наших гибридов. Карабек — зоотехник группы колхозов. Он часто навещает нас и очень увлекается своими гибридами. У него их штук сорок, а сейчас здесь осталось только три. Карабек помогает Научно-исследовательскому институту животноводства вывести новую породу крупных тонкошерстных и к тому же мясных овец, приспособленных к этим горам. Жаль, его сейчас нет — поехал в Казахстан, в колхоз «Кзыл-ту» Алма-Атинской области и к научным сотрудникам сектора генетики животных Института экспериментальной биологии Академии наук. Там большие успехи с разведением архаромериносов... А вы охотник, Егор Иванович?

— Охотник, — ответил Егор. — И Роман тоже.

— Прекрасный спорт! — отозвался Василий Александрович. — Еще в древности говорили: «Охота — школа войны». Но мы не охотники: ни я, ни Искандер. Сейчас у нас даже нет мяса.

— А ну вынимайте поскорее мясо диких кабанов! — распорядилась Люда. — Я буду жарить бифштексы, а остальное мясо мы повесим в погребе.

Все бросились развязывать свою поклажу.

— Какие молодцы — кабанов убили! — похвалил Василий Александрович. — Здесь дикие свиньи считаются сельскохозяйственными вредителями. Их можно стрелять круглый год. Если бы не Кока и не сплошные колючие изгороди, они бы наш огород съели и всё перерыли.

— Жаль, что у нас боеприпасы кончились, а то мы бы всех этих вредителей перестреляли, — сказал Егор.

— Конечно, — неожиданно сказал Гномик и испугался.

Он старался не смотреть на Ромку, делавшего ему угрожающие знаки за спиной Василия Александровича.

— Ах, и вы охотник? А такой маленький и слабый на вид! Вот не сказал бы!.. Молодец, молодец!

Гномик стоял красный и молчал.

— Что же, пороху и дроби у нас много, берите. Я не думаю, что Карабек будет против этого возражать, — это ведь для пользы нашего маленького коллектива... Однако я должен сходить на пасеку.

III

Обедали ребята за длинным столом. После бифштексов Василий Александрович угощал их медом разных сортов. Сначала он угощал их прозрачным белым, потом темным. Мед ели с белыми лепешками и с яблоками, с грушами, запивали молоком. Ели и сотовый мед.

— Попробуй мед с жучками, — шепнул Ромка Топсу. Тот толкнул его под столом ногой. Гномик и Асан засмеялись.

Каждый мед, если только он не падёвый, то-есть не из медвяной росы или вредных цветов, является самой витаминизированной, питательной и целебной пищей, непревзойденной по этим своим свойствам.

— Это не простой мед, — сказал Василий Александрович, — а целебный. Вы — пионеры и, наверное, собирали лекарственные травы?

— Собирали, — сказал за всех Асан: — тюльпаны, лютик, чемерицу, листы папоротника, шиповник.

— А вы слышали что-нибудь о влиянии эфирных масел? — спросил Василий Александрович. — Дело ведь в том, что запахи цветов, пахучих трав, одеколона — это запах эфирных масел, которые выделяются цветами и листьями. Вы замечали, что на душистом свежем сене плохо спится? Это результат влияния эфирных масел, возбуждающих нервную систему человека. Есть запахи, от которых человек хочет спать, другие вызывают головную боль, от третьих бывает бессонница. Народная медицина широко применяет запахи цветов для лечения. Сам я очень люблю цветы и занимаюсь ими с детства. Мне удалось вывести цветы с таким обильным испарением эфирных масел, что, вдыхая запахи этих растений, человек как бы принимает лекарство. Запах может, например, прекратить головную боль. Из нектара цветов пчелы добывают мед. А мне удалось в нектаре увеличить количество эфирных масел.

— И в мед попадают эти целебные вещества из нектара, — громко высказал свою догадку Гномик.

— Я слышал, что Искандер заставляет пчел собирать мед только с одних каких-нибудь цветов, а не с каких попало, — сказал Асан.

— Искандер дрессирует пчел, — ответил Василий

Александрович. — У него пчелы из одного улья летят только на запах определенных цветов и собирают нектар только с них. Впрочем, дрессировка пчел для опыления цветов — дело не очень новое.

— На Кавказе у диких пчел бывает «пьяный мед», «бешеный мед», а встречается и ядовитый, — вспомнил Ромка. — Да это еще что! — воскликнул он. — А вот возле Кисловодска, на «Большом седле», стоит милиционер и заставляет отдыхающих выбрасывать собранные букеты светложелтых цветов, похожих на тюльпаны. У этих цветов сладковатый запах, и от этого запаха можно не только заболеть, а даже умереть. Впрочем, плохой мед тоже не пропадает, его перерабатывают.

— Это так, — подтвердил Василий Александрович.

— А это какой мед? — Ромка показал на небольшой кувшин с темным медом.

— Это мед бодрости, отведайте, — пригласил ученый. — Да угощай же, Люда!

Ребята съели по три ложки меда и скоро почувствовали, что усталость их исчезает и им сразу стало весело.

— А мы вас долго ждали, — сказал Василий Александрович, — даже запасли муки для вас. Искандер так и сказал мне: «Что за странная затея у председателя колхоза томить ребят много дней подряд в жарких, душных вагонах, чтобы показать им соленую воду Каспийского моря! Что может быть радостнее похода в родные горы!» Как вам удалось сломить упорство счетовода Абдуллы? Ведь сейчас председателя нет, а заместитель его тоже в разъездах.

Ребята смутились. Гостеприимство и радушие были адресованы пионерам из колхоза. Запас муки был приготовлен для других. Нужно было немедленно рассказать о цели прихода.

— Четвертая пионерская дружина хотела вам помочь в прививке деревьев... — начал было Егор.

— Обо всем этом мы еще успеем поговорить, а сейчас вам надо отдохнуть с дороги, — перебил Егора Василий Александрович, — вы устали. Люда покажет вам, где вы можете отдохнуть. У нас сегодня закончились курсы пчеловодов и освободилось помещение прежней Зеленой лаборатории. Там и постели и одеяла. Обычно хозяйничает у нас старушка Мария Ивановна, но она повезла растения вместе с Константином Николаевичем, и сейчас у нас хозяйничает Люда... С вашим приездом в Пчелином городе на Ореховом холме будет веселее. Правда?

— Правда! — дружно ответили ребята.

IV

Ребята поблагодарили Василия Александровича и ушли в тень под крайнее ореховое дерево, где был навес. Там они разлеглись на траве. Через несколько минут Василий Александрович притащил большую корзину с яблоками, грушами, персиками.

— Дегустируйте, дегустируйте, — сказал он и, приветливо махнув рукой, удалился.

Когда Василий Александрович скрылся в доме, Егор, убедившись, что никто их не слышит, спросил:

— Ну как, ребята?

— Славный старик, — мечтательно сказал Ромка, жуя яблоко.

— Ох, я и наелся! Живот — как барабан. Потрогай!— И Топс, взяв руку Егора, похлопал ею по своему животу.

Егор сердито вырвал руку.

— Ученый нашего колхоза, профессор! — торжествующе повторял Асан, обращаясь к каждому.

— А нам, как разведке, когда выясним о нашей по-

мощи Зеленой лаборатории, надо возвращаться в город за всеми? — с сожалением в голосе спросил Гномик.

— А зачем спешить? — сказал Топс. — Разве кто нас гонит? Мед хороший, а эти персики — объядение!

— Замолчи, Топс! — рассердился Ромка. — У тебя только еда в голове! А зачем нам возвращаться? Напишем рапорт о маршруте и пошлем. А когда нам дадут знать о походе, вышлем в колхоз проводника. А пока мы поможем Василию Александровичу и поработаем здесь до прихода дружины.

— «Поработаем, поработаем»! — передразнил его Топс. — У нас было задание — мы его почти выполнили и можем отдохнуть.

— А ты что, работы испугался? —насмешливо сказал Ромка. — Да разве подготовка деревьев к прививке — это работа? Это же одно удовольствие! Я это знаю, я ведь отцу помогал. У нас был большой сад в лесничестве. А прививка! Возьмешь бывало веточку с почками от культурной яблони, сделаешь надрезы в коре дичка, вставишь черенок, как надо, забинтовал, глядишь — и вместо дичков получается сорт, привитый от яблони... Или привьешь дикую грушу. У нее плоды терпкие, в рот не возьмешь, а после прививки на дереве уже растут груши настоящие, сладкие. Захочешь — на одной ветке будет сорт «рояль», а на другой — «бергамот»...

— Не ври, — сказал Топс, — противно!

— А что я вру? Спросим Василия Александровича. Мичурин и не то делал!

— А ведь Василий Александрович не нас ждал, — огорченно сказал Гномик.

— Он ждал юннатов из колхоза, чтобы они помогли ему в прививке. Мы тоже предложим ему помощь, а разве мы хуже их?— спросил Егор, раззадоренный спором.— Я, например, охотник и, если надо, инженер-строитель — могу спилить ветку, срубить дерево.

— Инженер? — насмешливо спросил Ромка. — А как насчет того, что полковник Сапегин никогда не врал?

— Я строил с саперами землянки и мосты, — сказал Егор, задетый за живое. — Ведь ты, Ромка, действительно понимаешь в садоводстве и лесоводстве?

— Конечно, понимаю! А кто определял самые сладкие яблоки? Я!

— Верно, — согласился Егор. — Это очень важно. Гномик хорошо знает жучков, змей и птиц, а Топс может определять почвы и породы камней!

— Топс — геолог и почвовед, — ответил за него Ромка. — Топс прошлое лето работал помощником лаборанта в почвенной экспедиции, и с ним от нашей школы еще двое ребят-пионеров работали.

— Так в чем же наш обман? — спросил Егор. — Мы тоже такие же юннаты, только не от колхоза «Свет зари», а из Джелал-Буйнака. Ведь Василий Александрович ждет помощи от пионеров. А мы — пионерская разведка и хотим помочь Зеленой лаборатории. Завтра же поговорим обо всем и начнем работать.

— Значит, ты остаешься с нами? — обрадовался Гномик.

— Остаюсь, — обещал Егор, мгновенно приняв решение выполнить свой долг до конца.

— А мне придется уйти, — сказал огорченно Асан.— Я ведь выполнил поручение — привел вас сюда. А мне так хочется поработать вместе с вами! — Голос Асана дрожал. — Я знаю, где растут самые сладкие яблоки, где растут лучшие орехи, где много кабанов, где есть старинная башня, старинные могилы... Нужен ли я вам?

— Ты наш друг, Асан, — просто сказал Егор. — Откуда у тебя эти сомнения? Ведь сам Гарун сказал, чтобы ты пошел вместе с нами в разведку...

— Асан — мой лучший друг, — крикнул Ромка, — и я никому не позволю его обижать!

— Вот видишь, Асан, все тебя любят. У нас одно правило: один за всех, все за одного. Ты будешь краевед. — И, обведя всех взглядом, Егор добавил: — А все вместе мы сила: стоит нам только захотеть, и мы многого сможем достигнуть. Ну, будем помогать Василию Александровичу с завтрашнего же дня? А теперь мы устроим военный совет. Вот мы пришли наконец в Зеленую лабораторию и разведали маршрут для большого похода. Правда, я не нашел Максима Ивановича, но это мое личное задание, это потом... Давайте писать подробный отчет. За это время, кроме разведки маршрута, разведгруппа выполнила важное дело. Мы задержали парашютиста; он наш, но мы его задержали как вражеского, и майор объявил нам от лица службы благодарность. Об этом ты тоже, Гномик, запиши... Завтра начисто перепишешь подробный отчет и перечертишь кроки маршрута.

— Мы, как альпинисты, прошли через Большой Капчугай, — напомнил Топс.

— И это тоже запишем, — согласился Егор.

Гномик напомнил о научном дневнике, о собранной им коллекции жуков. Они припомнили и силь в горах, и охоты, и яблоневые леса, и рыбную ловлю, и первые срубленные деревья, и постройку шалаша, и костры. Как радостно вспоминать преодоленные трудности! Даже не верилось, что они так много пережили, так много успели за такое небольшое время. Им даже казалось, что они выросли за это время, и хотелось свершить что-то очень большое и очень хорошее.

— Мы найдем твоего полковника, — сказал Ромка.

И все подтвердили:

— Найдем!

— А теперь, — важно сказал Егор, — уж если я остаюсь, давайте поговорим о том, что нам предстоит сделать дальше.

Но это был «большой» разговор, и он продолжался даже на стогу, где ночевали ребята, решив, что разведгруппе негоже спать в доме.

СЕКАЧ С «ЧЕРНОЙ ГОРЫ»

I

Утреннее солнце выглянуло из-за гор. Туманная мгла, заполнявшая долину Пчелиного города на Ореховом холме, стала редеть, рваться на клочки, таять и вскоре совсем исчезла. Вырисовались опушка леса, кустистые берега реки. Стал виден и стог сена во дворе Пчелиного города на Ореховом холме. На нем, разметавшись в разных позах, крепко спали ребята. Барс лежал внизу и стерег ружье, свалившееся ночью со стога. Время от времени пес поднимал голову, смотрел на верхушку стога и тянул носом воздух, чтобы удостовериться, там ли его хозяин.

Над лугом бесчисленными серебряными нитями блестели осенние паутинки, и между ними, точно золотые капли в лучах солнца, проносились пчелы и исчезали вдали, оставляя после себя звук оборвавшейся струны.

Обратно пчелы летели медленно, тяжело нагруженные, и за ними тянулись дрожащие звуки басовых струн.

Василий Александрович вошел в дом, неся на большом блюде ароматные куски только что срезанного, свежего сотового меда, и тотчас же почувствовал запах гари. Он поспешил на кухню. Над сковородками поднимался синий чад от подгоревших лепешек. Василий Александрович быстро перевернул их, добавил масла и выглянул в окно на луг, удивляясь, что нет Люды. Но на лугу Люды не было.

Василий Александрович открыл дверь в спальню и остановился на пороге: перед зеркалом стояла Люда и примеряла красные и голубые ленты. Она обернулась, взглянула на него и зарделась. Платье на ней было не обычное, а нарядное, белое в крапинку, которое она надевала редко.

— Люда, лепешки подгорели, — сказал Василий Александрович.

— Я сейчас, сейчас! А потом выгоню коров и овец! — поспешно сказала Люда.

— Как! Они еще в загоне?

Люда ничего не ответила, еще более покраснела и опрометью выбежала во двор. Василий Александрович окинул взглядом комнату, покачал головой и тихо засмеялся. Сундук и чемодан с одеждой были открыты, и все в них было разворочено. Он поспешил проверить, сделаны ли утренние метеорологические записи. В книге все было записано аккуратно. Люда не забыла о науке, и Василий Александрович был доволен.

II

Завтрак давно уже стоял на столе, и Люда нервничала. Она хотела хорошо угостить мальчиков, а они, как назло, не шли. А ведь пухлые лепешки, жаренные на коровьем масле, только и хороши с холодным молоком, когда горячи, и как их ни укутывай, они все равно остывают. А разве пережаренное мясо вкусно? Конечно, нет! Если оно долго жарится, даже на слабом огне, оно подсыхает и теряет вкус.

И если сотовый мед постоит на столе еще час, то все пчелы слетятся к столу с пасеки. И потом, просто бессовестно так опаздывать! Люда пошла к стогу, чтобы разбудить ребят. Барс сердито зарычал на нее. Она лас-

ково позвала его, но Барс так яростно двинулся ей навстречу, что девочка отступила. Она сходила за куском мяса и бросила Барсу. Пес даже не посмотрел на вкусно пахнувший кусок. Люда позвала отца на помощь.

Василий Александрович взял палку и уверенно пошел к стогу. Пес рычал, но это не остановило Василия Александровича. Барс метнулся к нему. Ученый вдруг почувствовал сильный удар, очки слетели у него с носа. Василий Александрович лежал на земле, а пес стоял ногами у него на спине.

Люда громко закричала и бросилась к отцу. Пес прыгнул на нее. Крик девочки разнесся по всей долине. И на этот крик примчались ребята с реки, куда они ушли еще час назад, и капли воды еще блестели у них на ресницах. Егор отозвал Барса.

Василий Александрович поднялся, посмеиваясь и не спеша отряхивая пыль с колен. Но Люда была возмущена. Ленты ее валялись на земле, нарядное платье было измято и испачкано.

— Папа, пусть Егор проучит Барса, пусть выдерет! — требовала она.

Но Василий Александрович восторгался силой, умом и преданностью собаки. Ведь пес караулил ружье. Он не укусил их, а только задержал.

— Зачем же бить Барса? — вступился и Ромка за общего друга. — Он замечательный пес, он недавно парашютиста поймал.

— Как? Где? Это очень интересно! — воскликнул ученый.

Роман, хотевший похвастаться, осекся: Егор толкнул его локтем, Топс наступил ему на ногу.

— Идите сейчас же завтракать, и так все остыло! — сказала недовольно Люда, небрежно завязывая волосы лентой, и, не глядя на мальчиков, пошла к столу, накрытому под навесом у орехового дерева.

Василий Александрович молча поманил ребят пальцем. Они подошли к нему.

— Люда так старалась все утро приготовить для вас завтрак получше, а вы пропали, и она беспокоится, что все перестоялось и будет невкусно...

— Все будет вкусно, — весело сказал Егор, — и даже очень!

Сели за стол, ели с аппетитом и все хвалили так дружно, что Люда перестала хмуриться, а когда после завтрака ребята встали и, по команде Егора, трижды прокричали хором «ура хозяйке», она развеселилась и обещала приготовить обед еще вкуснее.

Между тем Василий Александрович то и дело нетерпеливо поглядывал в сторону реки Чак. Вид у него был утомленный.

— Жду Искандера, — сказал он ребятам, — мы с ним в Зеленой лаборатории занимаемся очень интересной научной работой. Некоторые опыты почти завершены. Начинается, так сказать, пусковой период, а тут вдруг возник целый ряд неполадок. Из-за них я всю ночь не спал... работал.

— А вы сейчас поспите, — посоветовал Топс.

— А кто вам тогда расскажет и покажет, как облагораживают, окультуривают леса дикорастущих орехов, яблонь, груш? Как, например, привить на дуб орех, чтобы это дерево родило не желуди, а орехи?

— Орехи — на дубе?! — удивился Ромка.

— Вот так штука! — только и сказал Егор.

Топс, Гномик и Асан были поражены не меньше.

— Да, прививка ореха на дуб... Люда, — обратился ученый к дочери, — принеси нашим юным друзьям тарелку тех орехов, что лежат в кладовке слева... Попробуйте-ка, — сказал Василий Александрович, когда Люда поставила перед ребятами тарелку с орехами, — это орехи, рожденные бывшим дубом.

На тарелке лежали самые обыкновенные орехи. И если бы ребята не знали, что это «дубовые орехи», они бы не обратили на них особого внимания. Орехи как орехи. Но теперь они нерешительно взяли по ореху с таким видом и так на них смотрели, будто у них в руках были не орехи, а что-то таинственное, вызывающее трепет.

— Вот здорово! — воскликнул Ромка. — Ведь если все дубовые леса — да привить орехом!.. — И Ромка задохнулся от восторга и сделал широкий жест рукой.

— А кто из вас пятерых умеет прививать? — поинтересовался Василий Александрович.

— Я! — отозвался Ромка. — И черенком и почкой... Срежешь ветку...

— Нет, нет, не так, — возразил Василий Александрович. — Я сам должен буду вам это показать. Ведь окультуривая плодовые леса, мы чаще прививаем не молоденькие дички, а большие деревья. Обычно молодая яблоня, выращенная в питомнике, плодоносит на восьмой год, а наша плодоносит через три-четыре года и дает урожай в два-три раза больше яблони в саду. И таких деревьев у нас сотни. В лесах их тысячи и десятки тысяч. Поэтому мы не можем тратить время на то, чтобы прививать каждую отдельную ветку каждого дерева. Наш метод прививки простой, скорый и производительный... У каждого ученого есть мечта, — продолжал Василий Александрович. — Мичурин хотел превратить страну в огромный цветущий сад, у нас эта же мечта. Вот Искандер — поэт своего дела. Он создал чудесный целебный мед.

— А у вас, Василий Александрович, какая мечта? — смело спросил Ромка.

— У меня? — Василий Александрович заметно оживился, поправляя двумя пальцами очки. — А если я объясню научно, вы поймете меня? — спросил он, лукаво прищурив левый глаз.

— Поймем, — уверенно отозвался Ромка.

— Я мог бы ответить вам словами Мичурина: «Иных желаний, как продолжить вместе с тысячами энтузиастов дело обновления земли, к чему звал нас Великий Ленин, у меня нет», и это так, но ведь вы всё хотите знать подробно?

— Тики так, — сказал Егор.

И ребята, как эхо, повторили это слово. Им очень не терпелось поскорее узнать секреты Зеленой лаборатории.

— А вы поймете меня, если я скажу, что для управления растением самое главное — изучить процесс ассимиляции [1] и диссимиляции? [2] Особенно интересна роль калия, то-есть его ближайшего родственника — радиоактивного изотопа [3]. И запомните, это вам надо знать, чтобы понимать некоторые наши опыты в Зеленой лаборатории: радиоактивный калий ускоряет деятельность проводящих путей растения. Поняли?

— Нет, — сознался Егор, смущенный своим невежеством.

— А что такое энзимное почвоведение, ризофера, бактериориза, микориза например, служащая посредником между почвой и растениями, тоже не знаете?

— Нет, нет и нет! — запротестовал Ромка против такого перечисления непонятных ему и другим ребятам явлений и сил. Он чувствовал себя чуть ли не выставленным на посмешище.

---

[1] Ассимиляция — такая переработка попадающих извне в растительный организм веществ, в результате которой последние становятся составной частью организма.

[2] Диссимиляция — явление, характерное для всякого живого организма и выражающееся в беспрерывно идущем частичном его саморазрушении; при этом различные вещества претерпевают распад и создаются новые.

[3] Изотопы — атомы, имеющие различные атомные веса, но почти не отличающиеся друг от друга своими химическими и физическими свойствами.

— У меня не было намерения обидеть вас, — извинился Василий Александрович, — но мне хотелось напомнить вам, что еще академик Павлов учил: «Изучите азы науки, прежде чем взойти на ее вершины». Чтобы увидеть, надо знать, с какой стороны смотреть. Вы, например, задумывались над тем, что такое сельское хозяйство? Мы живем на дне воздушного океана, в поясе зеленых растений, и своей жизнью обязаны этим зеленым растениям. Так вот, если знать, откуда смотреть, то станет ясно, что зеленые растения — аккумуляторы солнечной энергии.

— Аккумуляторы? — переспросил Егор, удивленный такой точкой зрения на роль деревьев и трав.

— Да, да. Ведь только зеленые растения обладают способностью использовать лучистую энергию солнца для получения сахара, белка, жира, эфиров и волокна. И самое увлекательное, друзья мои, — это быть инженером вот этих «солнечных машин».

— И это ваша мечта?

— В детстве я мечтал стать творцом климата. Управлять погодой. Установить такой климат, чтобы под Москвой росли пальмы. Я понимал так: океан — как бы дойная корова. Оттуда я мечтал распределять дождевые облака куда надо. Исчезла бы засуха, зазеленели бы Кара-Кумы. Мы телеграфируем — и нам присылают тучу для орошения десяти тысяч га. Дали приказ вызвать сельскохозяйственный дождь — и выпадет миллиметров тридцать за десять часов. Дали приказ — и в день спортивного праздника стоит безоблачная погода. Поэтому расписание погод заранее устанавливается. Например: с ноль часов до трех часов ночи — дождь, утром — безоблачно и ясно, в полдень — тучки, чтобы не было жарко. И по всей стране устроены метеорологические регулировочные станции. Появилась, например, ненужная нам туча — сейчас же, по указанию Центрального бюро распределения туч,

ее направляют для орошения сухих степей. Идет градовая туча — приказ направить ее в море и там рассеять... Сказано — сделано. Уметь управлять погодой, чтобы не было засухи... Я родился в степной, засушливой полосе, и засуха, а главное, голод после нее мне памятны с детства. Современная агрономия имеет огромные достижения. Успешно приспособляются растения к данному климату, от растений получают всё большие и большие урожаи.

Агрономия организует на полях свой агрономический микроклимат. Поливка, парники, подогревание воздуха возле цитрусовых, обработка почвы, снегозадержание, а главное, насаждение лесных полос, создание прудов и водоемов, охрана лесов, чтобы их не вырубали, так как от этого мелеют реки, — все это различные способы создания микроклимата и влияния на макроклимат [1]. А сейчас я не вижу ничего более увлекательного, чем конструировать зеленые организмы, приспосабливая их к климату, так сказать, по своим чертежам, на благо народа, учитывая великое нераздельное единство природы.

— И это вы делаете здесь? — спросил Ромка.

— Это делается не только здесь, — сказал Василий Александрович, — а во многих научно-исследовательских учреждениях и на опытных полях десятков тысяч колхозных хат-лабораторий нашей страны. И если раньше, до революции, всей жизни ученого было мало, чтобы решить большую научную проблему, то теперь с помощью этих массовых коллективных опытов она решается в несколько лет. У нас в колхозе находится тоже одна из многих таких колхозных хат-лабораторий, а здесь, как я уже говорил, находится только отделение плодовой лаборатории нашего колхоза, ну и пчеловодческая, хотя объем

[1] Макроклимат. — Макро — в сложных словах означает «большой», «больших размеров».

опытной работы и вышел за рамки обычной опытной работы. Но это благодаря оставшемуся у нас наследству научно-исследовательского института.

— Так чем же мы можем помочь вам сейчас? — не вытерпел Ромка.

— И где? — добавил Гномик.

— Уж лучше расскажите, что у вас тут делается... — попросил Егор и поспешно добавил: — если не секрет.

— Ну что же, — сказал Василий Александрович, — мы из своей работы не делаем секрета, это всем известно, хотя мы и не популяризируем наших незаконченных работ, как лечебный мед, например. На опытных участках колхоза мы улучшаем сорта плодов и выводим новые сорта, а так как каждое поле имеет свои почвенные и даже климатические особенности и свой водный режим благодаря наклону, рельефу почвы, ее особенностям и так далее, то мы уточняем агротехнические приемы для всех колхозных земель. У нас на полях колхоза есть три опытных участка: садовый, виноградный и хлопковый.

— Это так, — подтвердил Асан.

— Кроме того, мы проводим на своих полях коллективные опыты республиканского и всесоюзного значения. А когда один опыт повторяют десятки тысяч колхозных опытных полей, то успех решения проблемы обеспечен. Таким способом была повышена урожайность проса с трех до тридцати центнеров с гектара, внедрена летняя посадка картофеля, гнездовой посев кок-сагыза и, по указанию Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, сделано многое другое. В-третьих, наша лаборатория здесь находилась в совершенно исключительном положении. Сюда, в частности, во время войны были эвакуированы ценнейшие сорта, и здесь с ними во время войны проводилась большая научно-исследовательская работа. Повторяю, работа велась и в других местах. Тогда же здесь были построены дома, плотина,

поставлен ветряк, двигатель, установлены динамомашина, аккумулятор, холодильники и многое другое.

Здесь был опорный пункт научно-исследовательского института. Сейчас опорный пункт ликвидирован, эвакуированные семена и прочее возвратились на старые места, а с ними вместе уехали и научные работники. Остался только Константин Николаевич Сапегин, да и тот повез предпоследнюю партию и через месяц уедет совсем. Мы, таким образом, оказались наследниками части богатого имущества и ценного научного оборудования, и наша небольшая плодово-пчелиная лаборатория, помогая в научной работе базе академии, включилась в более ответственную работу, которую в обычных условиях мы бы, конечно, не вели. Но мы не жалеем об этом. Кое-что из научных опытов мы попросили оставить нам для продолжения.

К сожалению, во время урагана прорвало плотину, не работает автоматическая гидроэлектростанция. Механик опорного пункта еще раньше уехал. У ветряка погнулись крылья. Вот я и жду с нетерпением Искандера.

— А чем мы пятеро можем помочь вам? — спросил Егор.

— О, вы во многом можете нам помочь! — ответил Василий Александрович; потом, помолчав, сказал: — А для начала подумайте и ответьте вот на какой вопрос: можно ли добывать необходимые нам питательные вещества, вырабатываемые растениями, до того, как они отложатся в корнях и клубнях, и что это дает? Вы, наверное, знаете, что жизнь нового растения начинается за счет тех запасов пищи, которые оно откладывает в своих корнеплодах, клубнеплодах, плодах и зернах. Это питание необходимо до тех пор, пока молодому растению не придут на помощь листья и корни. Растение расходует почти все свои силы на размножение, то-есть на воспроизводящую функцию, чтобы создать определенный запас

питательных веществ для своего потомства. Создав плоды, растение считает свою работу законченной и перестает производить сахар, крахмал, жиры и прочее. — Василий Александрович поправил очки и спросил: — Сколько, например, яиц несет дикая птица?

— Смотря какая, — ответил Гномик. — Штук десять, а иногда пятнадцать...

— А может она нести штук триста, как домашняя курица?

— Дикая птица небольшая и, чтобы вывести птенцов, несет столько, чтобы накрыть собой все яйца, — сказал Гномик.

— Значит, — сказал Василий Александрович, — воспроизводящая функция птицы тормозит яйценоскость после десяти яиц. А бывает и так, что дикая птица несет яиц больше, например в случае, если яйца замерзли или их съела лисица?

— Может! — крикнул Асан так громко, что все обернулись в его сторону. — Мы находили весной гнездо перепелки в клевере. Перепелка улетала, мы брали все яйца, кроме одного, и привязывали его ниткой. А под гнездом рыли вторую ямку, потом в гнезде делали дырочку, чтобы яйцо могло упасть вниз, во вторую ямку, выложенную травой. Перепелка прилетит — посмотрит в гнездо, увидит там только одно яйцо и снова несется. Так мы по сорок яиц собирали из гнезда одной перепелки.

— Замечательный пример! Хотя я против того, чтобы разорять гнезда. А можно ли сделать то же самое с пчелами и растением? — спросил Василий Александрович. — Вы подумайте сами, а ты, Люда, им не мешай. Если решите эту задачу, то перешагнете первую ступеньку к работе в нашей лаборатории. Ну, желаю вам удачи.

Василий Александрович лукаво улыбнулся и ушел.

III

— О чем это говорил Василий Александрович? — спросил Ромка у Люды, как только за Василием Александровичем захлопнулась дверь.

— Папа хочет, чтобы вы поняли сущность одной из его работ, а тот, кто хочет помогать ему, должен прежде всего уметь самостоятельно думать. Он хочет научить вас думать... Он рассказал мне, что, помогая исследовать процессы ассимиляции и диссимиляции в листе растения, ему пришла на ум одна мысль, о которой вы тоже должны догадаться...

— «Ассимиляции», «диссимиляции»... Какая ученая! — передразнил ее Ромка. — А ты нам не поможешь решить эту задачу?

— Нет, — решительно отказалась девочка.

— Ну что же, — сказал Ромка, притворяясь равнодушным, — я не умею думать...

— Неужели мы такие неспособные, что не разгадаем? — запротестовал Егор. — Ведь ты, Ромка, начальник лесопартии, а загадка касается именно деревьев, ты должен знать.

— Что я должен знать? — возмутился Ромка. — Яблоня не перепелка: если сорвешь яблоко, второе не вырастет на том же самом месте.

— Картошка тоже, — подтвердил Топс.

— А конец ветки вырастет, — возразил Гномик.

— А нам нужен сладкий сок фруктов, а не твоя ветка, — сказал Ромка.

— Ребята, а кто из вас пил весной сладкий сок деревьев? — поинтересовался Егор и, не дождавшись ответа, с воодушевлением продолжал: — Бывало весной после артобстрела осколки поранят стволы кленов, берез, и оттуда сочится такой сладкий сок, лучше фруктового!

Подставишь котелок — через полчаса он полный. Пей, сколько душа хочет!

— Молодец! — И Люда захлопала в ладоши.

— Почему молодец? — опешил Ромка.

— А потому, что он понял, в чем дело! — И девочка, чтобы не проговориться, помахав на прощанье рукой, убежала в дом.

— Значит, Василий Александрович говорил о получении древесного сока? — спросил Егор.

— Очень может быть, — подтвердил Ромка, — даже наверное так. Ты помнишь, он говорил о радиоактивном изотопе калия, что он ускоряет работу проводящих путей растения. Про-во-дящих! А что они проводят? Соки!.. Вот где решение загадки.

— Ну, а с пчелами как? — спросил Егор.

Ромка задумался.

— Очень просто, — раздался голос Гномика. — О магазинах слыхали?

И Егор и Ромка отрицательно замотали головами. Гномик рассказал, как пчелам, привыкшим заполнять все рамки в своем улье сотами и медом, ставят сверху улья дополнительный небольшой пустой улей — магазин с рамками и вощиной. При хорошем взятке пчелы наполняют медом даже по два и по три таких магазина.

В русских вертикальных ульях по сорок восемь рамок, каждая рамка дает четыре кило меда, а если еще добавить магазины?!

— А я и не думал, что это так просто! — разочарованно заметил Егор. — Ну, что же мы будем сегодня делать?

— Отдыхать, — поспешно подсказал Топс.

— Лучше выкупаться и наловить рыбы, — возразил Ромка.

— Пойдем за орехами в лес, — и Асан показал на гору, возле которой была Зеленая лаборатория.

— И одновременно проведем разведку района, — предложил Егор. — Ты, Асан, иди на гору, посмотри, поспели ли орехи, и набросай план местности. Ромка пойдет вверх по реке и тоже нарисует план местности. Только свою одностволку, Ромка, ты отдай Гномику.

— Это почему же? — запротестовал Ромка. — Ведь Гномик даже стрелять не умеет!

Егор, глядя в упор на Гномика, сказал, отчеканивая каждое слово:

— А кто же вчера заявил Василию Александровичу, что он охотник? Пусть Гномик оправдает свое заявление.

Все с любопытством смотрели на Гномика, который покраснел и потупил глаза.

— Хорошо, даю ружье, — не без злорадства согласился Ромка, поняв, что Егор взялся за Гномика не на шутку.

Гномик сразу сообразил, почему «поперечный» Ромка так охотно уступает ему ружье, и, чтобы не давать повода к насмешкам, деловито заявил:

— Да у нас ведь мало патронов. Было три, один выстрелили в Паньку, осталось два.

— Чего не сделаешь, чтобы услужить великому охотнику! — отозвался Ромка и побежал в дом.

Оттуда он принес патронташ с двадцатью четырьмя готовыми патронами и двустволку.

— Василий Александрович дал, — сказал Ромка. — А я пойду с двустволкой.

— Нет, я пойду с двустволкой или совсем не пойду, — запротестовал Гномик, ища предлога, чтобы не итти на охоту.

Но и здесь Гномику не повезло. Ромка, давясь от смеха, с величайшей готовностью подал ему двустволку. У маленького Гномика оказалось большое самолюбие. Ружье он взял, но держал его так, как гадюку: на вытянутой руке. Егор опоясал Гномика патронташем.

— Трус не может быть охотником, — не унимался Ромка, чтобы раззадорить Гномика. — Хочешь пари, Егор, что у него ничего не выйдет?

— Давай пари, — согласился Егор.

— А на что?

— На исполнение желания.

Они скрепили пари рукопожатием. Топс разбил. Барса привязали возле дома и двинулись в путь.

IV

На опушке, возле кустов, Егор спросил:

— Гномик, ты хоть раз в жизни стрелял?

— Из духового ружья, по мухам, — нехотя признался Гномик.

— Стреляй сюда, — и Егор показал на середину ствола дерева, шагах в тридцати.

Гномик с мольбой посмотрел на Егора, но тот вскипел:

— Ты, Гномик, вчера промолчал, когда Василий Александрович восхищался, что ты такой маленький, а уже охотник?

— Промолчал...

— Значит, ты назвался охотником. А раз назвался — делай. А если ты трус, то трус не может быть ни моим другом, ни пионером в нашей разведке. Если ты считаешь себя моим воспитанником, учись стрелять, а если нет, отдай ружье и отправляйся в город, домой! Такие нам не нужны.

— Ну хорошо, — сдался наконец Гномик, — я выстрелю.

«У парня есть самолюбие», подумал Егор и снова показал ему, как заряжать ружье. Гномик приложил ружье к плечу и закрыл глаза.

— Подожди! — крикнул ему Егор. — Зачем глаза зажмуриваешь?

Грянул выстрел. Егор подбежал к дереву и сердито крикнул бледному от волнения Гномику:

— Не попал! Стреляй, пока не попадешь! Не дергай за спусковой крючок!

Только седьмой выстрел попал в цель. Гномик сразу повеселел. Восьмой и девятый тоже попали. Егор был в восторге и предложил начать охоту.

— Я пойду выше, лесом, но если я увижу, что ты боишься стрелять, запомни: это наша последняя прогулка. Ты должен доказать, что ты не трус, — сказал Егор и вошел в лес.

Гномик остался один на опушке леса. Да, он боялся выстрела со времени бомбежки эшелона. Но если вопрос идет о чести, он, конечно, преодолеет свой страх. Из лесу донесся свист Егора. Гномик ответил ему и пошел вдоль опушки между кустами. Гномик ради практики прицелился в сидевшую сойку и целился минуты три, пока руки не устали держать ружье. Потом он прицеливался в камни, в летящего ястреба. А когда снова прицелился в камень, лежавший в траве, то увидел рядом с ним что-то серое. Гномик поднял голову от приклада и посмотрел. Это была самая настоящая большая серая куропатка. При одной мысли, что надо стрелять, Гномика обдало жаром. Он посмотрел в лес, не видит ли его Егор. Но Егора нигде не было заметно. Гномик облегченно вздохнул и стал наблюдать за куропаткой. И чем больше он смотрел на птицу, гревшуюся на солнцепеке, тем больше им овладевало желание получить куропатку. Но это желание боролось со страхом. Гномик даже прицелился в птицу, но выстрелить не решился. «А вот возьму и выстрелю, — мысленно твердил он, держа палец на спуске. — Если стрелять, то надо сейчас же, — убеждал он себя. — Чего я жду?»

В лесу треснула ветка. Сердце у Гномика забилось. Он хотел уже дернуть за спуск, но куропатка вскочила и убежала за дерево. Гномик инстинктивно побежал за ней, но во-время остановился, чтобы не спугнуть птицу.

«Где же она? Неужели прозевал!» волновался Гномик и, досадуя на себя, топнул ногой.

Из-за куста с громким треском вырвалась куропатка и улетела.

«Эх, я дурак, дурак!» мысленно ругал себя раздосадованный мальчик, шагая дальше. Теперь он во что бы то ни стало хотел найти дичь. Наконец он увидел целую стаю куропаток. Они суетились на полянке, шагая то вправо, то влево.

Гномик затаил дыхание, прижал изо всех сил приклад и прицелился в спокойно стоявшую птицу. «Пора или не пора стрелять?» соображал мальчик. Птица пошла влево. «Не попаду», подумал Гномик в страхе. Он прицелился во вторую, поближе, но эта не стояла на месте. Он прицелился в третью, и вдруг неожиданно для него ружье выстрелило. Гномик перепугался и чуть не выронил двустволку. Куропатки улетели, а по полянке, волоча перебитое крыло и слегка наклонив голову, убегала раненая куропатка.

Кровь ударила Гномику в сердце. Не помня себя от радости, он закричал на весь лес: «Есть, есть!» и бросился ловить куропатку. Ветки били его по лицу. Он спотыкался, падал, но ничего не замечал, ничто не могло остановить его. Охотничий азарт обуял мальчика. Наконец Гномик схватил свой трофей.

— Ура! Ура! — закричал он, потрясая добычей.

— Ура! — закричал Егор, сбегая вниз, и крепко обнял Гномика.

Тот, горячась, торопился рассказать ему, как он увидел птиц, как он стрелял, а Егор смотрел на него и радовался.

Наконец Егор взял из рук Гномика куропатку и, добив ее, подвесил к поясу мальчика, как носят дичь настоящие охотники. Гномику показалось, что мир словно переменился, и даже солнце засветило ярче, и птицы запели громче, а деревья приветливо махали ему ветками.

Егор, подражая полковнику Сапегину, так хвалил Гномика за удачный выстрел, что мальчик и в самом деле поверил в свой охотничий талант. Этого-то и добивался Егор. Члены его отряда должны быть храбрыми. Егор напомнил Гномику, как надо стрелять в лёт. Гномик даже дрожал от нетерпения. Он то и дело порывался итти дальше.

Мальчики пошли по склону горы. Егор был доволен. Он представил, как они будут рассказывать о своих приключениях Максиму Ивановичу, как тот будет слушать, слегка прищурив свои веселые, насмешливые глаза.

Егор так ушел в свои мысли, что не заметил, как Гномик отошел от него. Наконец он увидел его далеко впереди. Мальчик крался. Он, видимо, подкрадывался к куропаткам. Егор крикнул ему, что идет к реке и чтобы Гномик не уходил далеко и возвратился обязательно к обеду.

V

Егор стоял печальный и растерянный. Это состояние было совершенно несвойственно его порывистой и деятельной натуре. Тем более что еще только несколько минут назад он был в самом радужном состоянии духа по случаю первых успехов Гномика на охоте. Причиной угнетенного настроения было большое ореховое дерево, первое из семи встретившихся на пути к дому.

Егор вспомнил слова Василия Александровича: «Чтобы видеть, надо знать, откуда смотреть». Во время войны он, Егор, смотрел глазами полковника Сапегина и видел

не города, а опорные пункты противника; в реках научился видеть не красоту рек, а водные рубежи, которые надо было форсировать; в деревьях Егор учился видеть строительный материал для мостов, землянок, дзотов. Егор гордился тем, что научился неплохо понимать все это. И теперь вот перед ним стоит не дерево, а «солнечная машина». Конечно, Егор знал еще в школе о том, что листья дерева поглощают углекислоту и выделяют кислород. Но в чем же секрет зеленых листьев?

Ужасно вдруг почувствовать себя несмышленышем. Это как раз и случилось с Егором. Его самоуверенность исчезла. Перед огромным деревом стоял растерявшийся мальчик.

— Что с тобой? — вдруг услышал Егор голос Ромки. — Солнце печет, птицы поют, а ты уставился на ореховое дерево! Что, хочешь орехов попробовать?— И Ромка вышел из-под навеса.

— Ничего ты не понимаешь, Роман! Я считал себя большим, а сейчас вдруг почувствовал, что я маленький. Василий Александрович нам рассказывает, а я многого совсем не понимаю.

— Да, плохо, — согласился Ромка. — Ты ден-дро-логию читал? А я читал. Ведь не читал?

— Нет, не читал... — сознался Егор. — Василий Александрович, — вдруг вырвалось у него, — необыкновенный человек!

— Ух и знающий! — согласился Ромка. — Будто насквозь тебя видит. Вот я взял у Люды научную книжку: читаю, читаю, а ничего такого, о чем говорил Василий Александрович, в ней нет.

— Да, — задумчиво промолвил Егор, — учиться надо...— И, оживившись, сказал:— Гномик куропатку убил!

— Врешь! — воскликнул Ромка.

— Честное пионерское! Он так разошелся, что и домой не захотел возвращаться.

Гномик не вернулся к обеду. Василий Александрович рассказал ребятам, как он в молодости переписывался с Иваном Владимировичем Мичуриным и с его помощью завел небольшой садик. Но тогда Василий Александрович увлекался пчелами и цветами, выводил цветы самых удивительных форм и красок, и в этом ему также помогал Иван Владимирович своими советами.

Василий Александрович рассказывал о своей прошлой работе в Сельскохозяйственном институте, как он вышел на пенсию, а так как для ученого самое желанное — его работа, а здоровье Василия Александровича стало очень плохим, то друзья посоветовали ему поехать на юг, в «ореховый климат». Вместе с Искандером они начали работать над созданием целебного меда, и это им удалось. У них много интересной работы...

— Вы ведь знаете, кто такой Мичурин? — спросил Василий Александрович ребят.

— Садовод, — ответил Егор.

— А чем же он знаменит?

Взгляд Егора скользнул по облачкам над горами и уперся в пасеку. Топс и Асан тоже стали так внимательно рассматривать пасеку, будто они увидели там что-то особенное.

— Я читал, — сказал Ромка, — Мичурин скрестил вишню «рогнеда» с дикой черной черешней и получил новую вишню — «бастард черешни». Потом сливу «ренклод зеленый» скрестил с диким тёрном и получил «ренклод терновый». Привил яблоко на грушу и получил грушеяблоко «ранет бергамотный». А белую актинидию из лесов Уссурийского края сделал северным виноградом.

— Ученость показывает, — тихо шепнул Топс Егору.

Василий Александрович похвалил Ромку и сказал, что основная заслуга Мичурина заключается в том, что он доказал возможность заставить каждую форму живот-

ного или растения более быстро измениться, и притом в сторону, желательную человеку. Поэтому знание природных требований и отношения организма к условиям внешней среды дает возможность управлять жизнью и развитием этого организма. Василий Александрович и Ромка оживленно заговорили о «посредниках», «менторах», «воспитании растений», о растениях с «расшатанной природой». Потом профессор заговорил о яровизации растений по методу академика Лысенко, о том, что нет ненаследственных изменений.

Егор слушал, и ему казалось, что это говорит не известный ему «поперечный» Ромка, а кто-то другой, к тому же на каком-то незнакомом языке, а они, Топс, Асан и Егор, сидят за столом, как чужие, и почти ничего не понимают.

До сих пор в жизни Егора все было ясно и определенно. Если что-нибудь ему не удавалось, то он знал, как добиться, чтобы удалось. И вот оказывается, что в науке он невежда. Это возмущало его самолюбие и разжигало природную пытливость. Егор попробовал принять участие в разговоре и стал громко восхищаться гигантскими орехами.

— Если бы от меня это зависело, я посадил бы их по всему Советскому Союзу, — заявил он.

— Это было бы крупной ошибкой, — возразил Василий Александрович.

— Почему? — удивился Топс. — Я читал Уэллса «Пища богов», там все гигантское.

Ромка громко рассмеялся, высмеивая предложение Егора, хоть и сам не понял, почему бы не рассадить эти деревья везде. Но Василий Александрович не смеялся.

— Самое простое, — сказал он, — представить себе сельское хозяйство будущего только как гигантское увеличение теперешних растений и животных. Была, например, обыкновенная корова, а сделают ее в десять раз

больше. Конечно, увеличения объема надо добиваться, но, кроме количественных изменений, существуют еще и качественные.

— А если нужно добиваться и увеличения объема, тогда почему вы считаете ошибкой выращивать гигантские орехи? — не сдавался Егор.

— Я тоже ничего не понимаю, — шопотом сознался Асан.

— Я объясню, — сказал Василий Александрович. — Неправильно создавать огромные ореховые деревья с крепко держащимися орехами (а пока они именно такие): на десятиэтажной высоте будет трудно собирать эти орехи. Ведь, собирая спелые орехи осенью, приходится каждый орех сбивать с дерева. А сколько на это нужно времени и труда? Производительность труда повышает механизация, а механизация сбора орехов на таких деревьях дело очень трудное. Значит, надо вывести такие породы, чтобы спелые орехи или сами осыпались в срок, или же очень легко отрывались в это время от любого толчка.

— Поэтому Люда и не дала нам расколоть сам собой упавший орех, — догадался Топс.

— Да, именно поэтому. Орехи, осыпающиеся с двадцатого августа по десятое сентября, мы считаем очень ценными семенами. Есть другой путь. Можно, например, создать карликовые ореховые деревья и заставить их давать очень крупные орехи, чего мы почти достигли.

— Я слыхал, что такие орехи уже есть у нас в Зеленой лаборатории, — вмешался в разговор Асан.

— Искандер за свои достижения в области мичуринского садоводства получил большую золотую медаль на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Но есть у нас незаконченные работы. Например, карликовые орехи и другие опыты, требующие проверки. Однажды мы

показали незаконченный опыт любопытствовавшему агроному, и он везде рассказал о нем, как о нашей неудаче. Поэтому мы не показываем наши незаконченные опытные работы всем и каждому и еще не пустили их в массовую опытную проверку по колхозам, ибо истинный их успех еще не определен. Повторяю: чтобы видеть и понимать, надо знать, с какой стороны смотреть, хотя бы и на опыты. Помните старую индийскую сказку о том, что такое истина? Четырех слепых мудрецов привели к слону. Мудрец, который схватился за хвост слона, сказал, что «слон — как веревка», державший за ногу сказал, что «слон — столб»...

— Знаю, — сказал Ромка, — а тот, что ухватился за ухо, сказал, что «слон — это большой лопух»!

Все засмеялись.

— Вот то же иногда получается с незаконченным опытом, — сказал Василий Александрович.

Егор сидел подавленный и смущенный. Надо же было ему хвалить эти гигантские орехи! Он был уверен, что это ореховое дерево — верх совершенства, а оказывается, у такого дерева много недостатков. А зачем его тогда выводили?

— А Ромка, Ромка-то, — прошептал Топс, все время ерзавший на скамье, — ученость показывает, прямо в академики лезет!

Егор, которого на фронте все баловали, хвалили и за его смышленость, и за твердый характер, и за бесстрашие, и за правдивость, сейчас страдал. Он ничего не ответил Топсу, и тот, привыкший видеть Егора уверенным в себе, с удивлением посмотрел на него. Куда же девался прежний Егор?

— А Гномика до сих пор нет, — сказал Василий Александрович, и это отвлекло Егора.

— Может быть, он встретил там Степку и тот захватил Гномика в плен? — шепнул Топс.

VI

А в это время Гномик с двустволкой в руках и патронташем, обвитым вокруг пояса, быстро шел по лесу. Сознание, что он, один в этой лесной горной глуши, идет охотиться, и веселило и тревожило мальчика.

А что, если он встретит дикобраза? Вокруг Гномика высились большие ореховые деревья, под ними росли алыча и кусты с ягодами. Но Гномик так все время спешил найти дичь, что у него не было времени останавливаться ни возле зарослей малины, ни у зарослей ежевики, чтобы полакомиться сочными ягодами.

Он шел, не думая ни о еде, ни об отдыхе. Несколько раз он менял патроны: то вставлял патроны с мелкой дробью на куропаток, то, мечтая убить дикобраза, он заряжал ружье картечью и даже вставлял патроны с жаканом против барса. Но, как назло, дичь ему не попадалась. Когда, по расчетам Гномика, судя по тени, было часа два дня, он решил сесть и отдохнуть, но не смог усидеть на месте и пяти минут.

Теперь он поднимался в гору вдоль правого склона неглубокого ущелья, густо заросшего грушей, кустарником и арчой. Кое-где встречались места свежевырытой земли, иногда за кустами слышался топот ног. Гномика слегка лихорадило от напряженного ожидания. Он смотрел направо, налево и вдруг увидел впереди, шагах в десяти от себя, огромную черную голову какого-то чудовища, торчавшую из куста. Первое желание мальчика было бежать. Потом руки как бы сами собой вскинули ружье — и грянул выстрел. Гномик ощутил удар всем телом и не сразу понял, что лежит на земле... Как он упал, он не помнил... Мальчик вскочил. Он оказался на крутом склоне ущелья, под арчой. Было тихо. Только звенело в ушах да стук сердца отдавался в горле.

Что же, собственно, случилось? Он хорошо помнил,

что шел лесом по краю этого самого ущелья, оно было справа. Он прицеливался для практики и вдруг увидел в кустах это... Это, наверное, был медведь. Может быть, он уже лежит убитый? Мальчик огляделся, сдерживая дыхание, казавшееся ему слишком шумным. Но почему же тогда он очутился среди можжевеловых деревьев и арчи, метров на двадцать ниже того места, где он шел? Может быть, зверь сбил его с ног? Но где же тогда зверь? Гномик пристально вгляделся и вдруг опять увидел того же зверя.

Выше, на самом краю обрыва, под кустом, стоял большой, почти как телка, черный дикий кабан. Мальчик, задыхаясь от ужаса, поднял ружье и замер. Кабан не шевелился. Гномик прицелился, нажал спуск. Ружье не выстрелило. Ах, он забыл взвести курок... Осечка? Да нет — он впопыхах забыл перезарядить правый ствол, из которого уже стрелял. Задыхаясь от волнения, Гномик вытащил из ружья выстрелянный патрон. Где-то очень близко покатились камни — это зверь, привлеченный звуком перезаряжаемого ружья, бросился на мальчика. Гномик инстинктивно метнулся в сторону. Арча, стоявшая рядом, рухнула на него, срубленная ударом клыка.

Гномик знал из рассказов, да и по опыту охоты в яблоневом лесу, что дикие свиньи в страхе убегают от охотника, и был удивлен, что эта сама бросается на него. Но Гномик не знал, с кем он встретился, а встретился он со старым кабаном-секачом, охота на которого и трудна и не менее опасна, чем на тигра: грудь секача защищена толстой, мозолистой кожей, которую пробивает не всякая пуля.

Не сознавая опасности, Гномик даже обрадовался, что перед ним хотя и огромная, но просто дикая свинья, а не страшный медведь. Вот ребята обрадуются, если он убьет эту дикую свинью! Ведь это сделает он, Гномик, собственными руками... И как будет посрамлен Ромка!

Легко раненный и разъяренный секач только ждал случая разделаться с напавшим на него врагом. Гномик считал кабана дичью, а себя охотником, а кабан, повидимому, считал себя охотником. Спор должен был решить поединок.

Зверь где-то затаился. Теперь Гномик, наученный опытом, стоял не шевелясь. Потом бесшумно зарядил ружье и осторожно сделал шаг, второй... Под ногой треснул сучок. Сердце затрепетало... Нет, ничего. Тишина. Гномик подождал, сделал еще несколько шагов и... чихнул. Тотчас же из-за ближайшего куста, хрюкнув, выскочил кабан. Мальчик, не ожидавший увидеть его так близко, выпустил ружье из рук и ухватился руками за сук над головой. Он мгновенно подтянулся так, что коленями достал до подбородка. Дерево сильно тряхнуло. Гномик едва не сорвался.

Зверь промчался и с шумом исчез в кустах. Опять стало тихо. Ружье лежало на земле. Гномик разжал руки, прыгнул вниз, схватил ружье и, увидев, что кусты опять зашевелились, вскарабкался на дерево. Второпях он не разглядел, но потом заметил, что ствол дерева у основания был на треть срезан ударом клыка.

«Еще два удара, — подумал Гномик, сидя на ветке, — и дерево рухнет наземь вместе со мной. Может быть, кабан устроил засаду в кустах?»

У Гномика оставалось только два жакана, в остальных патронах была мелкая дробь для птиц. Ждать или не ждать, когда кабан сам уйдет? Мальчик долго вглядывался в заросли и вдруг заметил возле большого камня белые клыки и огромную морду зверя. Чувствуя себя временно в безопасности, Гномик осмелел и прицелился как мог тщательнее. Ружье дрожало в руках — стрелять было неудобно... Он вспомнил совет Егора: глубоко вздохнул, затаил дыхание и выстрелил прямо в голову. Кабан выскочил с ревом, закружился, у него подкоси-

лись передние ноги, и он упал, сначала на грудь, потом завалился назад и на бок. Огромная содрогающаяся туша лежала под деревом.

— Убил! Убил! — закричал вне себя Гномик, потрясенный удачей, хотя никто не мог его слышать, и соскочил с дерева.

Длинные и острые клыки зверя были похожи на изогнутые кинжалы. Гномик протянул руку и взялся за клык, чтобы попробовать, крепко ли он сидит. Зверь вскочил на ноги. Гномик в ужасе хотел отскочить назад, но споткнулся о камень и упал на спину. Страшная окровавленная морда надвигалась на мальчика. Что Гномик подумал в ту минуту? Этого он никогда не мог вспомнить.

Сильный удар по ногам заставил его вскрикнуть и рвануться. Зверь опять упал на землю, придавив ему ноги своим плечом. Клыки яростно рыли землю и рвали толстые корни дерева. Кровь, смешиваясь с пеной, текла из пасти зверя.

Гномик решил, что его ноги сломаны, и лежал, боясь шевельнуться. Зверь задрожал в судорогах и затих. Гномик полежал еще, потом пошевелил пальцами правой ноги и с удивлением ощутил, что они двигаются. Он с трудом вытащил из-под зверя правую ногу, потом левую и только тогда почувствовал сильную боль в руке ниже локтя. Рукав был порван и в крови. Из рваной раны в руке сочилась кровь. При виде крови у мальчика потемнело в глазах, но он пересилил страх, вынул платок и крепко стянул рану платком.

Гномик вскочил, поднял вверх ружье, выстрелил и закричал изо всех сил:

— Ого-го!

И десятикратное эхо в каменном ущелье ответило: «Ого-го!»

Гномик прыгал вокруг поверженного врага и, не зная,

как еще выразить восторг, переполнивший его, сел на кабана и засмеялся. Он сидел и громко хохотал, а сороки, прилетевшие на кровь, уже прыгали, кричали, и Гномику казалось, что они поздравляют его с победой.

Нечего было и думать тащить такую тушу весом с молодую корову. Гномик долго трудился, пока отрезал два больших окорока, связал их веревкой, перекинул через плечо и, шатаясь под их тяжестью, двинулся вниз... Жажда томила его, свежее мясо кровянило одежду, но что значат все эти мелочи для героя, одержавшего победу! Он, Гномик, которого ребята в школе еще недавно дразнили плаксой и неженкой, несет домой кабана, добытого им самим на охоте! Кому из мальчиков приходилось убивать секачей один на один? Ни Егору, ни Борису, ни Ромке, а про Асана и Топса и говорить нечего. Теперь он будет их кормить мясом своего убоя!

В лесу было попрежнему тихо. Вдруг ветка соседнего куста зашевелилась, и оттуда выскочил зверь. Гномик ахнул и, не в силах убежать, сел, задыхаясь от ужаса, но это был... только заяц, удиравший от него во всю прыть.

Об этом случае Гномик никому не рассказал.

VII

Егор тревожился. Зачем он позволил Гномику уйти одному, да еще в неизвестные горы! Мало ли что на охоте может случиться. Может быть, его и в самом деле захватил в плен Степка?

— Надо итти искать Гномика, — предложил Егор, когда солнце коснулось вершины горы.

— Идите, конечно идите! — заторопил их Василий Александрович. — Да поскорее возвращайтесь домой — я прошу вас помочь мне в Зеленой лаборатории.

— Я остаюсь помогать науке, — неожиданно заявил Ромка, стараясь не замечать осуждающих взглядов своих друзей.

— Нет, нет, идите все вместе и Барса возьмите. Без Гномика не возвращайтесь, — решительно потребовал Василий Александрович.

Егор и Ромка взяли ружья, Асан захватил свою «стреляющую плеть», и вскоре четыре мальчика и собака исчезли за ореховыми зарослями.

— Ты что же это? — с нескрываемым негодованием спросил Егор. Он хотел сказать: «Пусть товарищ пропадет, а ты спокойно будешь сидеть дома?»

— Образованность показываешь! — насмешливо сказал Топс, поняв замечание Егора по-своему.

— Ну и что? Ты тоже мог образованность показать, я тебя за язык не держал! — рассердился Ромка и пошел быстрее.

— Ты хочешь показать себя умным, а нас дурачками, — продолжал Топс: — вы, мол, можете отправляться на поиски Гномика, так как в науке все равно не понимаете, а я, понимающий, останусь работать в лаборатории. Ты готов предать друзей в любой момент, как Степка Пханов!

Между тем это было не так. Ромка действительно хотел помочь Василию Александровичу. Но, обиженный словами Топса, он не захотел ничего объяснять, он просто закрыл Топсу рот рукой.

Взбешенный Топс хотел броситься в драку, но Егор остановил его.

— Пошли! — приказал Егор и прибавил шагу.

Мальчики шли рядом.

— Вот что, — сказал Егор, — я так понимаю, почему Роман хотел остаться: Василий Александрович едва стоит на ногах от усталости, а Ромка лучше нас смог бы ему помочь.

— Раз все мы... — начал Топс.

Но Егор резко его оборвал:

— Вот почему ты неправ, Топс, ругая Ромку за измену.

Топс даже рот раскрыл от удивления.

— Да, да, — продолжал Егор. — Я тоже сначала так подумал. Вот, думаю, друга в беде бросает, не хочет помочь, да еще нас в какое глупое положение ставит...

В это время впереди залаял Барс. Из-за кустов показался Гномик. Но в каком виде! Усталый, грязный, запыленный, но торжествующий! В правой руке он сжимал ружье, а на ремне через плечо висели два огромных окорока!

КОНТРУДАР

I

Ночь ребята опять проспали на стоге сена. Перед завтраком Люда сообщила им, что Василий Александрович еще спит — он опять всю ночь крутил ручку.

Мальчики заволновались: какую ручку крутил Василий Александрович? Зачем?

— Ручку от ручной динамки, — объяснила Люда, — чтобы не прерывать опыта по дополнительному освещению растений.

— Я тоже могу крутить ручку, — предложил Топс, — зачем же он работал один? — И, засучив рукава майки, он сжал руку, чтобы все могли видеть его мускулы, вздувшиеся бугром.

— Только тебя там и нехватало! — заметил Ромка.

— А ну сожми руку, а ну сожми, кто сильнее!

Ромка и Топс заспорили.

Егор еще с вечера наметил свой план.

— Ромка знает больше нас, — сказал он, — вот пусть он и расскажет нам после завтрака о прививках и всяких там микоризах. Тогда весь наш отряд будет на высоте и мы лучше сможем помочь Василию Александровичу.

— Очень мне надо учить Топса! — запротестовал Ромка.

— Не хочешь? — с нескрываемым изумлением спросил Асан.

— У тебя характер, Роман, как у скорпиона! — возмутился Гномик.

— Ну ладно, ладно, — поспешно успокоил всех Егор, — Роман просто пошутил.

— Не-ет, не пошутил, — упорствовал Ромка. — Сказал «нет», значит нет!

Это глупое упрямство Ромки огорчило Егора. Полковник Сапегин, думал он, всегда умел заставить любого человека сделать то, что нужно: одному он внушал веру в свои силы, других стыдил перед всем коллективом, третьим угрожал суровым наказанием, с четвертым говорил по душам... Ну, а что делать с Ромкой? Плохой он, Егор, командир отряда...

Потом ребята купались, ловили рыбу и помогали Люде в саду собирать напáдавшие с деревьев яблоки. К обеду пришел Василий Александрович. Ребята наперебой стали просить ученого поручить им «крутить ручку» и ни в коем случае не переутомляться самому. Они очень огорчались, что он не позвал их работать ночью. Потом мальчики всей гурьбой повели его смотреть охотничий трофей Гномика.

— Но ведь охота могла окончиться очень печально для Гномика, — встревоженно твердил Василий Александрович, вертя в пальцах длинный клык кабана. — Нет, нет, нет, вы не должны охотиться в одиночку, обещайте мне это!

Он не успокоился до тех пор, пока мальчики не дали ему слова не ходить на охоту в одиночку и постараться не трогать секачей.

Егор сел за стол в хорошем настроении и хотел вовлечь всех ребят в разговор об охоте. Но Гномик показал какого-то мертвого жучка. Василий Александрович назвал его вредителем ореховых деревьев, и опять начался научный разговор о жучках.

Ромка рассказал, что на Северном Кавказе уничтожаются лесные очаги карантинной калифорнийской щитовки.

Василий Александрович и Гномик говорили о плодожорке, о долгоносике, яблоневой моли, бурильщике, короеде и об очень опасном карантинном вредителе, непонятно как попавшем из Америки, — калифорнийской щитовке.

Егор молчал и думал: сколько надо учиться, чтобы знать то, что знает Василий Александрович!

— Ромка, ты займешься с нами? — спросил Егор тихо.

Ромка презрительно улыбнулся.

— «Спасение утопающих есть дело рук самих утопающих», — самодовольно сказал он и отвернулся.

Егор не на шутку рассердился. Ромку надо было проучить.

II

После обеда ребята собрались купаться.

— Я останусь, — сказал Егор. А когда ребята стали уговаривать его пойти, ответил: — Ночью буду ручку крутить, а пока посплю.

— Мы и не выспавшись будем крутить, — сказал Ромка и ушел с ребятами на реку.

Оставшись один, Егор лег в гамак и задумался над

тем, как бы заставить строптивого «задаваку» Ромку позаниматься с ребятами. Егор закрыл глаза и увлекся своим предполагаемым яростным спором с Ромкой по типу «я ему, а он мне».

Люда, заметив, как покраснело лицо мальчика и зашевелились губы, забеспокоилась, не заболел ли он. Она подошла к гамаку и положила ладонь на лоб Егора. Жара не было.

Егор, находившийся еще в пылу спора, резко мотнул головой, испугав Люду, и сказал:

— Не трогай!

— Я пробую температуру, — сказала Люда.

— Надела красные ленты и воображаешь!

Люда обиделась и убежала. Егору стало стыдно.

— Люда, — позвал Егор тихо, потом громче: — Люда, Люда!

Ему никто не ответил. Подошел Барс и завилял хвостом.

Егор выскочил из гамака и побрел в комнаты. Люда сидела на стуле у окна и, склонив голову над кусками материи, что-то шила. Красных лент в ее волосах не было.

— Не сердись! — тихо сказал Егор.

Люда нагнулась еще ниже. На материи образовался небольшой кружочек, потом еще один. Егору стало не по себе, и он не знал, что делать.

— Замечательная коробка, — сказал он, взяв в руки узорчатую деревянную коробку с нитками и иголками, — только крышка оторвана. Я бы мог поправить. У тебя есть отвертка?

Люда молчала.

— Что это за дерево?

— О...о...ореховый на...плыв, — прошептала Люда. — Почему ты такой грубый?

— Вот что, Люда, Максим Иванович Сапегин всегда

говорил: «Если виноват, наберись мужества и сознайся...» Я действительно виноват... Ты не сердись...

— Грубостью никого не удивишь, — сказала Люда.

— Я не хотел. Меня Ромка разозлил: он не хочет учить нас...

— А ты хочешь знать все лучше Ромки? — спросила Люда. — У папы есть книжки, там и про Мичурина, и про Лысенко, и про Дарвина... Я уже читала, и если хочешь, я тебе помогу.

— Конечно, хочу! Скажу честно — я ведь затем и остался... Люда, будем друзьями...

— А ты можешь быть настоящим другом? — серьезно спросила Люда.

— Могу!

Егор сказал это просто и искренне, и Люда ему поверила.

— Тогда иди сюда, к полкам. — И Люда показала книги.

— Да ведь это надо целый год читать! — ужаснулся Егор, увидев кипу книг.

— Нет, здесь самое главное подчеркнуто, это папа для меня отметил, вот ты и читай эти места. Все подряд не одолеешь.

И Егор стал читать. Он прочел о работах академика Лысенко по переделке растений, о теории стадийного развития растений, о яровизации, о работе с кок-сагызом и о летней посадке картофеля на юге Украины. Егор читал и записывал в книжечку, сделанную из трех листов бумаги, чтобы рассказать Топсу, Асану и Гнюмику.

Потом они вместе с Людой прочитали в журналах «Пионер» и «Молодой колхозник» о Мичурине и просмотрели несколько книг. Они читали до обеда. Некоторые непонятные слова они находили в энциклопедическом словаре и узнавали, что они значат.

Остальные ребята после купанья пошли на пасеку.

III

К обеду собрались все.

— Из Гномика обязательно выйдет пчеловод, — сказал Василий Александрович: — его укусила только одна пчела, да и то потому, что он сам нечаянно придавил ее пальцем.

Ребята с аппетитом принялись за жареную свинину. И тут Егор заглянул в записную книжечку, которую держал под столом, и спросил:

— Ты все знаешь, Роман, скажи мне: Бербанк вывел свой планктон и грейпфрут способом вегетативного сближения и посредниками, как Мичурин, или у него были свои способы межвидовой гибридизации?

Ромка поперхнулся, закашлялся, а ребята даже есть перестали, ожидая, что ответит Ромка. Но Ромка покраснел, опустил глаза в тарелку и ничего не ответил.

— Ты бы рассказал нам о прививках на цифандре — на томатном дереве, которое Максим Горький прислал из Сорренто. Мы пойдем на прививку — всем ребятам полезно знать побольше о прививках.

Ромка стал красен, как будто его обожгло солнце.

— Простите, Егор Иванович, — сказал Василий Александрович. — Вот как! Я и не предполагал, что вы тоже знакомы с этими вопросами.

У Егора была превосходная память, и он мог наизусть повторять большие отрывки из прочитанного. Он лукаво посмотрел на потупившегося Ромку и незаметно заглянул в записную книжку, которую держал под столом.

— Роман, мы просим тебя рассказать еще о работах Мичурина и о продолжателе его дела — академике Лысенко. Почему удачная прививка — самый верный показатель сродства двух привитых растений? Потом расскажи нам об исследовании волокнистых дикорастущих, например гомофораруса из семейства ласточниковых, кус-

тарника, растущего здесь, в Средней Азии, и об олеандре, растущем в субтропиках... Мне понравились слова: «Мы не можем ждать милостей от природы; взять их у нее — наша задача».

Топс в восторге так стукнул кулаком по столу, что тарелки подпрыгнули и зазвенели. Гномик и Асан с восхищением смотрели на Егора. Люда очень обрадовалась и захлопала в ладоши.

Ромка был посрамлен.

IV

— Нет в жизни большей радости и большего счастья, чем радость научного творчества, — сказал Василий Александрович, — чем зарождение научного обобщения, освещающего ум после долгих и терпеливых изысканий. Одни факты только оттеняют некоторые характерные черты какого-нибудь явления, другие раскрывают неожиданные подробности, полные глубокого значения. В результате обобщение крепнет и расширяется, глаз открывает очертания новых и еще более широких обобщений... Кто испытал раз в жизни восторг научного творчества, тот никогда не забудет этого блаженного мгновения.

— Правильно! — восторженно закричал Гномик. — Жалко только, что счастье научных открытий еще недоступно для нас.

— Вот почему,— закончил Василий Александрович,— работать творчески — великое счастье.

Мальчики сидели, положив локти на стол, и с интересом слушали все, что рассказывал Василий Александрович. Только Топс иногда с тоской посматривал на реку.

— Завтра вы многое поймете в Зеленой лаборато-

рии, — закончил беседу Василий Александрович, — а сейчас идите купаться!

Ребята наперегонки помчались к реке. Егор вернулся с полдороги: у него исчезла книжка, тот самый конспект, в который он заглядывал, задавая вопросы Ромке во время обеда. Этой крошечной книжечки не оказалось под скамейкой, на которой он сидел обедая. Люда, убиравшая посуду, тоже ее не видела. Может быть, он обронил конспект по дороге и не заметил? И мальчик помчался обратно. Егор догнал ребят у реки, но книжечки по дороге к реке он так и не нашел. Егор полез в воду без обычного удовольствия.

— Сейчас мы обсудим дальнейший план действий! — крикнул Егор и поплыл на противоположный берег.

Мальчики последовали за ним.

Егор первый достиг дна ногами.

— Ромка, — сурово сказал он, — бойцы на фронте делились по-братски последним глотком воды, последней коркой хлеба, а ты, ты не захотел поделиться знаниями. Если ты индивидуалист, то и купайся отдельно, мы для тебя не компания!

Ромка ожидал всего, он был готов даже к драке, но быть исключенным из компании, из общей игры — этого он не мог допустить.

— Признáешь вину — примем...

— А разве я не помогал вам?

— И это было, — ответил Егор, — но ты должен всегда подчиняться нашей общей дисциплине и быть нашим общим другом.

— Ты ненавидишь меня! — воскликнул Ромка. — Ты не имеешь права исключать меня из пионерской разведки...

Он еще хотел что-то сказать, но Топс, Гномик и Асан стали брызгать на него водой, и сильные струи били его по лицу, не давая открыть глаза, даже дышать. Ромка

попробовал отбиваться, но не справился, повернулся спиной к ребятам, переплыл реку и вылез на берег.

— Эй, Егор, пожалеешь! — пригрозил он и пошел одеваться.

— Ребята, — сказал Егор, — завтра будем заниматься науками, поэтому идем теперь же к Люде: там есть книжки, и мы почитаем.

V

Ужинали засветло. Василий Александрович был задумчив, рассеян и нетерпеливо поглядывал на дорогу. Егор предложил свою помощь — «крутить ручку», но Василий Александрович ответил, что там уже крутят два колхозных пасечника.

— А кто у вас будет бригадиром по прививке растений? — вдруг спросил Василий Александрович. — Кто больше знает?

— Егор, — поспешно подсказал Топс.

— Конечно, Егор, — подтвердили Гномик и Асан.

Егору стало стыдно.

— Нет, я мало знаю, — сказал он смущенно, — и не могу руководить прививкой, пусть лучше Люда.

— Ведь ты наш командир, — возразил Асан.

— Не надо, чтобы командовала девочка, — тихо прошептал Гномик.

— Нет, нет, я отказываюсь, — поспешно заявил Егор, страстно желая остаться наедине с приятелями, чтобы объяснить им, откуда у него появились такие знания во время обеда.

— Ну что же, пусть Люда! — нехотя согласился Ромка, понимая, что ребята не хотят избирать его бригадиром.

— Мы за Люду! — крикнул Егор и поднял руку, а глядя на него, подняли руки и все ребята.

— Значит, записать в дневник, что Люда избирается начальником отряда номер один КЭПСа? — спросил Гномик.

— КЭПС окончил свое существование, — заявил Егор. — Запиши, что организована бригада по прививке, а Люда избрана бригадиром.

— Вы будете пионерская бригада, а я — ваш бригадир, — сказала Люда. — Из вас такие садоводы выйдут, что чудо! У папы есть книги!

Девочка вскочила и побежала в дом, а за ней, стараясь не спешить, пошел Егор. Они стали выбирать книги.

Со двора донеслись призывные крики ребят:

— Егор! Сюда! Бывалый! Скорей!

Егор выбежал из комнаты. Ребята сидели за столом и о чем-то спорили.

— Он же все из этой книжечки читал, — громко говорил Ромка, размахивая злополучным конспектом Егора, — а сам ничего не знает. Я после обеда нашел ее под скамейкой...

— Это ведь не твоя книжечка! — крикнул рассерженный спором Топс, подсказывая Егору ответ.

— Не его, не его! — категорически возразил Гномик.

— Конечно, не его, — поддержал Асан.

— Скажи, Бывалый, это твоя книжечка? — насмешливо спросил Ромка.

— Моя, — отчетливо и громко сказал Егор и взял конспект из рук Ромки. — Спасибо.

Сразу стало очень тихо.

— Да, моя, — сказал Егор. — Пока вы купались, я решил позаниматься и прочитал то, чего еще не знал. Потом сделал конспект, чтобы позаниматься с вами. Я ведь не собираюсь засекречивать знания!

— И очень хорошо, Егор Иванович, что не теряли зря времени, — одобрил Василий Александрович.

Ромка осекся и в досаде так толкнул ногой стоявшего

рядом Барса в бок, что пес от неожиданности схватил его зубами за ногу.

— Только тронь еще раз Барса, пожалеешь, что родился! — предупредил Егор.

— Ох, испугал! А я вот возьму и уйду, — шопотом пригрозил Ромка.

Василий Александрович недоуменно смотрел на ребят.

Егор нахмурился и молчал.

В этот вечер Василий Александрович о переделке растений уже не рассказывал. Он ушел спать и пожелал ребятам спокойной ночи.

После ухода Василия Александровича все перессорились: Асан поссорился с Гномиком — каждому из них хотелось самому отнести отруби — корм — баранам-гибридам и покормить из рук, а Люда и Топс повздорили из-за того, что Топс не захотел помочь ей помыть посуду, назвав это «чисто женским делом».

VI

Егор и Ромка окончательно поссорились и объявили, что не хотят знать друг друга и каждый для другого враг, с которым он не только говорить, но даже спать рядом не хочет. Оба легли внизу, по обе стороны стога, чтобы не видеть и не слышать друг друга. Асан и Гномик последовали их примеру. Таким образом, с каждой стороны стога лежало по одному мальчику. Только один Топс спал наверху.

Ночь была очень душная. Ромке не спалось. Ему казалось, что сено уложено неудобно, и он стал перекладывать его, чтобы не было ям. Потом ему казалось, что сено колется. Он лежал и думал.

Ромка сердился на себя, сам удивляясь своему вздор-

ному характеру. Все зависело от его настроения, а оно менялось с непостижимой быстротой и часто заставляло его делать не то, что надо. Ну, например, зачем он отказался заниматься с ребятами? Просто из каприза, чтобы подразнить Топса и Асана. А что получилось? Скандал, неприятность, ссора. А ведь даже почетно быть лектором. У Егора как-то все по-другому. Он мало поддается настроениям. Способный парень, память у него хорошая! Конечно, Егор тоже виноват: зачем он его подзуживал? Разве так товарищи делают? И девчонка тоже против него... будто все сговорились. Ну что же, тогда он уйдет. Он пойдет навстречу Искандеру и станет его самым лучшим помощником. Он создаст яблоки величиной с футбольный мяч и поразительные растения с зелеными щупальцами, которыми они схватят Егора и Барса. А он, Ромка, будет стоять рядом и слушать мольбы «фронтовика», а потом спасет ему жизнь... Егор, конечно, будет благодарить... Или он, Ромка, станет самым знаменитым мичуринцем, и Василий Александрович приедет к нему за советом, а он, Ромка, скажет так: «А помните тот вечер, когда вы вместо меня выбрали бригадиром Люду?»

Мысли мальчика были прерваны странным шумом, донесшимся с пасеки. Ветра уже не было, а где-то, то ли на «Медовой площадке», то ли в конце, на «Проспекте Острого жала» (Люда дала название всем проходам на пасеке), шумели листья.

Вот опять донесся странный гул и смолк. Может быть, это едет Искандер? Разве есть дорога с той стороны сюда? А может быть, кто-то нападает на Пчелиный город на Ореховом холме?

Ромка вскочил, схватил ружье и побежал в сад на пасеку. Теперь он явственно слышал шум в конце «Бульвара Рабочей пчелы», где на одних весах стоял стеклянный контрольный русский вертикальный улей, на других весах находился улей «лежак», или украинский горизон-

тальный улей, длиной в два метра, а неподалеку стояли две музейные старинные колодки с пчелами. Ромка бежал, заряжая на ходу ружье.

На небе вызвездило, очертания деревьев и ульев были четко видны. Дойдя до конца «Бульвара Рабочей пчелы», он остановился в изумлении: улей — деревянная дуплянка — сам полз по земле. В голове у Ромки промелькнули разные догадки. Может, это одно из чудес Искандера? Ромка осторожно приблизился и увидел, что улей стал гораздо длиннее, чуть не вдвое. Из дуплянки неслись глухие звуки. В темноте на лицо Ромки села пчела и поползла по щеке. Мальчик нервно смахнул ее рукой.

Внутри дуплянки что-то загрохотало. Это напоминало рычанье... «Эге, — вдруг подумал Ромка, — да это Барс! Он, видно, опрокинул дуплянку и полез снизу лакомиться медом, а его голова застряла внутри, и он не может вылезть обратно. Вот так история! Егор с его ученым псом будет посрамлен».

Ромка смело подошел ближе и пнул ногой Барса в бок. В дуплянке кто-то зарычал еще громче, она рванулась, Ромка отпрыгнул назад и ударился спиной о ствол дерева.

Дуплянка, глухо ударяясь о деревья, закружилась вслед за пятящимся и рычащим зверем.

Так рычать мог только медведь. Ромка мгновенно повернулся и изо всех сил побежал назад, но споткнулся и упал. Ружье отлетело в сторону. Ромка вскочил... Медведь не преследовал его. Ромка стал шарить по траве в поисках ружья. Наконец он трясущимися руками нащупал его и вложил патрон с жаканом.

Медведь с дуплянкой переместились шагов на тридцать ближе. Ромка хотел стрелять и не решался, но, услышав топот подбегавших к нему ребят, передумал.

— Остановитесь, — крикнул Ромка, — не подходите!.. Я сам!

Один он трусил, но сейчас, когда на него смотрели ребята, он почувствовал прилив необычайной смелости.

Ребята, прибежавшие на шум, остановились, не понимая, в чем дело, а Ромка зашел спереди и прицелился в дуплянку, в то самое место, где, по его расчетам, должна была находиться голова медведя.

Грянул выстрел. Круглая дуплянка раскололась надвое, и перед Ромкой очутился ошалевший и обезумевший от укусов пчел медвежонок.

В руках у Ромки было одноствольное ружье, и он не мог выстрелить второй раз. Медвежонок, доведенный укусами пчел до неистовства, кинулся к мальчику.

ДЕЛАТЬ ТАК, КАК ПОЛКОВНИК САПЕГИН

I

Повинуясь порыву, Егор бросился Ромке на выручку. Он выстрелил в темную тушу зверя. Медведь взревел от боли и рванулся к Егору. Мальчик выстрелил второй раз и не попал. Медведь сбил его с ног, но Барс схватил медведя за «штаны». Медведь взвыл от боли и повернулся к Егору боком. Топс отбежал назад и закричал:

— Сюда, на помощь!

Асан и Гномик, оцепенев от страха, стояли и смотрели, не зная, что предпринять.

Егор мгновенно отполз в сторону. Ружье осталось возле медведя. С земли со стоном поднялся Ромка.

— А ружье? — спросил Егор.

Ромка трясущимися руками стал нащупывать лежавшее на земле ружье.

— Дай ружье! — Егор выхватил ружье из рук Ромки и зарядил своим патроном с жаканом.

Охота, как бы трудна она ни была, всегда увлекала Егора. Он подошел к сидящему, отбивающемуся от собаки медведю и, улучив момент, выстрелил ему в ухо. Медведь рванулся, осел и рухнул на землю. Барс, рыча от ярости, стал рвать зверя.

— Готов! — радостно на весь сад закричал Егор.

— Готов! — восторженно отозвался Ромка.

И оба мальчика в порыве искренней радости бросились друг другу в объятия и... и вдруг смутились. Они вспомнили свою ссору, и руки их разжались.

— Выручил! Вовек не забуду! — смущенно пробормотал Ромка.

— Э, что там! Кто старое помянет, тому глаз вон, — сказал Егор. — А выручать друга из беды учил нас полковник Сапегин.

— Значит, друзья? — с волнением и надеждой в голосе спросил Ромка, чувствовавший себя виноватым перед Егором.

— Хочешь — на всю жизнь! — ответил Егор. — Держи!

Ромка схватил правую руку Егора обеими руками. Егор положил сверху свою левую. Топс прыгал и кричал «ура». Гномик подбежал к Егору и обнял его сбоку. Асан радостно хлопал Егора ладонью по спине, потом Ромку, потом опять Егора. Радость была всеобщей.

— Люда, не беги вперед! — донесся встревоженный голос Василия Александровича.

Между деревьями мелькнул свет фонаря, и показались Люда и Василий Александрович.

— Что случилось? — подбегая, спросила Люда, еле переводя дух и прижимая обе руки к груди.

— Егор медведя убил! — закричал Ромка.

— Нет, нет, не я, — тотчас же запротестовал Егор.

— А кто же, кто? — спрашивала Люда, с опаской глядя на темную тушу, возле которой с рычаньем возился Барс.

— Вдвоем стреляли, — пояснил Егор: — сначала Ромка, потом я. Барс помог.

— Нет, это Егор спас меня, это он убил, — настаивал Ромка.

Все ребята направились к медведю.

— Уши, осмотрите уши! — закричал Василий Александрович. — Если уши прижаты к черепу — зверь хитрит, притворяется. Был такой случай с Карабеком. Осторожно!

При свете фонаря рассмотрели уши — они торчали вверх.

— Небольшой медвежонок, — определил Василий Александрович, осмотрев зверя.

— Что вы! Он огромный! — запротестовал Ромка.

— Да, да, такие, как этот, самые злые, — тотчас же поправился Василий Александрович.

— Ужасно злой! — согласился Егор. — Чуть было нас обоих не поломал. Барс помог: сзади на него наскочил.

— Ура охотникам! — закричала Люда.

— Ура, ура, ура! — закричали все ребята.

Ребята говорили наперебой, вспоминая всё новые и новые подробности неожиданного происшествия. Василий Александрович заставил их усыпить сернистым дымом перепачканных медом пчел и унести дуплянку во двор. Что же касается разделки медведя, то ввиду позднего времени решили отложить это дело до утра, чтобы с восходом солнца, пока пчелы еще не согрелись и не вылетели, все же успеть вытащить тушу зверя с пасеки.

Ребята пошептались о чем-то между собой и сразу согласились. Егор поручил Барсу караулить медведя, и пес тотчас же лег возле убитого зверя. Дружной гурьбой все отправились к стогу сена.

Ромка старался все время быть рядом с Егором. Дружба вспыхнула внезапно, рожденная совместно перенесенной смертельной опасностью. Гномик шел с левой стороны от Егора. Он нес на плече его двустволку, придерживая ее левой рукой, а правой держался за руку Егора.

Мальчики влезли на стог и легли все вместе. Распри были забыты. Когда свет в окне комнаты, где спал Василий Александрович, погас, Егор сказал:

— Пора на охотничий сбор!

Ребята мгновенно скатились со стога и наперегонки побежали к медведю. Только Гномик, как условились заранее, направился к дому. Барс встретил ребят предостерегающим рычаньем, но, узнав Егора, замолчал. Егор вынул свой охотничий нож, у Асана был свой, киргизский, острый, как бритва. Через десять минут шкура с правой медвежьей ноги была снята и задний окорок был отделен. Прибежал и Гномик, размахивая тремя длинными железными вертелами, захваченными возле дома.

— Топс, тащи ногу! Все за мной! — скомандовал Егор.

И ребята направились в ближайший лес, на склоне восточной горы.

Никогда еще мальчики не были так старательны в работе: они хотели сделать побыстрее и побольше.

Запылал костер.

Неожиданно Барс бросил грызть кость, подбежал к Егору и молча схватил его зубами за руку.

— Кто-то идет, — негромко сказал Егор и вскочил с ружьем в руках.

Ромка последовал его примеру.

— Тушить костер, тушить? Говори! — забеспокоился Асан.

— Прикрой сырыми ветками, чтобы не было видно

огня, — сказал Егор и, тронув Ромку рукой, пошел вперед.

Ромка зашагал рядом. Теперь ради Егора Ромка был готов пойти на любую опасность.

II

— Это я, — услышали они из-за кустов взволнованный голос Люды. — И не стыдно — сами ушли, без меня! Когда вы шептались в саду, я сразу догадалась, что вы что-то замышляете.

Все обрадовались, что тревога оказалась напрасной.

— А еще друг! — укоризненно шепнула Люда Егору.

— Так ведь эти затеи с медвежатиной не для девочек, — тихо ответил Егор. — Мы собрались здесь как охотники.

— А я ваша старшая, и почему я не могу быть охотником, почему?

— Ты?! — удивился Егор, а затем громко оповестил: — Люда тоже хочет быть охотником.

— У-у-у-у! — завыл Асан, подражая волку так похоже, что даже Барс подошел к нему и обнюхал.

— Ребята, — заговорил Егор, — мы собрались сюда, чтобы организовать бригаду великих охотников. Мы будем не просто охотниками за дичью, — продолжал он: — мы будем и охотниками за растениями, и охотниками за микробами, и охотниками за камнями. Мы будем совершать путешествия не только по горам и долам, а, как сказал Василий Александрович, в глубину вещей и явлений.

— Правильно! — воскликнул Ромка. — Я охотник за растениями и зверями.

— А я охотник за фауной, — сказал Гномик: — за жучками, зверями, бабочками, птицами, ужами... А Топс охотник за камнями.

— Это почему же я охотник только за камнями? — возразил Топс. — Ишь, какой хитрый! Ведь камней, как сказал Василий Александрович, только двести пятьдесят видов, а растений больше миллиона.

— Топс может охотиться за микробами в почве, — предложил Гномик. — А может быть, он тоже что-нибудь откроет и что-нибудь изобретет, вот и станет охотником за микробами в почве!

— А ты, Люда? — спросил Егор.

— Я? Я охотник за тучами и молниями. Я буду создавать климат и совершенно новые растения!

— И я тоже охотник за растениями — я, как Василий Александрович, буду создавать новые формы растений,— сказал Егор. — И еще охотник за зверями и птицами, и я против таких, как Степка.

— Мы все против таких, как Степка! — воскликнул Ромка.

— У-у-у-у! — завыл Асан по-волчьи.

— Не боюсь, не боюсь! — закричала Люда. — Я тоже буду охотником!

— Мы не просто охотники, — поправил ее Егор, — а мы охотники и за растениями, и за микробами, и за камнями.

Когда все отведали медвежатины, Егор подбросил сухих сучьев в костер и сказал:

— Ребята, давайте сочиним правила для членов бригады великих охотников. Может же и у нас быть свое наставление, как в армии.

— Зачем так длинно?— возразил Асан и повторил: — «Члены бригады великих охотников». У нас говорят: чонмерген — великий охотник. Замечательно? Великий охотник, а значит, следопыт, снайпер, храбрый, выносливый.

— Чонмерген! — громко произнес Егор. — А знаете, ребята, это звучит совсем неплохо.

— Очень хорошо! — отозвался Ромка.

— Чонмерген! Чонмерген! — на все лады повторяли ребята. Слово всем понравилось.

Горячась и перебивая друг друга, ребята при свете костра записали свои мысли.

Из этих записей мы приводим лишь некоторые:

«1. Чонмергеном может быть пионер, который ведет себя в лесу, как хозяин, и борется с теми, кто ведет себя в лесу, как вор и грабитель.

2. Какую бы охоту чонмерген ни вел — охотится ли он за зверями и птицами, охотится ли за растениями, охотится ли он за камнями или микробами, — он обязан изучить дело и научиться преодолевать, как это делают коммунисты и комсомольцы, любые препятствия на пути к достижению цели.

3. Храбрый умирает один раз, трус — тысячу раз. Тот, кто боится (зверей, темной комнаты, верит в приметы и пр.), живет наполовину.

4. Чонмерген беззаветно любит свою Родину, как настоящий пионер. Он должен быть честным и храбрым, правдивым, выносливым, бдительным и умелым следопытом.

5. Он обязан хорошо стрелять и уметь обращаться с оружием.

6. Уметь посадить дерево и привить дерево. Знать породы деревьев, съедобные ягоды и грибы.

7. Уметь ориентироваться в пути, уметь построить шалаш, разжечь костер, приготовить пищу, постирать, зашить, оказать первую помощь и знать птичий язык.

8. Жить по-настоящему — значит уметь преодолевать препятствия. Один за всех и все за одного!

9. Главное — учись. Учись всегда и везде, чтобы уметь творить и изобретать. Будь отличником во всех делах, чтобы народ гордился тобой!»

Возник спор относительно одного Людиного предложения. Дело в том, что Люда запомнила изречение, ви-

севшее у Карабека над кроватью, которое он иногда поворачивал к стене, и тогда можно было прочесть текст, написанный с другой стороны:

«Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня».

«Не делай сегодня то, что можешь сделать завтра».

Топс предложил записать и то и другое. Поспорили. Записали, по совету Асана, народную поговорку:

«Мудрец знает, что утерянного мгновения не вернешь».

Потом записали:

«Чонмергеном не может быть тот, кто:

разоряет гнезда, мучает птиц и зверей, не соблюдает законов охоты, стреляет бестолку (пугает оружием), обижает младших, то-есть ведет себя не по-пионерски;

ломает деревья, ворует в садах и огородах, ругается, презирает младших, считает себя более умным, чем есть на самом деле;

кто может выдать военную тайну».

— Люда не чонмерген, — заявил Ромка: — она плохо стреляет. Да и у Асана я не видел ружья в руках.

— А кто же я тогда? — спросила возмущенная Люда.

— Ахало! — ответил Ромка. — А Топс — Бухало.

Ребята потребовали объяснений, и Ромка рассказал:

— Жили-были три брата, три охотника. Выйдут на охоту — выскочит заяц. Старший увидит его и только ахнет: «Ах, заяц! Ах! Ах!», и до того разахается, что даже выстрелить не успеет. Второй всегда спешил; толком не прицелившись, сразу стреляет: бух, бух! Бухает бестолку. А третий и не ахает и не бухает, не волнуется и не торопится, а, увидев зайца, прицелится получше, стукнет, и заяц готов. Вот и прозвали их Ахало, Бухало и Стукало. У нас Люда, Асан и Топс еще только Ахалы, а мы с Егором и Гномиком — Стукалы, «добышники», значит — чонмергены.

Асан возразил, что он уже стрелял сидячих птиц и убивал перепелов в клевере и черных дроздов в кустах. Топс уверял, что как-то застрелил зайца. Люда обижалась и твердила, что она не Ахало.

Поспорили и решили каждому дать охотничью квалификацию. Люду все-таки отнесли к категории ахал, Топса и Асана — к бухалам. А если это им не нравится, пусть они возьмут ружья и докажут на деле, что и они чонмергены. Успешные результаты охоты за растениями, микробами и камнями тоже зачтутся.

III

Василий Александрович проснулся на рассвете, разбуженный голосами ребят, и удивился, увидев, что вся компания уже на ногах и суетится возле ореха.

— Вот какие чудеса сделал медведь! — воскликнул он, подходя к ребятам, которые дружно его приветствовали. — Во-первых, вы встали на заре, необычайно рано...

— Или вовсе не ложились, — прошептал Ромка.

— Во-вторых, — продолжал Василий Александрович, — у вас появилось воодушевление в работе, и мне бы хотелось, чтобы оно не остыло и днем. Сегодня мы должны начать учебу и работу. Помните?

— Помним, — хором отозвались ребята.

— В-третьих, вы выглядите, как именинники. Вот что значит удачная охота!

— Или дружба, — сказал Егор.

— Один за всех! — крикнул Ромка.

— И все за одного! — отозвались ребята.

Утро начиналось замечательно.

— Вот что, Люда: чтобы нам не терять даром времени, иди-ка ты готовь завтрак, а я помогу снимать шкуру, — сказал Василий Александрович.

— Завтрак давно приготовлен, — ответил за Люду Топс.

— Превосходно... Ну, тогда выгони на пастбище коров и гибридов, — сказал Василий Александрович.

— Уже пасутся, — ответил за Люду Асан.

Василий Александрович удивился еще больше.

— Ну, тогда иди накрывай на стол.

— Стол давно накрыт и ждет вас, — поспешно отозвался Гномик, ибо последнее сделал за Люду он.

Василий Александрович даже руками развел. Ребята точно изменились за одну ночь. Они были очень вежливы и даже слишком предупредительны друг с другом.

— Среди пионеров есть и юные натуралисты, и авиамоделисты, и юные техники, — сказала Люда, — а мы чонмергены — великие охотники.

— Мы, — сказал Егор, — избрали вас, Василий Александрович, почетным чонмергеном. Потому что вы, как охотник за растениями, — чонмерген.

Василий Александрович поблагодарил за честь и обещал высоко держать знамя чонмергена.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

СЕРЫЙ ДРАКОН

I

Несмотря на бессонную ночь, за завтраком все были веселы и ждали чего-то необычайного. Все время говорили о необыкновенной «охотничьей ночи». Потом встали из-за стола, и Василий Александрович спросил, удалось ли ребятам решить задачу, которую он им задал.

— Добывать сок на его пути к плодам или клубням, — мгновенно ответил Ромка и, слегка покраснев, добавил: — Это сказал Егор.

— И ставить «магазины» для пчел, — подсказал Гномик.

Василий Александрович был доволен, что ребята не только не забыли о загадке, но и решили ее.

— Весной из клена течет просто сахарный сок, — поспешно объяснил Егор.

— Из кленового сока делают кленовый сахар, — сказал Василий Александрович. — Есть растения, которые выращивают ради их клубней, корней или луковиц, другие выращивают ради их стеблей, листьев или коры, например капусту и хинное дерево, третьи — ради семян. Мы знаем растения, выращиваемые ради цветов или других их частей, например ради плодов. Некоторые растения дают продукты, действующие на нервную деятельность человека.

— А сахарный тростник? — вырвалось у Ромки. — Вы пропустили сахарный тростник и дерево, из которого добывают резиновый сок — каучук.

— Я не называл растений. Добывание млечного сока растений — это близко к тому, о чем идет речь. На севере млечный сок есть у трав — одуванчиков, например; в средней полосе мы добываем каучук из кок-сагыза, а в тропиках млечный сок встречается у больших деревьев — гевей, из которых добывают каучук.

— Надо доить растения! — воскликнула Люда.

— Как доить? — удивился Асан.

— Стоп! — закричал Василий Александрович, поднимая палец. — Кто тебе разрешил говорить? — Он поправил очки.— Чтобы это понять, следует сначала осмотреть Зеленую лабораторию.

Все ребята в восторге вскочили. Барс запрыгал возле Егора.

— Собаку придется привязать здесь, — предупредил Василий Александрович.

— А зачем? Пес ничего в саду не поломает. Барс умница, — вступился за собаку Егор.

— Это необходимо для здоровья Барса, — решительно заявил Василий Александрович.— Он останется здесь.

— Есть! — согласился Егор.

Он приказал Барсу лечь на крыльце дома и привязал его.

— Люда, ты провела вторые метеорологические наблюдения? — спросил Василий Александрович у дочки, тоже намеревавшейся итти с ними.

— Температура на солнце двадцать один градус, небо безоблачное, ветра нет... Ну, словом, все записала — и влажность воздуха и все, все, и микроклимат тоже записала! — весело отозвалась Люда.

— Ну, тогда пойдем! — И Василий Александрович пошел по дорожке, ведшей от дома в сад.

II

— Не так быстро! — то и дело повторял Василий Александрович, останавливая ребят, опережавших его.

Мальчики старались не спешить, но ноги сами ускоряли бег и несли их в глубь сада по «Бульвару Рабочей пчелы», затем по «Проспекту Острого жала», мимо медогонного домика, все дальше и дальше, к видневшейся вдали высокой, в два человеческих роста, плотной зеленой изгороди у тополей. Это были заросли колючей облепихи, держи-дерева, так густо разросшейся, что сквозь нее ничего не было видно. Егор осторожно раздвинул наружные ветки.

— Ой, как больно колется! — вскрикнул Гномик, пытавшийся снять жучка с ветки.

— Осторожно! — предупредил Василий Александрович. — Эти колючки ядовитые и предохраняют наш сад от нашествия диких кабанов и дикобразов.

Егор внимательно рассматривал ограду, но нигде не мог заметить ворот или калитки.

— Превосходная маскировка! — сказал он.

Василий Александрович повернулся лицом к ребятам и очень серьезно сказал им:

— Слушайте меня внимательно. Тот, кто попадает в

Зеленую лабораторию, обязан: ходить только по дорожкам и только вместе со мной; не дотрагиваться ни до растений, ни до плодов, ни до листьев, не рвать их и даже не нюхать, а если кто заблудится, обязан ждать меня на месте и ни в коем случае не бродить один по саду.

— Согласны! — закричали ребята.

Василий Александрович снял с ветки раскидистой яблони длинный железный прут, вроде кочерги, и подошел к изгороди. Он просунул эту кочергу в заросли, нажал, и часть зарослей подалась назад. Василий Александрович нажал сильнее, и перед ребятами открылся узкий проход.

Егор заметил на земле полукруг, выложенный камнями, и понял, что по нему откатилось колесо, поддерживающее калитку, увитую колючими ветками.

Первым прошмыгнул Ромка, за ним Гномик, Топс, Асан, Егор и Люда. Последним вошел Василий Александрович и плотно закрыл за собой калитку.

Сильный, приятный аромат наполнял весь сад.

— Наш розарий, — пояснил Василий Александрович.

Справа и слева от дорожки тянулись ряды роз. И каких здесь только не было: белые, розовые, красные всех оттенков — от пурпурного до темнобагрового. Казанлыкские розы, желтые чайные, розы крошечные, как горошины, и огромные, как вазы. Розы штамбовые и вьющиеся, как на веранде у дома.

Ребята остановились, но Василий Александрович торопил их итти дальше.

— Я сейчас горжусь только одной разновидностью, — заметил он.

Он провел их в глубь розария и показал им черные махровые розы со слабым, но удивительно приятным запахом.

За розариумом ребята увидели грядки с цветами. На

многих уже были семена. Цветов было еще так много, таких ярких, радужных оттенков, что у Егора зарябило в глазах.

Внимание его, да и всех остальных, привлек огромный цветок красно-пурпурного цвета, видневшийся на поверхности небольшого водоема. Цветок по форме слегка походил на лотос. В центре его, будто яркое пламя, возвышались огненно-желтые пестики и тычинки.

— Таких цветов больше нигде нет на земном шаре! — сказала с гордостью Люда. — Этот цветок вывел папа. Он пошлет его в Москву.

За цветником справа и слева от дорожки зеленели небольшие делянки, засаженные различными растениями.

— Это всё опытные участки, — объяснил Василий Александрович, делая широкий взмах рукой. — Повторение массовых, коллективных опытов. Здесь вы видите не законченные еще опыты со вторым урожаем сверхскороспелой пшеницы. А собирать по три и по четыре урожая в год — это увлекательнейшая задача для агрономов. Справа вы видите знаменитую ветвистую пшеницу. Колос этой пшеницы может дать до десяти граммов зерна, обыкновенный же колос дает меньше одного грамма. Она может при соответствующей агротехнике давать до восьмидесяти, ста и больше центнеров с гектара.

— А это что за колючки? — спросил Топс, показывая на одну из делянок.

— Это верблюжья колючка — янтак. Его нам прислали туркменские колхозники. Цветы янтака выделяют сахаристые капли почти каждый день. Задача состоит в том, чтобы бесплодные пустыни Средней Азии, поросшие янтаком, превратить в огромную сахаропроизводящую площадь.

— Но ведь здесь же не пустыня, — заметил Ромка.

— Я заинтересовался янтаком как сахароносом.

В неурожайные годы приходится подкармливать пчел сахаром. А на кустах — готовый сахар. Пчелы очень охотно собирают его. Подставьте ладони, отряхните капли и попробуйте!

— Очень сладко, — заметил Асан.

И все с ним согласились.

Теперь ребята поняли, почему там много было пчел над кустами у входа в долину: Василий Александрович сказал, что там посажена опытная делянка янтака.

— Вот вам и первообраз доящегося растения.

Дальше шли грядки, засаженные различными растениями, и все они имели какое-то отношение к пчеловодству.

III

За опытным полем росли деревья. На одном и том же дереве висели различные плоды: яблоки, груши и айва. Росли здесь гибриды вишни с миндалем, черемуха. Василий Александрович остановился и опять напомнил ребятам:

— Прошу вас строго выполнять все правила, о которых я вам сказал при входе.

— Сюда Степке вовек не попасть! — шепнул Ромка.

— Конечно! — так же тихо ответил Егор.

Открылись полянки, окруженные деревьями, а на полянках Егор увидел что-то напоминающее небольшие плащ-палатки, растянутые для просушки. Эти зеленые плащ-палатки оказались листьями. Пять таких листьев протянулись в разные стороны, а над ними в просветах возвышались еще четыре.

— Вы наверняка думаете, что это растение с Марса, — сказал Василий Александрович, — а это просто сахарная свекла.

Мальчики, затаив дыхание, подошли почти вплотную к листьям. Огромные, темнозеленые, с волокнистой поверхностью, слегка бугристые, они лежали на деревянных подпорках, как растения из другого мира.

— Хорошие сорта растения всегда создаются и создавались только при хорошей агротехнике, — сказал Василий Александрович. — Это один из опытов Константина Николаевича Сапегина. «Предельщики» уверяли, что нельзя создать очень крупный корень сахарной свеклы с таким же большим процентом сахаристости, как и в маленьком корне весом в пятьсот — восемьсот граммов, где бывает двадцать три, двадцать пять и до тридцати процентов сахара. Маловеры заявляли, что чем крупнее корень, тем меньший будет в нем процент сахара. А Константин Николаевич еще раз подтвердил, что, зная требования, которые растение предъявляет на разных стадиях развития к условиям окружающей среды, мы можем управлять развитием растения. Это большое растение свеклы — результат воспитания обычного растения, то-есть воздействия на него внешней среды. Особенно важны две стадии: яровизация и световая. Поэтому над растениями вы видите электросолнце со светофильтрами.

Ребята подняли головы и увидели в листве деревьев темные стекла цилиндрических электроламп, поблескивающие над сахарной свеклой.

— Константин Николаевич не мог бы создать такие растения без усиленного питания. Вы видите эти канавки? По этим арыкам мы подводим воду для полива. Она течет из водоема и насыщена питательными веществами. Как видите, мы так обильно поливаем, что культура свеклы, растущая без полива, превратилась чуть ли не в водяную культуру свеклы. Константин Николаевич изучал на этих опытных растениях процессы ассимиляции и диссимиляции в растении, положительную роль фермен-

тов, регулирующих углеводный обмен в листьях сахарной свеклы, то-есть исследовал процессы синтеза сахарных веществ. И ему удалось разрешить много спорных вопросов.

— А зачем эти резиновые трубочки? — Ромка показал на основание листьев.

— Это метод Константина Николаевича отсасывать сахаристый сок. Он движется по укрупненным проводящим путям в корень. На конце резиновых трубочек находится серия полых иголок. Резиновые трубочки соединяются в трубку побольше, а она соединена с маленьким вакуум-насосом [1] в доме.

— Значит, сахаристый сок отсасывается по дороге в корень? — спросил Ромка. — Это и есть доящиеся растения?

— Именно так, — подтвердил Василий Александрович. — Вы сами понимаете, что изучать вопросы ассимиляции и диссимиляции растений — не наше дело. Когда Константин Николаевич изучил то, что ему надо, он хотел бросить опыты, пустить эти растения на семена и увезти свою аппаратуру, но я упросил его оставить этот опыт нам. Эти растения, как и янтак, заинтересовали меня только одним: своей сахароносностью. Если нам на всякий случай надо иметь запас сахара для подкормки пчел, мы не должны брать этот сахар у детей и трудящихся. Мы решили сами добыть необходимый нам сахар. И, что самое интересное, одно такое доящееся растение сахарной свеклы по количеству уже полученного от него сока может заменить сто или даже двести корней сахарной свеклы. Листья вырабатывают сок, отправляют в кладовые, а, так сказать, звонка о том, что кла-

[1] Вакуум-насос — насос для откачки жидкости; откачка производится в разреженном пространстве.

довые получили его и заполнились и потомство обеспечено, все нет и нет, и листья продолжают вырабатывать всё новые и новые порции сока.

Я раньше не обращал внимания на эти ДР, как Константин Николаевич сокращенно называл свои доящиеся растения. Больше того: мы даже собирались посадить сахарную свеклу или сахарный тростник, акклиматизировать его здесь, как это сделали в Таджикистане. А потом посмотрел на эти ДР и решил: зачем нам засаживать полгектара, если эти четыре ДР обеспечат нашу пасеку? Я, правда, поздновато спохватился. Аппаратуру, как я уже говорил, Константин Николаевич согласился временно оставить, а все свои руководства он уже отослал. Все же я кое-что записал.

— Значит, одно такое растение, — вмешался Ромка, — если заставить его доиться, то-есть все время отсасывать его соки, протекающие в корень, может дать столько сахара, сколько дает обычная сахарная свекла, скажем, с четверти гектара?

— Ну... ну, скажем — с одной сотки, — поправил Василий Александрович.

— Так это же можно вместо миллиона корней иметь тысяч десять, а может быть, и тысячу! — воскликнул Ромка.

— Сахарные биофабрики! — сказал Егор, увлеченный горячностью Ромки.

— А механизация? — спросил Василий Александрович и лукаво прищурил один глаз. — Но вот что надо хорошо помнить, — сказал ученый, переходя на серьезный тон: — раз формы живых тел создавались и создаются только условиями их жизни, то мы не можем не давать этим доящимся растениям воду, подкормку минеральными солями и редкими элементами, газовое питание — словом, все, что надо, а ночью должны дополни-

тельно освещать электролампами. Тогда в листьях растений должен ускориться процесс превращения крахмала в сахар. Растворенный в воде сахар в виде сахарного сока переместится из листьев, чтобы отложиться в корне, а мы этот сок перехватим по дороге. Словом, «случай с перепелкой».

Ромка, быстро увлекавшийся всем новым, тут же попытался нарисовать картину огромного развития биофабрик в будущем, но Егор мгновенно отрезвил его, спросив у Василия Александровича, чем они могут помочь в работе с ДР.

— Вы? От вас многое зависит в судьбе этого опыта. Доящиеся растения, или, как мы их называем, ДР, должны уже теперь, по нашим подсчетам, давать за сутки не меньше литра сахарного сока. Пока был Сапегин, они давали уже по пятьсот граммов сока в сутки. А он уехал, и ДР каждый день уменьшают свой удой. Я и подкормку увеличил, и полив, и газовую подкормку, и, конечно, освещаю электросолнцами с электрофильтрами еженощно. Вы уже знаете, что у нас размыло плотину и вообще вся «техника» испорчена, и я уже четвертую ночь кручу ручную динамку. Правда, две ночи работал аккумулятор, но он тоже «сел». Перед этим я не освещал растения несколько ночей, может быть поэтому растения забастовали. Значит, нельзя было прерывать освещение. Вот вас я и попрошу по очереди крутить ручную динамку. Днем вы могли бы посредством динамки зарядить аккумуляторы. Работа не очень тяжелая и не требует научных знаний... Все же я хочу, чтобы, выполняя даже механическую работу, вы понимали ее значение и испытывали творческий интерес. Искандер в кишлаке, в плодовой лаборатории. Если бы он догадался привезти бензин и пригласить механика!.. Теперь вы понимаете, почему я так жду Искандера и как я надеюсь на вашу помощь?

IV

Василий Александрович привел ребят в домик-лабораторию. Здесь было несколько комнат. В первой, самой большой, стояло четыре маленьких вакуум-насоса для отсасывания соков, небольшие бачки с мерными трубками и доска с измерительными приборами.

«Ручная электростанция» — динамомашина — стояла под навесом по ту сторону дома, и Василий Александрович провел всех через комнату туда. Мальчики думали увидеть что-то вроде маленькой школьной машины, а это была большая машина с большим колесом.

— Такие были на фронте, я крутил, — сказал Егор.

Он поплевал на руки и завертел ручку. Послышалось слабое жужжанье, и тускло зажглась крошечная контрольная лампочка. Егор крутил ручку что есть силы, и лампочка разгоралась все ярче и ярче.

— Тяжело? — спросил Василий Александрович.

— Нет, не очень.

— Я хотел попросить вас по очереди покрутить эту динамомашину, а то ДР забастуют, — снова повторил Василий Александрович. — Посменно, конечно. Кроме Гномика и Асана — им будет трудно.

— А мы вдвоем можем крутить, — предложил Гномик.

Асан согласился.

— Пойдемте, я вам покажу аппаратуру, — предложил Василий Александрович и провел ребят в дом, где стояло несколько установок. — Вот эти четыре вакуума, а за ними четыре бачка, — показал он, — соответствуют четырем доящимся растениям: номер один — это ДР первое слева, и это вакуум номер один, измерительные приборы и провода, соответствующие ему; правее — ДР номер два, а далее от дома — ДР номер три, а справа от него — ДР номер четыре, и вот вакуум номер четыре.

Когда давление в растении увеличится и стрелка на этом измерительном приборе дойдет до первой красной черты, включайте вакуум-насос. А если стрелка давления упадет вот до этой зеленой черты, выключайте вакуум-насос. Из вакуумов сок, если его набежит много, перекачивайте вручную в этот бачок. А если сока очень много, он перекачивается из бачков в этот большой бак. Вот почти и все. Командуйте, Егор Иванович!

— Есть командовать! — ответил Егор. — А здóрово, если бы нам удалось заставить их хорошо доиться! — шепнул он Ромке.

— А как? — так же шюпотом спросил Ромка, которому очень понравилась эта мысль.

— Вы что-нибудь знаете об автохтонной микрофлоре Б? — спросил Василий Александрович.

Ребята этого не знали.

— Почва — не мертвая природа, — сказал Василий Александрович. — В почве пятнадцать процентов микробов, одна шестая почвы — это живой, самовоспроизводящий себя белок. Как установил академик Василий Робертович Вильямс, почва — это особое тело природы, являющееся промежуточным образованием между живой и мертвой природой. Человек своим трудом создает почвы, а создать почвы, достойные нашей великой эпохи, — благороднейшая задача. Можно превратить северные почвы в высокоплодородные. Наши ученые обнаружили, что в почвах стахановских полей появились особые разновидности давно известных почвенных микробов. Почему они появились? Это понятно. Плодородие почвы — продукт человеческого труда, а стахановцы полей потому и добиваются рекордных урожаев, что они и удобрения вносят правильно и во-время и, главное, обрабатывают почву лучше. Например, они своевременно рыхлят почву, и это содействует лучшему «дыханию» почвы. Под влиянием этих внешних условий и появились

особые разновидности почвенных микробов, способствующие лучшему усвоению больших доз удобрений. Эти полезные расы микробов стали рассевать как микроудобрение на других полях. При хорошей обработке это сразу повысило урожай... Мы с помощью работников научно-исследовательского института вывели свои расы этой автохтонной микрофлоры Б и широко применяем эти микроудобрения на полях колхоза. Здесь я тоже высеял в почву под ДР одну расу автохтонной микрофлоры Б. Попробуем еще гранулированные и другие удобрения? [1]

— Попробуем! — весело отозвались ребята, гордые тем, что спрашивают их совета.

Василий Александрович открыл одну из четырех дверей, бывших в комнате, и ввел ребят в лабораторию. Здесь посреди комнаты стояли длинные столы, на них виднелись колбы, пробирки, мензурки, большие стеклянные сосуды. Василий Александрович указал на пробирки, заткнутые ватками.

— Культуры микробов на агар-агаре [2], — сказал он. — А вон там, — он показал на крайний шкаф, — лежат запасные электросолнца, на случай, если действующие испортятся.

Ребята с интересом оглядывали лабораторию. Здесь было очень чисто, тихо, торжественно и пахло лекарствами. Егор почувствовал невольный трепет. Ребята, сами того не замечая, шли, осторожно ступая на цыпочках.

— Может быть, вам скучно будет совершить путе-

---

[1] Гранулирование удобрений — превращение удобрений (суперфосфат, селитра и др.) в мелкие комочки (гранулы); один центнер гранулированных удобрений заменяет три, пять и больше центнеров удобрений, вносимых в почву в пылевидном состоянии.

[2] Агар-агар — белковое вещество, получаемое из морских водорослей и служащее питательной средой для размножения микробов.

шествие в глубь вещей и явлений? — спросил Василий Александрович.

Ребята запротестовали: они очень хотят путешествовать в глубь вещей и явлений. То, что они уже увидели, удивило их своей необычайностью и манило таинственностью.

— Я вам расскажу о том, о чем не очень многие знают, а вы постарайтесь понять меня, и если у вас есть серьезное желание помочь, это вам пригодится.

— Да как же не серьезное, — горячо отозвался Ромка, — если мы только для этого и пришли! Нам поручили выяснить, надо ли вам помочь и не согласитесь ли вы принять помощь Четвертой джелал-буйнакской пионерской дружины. Придут триста пятьдесят пионеров. У нас такая дружина, что горы своротить может!

— Триста пятьдесят? — с восторгом воскликнул Василий Александрович.

— Триста пятьдесят! — с гордостью подтвердил Ромка.

— Ведь это же сила! Это чудесно! — обрадовался Василий Александрович. — Но где же они, где эти юные энтузиасты?

— Будут, Василий Александрович, — обещал Ромка, — будут дней через десять.

— Через десять дней! — огорчился Василий Александрович.

— А мы? — воскликнул Егор. — Каждый из нас будет за десятерых работать!

— Мы покажем, на что способны пионеры Четвертой дружины! — сказал Гномик с самым воинственным видом.

В лабораторию вбежала Люда и крикнула, что в Пчелиный город на Ореховом холме приехали гости — двое незнакомых людей — и срочно хотят видеть Василия Александровича. Василий Александрович был очень

недоволен появлением незваных гостей, прервавших путешествие в глубь вещей и явлений, и просил мальчиков зарядить аккумуляторы и ни в коем случае никуда не уходить от домика.

— Никуда! — повторил он. — Обещаете?

— Обещаем! — за всех ответил Егор.

V

Василий Александрович ушел и увел с собой Люду, Асана и Гномика. Егор позвал Топса и Ромку. Ничего не объясняя, Егор направился к ветряку и кивком головы предложил друзьям следовать за собой. Он влез по железной лестнице наверх, к ветряному колесу. Ромка, запыхавшийся и побледневший, влез вслед за ним. Топс, поднявшись до половины лестницы, крикнул снизу:

— Ну, что там?

— Лезь сюда! — сердито закричал Ромка.

Но Топс не двигался. Он и на полпути испытывал боязнь высоты и, судорожно вцепившись руками в перила лестницы, не в силах был двинуться дальше.

Егор обследовал ветряк. Три крыла были погнуты, но причина аварии была в другом. Егор тронул рукой крылья — они свободно проворачивались, не приводя в движение железной оси, спускавшейся вниз к насосу и к динамке. Шестеренка, закрепленная железным болтом на оси, не была неподвижной, а свободно вращалась. Тут и ребенок понял бы, что все дело в сломанном железном болте, соединяющем шестеренку с осью. Стоило заменить сломанный железный болт большим гвоздем, расправить погнутые крылья, и все было бы в порядке.

Егор и Ромка спустились вниз. У Топса был виноватый вид. Стоя у ветряка, Егор объяснил причину неисправности и добавил, что взрослым починить нетрудно, для них же это очень и очень нелегко.

— Что нам ветряк! — вдохновенно начал Топс. — Если уж делать, так делать. Давай наладим электростанцию, что на реке... ну, где плотину размыло. Позовем ребят из кишлака, возьмем подводы, заново построим плотину... Включишь рубильник — глядишь, и здесь и в доме электричество горит. Варить и жарить будем на электричестве, даже стирать, а почему не доить электричеством?

— Или пахать! — с энтузиазмом откликнулся Ромка. — Мы бы и радиоприемник пустили. Я видел у Люды в комнате.

— Я знал одного такого фантазера у нас в части, — едко заметил Егор. — Скажи ему: надо переутомившегося коня отправить во второй эшелон, в лошадиный санаторий, — так он сейчас же начнет фантазировать о полной замене всех лошадей машинами и аэропланами, о том, что надо затребовать лекарство для лошади от усталости... Словом, лишь бы коня не вести, лишь бы сейчас отделаться от маленького порученного ему дела.

— Так я же хочу крутить движок, — обиделся Топс, — я же сам это и предложил!

— «Построим плотину»! — не слушая оправданий Топса, продолжал Егор. — Думаешь, это просто? Ты сыплешь в воду камни, а их уносит течением. О каких подводах ты говорил? Ведь мосты на колесной дороге снесло. Надо сваи... Я, конечно, кое-что понимаю в этом деле, одним словом, сапер, — так это же нам не под силу! — Егор замолчал, строго посмотрел на Топса, потом засмеялся, заметив его обескураженный вид, похлопал по плечу и сказал: — Мы же решили после Большого Капчугая сразу сознаваться в ошибках...

— Да я... — начал Топс.

— Ладно, — перебил Егор, — пока придется крутить ручную динамку, чтобы освещать растения ночью — это

раз, и чтобы можно было от нее зарядить аккумуляторы — это два. Где динамка?

Никто не знал.

— Найдем по проводам, — предложил Егор и пошел в комнату.

Мальчики проследили, куда ведут электропровода. Они тянулись к сараю. В глубине сарая, справа, виднелся аккумулятор. Слева стояли небольшой бензиновый мотор и динамомашинка.

— Гляди, движок! — крикнули Егор и Топс одновременно и с надеждой посмотрели друг на друга.

— Так Василий Александрович сказал, что движок испорчен, — напомнил Ромка.

— Поглядим, — сказал Егор и засучил рукава.

Топс последовал его примеру, воодушевленный тем, что если они поправят ручную динамку, не надо будет крутить. Ромка, ничего не понимавший в технике, вышел в сад. Он с уважением подошел к ДР и долго рассматривал их удивительные листья. Ромка несколько раз возвращался в сарай, а ребята все еще возились возле движка. Потом Люда принесла обед и рассказала, что «гости» причиняют много беспокойства своим любопытством.

Ребята пообедали, и Люда ушла. Солнце заходило. Ромка в пятый раз заглянул в сарай. Егор и Топс руками, выпачканными в масле, прикручивали гайки. Оба были довольны и весело смеялись.

— Все в порядке? — обрадовался Ромка.

— Карбюратор, только и всего, — сказал Топс. — Подумать только: отвинтился главный жиклер в карбюраторе, а мы искали...

Ребята бросили ключи на землю и вытерли руки тряпками. Егор исследовал содержимое бачка:

— Бензина на ночь еле-еле хватит.

Он снял с колеса мотора приводной ремень, иду-

щий к динамо, и нажал рукоятку завода. Мотор хлопнул два раза и стих. Запахло бензиновым перегаром.

— Пойдешь, как миленький, — приговаривал Егор, снова заводя мотор.

Но ребята немало помучились, прежде чем мотор начал работать, «как часы».

— Давай сейчас проверим проводку на распределительном щите, — командовал Егор. — У нас была небольшая электростанция на фронте — мне приходилось работать с монтерами.

Но в наступившем сумраке это было нелегкое дело. Первый включенный рубильник не осветил плантации, о чем доложил Ромка, стоявший у дверей, второй тоже.

— Может, ты не видишь? — сказал раздосадованный Егор и вышел из сарая.

Лампы не горели.

— Включай третий рубильник! — крикнул Егор.

Листья доящихся растений дали слабый, но все же заметный красноватый отблеск и казались отполированными. Это их осветило электросолнце, подвешенное на дереве.

— Кажется, горит, — сказал Егор.

В саду раздался резкий гортанный крик. Егор немедленно вернулся обратно в сарай.

— Ребята, — тихо сказал он, — честное слово, здесь кто-то есть. Может, забыли запереть двери ограды и кто-то проник в сад?

Мальчики быстро вышли из сарая.

— Эх, нет фонарика! — с досадой сказал Егор.

— У меня есть спички, — вспомнил Топс.

— Кроме нас, здесь никого нет! — сказал Ромка.

— А ты уверен? — спросил Егор.

Ромка не ответил.

— Надо посмотреть в доме, — предложил Топс: — может быть, оттуда кричали. Уж не Степка ли?

— Может быть, птица или зверь. Эх, ружья не взяли! — воскликнул Егор.

Ребята вошли в сарай. Егор взял топор, Топс захватил тяжелый молоток, Ромка нашел большую палку. Возле дома никого не обнаружили.

В большой комнате, где стояли вакуумы, а за ними колонки, горела лампочка. И там никого не было. В лаборатории тоже никого не было. Третья дверь вела во двор, к ручной динамке. Мальчики направились к четвертой, закрытой двери. Там кто-то вздохнул. Егор толкнул ногой в дверь. Она была заперта. Егор скомандовал без слов, жестами. Ребята нажали все трое, нижний болт выскочил, и обе створки двери распахнулись. В комнате было темно.

— Эй, кто там, выходи! — крикнул Егор.

Донесся еле слышный шорох.

— Здесь! — прошептал Егор.

Топс шумно вздохнул, и Ромка угрожающе замахнулся на него:

— Тише!

— Надо осветить, — прошептал Егор. — Чиркай спичку.

Огонек спички осветил блеснувшую под потолком электрическую лампочку. Под ней прямо перед ребятами, в центре комнаты, стояло что-то высокое, широкое и круглое, нечто вроде огромного чана, занимающее чуть ли не половину комнаты и соединенное широкой трубой с потолком. Дальше темнели шкафы, какие-то приборы.

— Кто здесь есть? — крикнул Егор.

Опять донесся еле слышный вздох. Егор решительно шагнул в комнату и, нащупав выключатель за дверью, повернул его. Лампочка не зажглась. Егор опять зажег спичку. Людей в комнате не было.

— А ну, Ромка, сбегай в сарай, включи все рубильники, может и здесь зажжется.

Ромка побежал и скоро вернулся с докладом, что все рубильники включены.

— Значит, здесь лампочка перегорела, — сказал Егор, — а где у них запасные, неизвестно... Вот что, Топс: там, в лаборатории, в крайнем шкафу справа, я видел эти трубки электросолнц со светофильтрами для освещения ДР. А ну тащи одну сюда, вкрутим вместо лампочки.

Ромка с помощью Егора взобрался на верхнюю крышку большого чана, вывинтил перегоревшую электрическую лампочку, ввинтил трубку электросолнца со светофильтром, и Егор включил свет. Ромке, не успевшему выпустить патрон лампочки, показалось, что его ударило током. Он отшатнулся, выронил выкрученную лампочку, которая со звоном разбилась на полу. Падая, Ромка схватился за железный стержень на «трубе». Он подался под его тяжестью вниз, в «трубе» что-то зашумело, и Ромка очутился на полу.

— Чего ты? — спросил Егор, помогая ему подняться.

— Ничего. Ты понимаешь, там стеклянный верх, и под ним что-то шевелится и вздыхает. Честное пионерское, не вру!

В комнате, освещенной очень слабым и мрачным красноватым светом, никого не было видно.

— Вот так штука! Кто же это вздыхал? — громко спросил Егор.

Как бы в ответ на его вопрос, со двора донесся резкий крик.

— Он на дворе! — крикнул Егор и призывно махнул ребятам рукой.

Через несколько секунд они были возле дома. Было очень тихо. Ветра не было, все же один лист ДР покачивался так, будто бы его кто-то трогал.

— Тень, тень! Он побежал туда! — крикнул Топс, показывая рукой в сад. — Прямо! Я видел тень!

— Ты, Топс, жди здесь, — распорядился Егор, обуреваемый жаждой сразиться, — и присматривай за работой движка, а мы с Ромкой его поймаем!

Мальчики пробежали меж доящихся растений, выбежали на полянку, а потом помчались через лужайку в сад и там остановились.

— Где же он? — спросил свистящим шопотом Ромка, оглядываясь во все стороны.

— Не вижу, — тихо ответил Егор.

Они всматривались в темноту и ничего не видели.

— Кто бы это мог быть? Степка?.. Идем обратно, мы обещали не ходить одни по этому саду, — напомнил Ромка. — Заблудимся еще и попадем в лапы «зеленых сторожей», и они нас задавят в своих «зеленых бочках». Где наш домик?

Егор растерянно повернулся направо, потом налево. Кругом высились деревья.

— Кажется, там, — он неуверенно махнул рукой назад.

Теперь они шли медленно, осторожно, обходя высокие темные деревья, и вышли к каким-то кустам. Егор хорошо помнил, что таких кустов, когда они бежали, не было. Он хотел узнать, не дорожка ли темнеет возле кустов, опустил руку вниз и коснулся рукой какого-то скользкого растения. Мальчик быстро отдернул руку и, ощутив на пальце что-то прилипшее, хотел стряхнуть, но липкое вещество не стряхивалось. Он потер — размазалось по пальцу.

— Куда же итти? — спросил Ромка.

Они свернули в проход между кустами. Одуряюще запахло цветами.

— Ты куда? — спросил опять Ромка.

— Я сам не знаю, — встревоженно ответил Егор, ощущая неприятное жжение в пальце, которым он тро-

нул липкое растение. — В крапиву попал рукой, жжет, как угли! — с досадой буркнул он.

— Хорошо бы отдохнуть, — тихо сказал Ромка совершенно измученным голосом.

— Я как-то тоже сразу устал, — сознался Егор.

И они, как по команде, сели на землю там же, где стояли.

Егор вдруг почувствовал совершенно непреодолимое желание заснуть.

— Егор, а Егор, — донесся до него сонный голос Ромки, — а Топс без нас справится?

Егору показалось, что он засмеялся, но на самом деле он даже губами не в силах был пошевелить. Его тело склонилось и упало на бок. Потом ему показалось, что кто-то плотно закрыл ему рот и нос и он покатился вниз.

VI

Люда в десять часов вечера принесла ребятам еду и очень встревожилась, узнав от Топса, что Егор и Ромка погнались по саду за тенью и не вернулись. Беспокойство даже помешало ей обрадоваться починке движка. Не отвечая на вопросы Топса, она сразу же направилась в глубь сада, освещая дорогу фонариком.

— Лишь бы они не попали к снотворным цветам! — волновалась девочка.

На всякий случай она нарвала нужных ей цветов, положила их в платок, подвязала его так, чтобы можно было дышать только через этот платок с цветами, и побежала по тропинке, обсаженной кустами, меж цветочных плантаций. Наконец она наткнулась на обоих мальчиков.

Случилось то, чего она так боялась: Егор и Ромка лежали возле «снотворных цветов». Люда принялась

тормошить Егора. Мальчик с трудом приподнял голову и сейчас же опустил ее на землю.

Люда подхватила Егора подмышки и потащила по тропинке. С трудом протащив его шагов сто к делянке с маленькими белыми цветами, Люда положила его на траву и побежала за Ромкой. Когда она притащила и Ромку, Егор уже пришел в себя.

— Что такое? — спросил он хриплым голосом.

— Ведь ты обещал папе никуде не ходить! — чуть не плача, твердила девочка. — Ах, как нехорошо, как нехорошо!

— Я спал? — спросил Егор.

— Вы попали к снотворным цветам, — кратко ответила Люда. — Ведь папа объяснял, что есть эфирные масла, создающие хорошее настроение, вызывающие смех, а эти усыпляют. Искандер хочет их вместо хлороформа пустить, а в большом количестве они могут вызвать даже вечный сон. Мы зовем их «снотворные»... Ведь отец запретил вам ходить по саду. Он думал, что вы умнее! — сердито закончила Люда.

— Меня, кажется, змея укусила в руку, — пожаловался Егор. — Сил нет терпеть.

— Дай руку!

Егор нехотя подал руку. Люда посветила фонариком и вдруг сердито крикнула:

— Ведь говорил папа — не трогай ничего, ведь говорил?

— Ну, говорил...

— А вы всё обещали, обещали... ты слова держать не умеешь!.. А еще фронтовик... Вот видишь!..

Люда пошла куда-то и принесла несколько твердых мясистых листьев. Она растерла один из них и сказала, обеспокоенная и раздосадованная:

— Три мякотью этого листа свои опухшие пальцы.

Егор растер пальцами лист. Сок приятно холодил

пальцы. Боль в руке быстро утихала. Ромка тоже очнулся и сел.

Вдруг издалека донеслись отчаянные крики Топса.

— Там что-то случилось, — сказал Егор. — У Топса, наверное, мотор остановился, а поправить он не может... И электросолнца не работают... Ну же, Ромка, вставай!

Но Ромка был очень слаб и итти не мог. Егор поднял Ромку на ноги, тот забросил правую руку на шею Егору, а левую — на шею Люде, и так втроем они двинулись в путь. Люда сердилась на мальчишек. Они виновато молчали.

Навстречу им стремглав мчался Топс.

— Что-то лезет из дома! — еще издалека закричал он.

— Кто лезет? — Егор уже окончательно пришел в себя.

— Что-то похожее на серого дракона! — задыхаясь от волнения, прошептал Топс и, заметив недоумение ребят, пояснил: — Ну, на того, о котором говорил Асан в Большом Капчугае.

— Что за чепуху ты говоришь! — рассердилась Люда.

— У страха глаза велики, — заметил Егор.

Со стороны домика донесся звон бьющихся стекол.

— Да кто там стекла бьет? — сердито закричал Егор.

— Я же говорю — серый дракон, — настаивал Топс.

В таком необычайном ажиотаже ребята видели его в первый раз. Люда, Егор и Ромка, которому волнение придало силы, опрометью бросились к домику. Топс старался бежать позади.

Когда ребята подбежали к доящимся растениям, находившимся в двадцати метрах от дома, то с ужасом увидели, что из распахнутых настежь дверей и раскрытых окон медленно выползают на землю щупальцы ка-

кого-то колоссального чудовища, вытягивающего их навстречу ребятам.

— Прямо как серый дракон! — прошептал Топс, дрожа всем телом.

— Назад! — приказал Егор.

Они отбежали метров на пятьдесят и хотели бежать дальше, но Егор заставил их лечь за кустом, чтобы вести наблюдение. Они лежали, распластавшись на земле, с трудом сдерживая шумное дыхание, готовые мгновенно умчаться дальше в сад, и с ужасом смотрели через куст на невиданное чудовище. Совершенно невозможно было определить, что оно способно совершить в следующую секунду. Во всяком случае, пока оно было как сонное.

— Может, нам это кажется? Может быть, мы спим? — спросил Ромка. От волнения голос у него был хриплый.

Егор, по давнишней мальчишеской привычке, протер глаза кулаком и ущипнул себя, стараясь проверить, уж не снится ли ему все это.

— Нет, не спим, — тихо, но твердо ответил Егор и, встряхнув ошалевшего Топса за плечо, спросил: — Откуда оно взялось?

— Н-не ззнаю, — ответил Топс, не сводя глаз с шевелящихся толстых лап невиданного зверя. — Ты понимаешь, мотор стал давать перебои. Я был в сарае, регулировал подачу горючего. Слышу — кто-то выбил стекло. Ка-ак зазвенит! Я выскочил — думал, вы. Открываю дверь в доме — не открывается. Приналег плечом, елеле отодвинул немного, а серый дракон в щель ка-ак просунет лапу, да меня за ногу.

— Ну?! — воскликнул Ромка. — А ты что?

— А я назад, в сад, а он второе окно выломал и полез за мной другой лапой в сад.

— Ничего не понимаю, ничего! — твердила Люда.

— Серый дракон вошел, как дым, — начал фантазировать Топс.

— А ты видел? Видел? — настойчиво допрашивал Егор.

Топсу хотелось ответить, что он это сам видел, но сердитый тон Егора не позволил ему соврать.

— Мне так кажется, — неуверенно сказал он.

— «Кажется»! — яростно прошептал Егор.

— А может, он охраняет сад, — не сдавался Топс.

— Вздор! — запротестовала Люда. — В саду нет никаких ни зеленых, ни серых драконов. Все это сказки. Но я все-таки не понимаю, что случилось.

— Что же это все-таки такое? — спросил Ромка.

Люда не отвечала. Она сама была удивлена и испугана.

Электросолнца слабо освещали дом, и наблюдать было трудно. Серый дракон не нападал, и первый испуг прошел.

— Если оно не лезет к нам, я полезу к нему, — сказал Егор.

— Не надо! — горячо отозвалась Люда и схватила Егора за руку.

— А если серый дракон тебя сцапает? — испугался Топс. — Нет, не ходи.

— Я бывалый, — шепнул Егор и по-пластунски пополз к дому.

Ребята уже не лежали. Они стали на колени, раздвинули ветки куста и с тревогой наблюдали за Егором, опасаясь всего самого ужасного.

— Топс, сбегай за ружьем, — приказал Ромка.

— Не пойду, — решительно отказался Топс.

— Эх ты, трус, трус, трус! — разозлился Ромка.

— Иди сам, если храбрый, а я боюсь, — сознался Топс.

Ромка замолчал. В саду было тихо.

Вдруг раздался звон стекла, треск. Топс вскочил и помчался в сад. Ромка и Люда оказались на ногах, не зная, то ли им бежать на выручку к Егору, то ли ждать. Они увидели Егора, бежавшего к ним со всех ног. Не дождавшись его, они побежали по дорожке в сад.

— Стой! — крикнул Егор.

Они остановились. Егор подбежал и сообщил, что «надо действовать». Ромка и Люда повторили почти в один голос:

— Надо действовать!

Топс подошел на цыпочках и прошептал: «Тссс!», боясь, что голоса привлекут серого дракона. Егор досадливо махнул рукой и громко повторил:

— Надо действовать.

А как действовать, что делать, никто не знал.

— Надо бежать за Василием Александровичем и за ружьями, — наконец решил Егор. — Может, это какой-нибудь особенный сторож вашего сада, а ты, Люда, не знаешь.

— Папа не придет, — предупредила Люда. — Там приехал Пханов с приятелем, и они требуют, чтобы папа дал гигантские орехи для продажи в ларьке, а папа не дает. Папа не оставит их одних, а то они сами... — Люда не договорила, но все ее поняли.

— Не можем мы без Василия Александровича, — взволнованно сказал Егор. — Тут дело посерьезнее орехов. А ну, Топс, беги за Василием Александровичем.

Но Топс не двинулся с места. Для него встреча с Пхановым была тоже неприятна. Да, кроме того, дорога к выходу лежала мимо домика с драконом. Итти мимо дракона — ни за что!

— Хорошо! — воскликнул Егор. — Ты, Ромка, оставайся здесь с Топсом, и следите, что будет дальше, а я побегу.

— Ишь какой, сам убегает, а мы оставайся! — про-

шептал напуганный, дрожащий Топс. — Бензина в запасе нет, этот кончается — мотор, того и гляди, станет, будет темно.

— Ну, иди ты, — предложил Егор, — а я останусь. Только смотри не давай Пханову гигантские орехи, когда Василий Александрович уйдет.

— Не пойду! — буркнул Топс.

— Топс останется со мной, — решительно заявил Ромка, в котором чувство дружбы и стремление к подвигу пробудили жажду деятельности. — Вы с Людой бегите. Пусть Василий Александрович идет поскорее. Принесите мое ружье и бензин для мотора. Если мотор станет, то свет прекратится, а крутить ручную динамку рядом с драконом я не буду. Что бы ни случилось, знайте: мы с Топсом не были трусами. Правда, Топс?

— П-п-правда! — не слишком уверенно пролепетал Топс.

Егор и Люда побежали к выходу.

— Скорее принесите ружье — чудовище ползет в сарай, а там мотор! — донесся до их ушей крик Топса.

VII

Егор вбежал на веранду, где стоял привязанный, глухо рычащий Барс, и крикнул Люде:

— Зови отца сюда!

Егор сел возле Барса.

— Боевая тревога, — прошептал на ухо псу Егор, — боевая тревога, — и почувствовал, как шерсть на загривке собаки вздыбилась.

Барс перестал ворчать, и мышцы его тела напряглись.

Василий Александрович вышел взволнованный. без своей белой шляпы и уже у ступенек крикнул:

— Что там случилось?

Егор сбивчиво рассказал все, что знал о появлении неизвестного чудовища.

— Ничего не понимаю, ничего! Вы что-то путаете! — воскликнул Василий Александрович.

— Идите скорее, сами увидите! Что-то непонятное! Нужно взять с собой ружья и бензин, а то там бензин кончается.

— Я иду сейчас же, а вы, Егор Иванович, оставайтесь и следите, чтобы эти, с позволения сказать, гости, — Василий Александрович сердито посмотрел на дверь дома, — не бродили по комнатам, не трогали рукописей и, главное, не взяли образцов грецких гигантских орехов, до которых я запретил им даже дотрагиваться, и вообще чтобы ничего не трогали.

— Есть проследить, чтобы ничего не брали и не трогали! — отрапортовал Егор и добавил проникновенным шопотом: — Василий Александрович, я же фронтовик, я же бывалый, мне диверсантов поручали выслеживать и стеречь, мы недавно парашютиста в горах поймали, а тут какой-то торговец... Будьте спокойны... Только берите это ружье и патроны для Ромки.

— Я вам, Егор Иванович, верю, вполне верю... А бродили вы по саду совершенно напрасно! — сурово сказал ученый, но втайне он был доволен присутствием отважного мальчика. — Асан и Гномик сторожат возле ореховых деревьев.

Егор вошел в кухню. Здесь горела лампа.

— А я смотрю, куда хозяин пошел? — услышал он незнакомый хриплый голос.

Егор обернулся и увидел массивную, почти квадратную фигуру, и в первую минуту ему показалось, что человек без глаз. Только присмотревшись, он понял, что глаза у этого толстяка, крошечные, бесцветные, сидят глубоко и прищуренные веки прячут их. «Это Пханов»,

догадался Егор. Пханов, одетый в костюм военного покроя, казался солидным и серьезным.

Пханов со снисходительной улыбкой посмотрел на мальчика:

— Джигит! Глаза как угли, кулаки сжаты — джигит хоть куда! — Он отрывисто засмеялся.

Егор смущенно разжал невольно сжатые кулаки.

— Ну, здравствуй. Я Мустафа Пханов, коммерческий директор, самый веселый татарин в Киргизии. — И он протянул руку Егору.

Егор убрал свою руку за спину.

— Зачем так? — серьезно сказал Пханов. — Я таких ртов, как твой, десятка три кормил, поил и еще одевал. Люблю хороших ребят! Эх ты, хорошему человеку свинью подложил! Увел у меня мотоцикл? Будешь мне другом — все сделаю.

— Мотоцикл Топса, а не ваш.

— Топс мне его дал. Я за это Топса жирно кормил, сладко поил и одевал. А ты мотоцикл увел, у меня целый ряд дел расстроился из-за этого. Хорошо, что друг вернул мне этот мотоцикл.

— Друг? Какой?

— Гарун, конечно, — ответил Пханов и подмигнул изумленному мальчику: — Не имей сто рублей, а имей сто друзей. А мне что надо? Мне всего и надо-то взять несколько больших орехов для образца, а он не дает.

— А зачем вам эти орехи? — настороженно спросил мальчик.

— Как «зачем»? Кто заведует торговой палаткой этого же кишлака в городе? Я! Мне надо перевыполнить план торговли. У меня недовыполнение, понимаешь? Все кишлаки продают обычные орехи мешками и вагонами. Со мной покупатель приехал. Еще в городе он увидел у меня в ларьке большие орехи и спрашивает, откуда.

Я говорю: «Есть еще бóльшие, с очень больших деревьев, которые очень быстро растут». — «Нет таких, — говорит. — Давай спорить!» Поспорили на тысячу рублей, что я продам ему центнер таких орехов. «За ценой не постою», говорит... А я ему: «Если покупаешь центнер таких орехов, тогда купи всю партию». Он сразу согласился. Я цену большую назначил. Он согласился. Я сказал: «Отоваривай!» Он согласился. Дает свиную тушонку и еще кое-что. У меня будет перевыполнен промфинплан. А старики упрямятся. Колхозу чистая прибыль. Я спорил с Василием Александровичем, спорил, охрип, а он говорит одно слово: «Нет». Ему наука дороже доходов колхоза. А колхоз на эту науку деньги тратит. Они говорят: наш колхоз и так миллионер, а я говорю — мало, пусть наш колхоз будет самый богатый в районе. Зачем я тебе это говорю? Просто как другу Гаруна. Ты Василию Александровичу скажешь, другой скажет, он и согласится.

— Подождите до десятого сентября, тогда хоть десять мешков берите, — посоветовал Егор.

— Мой покупатель сейчас требует, иначе я пари проиграю. Понимаешь?

Пханов подошел к Егору и дружески обнял его за плечи:

— Спроси кого хочешь, и все скажут: Пханов все может. Покрышки надо — Пханов достанет. Запчасти надо — у Пханова есть. Бензин надо — пожалуйста. Гвозди, стекло — тоже могу. Какие надо удобрения — из-под земли достану. Хочешь мне другом быть? Для друга ничего не пожалею! — Пханов дружески улыбнулся.

Егора удивила неожиданность вопроса. Повидимому, это был простой и добрый человек.

— Проси что хочешь! — вдруг сказал Пханов.

Егор тотчас же спросил о полковнике Сапегине.

— Хочешь папирос? — Пханов вместо ответа поспешно вынул портсигар.

Отказ Егора удивил, но не смутил Пханова.

— Слушай, друг! — Пханов понизил голос. — Я знаю, все знаю. Я знаю, почему старики не хотят продавать: они нашли большие сокровища и зажали... Это правда?..

— Нет, что вы, они и не думают о личной выгоде! — возразил Егор, обиженный за бескорыстных ученых.

— Не говори так, — возразил Пханов. — Люди говорят — они нашли сокровища солнца, которые стóят дороже золота. Сам Искандер говорил об этом в районе. Я знаю. Ты понимаешь, если хоть немного этих сокровищ взять и продать через мой ларек, сразу будет большое перевыполнение промфинплана и какой доход, а? Тогда можно здесь построить не пункт, а целый научно-исследовательский институт колхозного производства, ларек, пекарню, водопровод, а?

— Так ведь сокровища солнца — это не золото, — пояснил Егор. Он взглянул в узенькие щелки глаз Пханова, где бегали, как пауки, черные зрачки, и вдруг смолк. — Работа колхозных ученых всем известна, — сказал наконец мальчик, тщательно подбирая слова.

— А я что говорю! — воскликнул Пханов. — Я знаю, их опыты снимали для кинофильма.

— А сокровища солнца, — продолжал Егор, — это зеленые растения, это новые формы растений, созданные мичуринцами... Я, например, охотник...

— Бросай эти шутки с охотой! Поедешь со мной — я тебе сколько хочешь мяса дам, хоть барана, хоть двух.

— Да разве охотнику только мясо нужно! — возмутился Егор.

Дверь неожиданно распахнулась, и Егор увидел второго гостя, о котором он совсем было и забыл.

VIII

Худощавый, высокий, он левой рукой подбрасывал вверх большой, как яблоко, грецкий орех и ловил его.

— Ол райт, — сказал он Пханову, — только какие-то сорванцы сделали мне удар на левый глаз! Дай холодный чай или воды. Надо примочку на глаз. Как стукнулась сверху эта бомба, чуть не убила. Это сорванцы с дерева сбросили, будет большой синяк и... как это... шишка! — Он замолчал и быстро обернулся к Егору: по-видимому, Пханов сделал ему знак. — О! Юный друг! — ласково сказал он, не отнимая правой руки от глаза, и сунул левую руку с орехом в карман пиджака. Орех еле вошел.

Егор стоял бледный. И причиной его смятения был не орех в руках незнакомца, а браслет на запястье левой руки. Этот браслет, как казалось Егору, он хорошо помнил.

— Здравствуйте, — сказал незнакомец, подавая левую руку (правую он не отрывал от глаза).

Егор цепко ухватил его за руку и сжал.

— О-о-о! — сказал худощавый незнакомец, показывая в улыбке крупные, как у лошади, зубы. Его карие глаза, окруженные морщинками, не улыбались. — Нравится? — спросил он, заметив пристальный взгляд Егора, устремленный на браслет. — О-о, интересный? — И незнакомец, поднеся браслет к глазам Егора, шутя схватил мальчика рукой за шею.

Рука была словно железная. У Егора перехватило дыхание. Он отрывал эту руку двумя руками и не мог от нее освободиться. Незнакомец не улыбался.

— У тебя железное рукопожатие, а у меня хватка, — пояснил он.

— Бросьте, Боба, — сказал недовольно Пханов. — Это свой парень. Зачем пугать его?

— А-а-а! Шутка за шутку! — Пальцы, сжимавшие горло и шею Егора, разжались.

Егор вздохнул полной грудью и утер невольно выступившие на глазах слезы.

Дверь опять распахнулась, и в комнату вбежали Ромка и Топс.

— В саду взрыв жизни! — крикнул Ромка, но, увидев гостей, осекся.

— Что, испугался? — сказал Пханов.

Топс попятился и выскочил за дверь.

— Позови Люду! — крикнул ему Егор.

— И напрасно Топс боится, — сказал Пханов.— Я доволен, что он делом занимается, а не болтается по улицам.

Вошла Люда. Егор, показав ей глазами на гостей, вышел из комнаты вместе с Ромкой.

— Беда, Ромка, — прошептал Егор. — Я знаю этого второго. Как он здесь очутился? Что у него за дружба с Пхановым? И потом, у него золотой браслет с подвесной золотой пластинкой, — сказал он встревоженно.

— Ну так что?

— Это долго рассказывать. Лучше возьмем Барса и, как только заметим, что этот второй будет один в саду или во дворе, навалимся на него, посмотрим, какие инициалы на золотой пластинке, и отнимем у него орех, который он подобрал под деревом.

И Егор побежал за Барсом.

Ромка вышел в сад и закричал перепелом. Из-за кустов донесся ответный крик. Топс подбежал, дрожа от волнения. Подошел и Егор с Барсом. Барс хватал Егора зубами за руку, проявляя беспокойство.

— Ребята, — сказал Егор, — Барс дает знать, что чужой человек во дворе. Наверное, это вышел тот, с золотым браслетом. Нападем на него. Ты, Ромка, бросайся ему под ноги сзади, Топс схватит правую руку, я — ле-

вую, где браслет, а ты, Ромка, еще вынешь орех из левого кармана. Помните, как мы поймали парашютиста...

Пригибаясь к земле, ребята двинулись за Барсом, идущим впереди на поводке. Незнакомец проходил под орехами. Ребята напали на него сзади. Егор уцепился за руку незнакомца, Топс — за другую... и в следующее мгновение Егор потерял сознание...

Когда он пришел в себя, знакомый голос Гаруна озабоченно спрашивал:

— Ну как, легче тебе?

— Ребята, я ослеп совсем! — в ужасе прошептал Егор.

— Не бойся, это пройдет, — услышал он опять голос Гаруна. — Вы что, с ума сошли! Бросаться на меня! Я принял это за серьезное нападение, ну и применил кое-какие приемы. — Гарун говорил сдержанно и спокойно, будто ничего особенного не произошло.

Рычащий Барс старался сорваться с поводка.

— Лежать! — крикнул Егор.

В глазах Егора мелькали черные линии и пятна. Наконец он стал различать очертания деревьев. Он приподнялся, чтобы сесть. Гарун помог ему. Ромка и Топс сидели на корточках и участливо смотрели на Егора.

— Роман рассказал, что ты хотел напасть на человека с браслетом на левой руке и посмотреть подвеску? — спросил Гарун.

— Да, — ответил Егор.

— Скажи, зачем?

IX

— То, что я расскажу, — сказал Егор, — просто поразительно. Вот не думал, что придется это вспомнить! Начну все по порядку. Дело было в городе Бунцлау перед весной 1945 года. Город Бунцлау находится в Гер-

мании, в Силезии, западнее города Бреслау, между реками Одер и Эльба. Мы штурмовали город, взяли его, а ратуша, обнесенная высокой стеной, еще держалась.

Полковник Сапегин приказал взорвать стену толом. Взорвали. Фашисты засели в ратуше. Пленные потом говорили, что им приказано было во что бы то ни стало защищать ценности в подвалах и держаться до подхода подкреплений. Наши бойцы ворвались в подвалы. Полковник Сапегин с бойцами все разминировал. Смотрим — железные двери огромного сейфа, а вверху зачем-то дырочки для вентиляции. И надпись: «Минировано». А мин не было. Вскрыли дверь. Что же, вы думаете, там было? — Егор замолчал.

— Золото, — сказал Топс.

— Бриллианты и деньги, — высказал предположение Ромка.

— Там... — сказал Егор и сделал паузу, — там были семена, не золотые, а самые обыкновенные семена в мешочках, в пакетиках, в мешках, а на них надписи: «Вывезено с Уманской сельскохозяйственной опытной станции», «Вывезено из Одесского института», «Вывезено с Киевской сельскохозяйственной станции», и много таких, целый склад... Там еще были книги по сельскому хозяйству, записки опытных станций, много-много таких... Полковник Сапегин посмотрел на все это и говорит: «Это просто камуфляж — маскировка под семенной склад. Здесь, наверное, спрятано что-нибудь очень и очень ценное. Может быть, здесь спрятаны военные изобретения, а может быть, здесь подземный завод секретного оружия». Перерыли все, искали в земле, в стенах, искали тайное хранилище — ничего не нашли...

Спрашивали жителей этого дома, сторожа — они клялись, что в последнее время здесь хранились только семена. Полковник Сапегин приказал приварить желез-

ные кольца к двери и повесил замок. На ночь поставили часового. А ночью вдруг началась тревога. Патруль обнаружил, что часовой убит. Оказалось, что замок с двери подвала сорван, дверь открыта, мешочки с семенами разбросаны. Снова искали целый день. Никак не могли понять, в чем секрет, где ценности, но ничего не нашли. А ночью сам полковник Сапегин спрятался в подвале. И дождался. Трое пришло. Он крикнул: «Хенде хох!» Они выстрелили из пистолетов. Полковник Сапегин одного застрелил, а за двумя бросился в сад, и тут его ранили разрывной пулей. Двоих патруль задержал, когда они на улицу выскочили. Привели их обратно. Один был немец. Он боялся за свою жизнь и все рассказал. «Нам, — говорит, — приказали похитить семена гибридной кукурузы и других культур, обещали за это много заплатить. Не расстреливайте, я правду говорю. Вот наш старший, он нам приказал», и показывает на второго. Тот вначале не хотел говорить, а потом его заставили. Тогда он видит, что плохи его дела, просит распороть брюки на поясе, достает оттуда паспорт свой и говорит: «Вы не смеете меня трогать, я иностранный журналист». Мы не поверили: союзник — и вдруг заодно с немцами. Решили, что паспорт подложный или чужой, для отвода глаз. А он твердит: «Настоящий паспорт. Я охотился за одной сенсацией, а в чем секрет, вам не расскажу. А если я погибну от вашей руки, большие неприятности вам будут». Дело путаное, темное, нам разбираться было некогда, и тогда же его отослали для выяснения личности. И что же вы думаете? — Егор опять сделал длительную паузу.

— Да не мучь ты! — крикнул Ромка.

— Это был американский журналист!

— А почему с немцами? — недоверчиво спросил Топс.

— Почему? Вся штука в том, что американцы и анг-

личане одной рукой воевали с немцами, а другой — против нас.

— Ну, ты скажешь! — заметил Ромка.

— А кто не хотел открывать второй фронт, чтобы мы истекли кровью, а открыли только тогда, когда мы прогнали фашистов и шли к Берлину?.. И ты не спорь... Политрук потом нам все объяснил. И когда мы вышли к Эльбе, одному майору однажды поручили сесть на самолет и посмотреть, что это за огромная колонна движется с запада к Эльбе, не союзники ли желают попробовать, остер ли наш штык, а оказалось, это было немецкое население. Когда подходили наши войска, немцы убежали на запад, а там их начали грабить американцы, вот немцы и бросились бежать к нам.

— Ну, а при чем здесь золотой браслет? — нетерпеливо спросил Гарун.

— А то, — воскликнул Егор, — что у того американского журналиста был точь-в-точь такой же браслет с подвеской, а на ней инициалы П. П. При допросе, когда нашли паспорт, браслет снять с руки не могли. Хотели посмотреть, что в нем спрятано, но так и не сняли — браслет не снимался. Начали мылить руку, стаскивать...

— Ты уверен, что это тот самый журналист, работавший против нас, наш враг? — спросил Гарун, еле сдерживая нетерпение.

— Тот тоже имел браслет с золотой подвеской, — уверенно сказал Егор. — Этот и по-русски говорит хоть и почти правильно, но с сильным акцентом. Давайте сейчас же допросим его и сами все узнаем!

Егор вскочил, и все мальчики тоже вскочили, обуреваемые жаждой деятельности.

— Нет, — решительно заявил Гарун поднимаясь, — своевольничать нельзя, а то мы такого наделаем, что нас не поблагодарят. Ждите здесь. Я сам пойду и спрошу.

Мне нужно повидать Василия Александровича и поговорить о вашей работе здесь и о приезде дружины.

Гарун ушел в дом. Минут через двадцать он появился.

— Я могу вам сказать, ребята: это действительно американский журналист, и он этого не скрывает. Оказывается, он имеет право ездить по нашей стране, в любой колхоз. Ведь это наши вчерашние союзники. Говорит, что любуется горами, интересуется колхозами, их научной работой, чтобы написать об успехах колхозов.

— А орехами? — воскликнул Ромка.

— Это тоже не запрещено. Он сам сказал, что не интересуется военными заводами и секретными изобретениями.

— Но гигантский орех тоже изобретение! — воскликнул Егор.

— Вы правы, — сказал Гарун, — лучше его не допускать, куда не надо. О, этот журналист знал, куда приехать! Его бы не пустили в лаборатории институтов и академий, — рассуждал вслух Гарун, — так он приехал в далекие горы, в колхозную, видите ли, агролабораторию. Он знал, что сюда во время войны были эвакуированы ценные подопытные растения...

— А Пханов? — спросил Егор.

— Пханов приехал в колхоз по своим торговым делам. Я прибыл, чтобы узнать, как у вас дела. Подробный отчет о походе у вас есть?

— Есть, — ответил Гномик и побежал за рапортом.

Гарун выслушал отчет Егора о разведке маршрута и одобрил многое, что они сделали. Место для бивака в яблоневом лесу Гарун не признал удачным.

— Это нам не по пути, — пояснил он. — Мы не будем останавливаться там во время большого похода дружины, а остановимся в том месте, где вы ловили рыбу.

Силь — редкое явление, но в походе надо заранее все предусмотреть.

Досталось ребятам и за совершенно ненужный для разведки и опасный переход через Большой Капчугай. Ведь сразу было видно, что путь для похода всей дружины не годится.

Зато Гарун похвалил ребят за совершенно неожиданную поимку парашютиста.

— В других условиях я бы ругал вас за задержку в пути, но в данном случае вы хотя и вмешались не в свое дело, но поступили правильно, — сказал Гарун.

Он рассказал, что Борис, узнав об истории с парашютистом, хотел тотчас же ехать к ним. Еле его удержали еще на неделю. Но все пионеры Четвертой дружины очень горды за своих товарищей. Что же касается его, Гаруна, то он из-за сегодняшнего «открытия» должен немедленно возвратиться в город.

— Помогайте Искандеру и Василию Александровичу, и никаких нападений на журналиста. Все, что нужно сделать, без вас сделают.

— Значит, этот журналист — наш враг? — спросил Ромка.

— Ясно, что не друг, но тот ли это журналист, о котором говорил Егор, это сейчас определить нельзя. Такие браслеты могут быть у многих, если на них мода.

— А если он догадывается, что его знают? — ревниво спросил Егор.

— Ну, идите, — уклончиво сказал Гарун, — ваше отсутствие подозрительно.

— А как быть с орехом? — спросил Егор. — Он уже захватил один орех грандиоза.

— Это плохо. Хорошо бы этот орех у него отобрать обратно. Но делать это силой нельзя.

— А что, если подменить ему настоящий орех поддельным? — сказал Егор. — Если мы, когда они лягут

спать, возьмем прошлогоднюю скорлупку, набьем землей, склеим и сунем в карман? Здорово будет?

— Здорово! — пришли в восторг ребята.

— Не знаю. Думаю, что это вам будет трудно. Нужно, чтобы орех подходил по весу... Нет, это трудно. Плохо, но ничего не поделаешь. Прозевали. Ну, идите спать. Работайте, будьте осторожны.

— Есть! — ответили ребята. — Наш сигнал днем — крик перепела, ночью — крик совы.

— Угу! — тихо, прикрывая рот кулаком, по-совиному крикнул Гарун.

— Угу! — ответили ему ребята.

— И еще одно, — очень серьезно сказал Гарун: — вы должны обещать мне никуда не отлучаться из Зеленой лаборатории до отъезда «гостей», а когда они уедут, дождаться прихода Четвертой пионерской, что бы ни случилось. — И Гарун снова многозначительно повторил: — Что бы ни случилось!

— Разве мы недисциплинированные одиночки? — не без обиды в голосе спросил Ромка.

— А что может случиться? — поинтересовался Егор.

— Что бы ни случилось, — повторил Гарун, — пусть даже начнется новая война, но вы останетесь здесь на своем посту. Обещаете?

— Обещаю и за себя, — сказал Егор, — и за всех.

Гарун взял рапорт и дневник у подбежавшего Гномика, крепко пожал ребятам руки и ушел.

X

Люда встретила ребят упреками за то, что они оставили ее одну надолго. Пханов сидел на табурете и, прищурив глаза, пытливо смотрел на ребят. Журналист, засунув большие пальцы рук в карман жилета, покачивал-

ся на стуле с закрытыми глазами и насвистывал веселый мотив.

— Ай, ай, Лёшка, совсем не хочешь узнать опекуна? — насмешливо спросил Пханов.

— Узнаю, — смущенно ответил Топс, потупив глаза.

— Поди сюда. Здравствуй скажи, совсем дикий стал! Если надоело здесь, айда домой. Мотоцикл стоит в кишлаке, а сюда приехали верхом. Надо денег — дам тебе, а надо продуктов — тоже не жалко. Я добрый!

— А вы дайте бензина килограммов десять для Василия Александровича из вашего склада в колхозе. Асан говорит, там у вас всего много: и покрышек, и бензина, и новый автомобильный мотор, — вдруг сказал осмелевший Топс, чувствуя поддержку во взглядах ребят.

— Зачем десять? Хочешь — пятьдесят дам, хочешь — целый центнер дам, я добрый, — неожиданно ответил Пханов. — Хотите, писать буду Абдулле, счетоводу.

— Давайте, — поспешно сказал Топс, протягивая руку.

— И напишите, — добавил Ромка, — чтобы председатель не посылал пионеров на море, а отпустил бы их помогать Искандеру облагораживать леса.

— Облагораживать леса? — спросил журналист, открывая левый глаз. — Что это такое?

— А вот придут пионеры — и увидите! — уклончиво ответил Егор, чуть не вырывая записку из рук Пханова.

— А какое время надо ждать? — заинтересовался журналист.

— Дня три, — сказал Егор наугад и, увидев гневный взгляд Люды, возмущенной, что он обрекает ее на трехдневное обслуживание неприятных людей, отвел глаза в сторону.

Журналист кивнул головой.

— Это сенсация — описать знатные дела столь детских стахановцев, — сказал он.

— Вы из какой газеты? — напрямик спросил его Ромка.

Егор сердито нахмурился и неодобрительно поджал губы.

— Журналист — свободная птица. Мы можем писать в любую прессу. Мы делаем богов и низвергаем богов. Хочу написать о вашем... как его... взрыве жизни. Что это такое, дети? — Журналист ласково улыбнулся ребятам.

* * *

С порога донесся приятный, грудной голос, полный достоинства:

— Будь благословен приход гостей в моем доме!

— А-а-а, Искандер! — не очень радостно воскликнул Пханов, поспешно вставая.

Ребята вышли во двор.

«ВЗРЫВ ЖИЗНИ»

I

— Я решил... — вспоминая слова приказа, начал Егор и остановился в раздумье перед освещенными окнами дома, где Искандер беседовал с «гостями». Со времени отъезда Гаруна лицо Егора сохраняло злое и решительное выражение.

— Что ты решил? — не утерпел Топс.

— А то, что я не понимаю, — вспылил Егор, — почему ты, Топс, ничего не можешь толком рассказать, что же все-таки произошло там, с этим серым драконом?

— Я тебе все время твержу, — раздраженно ответил Топс, — что Василий Александрович сказал, что «это взрыв жизни». Он прибежал, посмотрел и сразу же выключил движок. Электричество потухло. Потом он полез

на чердак по наружной лестнице. Серый дракон прополз немного дальше и так и сидит.

— Сидит? — переспросил Егор.

— Ну, лежит, — нехотя ответил Топс.

— Лежит? — не без иронии повторил Егор.

— Ну, стоит... Чего ты пристал, я сам ничего не понял! А Василий Александрович все время твердит: «Это взрыв жизни, это взрыв жизни», и послал меня в дом!

— А что это за штука — «взрыв жизни»?

— А ты бы Ромку расспросил. Он взял лопату и пошел зарывать труп.

— Значит, Василий Александрович убил серого дракона? — обрадовался Егор.

— Возможно, что убил. Только я не видел, чтобы он стрелял.

— Но ты же сам сказал «зарывать труп» — значит, убил.

— Значит, убил, — не слишком уверенно повторил Топс.

— Вот не люблю бестолковых! — горячо сказал Егор. — Лентяй ты несчастный! Тебе бы поесть да поспать, и вообще...

— Что «вообще»?

— Толку от тебя мало! — сердито ответил Егор и замолчал, всматриваясь в фигуры «гостей», двигавшихся в освещенной комнате.

Гномик и Асан молча слушали перепалку друзей.

— Товарищи, — решительно обратился Егор к ребятам, — я решил: Гномик и Асан идут спать, а чуть свет утром отправляются в горы — Асан на ореховую гору, Гномик на яблоневую — наблюдать за появлением Степки Пханова. Он вот-вот должен появиться. Сигнал появления Степки — дымный костер. К двенадцати часам дня вы оба вернетесь и доложите о результате разведки. Я и Топс проводим операцию, чтобы вернуть захвачен-

ный орех, Люда помогает. У меня есть один план. Разведка Барс — в моем резерве. Действуйте!

Гномик и Асан ушли спать на стог.

Егор сел на траву возле Барса. Топс опустился рядом.

— Топс, иди в дом, поболтай со своим Пхановым, а Люда пусть придет сюда.

— Я не пойду к Пханову, — угрюмо сказал Топс.

— То-есть как это так «не пойду»?

— А так, возьму и не пойду. Куда угодно пойду, только не к нему.

— А знаешь, что бывает за невыполнение приказа?

— Ну, знаю.

— Отправим тебя, трус несчастный, с Пхановым в город. А тут так интересно — и орехи, и мед, и доящиеся... Ну, пойди только на пять минут. — Топс не отвечал. — Да что ты думаешь, мы тебя ему в обиду, что ли, дадим? — рассердился Егор.

— За что? — театрально воздел Топс руки к небу и, со вздохом повторив еще раз «за что», встал и пошел в дом. — Только недолго! — крикнул он на ходу Егору.

— Ладно. Держись! — Егор засмеялся.

Очень скоро из дома вышла Люда и остановилась на крыльце, вглядываясь в темноту. Егор закричал совой. Люда подошла к нему.

— Садись, — сказал Егор и поинтересовался, что делают «гости».

— Едят так, что за ушами трещит, — презрительно ответила Люда. — А Топс за компанию уминает свиную тушонку. Его Пханов угощает.

Егор тихонько свистнул от удивления, и Барс, решивший, что это касается его, тотчас же подошел и лег у ног Егора.

— Ты помнишь, Люда, Василий Александрович рассказывал о разных сортах меда: бодрящем, веселящем, болеутоляющем и прочем. А есть у вас снотворный мед?

— Какой снотворный?

— Ну, от которого спят. Поешь и будешь спать так крепко, что не услышишь... когда и орех из кармана вытащат...

— Ах, вот что! — воскликнула Люда. — Есть такой мед в кладовой. Ключи у папы в столе. Только он сердиться будет. Без него этот мед нельзя брать.

— Не будет сердиться — это же на пользу дела, — уговаривал Егор. — Мы Василию Александровичу все расскажем.

— Но ведь кладовка рядом с кухней, и если я отопру дверь, «гости» зайдут в кладовку, а там орехи...

— А ты сделай это потихоньку и без света. Они кончают есть, мы пойдем, и пока я с ними всякие там тарыбары-растабары, ты этот мед на стол — и угощай.

II

Егор и Люда вошли в комнату к «гостям». От предложенной ему американской свиной тушонки Егор отказался, сославшись на то, что недавно ел.

— Ты что же стал такой хмурый? — поинтересовался Пханов.

— Всегда такой, — неохотно ответил Егор.

— А Гарун куда пошел, где все? — спросил Пханов, искоса глядя на Егора.

— Тут недалеко работают бригады сборщиков орехов, так он там агитатор, — не сморгнув глазом, соврал Егор в целях маскировки.

— Так ведь орехи в лесах еще не поспели, как же они собирают? — заметил Пханов.

— Здесь поспели. А я слышал, ваш сын Степа уже отправился собирать орехи, — отрезал Егор.

— А... да... Люблю ребят! — тотчас же перевел раз-

говор Пханов. — Мне бы такого помощника, как ты, большие бы дела делали. В бархате бы ходил, рахат-лукум целые дни ел.

Егор громко закашлялся, чтобы заглушить скрип закрывающейся в кладовке двери. Люда поставила горшок с медом на стол, подала блюдечки и принялась угощать «гостей».

— Люблю мед, — сказал Пханов, запуская большую ложку в горшок, а оттуда прямо в рот.

— Прима! — одобрил журналист, с удовольствием смакуя мед.

Топс не утерпел и схватил со стола чайную ложку. Егор впился в его лицо глазами, чтобы поймать его взгляд и подмигнуть: мол, остановись. Топс, видимо, понимал, что мед поставлен не ради него, но не в силах был отказаться от лакомства. Он нарочно не смотрел на Егора и Люду, быстро запустил ложку в горшок и так же быстро сунул ее в рот, потом вторую ложку.

— Топс, это мед только для гостей, — сердито напомнила Люда.

— Ничего, ешь, я добрый, я угощаю, — сказал Пханов.

«Выйди только, — злился Егор, глядя на Топса, — уж я тебе покажу такой мед!.. Только ведь не выйдет... будет спать, как колода! Хотя, может быть, это к лучшему: по Топсу мы определим, крепко ли спят «гости».

— Где будете спать? — спросила Люда.

— Только не во дворе: я не хочу сюрпризов с кобрами и кара-куртами, — заявил журналист.

Егор принес в комнату несколько охапок сена. Люда накрыла сено ковром. Егор время от времени бросал жадный взгляд на оттопыривающийся левый пиджачный карман журналиста, где находился орех.

Гости легли на ковер. Люда унесла лампу в свою комнату. Топса послали ночевать на стог. Люда, до-

ждавшись, когда все легли спать, принесла орех величиной с большое яблоко. Егор осторожно расщепил его на две половинки, тщательно вынул мякоть, заполнил пустые половинки глиной и взвесил на руке. Склеить обе половинки не составляло труда. Чтобы орех скорее засох, Егор поручил Люде держать его над лампой, а сам пошел проверить, крепко ли спит Топс.

К великому удивлению и огорчению Егора, Топс не спал.

— Ты чего не спишь? — спросил Егор.

— Иду спать! — кратко ответил Топс и направился к стогу.

— Не спит, — огорченно сказал Егор Люде.

Через полчаса фальшивый орех был готов. Он был совсем как настоящий. Егор сунул себе его в карман и выпрыгнул в окошко. Топс не спал, и это удивило и рассердило Егора.

— Ты на меня очень сердишься за мед? — спросил обеспокоенный Топс.

— Да спи ты, больше мне от тебя ничего не нужно! — успокоил его Егор.

В доме хлопнула наружная дверь. Барс залаял. Егор поспешил к дому.

— Подержите собаку, — сердито сказал журналист, направляясь в сторону.

Вслед за ним вышел Пханов.

Егор пошел к Топсу и не застал его возле стога.

— Ты чего не спишь? — набросился он на Топса.

— Заболел! — сознался Топс. — Ух, и живот болит! Все время бегаю!

Егор побежал к Люде. Он разбудил ее и сказал, что Топс заболел, а Пханов и журналист, кажется, тоже больны... животом. Не от меда ли?

— Ой! — всплеснула руками Люда. — Я, наверное, ошиблась и дала им слабительного меда.

Егор хлопнул себя по лбу.

Дождавшись, когда Пханов и журналист опять вышли во двор, Егор посветил фонариком и увидел на ковре пиджак журналиста. Обменять орех было делом одной минуты.

«Гости», ворча, возвращались обратно. Егор позвал Люду, и они тихонько, незамеченные, прошли в ее комнату.

III

Проснувшись утром, «гости» убедились, что в доме они одни. Люда и Топс собирали под деревьями осыпавшиеся за ночь гигантские орехи.

Люда передала все орехи Топсу, тот их куда-то отнес и спрятал.

— Красавица, — сказал журналист, выходя на крыльцо (дальше он боялся итти из-за Барса), — красавица, покажи мне вот этот найбольший орех у тебя в руках, и я презентую тебя банкой свиной тушонки.

— Не надо, у нас и так много свежего свиного мяса, а эти орехи мы и сами не едим до сентября, — ответила Люда. — Без разрешения отца я не могу дать вам ни одного.

— Тогда зови отца или пророка с белой бородой.

— Они работают в Зеленой лаборатории, — ответила Люда.

— Где, где? — переспросил журналист.

— Они скоро придут с ночной работы, — уклончиво ответила Люда.

— Ты плохой, непослушный ребенок! — рассердился журналист. — Я сам разыщу и спрошу их.

Он пошел в сад. Люда испугалась было и метнулась за ним, но потом вспомнила колючую ограду и успокоилась. Она пошла к Топсу на скотный двор, где тот кор-

мил гибридов, и попросила помочь ей взвесить гибридов на весах, измерить длину их туловища, объем груди, высоту в холке. Это делалось регулярно каждые десять дней.

У них немало времени ушло на эту работу. Все цифры они записали в книгу, висевшую на шнуре у столба, и Топс убедился, что молодые гибриды архаров растут скорее обыкновенных ягнят. Прирост гибридов был почти в два раза больше, чем у овец.

— Зачем ты пустила журналиста в сад? — спросил шопотом Топс. — Егор будет сердиться. Надо его разбудить.

— Не надо, пусть Егор спит. А журналист все равно не пройдет через колючую ограду, — так же шопотом успокоила его Люда. — А Пханов после бессонной ночи опять лег спать.

В полдень из сада возвратились Василий Александрович и Искандер. В Зеленой лаборатории остался Ромка.

Журналист встретил обоих ученых на веранде и пожаловался на боль в израненных и опухших руках. Искандер нахмурился: видимо, «гость» пытался проникнуть в Зеленую лабораторию. Старик молча смазал ему руки своей лечебной мазью.

Журналист взял Василия Александровича за руку:

— Вчера ваши мальчики сказали, что у вас сделался взрыв жизни. Это что такое?

— Мы продолжаем опыты, — неопределенно отвечал Василий Александрович, отдергивая руку и привычным жестом поправляя очки. Глаза его хитро поблескивали. — Почему это вас так волнует? Это простое колхозное дело.

— Наука не знает границ, достижения науки всемирны, а не просто колхозное дело. Достижениями науки надо широко обмениваться, — возразил журналист.

— У нас есть очень широкий межколхозный обмен

опытом, все научные учреждения обмениваются опытом... — ответил Василий Александрович. — Но, вы меня извините, я очень спешу. — Он кивнул журналисту и ушел в сад.

Журналист разбудил Пханова. Сидя в своей любимой позе и раскачиваясь на стуле, он как бы вскользь заметил Пханову:

— Вы не выполняете своего пари. Так дело не делается. Сегодня, ровно в полночь, вы уплатите мне свой проигрыш — тысячу рублей.

— Не учите меня, пожалуйста! — сердито возразил Пханов. — Я старый коммерсант, и я не враг себе, чтобы проиграть пари и пропустить выгодную сделку для колхоза. Орехи будут.

— Нет, орехов не будет.

— Нет, будут! — настаивал Пханов. — Их принесет мой сын и прямо в город.

— Орехи грандиоза? — поспешно спросил журналист.

— Нет, не грандиоза, но большие. Те, на которые мы спорили в городе.

— В городе это будет поздно. Но я могу сделать вам сюрприз. Я отдам вам эту бумажку, — журналист вынул из жилетного кармана аккуратно свернутую бумажку, — где записаны условия нашего пари.

— И вы не купите всю партию орехов?

— Я заплачу вам вашу сверхдорогую цену, и сделаем... как это... товарообмен, но...

— Что значит «но»?

— Вы покажете мне научные достижения вашей колхозной агролаборатории. Орех грандиоза — этого мало. Где они?

— Где они? Кто имеет глаза, тот видит. Идите в сад и смотрите! — сердито ответил Пханов.

— «Идите в сад и смотрите»! — иронически повторил журналист. — Я пробовал. Там ядовитая зеленая ограда.

Мои руки опухли и болят. Если бы не целебные мази старика, я бы мог... — И журналист многозначительно свистнул.

— Это ваше дело, — уклончиво ответил Пханов.

— Как! — возмутился журналист. — Я должен дать сенсацию в свою газету! Я хочу писать о славных послевоенных делах нашего дорогого союзника. Этих сведений очень ждут у нас, и я должен их иметь.

— Я вам этого не обещал, — резко ответил Пханов.

— Пханов, за сенсацию я ничего не пожалел бы. Чтобы иметь сведения, надо видеть, смотреть, глядеть, изучать... ясно?.. Никакого риска, чистый заработок.

— Не знаю, — подумав, ответил Пханов.

— Чем вы рискуете? — сердито спросил журналист.— Если вас спросят, вы скажете, что журналисту союзной страны, имеющему разрешение и право ездить везде, вы показываете достижения колхозного хозяйства, и только... Это же не военные объекты... это экономические объекты! Ваш проигрыш остается у вас в кармане.

— Я бы с охотой, — сказал Пханов, — да я сам не знаю, как туда итти... Впрочем, у них нет бензина... Может быть, предложить им крутить ночью ручку динамомашины?

— Действуйте! — воскликнул журналист, вскакивая и отбрасывая ногой опрокинувшийся стул. — Фирма не остановится перед затратами.

— Попробую, — неуверенно сказал Пханов. — Это можно сделать через Искандера или через ребят.

В это время на дорожке показался Искандер.

— Слушай, Искандер, — обратился к нему Пханов,— ты очень мудрый и очень старый человек, тебе не много осталось жить, зачем ты не хочешь продавать свой целебный мед и этим помочь своему колхозу увеличить выдачу колхозникам на трудодень? Ай, как нехорошо! Ай, какой ты плохой, несознательный колхозник!

— После испытания, — спокойно отвечал ему Искандер. — Я дал уже мед на пробу в больницу.

— Зачем так? Ты мне давай этот мед! — настаивал Пханов. — Я на этом меде заработаю миллионы для колхоза. Тебе плотину поставим, каждый день электричество будешь иметь... В какую больницу ты давал мед?

— Не надо, чтобы наш колхоз наживался на этом, — отвечал Искандер. — Когда все проверим, мы дадим семена цветов, и тысячи колхозных пасек смогут сами добывать такой целебный мед. Пусть тогда народ ест мед на здоровье, лечится. Тогда и мы его будем продавать...

— Ты прав, ты прав, как всегда, — проникновенным голосом сказал вдруг Пханов. — Дай мне семена этих цветов, я сам, как твой ученик, отвезу их в другие колхозы, раздам и научу, как добывать целебный мед по твоему способу. Я рад тебе помочь. Кто, как не я, достал колхозу еще одну автомашину, дефицитные стройматериалы? У кого болит сердце за выполнение промфинплана?

— У Василия Александровича болит сердце, когда он крутит ручную динамомашину, — ответил Искандер.

Пханов рассказал об очень выгодной продаже партии орехов и опять получил от Искандера отказ дать большие орехи в продажу. Пханов попросил Искандера показать гостю колхозную лабораторию, но тот только недовольно сплюнул сосательный табак «нас» и пошел прочь.

— Искандер, я готов ради науки не одну ночь, а целые сутки крутить ручку динамки. Испытай меня!

— Хоп! — соглашаясь, кивнул головой Искандер, но по его бесстрастному лицу нельзя было догадаться, говорит ли он серьезно или шутит.

Пханов мысленно выругал ослом упрямого старика и пошел разыскивать Топса. Мальчик качался в гамаке.

Пханов поманил к себе Топса и сказал ему:

— Искандер просил меня покрутить ночью ручку динамомашины. Зачем надрывать сердце? Я механик, я мог бы поправить ветряк, пусть ветряк крутит... Старикам трудно целую ночь крутить динамку.

— Очень трудно, — признался Топс, — очень трудно, я сам пробовал.

— Вот видишь! Давай исправим ветряк. Сюрприз сделаем. Может быть, тогда Искандер будет добрее.

Топс колебался. Он знал, что Пханов механик и моторы чинить умеет, но Топс помнил о золотом браслете, а ведь «гость» приехал с Пхановым.

— А откуда приехал журналист? — спросил Топс.

— Этот? — переспросил Пханов. — Ему в Москве посоветовали посмотреть какую-нибудь агролабораторию колхоза. Он приехал к нам в город, а в городе ему посоветовали сюда поехать...

— Не нравится он мне, — сознался Топс. Оглянувшись, он добавил: — Это опасный человек!

— Что ты говоришь! — воскликнул Пханов. — Я уже жалею, что связался с ним.

— Подозрительный тип, — продолжал Топс, — его нельзя пускать в сад.

— Ну, ну, почему?

Но Топс вдруг осекся, и Пханов уже не мог добиться от него ни одного слова.

— Мы пойдем сами, без журналиста, зачем он нам? Идем скорее, а то с ветряком работы много.

— Я только накормлю Барса, — ответил Топс, — а то Егор спит, Барс все время лает, слышишь?

— Еще бы не слышать, — ответил Пханов, на которого бросался привязанный пес.

Топс накормил Барса и пошел искать Люду—он хотел с ней посоветоваться насчет сюрприза с ветряком. Но Люды нигде не было. Василий Александрович и Егор спали после бессонной ночи. Искандер был на пасеке, а

Ромка недавно вернулся из Зеленой лаборатории, поел и тоже куда-то ушел. Топс сел в тени веранды и задумался: стоит ли будить Егора?

— О чем ты думаешь? — раздался за его спиной ласковый голос Пханова.

— Так!

В это время показался Искандер.

— Эй, Искандер, — крикнул Пханов, — когда мне крутить динамомашину, ночью?

— Ночью! — ответил Искандер и, не поворачивая головы, прошел в дом.

— Слыхал? — шепнул Пханов. — Я же тебе говорил. Искандер меня просил... Если мы пойдем сейчас, то до ночи исправим... Вот старики обрадуются! Пошли!

— А может быть, позовем на помощь Егора или Люду? — предложил Топс.

— Не надо, сами справимся, — сказал Пханов.

Топс опять задумался. Ребята часто попрекали его ленью, дразнили лежебокой, а тут он вдруг может сделать замечательное дело — исправить ветряк! Топс пошел вместе с Пхановым в мастерскую за инструментами. Но перед тем как итти через сад к Зеленой лаборатории, Пханов забежал в дом за папиросами.

* * *

Через сад прошли быстро. Над Зеленой лабораторией кружили орлы, коршуны, вороны. Со стороны сада ветер донес какой-то неприятный запах.

— Что это так скверно пахнет? — спросил Пханов.

— Не знаю, — неуверенно ответил Топс. — Отвернись, — сказал он Пханову, когда они подошли к зеленой ограде.

— Зачем? — удивился Пханов. — Зачем секреты от меня? Я же свой, колхозник!

Но Топс настоял на том, чтобы Пханов отвернулся, и тогда только открыл калитку и спрятал «кочергу». Когда они скрылись за зеленой оградой, неподалеку из-за деревьев вышел журналист. Предупрежденный Пхановым, он все время следовал невдалеке. Журналист взял с дерева «кочергу», несколько раз ткнул ею в заросли, и калитка открылась. Журналист пробрался в сад.

IV

Люда спустилась с чердака, где сушила целебные травы и цветы, и была очень удивлена, не увидев ни Топса, ни «гостей». Она даже влезла на крайнее ореховое дерево и с верхушки его посмотрела вокруг: первое, что она увидела, был Гномик, возвращавшийся быстрым шагом с разведки.

— Куда же делись наши «гости» и где мальчик? — спросил Люду Искандер, вернувшийся с пасеки.

— Они в Зеленой лаборатории, — сказал, входя, запыхавшийся Гномик. — Я увидел с горы, как они туда шли, и бросился сказать об этом.

— Ты видел? — суровым голосом переспросил Искандер и быстро пошел в сад.

Старик, задохнувшись от быстрого шага, поднял «ключ» от заветной двери прямо с земли. Так небрежно его мог бросить только чужой.

— Эй, — сердито крикнул Искандер Пханову, увидя его на верхушке ветряка, — зачем ты там?

— Ветряк для тебя чиню, — ответил Пханов.

— А где твой журналист? — спросил Искандер.

— Не знаю, где твой гость, — ответил Пханов, пожимая плечами.

— Зачем врешь? Твой друг здесь. Скажи правду, где он? — настаивал старик.

— Журналист здесь? — спросил перепуганный Топс и быстро слез с ветряка.

— Это ты, мальчик, впустил их? — грозно спросил Искандер.

— Пханов хотел починить ветряк, — огорченно твердил Топс, — а журналиста я не приводил.

— Где журналист? — все так же настойчиво допрашивал Искандер, оглядываясь по сторонам.

Но Пханов молчал и только недоуменно разводил руками. Старик сердито махнул рукой и поспешил к домику.

На один миг серый костюм журналиста мелькнул меж деревьев, и Топс тотчас же показал на него Искандеру, но старый ученый уже сам заметил непрошенного гостя.

Теперь старик бежал, и Топс еле поспевал за ним. Они зашли в ту часть сада, где Топс еще никогда не был. Журналиста они увидели на площадке, рядом с вегетационным стеклянным домиком. И Топса поразило, что этот человек вел себя удивительно странно: он почему-то подпрыгивал, будто плясал. А зачем ему надо было плясать возле какого-то странного стеклянного столика, наполненного чем-то зеленым?

Журналист касался пальцами стеклянной поверхности столика, то и дело заглядывал под него. Столик был не из досок, это был плоский стеклянный резервуар толщиной сантиметров в тридцать.

— Эй, не трогай! — гневно крикнул Искандер, когда журналист попытался снять верхнее стекло.

— Это твои сокровища солнца?— спросил журналист, покачиваясь, и в его блуждающих, пьяных глазах светилось безумие.

«Напился он, что ли?» подумал Топс, изумленно глядя на него.

— Человек, иди сюда! — крикнул ему Искандер. — Ты успел надышаться вредными эфирными маслами цве-

тов, и ум твой омрачен. Ты сейчас можешь совершить такие поступки, о которых впоследствии пожалеешь... Иди сюда, и я дам тебе средство, или ты будешь как безумный!

— Это вы, вы безумец! — закричал журналист и пьяно засмеялся. — Вы, — сказал он, протягивая руку к Искандеру, — больше чем миллионер. Я уже все знаю про ваш «взрыв жизни». Я видел птиц, которые едят студень... Вы изобрели съедобный белок? Это значит, что король мясных консервов в Америке, снабжающий ими полмира, завтра может стать нищим. А доящиеся растения? Если опыт удастся, короли сахарной промышленности разорятся... А гигантские орехи! — Тут журналист прижал ладони к щекам и, глядя обезумевшими глазами, визгливо засмеялся.

Видимо, тормозящие центры его ослабли, и он говорил то, что никогда не сказал бы в ином состоянии. Искандер отбежал в сторону, сорвал пучок пахучих растений, которыми намеревался вернуть журналиста в нормальное состояние, и вдруг сунул пучок в карман. У Искандера родилось подозрение.

— Так кто же вы такой? — раздался позади них гневный голос Василия Александровича.

— Я? — Журналист выпрямился. — Я послан к вам более могущественным, чем сам бог! — выкрикнул он. — Я могу сделать вас самыми богатыми людьми на свете! О вашей славе будут писать все газеты. Что у вас здесь? Маленькая лаборатория! А в Америке вы будете иметь все! Вы, как знаменитый Бербанк, докажете всему миру, на что способен человеческий гений в американских условиях. Мы вас прославим. Соглашайтесь. Монопольно!

— Как Бербанк? — воскликнул Василий Александрович.

— Да, да, как знаменитый волшебник Бербанк, — твердил журналист, — создатель слив без косточек,

съедобного кактуса, ежевики без колючек, персиков с косточкой миндального ореха.

— А вы сами, вы знаете, как умер Бербанк? — воскликнул возмущенный Василий Александрович и, не в силах сдержать негодование, прокричал: — Бербанк умер, затравленный мракобесами за то, что вступился за учителя, осужденного на «обезьяньем процессе»! Этот учитель рассказал ученикам об учении Дарвина, учении, которому Бербанк был обязан своими успехами... И вы смеете говорить о Бербанке? Вы негодяй!

— Нашими успехами, — сказал Искандер, — мы обязаны советским ученым. И нет большей славы, чем получить признание народа. Мы знаем, что когда Бербанк выводил свои знаменитые сорта, он завещал, чтобы ими пользовался народ и никто не имел на них монополию. А ты, скорпион, предлагаешь нам «монопольно»!

— Только монопольно!

— Это американский журналист, он фашист и разбойник, у него золотой браслет на руке! — закричал Топс в ярости оттого, что его так глупо провели и что обижают Искандера и Василия Александровича.

Всегда очень миролюбивый, Василий Александрович сжал кулаки, поднял плечи и пошел на журналиста.

— Не надо, — тихо, но решительно сказал Искандер, — этот человек скажет нам больше, чем он хочет сам сказать. Он во власти эфирных масел, но надо, чтобы он не уничтожил опытный хлоропласт... Человек, — обратился Искандер к журналисту, — нюхай эти растения, — и он с протянутой рукой медленно пошел к журналисту, желая оттеснить его от опытного хлоропласта.

Журналист вдруг испугался чего-то, вскрикнул, прыгнул назад и ударился о стеклянный столик. Зазвенели стекла, и зеленая жидкость пролилась на землю.

— Что вы наделали! Вы уничтожили наш опытный хлоропласт! — закричал в ярости Василий Александро-

вич. — Скорее спасайте от этого безумца доящиеся растения и микробелок! Я бегу к ДР! — И Василий Александрович помчался к домику.

Журналист подскочил и побежал туда же. Он бежал то по дорожкам, то по делянкам, перепрыгивая через невысокие кусты живой изгороди. Он опрокинул один из десяти опытных ульев, находившихся среди цветов на опытном участке № 23, упал, и его мгновенно облепили разъяренные пчелы. Крича от боли, отгоняя руками пчел, журналист побежал дальше. Возле домика он спугнул стаю птиц, клевавших «студень», и, спасаясь от жал, со всего размаху метнулся через открытое окно в центральную комнату лаборатории, где стоял вакуум-насос. Эта комната была до подоконника наполнена вязким студенистым, еще не убранным веществом. Утопая в нем почти до пояса, журналист стал метаться от стенки к стенке, преследуемый пчелами.

V

Искандер первый подбежал к дому. Он достал из шкафа в сенях бутылочку с жидкостью и, подбежав к окну, с силой швырнул ее в стену комнаты. Раздался звон разбитого стекла.

— Отойдите дальше! — закричал Искандер подбежавшим. — Не дышите испарениями этой жидкости!

Через минуту шум в комнате стих. Искандер, закрыв нос платком, заглянул через окно в комнату, которую Василий Александрович и Ромка не успели еще очистить от студенистого микробелка. Журналиста не было видно. Повидимому, он утонул в этой массе. Искандер быстро распахнул дверь, вошел в студенистую массу, обнаружил журналиста и выволок его из комнаты. С помощью Василия Александровича Искандер его раздел и начал приводить в чувство. Василий Александрович поручил Топсу

почистить одежду журналиста. Топс, как мог, смыл с одежды серую студенистую массу.

— Это и есть съедобный микробелок? — шопотом спросил он Василия Александровича.

Тот молча кивнул головой.

Журналист очнулся.

— Что со мной? — спросил он.

— Ты надышался эфирных масел, и твои тормозящие центры ослабли, — сказал Искандер.

Журналист застонал, сел и стал отплевываться и сморкаться. К нему подошел Пханов.

— Зачем он здесь? — спросил Искандер, испытующе глядя на Пханова.

— Не знаю,—ответил Пханов, испуганный неожиданным поворотом дела. — Этот человек хотел купить орехи и написать сенсацию о колхозной лаборатории, но как он попал в сад, я и сам не понимаю.

— Гоните их отсюда вон! Пханов обманул меня! — закричал взбешенный, перепуганный Топс.

— Ну, ну, зачем так резко? — сказал Василий Александрович. — Они и сами сейчас уйдут.

К домику подбежали Егор, Ромка и Гномик.

— Василий Александрович! — еще на бегу закричал Егор. — Прибыли верховые лошади, и вас спрашивает какой-то приезжий. Он беспокоится о наших гостях.

— Прошу, — и Василий Александрович показал журналисту на выход.

— Ну, а с тобой мы еще поговорим! — с угрозой сказал Егор Топсу. — Ты зачем провел в сад журналиста?

— Честное пионерское, не я, — ответил Топс.

— «Честное пионерское»! Предатели не могут быть пионерами! — закричал Ромка и больно ударил Топса.

Егор оттеснил Ромку.

Обратно шли молча, переживая случившееся.

VI

Новый гость, молодой человек, ждал уже не в доме, а возле сада.

— Алло, мистер Перси Покет! — воскликнул он, увидя журналиста. — Я очень рад опять видеть вас. Вы так внезапно покинули меня ночью в гостинице, даже не известив об этом, что я не на шутку испугался, не случилось ли с вами чего-либо. Ведь вы сами просили не оставлять вас, чтобы вы не заблудились, и вдруг вы оказались здесь, чуть ли не за двести километров. Как же так, а?

— Осматривал колхозную агролабораторию, — проворчал журналист.

— Ну, и как? — спросил приехавший. Подавая руку Искандеру и Василию Александровичу, он представился: — Сотрудник ВОКС Онуфриев. По просьбе мистера Перси Покета, сопровождаю его по Средней Азии.

— Я думаю, — сказал журналист, — обмен научной информацией между нашими странами будет очень полезен. Я хотел бы здесь получить семена и рукописи новейших научных достижений этой лаборатории. Я опубликую их в научной прессе Америки, и это прославит их авторов. Я интересуюсь, как вы делаете, чтобы каждый год, а не через год, как обычно, получать высокий урожай яблок, и этот съедобный микробелок, и эти хлоропласты, и эти доящиеся растения, и что вы делаете, чтобы так быстро вырастали орехи. И потом, меня интересуют семена цветов с таким поразительным действием эфирных масел.

— К сожалению, я не могу сейчас ничего дать — опыты еще не закончены, — уклончиво ответил Василий Александрович.

— Как же, мистер Покет, вы нашли сюда дорогу? — не успокаивался Онуфриев.

— Его Пханов привез, — мрачно сказал Ромка.

— Что значит «привез»? Этот человек хотел купить орехи и попросил подвезти его сюда, — извиняющимся и заискивающим тоном объяснил Пханов.

— Верховые лошади к вашим услугам, — с любезной улыбкой предложил Онуфриев.

— Очень хорошо, — сквозь зубы ответил журналист и, показав на свой мокрый костюм, добавил: — Завтра утром. Кони у нас есть.

Ромка отозвал ребят и яростно прошептал:

— Это Топс привел журналиста в сад! Этого нельзя простить!

VII

После возвращения из Зеленой лаборатории Топс в трепете ждал, что его тотчас же призовут к ответу, на расправу. В чем она будет заключаться, он не знал и томился в догадках. При появлении Искандера мальчик побледнел, но старик направился в сад, даже не взглянув на Топса. Ромка, провожавший Онуфриева и журналиста к реке купаться, издали погрозил Топсу кулаком.

Василий Александрович, встретив Топса во дворе, тоже ни слова не сказал, а, поправив очки, как обычно, двумя пальцами, пошел в Зеленую лабораторию, будто ничего не случилось.

Зато Егор, как только Ромка вернулся с реки, тотчас же разыскал Топса и приказал следовать за собой. Он привел его в пустой сарай, где помещались гибриды. Здесь было просторно, сухо и тихо. На длинном каменном желобе у стены, куда обычно насыпали зерно для кормления, сидели Люда, Ромка и Асан.

Топс попробовал было им улыбнуться, но вместо улыбки на его лице получилась жалкая гримаса. Друзья смотрели на него сурово и презрительно. Топс хотел бы-

ло опротестовать право собравшихся судить его — пусть его поступок обсудит дружина... Или лучше не мучиться в ожидании? Он посмотрел на собравшихся, пытаясь определить их отношение. Гномик и Асан смотрели строго, но выжидательно. Взгляд Люды выражал презрение. Ромка буравил ненавидящим взором. Лицо Егора попрежнему сохраняло решительное выражение. Егор сел рядом с Людой и жестом остановил Топса, собиравшегося сесть рядом.

— Плохо получилось, Алексей Омельченко, — сказал Егор, впервые называя Топса по имени и фамилии.

— Эх ты, купили тебя с пионерским галстуком за банку свиной тушонки! — не утерпел Ромка.

— Не купили! — крикнул Топс в отчаянии. Он заморгал глазами и тихо добавил: — Я ведь старался, чтобы лучше... поправить ветряк и дать электричество для светокультуры, и тогда ручку не надо крутить!

— «Ручку не надо крутить»! — передразнил его Ромка.

Егор сделал знак Ромке молчать.

— Я сомневался, — продолжал Топс, — да вдруг Пханов спрашивает у Искандера: «Когда мне ручку динамки крутить, ночью?» А Искандер говорит: «Крутить ночью». Раз такое дело, значит Пханову не запрещено ходить в сад, я и пустил.

— Искандер никогда бы не пустил Пханова в сад! — заявила Люда.

Топс говорил много и сбивчиво. Он клялся, что Пханов его обманул, что он, Топс, хотел сделать лучше — исправить ветряк.

— Это называется предательство. Но зачем ты туда провел журналиста? — возмущалась Люда.

— Я не вел журналиста.

— Он не вел, — подтвердил Гномик. — Я видел с горы, как журналист крался за ними.

Потом Топс сказал, что он искал и звал Люду. Девочка вспомнила, что она действительно была в это время на чердаке, где сушились лекарственные растения, и слышала его зов, но не откликнулась нарочно, чтобы он ей не мешал.

— Почему ты не разбудил меня? — спросил Егор. — Ведь я просил разбудить меня, когда «гости» проснутся.

— Пожалел. Думаю, ты не спал целую ночь и я тебя заменю.

— Вот ты говоришь, — начал Егор, — и выходит так, что ты не виноват. Ведь так? На войне судят по тому вреду, какой ты причинил. Ну хорошо, что орех у нас и «гости» ничего толком не поняли и не узнали, но хлоропласт все-таки разбили... — Егор замолчал и вдруг спросил мягко, по-товарищески: — Ты же понимаешь, Топс, что за такие дела, будь ты взрослым, тебе бы не поздоровилось. Дело же не в том, чтобы найти себе оправдание, а в том, как ты сейчас сам понимаешь, что ты наделал.

— Мы разведчики Четвертой пионерской дружины! — закричал Ромка. — От нас ждут героических поступков, нам доверяют, сейчас мы глаза, сердце и ум дружины, а ты нас опозорил! Гнать тебя вон из пионеров, чтоб духу твоего близко не было!

— А кто нам разведал замыслы Степки Пханова, достал карту? — спросил Гномик, заступаясь за Топса.

— Балда ты, Гномик, вот и все! — Рассердившийся Ромка, не в силах сдержать волнение, вскочил и стал шагать взад и вперед по сараю.

— Ну, Топс, что же ты молчишь? — спросил Егор. — Или тебе все равно — быть с нами или сейчас же возвратиться в город и ответить перед ребятами?

Все ждали, что скажет Топс.

— Да, — наконец сказал Топс дрожащим голосом, — раз так, лучше отправьте меня в город!

И на Топса вдруг нашло. Ему показалось, будто он, Топс, разделился и один Топс, суровый и честный, смотрит на другого, жалкого и трусливого, сверху вниз. Гномик удивленно поднял брови. Люда отвернулась, чтобы не смотреть.

— Я не могу с вами, — продолжал Топс, — потому что не...достоин. Вот я смотрю на себя, как со стороны, другими глазами. Ну что я? Я ведь трус, да и лентяй к тому же, а сейчас я не боюсь это сказать — со мной что-то случилось... Конечно, я лентяй — всё бы полегче... Все что-то сделали. Вот Гномик — он хоть маленький, а много жуков нашел, интересуется, ищет, Роман тоже, а я? Ну ни одного редкого месторождения не нашел, ни одного интересного камня!.. Что говорить... и не искал, даже под ноги плохо смотрел... Я с вами уже полмесяца, а толку чуть... Я не должен был угощаться этой тушонкой и слабительным медом. Все жадность, обжорство! — рассердился вдруг Топс на себя. — И если честно, то я захотел перешибить вас... Дай, думаю, исправлю ветряк...

— ...чужими руками, — вставил Ромка.

— Хотел, чтобы лучше, — сказал Топс.

Ребята были поражены. Никогда еще Топс не говорил так прямо, мужественно и откровенно. Он зажал глаза ладонью и сдерживался изо всех сил, чтобы не расплакаться.

— У Егора — воспитатель фронтовой отец, — тихо продолжал он, — у Ромки отец, у Люды отец, у Асана мать, а я хоть четвертый год у Пханова, но не знал, что он такой.

— Но ведь ты пионер! — крикнул Ромка.

Топсу стало очень жаль себя. Сквозь пальцы проступили слезы.

— Ты ведь больше не будешь? — примирительно сказал Гномик, подсказывая ответ совершенно раскисшему Топсу.

— Конечно, не буду! — всхлипывая, прошептал Топс.

— Умный человек не споткнется дважды об один и тот же камень, — сказал Асан.

— Главное, запомни: всегда нужно советоваться с друзьями. А ты ведь себя еще покажешь и всем докажешь, что ты настоящий пионер, — сказал Егор.

— Конечно, буду советоваться и докажу! — обещал Топс.

— Вот тебе моя рука на будущее! — И Егор крепко сжал руку Топса, но тот не почувствовал боли и даже улыбнулся сквозь слезы.

Ребята дружно жали Топсу руку и успокаивали.

— Надо было исключить его хоть на время, — тихо сказал Ромка на ухо Егору.

Егор вместо ответа только похлопал Ромку по плечу.

Успокоившись, Топс заметно оправился.

— Теперь я опять в норме, — сказал он Егору, — а то со мной что-то случилось, и я совсем вышел из себя.

— В норме? Это как понять? — спросил Егор. — Надеюсь, ты уже не будешь прежним Топсом. Наш политрук говорил так: хорошо, когда во время боя боец становится героем, так сказать еще на голову выше. Если, говорит, боец не становится на голову выше, то нет мастерства и... как его там... прогресса... да... прогресса... Ну, идем ужинать.

— Я забыла приготовить ужин!—спохватилась Люда.

Но все ребята дружно предложили ей помочь.

VIII

Товарищ Онуфриев, журналист и Пханов ужинали отдельно, в комнате. Искандер, Василий Александрович, ребята и коневод, приехавший с лошадьми, ужинали под деревьями, как обычно.

Егору было явно не по себе. Обычно не страдавший отсутствием аппетита, он неохотно ел и, не доев, так резко отставил тарелку, что Топс подскочил и со страхом посмотрел на сердитое лицо Егора, на морщинки, то и дело возникавшие на лбу, и тоже осторожно отставил тарелку.

— Что вас волнует, Егор Иванович? — спросил Василий Александрович и пододвинул к мальчику тарелку.

Глаза Топса испуганно раскрылись, лицо исказила мучительная гримаса в ожидании неприятного.

— Думаю, думаю и никак не придумаю, чем мы можем искупить свою вину перед вами и Искандером, — выпалил Егор и вдруг замолчал. Потом он махнул рукой и продолжал: — Не хотел я про это во время еды — както несерьезно, хотел после ужина, а вы спросили, я и сказал. — И, заметив недоуменный взгляд Василия Александровича, пояснил: — Вот это меня и мучает.

— Не понимаю, — сказал Василий Александрович, переставая есть. Все положили вилки. — Вы о чем?

— Да про этот несчастный случай со «взрывом», — с волнением ответил Егор. — Конечно, мы страшно виноваты, что вызвали «взрыв». Мы сознаем это... За «взрыв» на фронте сразу бы к следователю да в военный трибунал. Вы, наверное, думаете, мы подрывники науки. Честное пионерское, это было не так. Но мы готовы на любой суд. Мы, наверное, вам страшно напортили. И так у вас хлопот полон рот, а тут еще этот... «серый дракон»... Но хоть убейте, а я ничего толком не понимаю, почему он там очутился и взорвался. Топс что-то твердит непонятное о «взрыве жизни», а я в толк не возьму, он тоже не знает... Ну, вот и мучаешься... Сам бы придумал себе наказание... Ну, словом, решайте... — Егор замолчал и впился взглядом в Василия Александровича.

Ромка побледнел и сжал губы. Топс опустил голову.

Василий Александрович засмеялся. Он смеялся, и

звуки будто рождались у него в груди. Вначале Егор растерялся. Ромка даже вскочил. Топс испуганно поднял голову. Но в смехе Василия Александровича не было и намека на издевательство или насмешку. Это был смех человека, обрадовавшегося чему-то очень хорошему, что веселило до слез. Искандер заулыбался и стал разглаживать седую бороду.

Но вот Василий Александрович перестал смеяться, вытер платком выступившие от смеха слезы и сказал:

— Эх вы, подрывники науки!

— Виноваты мы или нет? — взмолился Ромка. — Вы же обещали мне еще в саду «потом рассказать».

— Да кто же винит людей, сделавших открытие? Кто же может винить изобретателя за его ценное изобретение?

— Честное ленинское, мы ничего не изобрели и не делали никаких открытий, — сознался Егор.

— Нет, сделали, — настаивал Василий Александрович: — вы осветили микрочан электролампами... ну, такая трубка для облучения.

Ребята подробно рассказали, как они попали в темную комнату, где перегорела лампочка, и как, за неимением новой, включили электросолнце.

— Кроме этого, вы открыли свободный доступ минеральным солям и растворам в чан, — напомнил Василий Александрович, — то-есть дали сверхобильную подкормку микробам.

Мальчики вспомнили, что Ромка, падая с чана, схватился за какую-то ручку: она опустилась вниз, и послышался шум, будто что-то сыпалось.

— Но ведь мы же это сделали нечаянно! — смущенно возразил Егор.

— Вы правы, это случайность, — подтвердил Василий Александрович. — Но вы знаете, иногда открытия проис-

ходят неожиданно, как будто случайно. Конечно, наш стиль работы — это планово разрешать те научные проблемы, которые ставишь перед собой. Но разве академик Ферсман, открывший Хибинское месторождение фосфорных удобрений — апатитов, — не открыл там минерал нефелин вначале как вредную примесь к апатитовой руде, а оказалось, что это ценный и полезный минерал для кожевенной, керамической, текстильной промышленности?.. Знаете, как были открыты лучи Рентгена? Рентген исследовал трубку Крукса, стеклянную безвоздушную трубку с впаянными на концах проводами анода и катода, и потом уже заметил, что случайно лежавшие на столе фотографические пластинки засветились, хотя они и были упакованы в черную бумагу. Он начал искать причину этого и открыл икс-лучи... Я мог бы продолжить перечень «случайных» открытий. Но... — с ударением сказал Василий Александрович, снял очки, медленно протер их носовым платком и водрузил их обратно на нос, — но мы не делаем ставку на случайность, хотя и не собираемся отказываться от «случайных» открытий, сделанных попутно. Это вовсе не означает, что вы должны дергать за все ручки и открывать все краны, не зная их назначения. Ни в коем случае! Повторяю, наш стиль научной работы — научное предвидение и опыт. Наш ученый, профессор Визе, превосходный знаток Арктики, открыл остров, названный его именем, сидя у себя в кабинете. Он проследил движение и направление полярных льдов и вычислил, где должен быть остров, влияющий на отклонение льдов, рассчитал место его нахождения, и к неведомому дотоле острову вскоре пристал советский корабль. А как открыли планету Нептун?

— Так же? — спросил Гномик.

— Это было тоже научное предвидение, подкрепленное математическими вычислениями.

— А вы можете вывести плод так, чтобы на треть он

имел качества яблока, на треть груши и на треть айвы? — не утерпел Ромка.

— Для мичуринского плодоводства это не представляет затруднений, — подтвердил Василий Александрович. — И если мы задумали окультуривать плодовые леса, то мы совершенно точно знаем, что получится. Это не опыт, рассчитанный на случайность, а точный научный расчет, основанный на знании биологии, чему учил нас Мичурин.

— А как в лаборатории очутились микробы? — спросил Гномик.

— Вы слышали что-нибудь о микроудобрениях? — в свою очередь, спросил Василий Александрович.

Ромка немного читал об этом, но на этот раз сдержался и промолчал.

— В нашей стране это дело не новое, — сказал Василий Александрович. — Многие колхозы производят микроудобрения для своих полей. В почве очень много микробов. Есть нитробактеры, живущие в корнях бобовых растений и помогающие «связывать» азот. Вот почему бобовые растения обогащают почву азотом. Есть другие — нитрофикаторы, «связывающие» азот воздуха без бобовых. Существует много различных микробов... Но вот что поразительно, и это еще раз подтверждает правильность учения академика Лысенко, — в почвах высокоплодородных, созданных стахановцами, появились новые микробы.

Сразу посыпались вопросы:

— Почему именно на полях, где работают стахановцы?

— Какие микробы?

— Новые расы известных нам микробов, — уточнил Василий Александрович. — Вы спрашиваете, почему? Да потому, что стахановцы превосходно обрабатывают почвы — больше кислорода попадает в почву, значит силь-

нее «дыхание почвы», больше удобрений, то-есть питания для микробов, и прочее. Поэтому появились новые расы известных микробов, способствующие лучшему усвоению растениями минеральных удобрений, а все это дает большой урожай.

— Так у вас в лаборатории были эти микробы? — спросил нетерпеливый Ромка.

— Вот именно, — подтвердил Василий Александрович. — Я уже раньше кратко говорил вам об этом.

— Что же мы открыли? — осмелился спросить Топс, воспрянув духом.

— Вы помогли открытию съедобного микробелка! — раздельно и громко произнес Василий Александрович.

Никто из ребят не крикнул «ура», так они были поражены.

— Решение мясной проблемы будущего, — продолжал Василий Александрович, — не обязательно должно представлять собой только огромное увеличение веса и размеров мясных животных, хотя сегодня это первоочередная задача. Именно увеличивая продуктивность животноводства, мы добились больших успехов и добьемся еще бо́льших. Но почему не ставить вопрос о качественно ином решении мясной проблемы в будущем — синтетическим путем добывать съедобный белок из амидокислот — или почему не разводить огромные стада микробов?

Ученый лукаво посмотрел на ребят.

— И микробов величиной с овцу! — заметил Топс.

— Ни в коем случае, — возразил Василий Александрович. — Микроб величиной с овцу — это просто фантазия, а получение съедобного белка из микросуществ — это вполне реальное дело. Еще во время первой мировой войны пробовали получить микробный белок из патоки и сульфата аммония, размножая на нем микробов. Кто из вас ел сыр — он уже продается в магазинах, — сыр из дрожжей, из массы дрожжей?

Но никто из ребят не ел и не видел такого сыра.

— Есть такой сыр, — повторил Василий Александрович.

— А наш микробелок ели птицы, — деловито заметил Гномик.

— Правильно, и это поразительно, потому что микробы в микрочане ведь почвенные микробы и разводятся нами для микроудобрения почвы нашего колхоза.

— Но что же это за штука «взрыв жизни»? — спросил Егор.

— «Взрывом жизни», — сказал Василий Александрович, — академик Вернадский называет размножение с огромной скоростью. В данном случае я имел в виду размножение микробов. В той самой запертой комнате рядом стоял чан для разведения почвенных микробов автохтонной микрофлоры Б, которым мы уже месяц не пользовались для получения микроудобрений. Чтобы получить микроудобрения для подкормки некоторых растений этих почвенных микробов, мы подавали с чердака через трубу немного минеральных солей. То, что произошло благодаря вам, было полной неожиданностью и для меня и для Искандера. Как мы с вами сейчас выяснили, вы, опустив рычаг регулятора вниз, открыли свободный доступ минеральным солям в чан, то-есть дали сверхизобильную подкормку.

— Дали, — важно согласился Ромка.

— Минеральные соли сыпались с чердака по трубе, — продолжал Василий Александрович. — Мы, кроме того, освещали комнату только обычной электролампой, а вы включили электрофильтр — трубку для облучения. Под влиянием этих внешних условий — чрезмерного питания, света и тепла — и произошел «взрыв жизни», то-есть бактерии стали размножаться с огромной скоростью. Напоминаю: одна бактерия холеры, размножаясь, за сутки могла бы покрыть своим потомством всю поверхность на-

шей планеты, если бы она не встречала к этому препятствий. Это значит, — продолжал Василий Александрович, — что скорость передачи геохимической энергии жизни бактериями близка к скорости звуковой волны. Одна диатома, микроскопическое существо, живущее в океане, размножаясь без препятствий, может в восемь дней дать массу, равную объему нашей планеты, а в течение следующего часа может удвоить эту массу. Если бы планктон в океане, вот эти самые диатомы, подкармливать фосфорным питанием и углекислым газом, то можно получить десять-пятнадцать тонн сухой органической массы на гектар.

Бывают «взрывы жизни» огромной силы, — продолжал Василий Александрович. — В 1889 году Карутерс наблюдал переселение саранчи с берегов Северной Африки в Аравию. Туча саранчи равнялась 2304 квадратным милям. Вес тучи был равен четырем, умноженным на сорок в десятой степени: 4×40^{10}, то-есть равен весу всего количества меди, цинка и свинца, изготовленных человечеством в течение целого столетия. Причина — влияние очень благоприятных внешних условий. Я ведь сказал вам, что еще во время первой мировой войны пробовали получить микробный белок. Для Искандера и меня было самым поразительным то, что раса почвенных микробов оказалась съедобной. Весьма возможно, что нам удалось получить культуру съедобного белка, а это большое дело, очень большое.

— Мы можем этот белок есть вместо мяса? — спросил Топс.

— Это надо еще исследовать, — ответил Василий Александрович. — Во всяком случае, думаю, что скот и птиц кормить можно.

— Может быть, я смогу помочь, — предложил Ромка.

— Нет, микробы — это мое дело, — запротестовал Гномик.

— Я могу попробовать съесть получившийся белок, — предложил Топс. Чтобы искупить свою вину, он был готов «пострадать» ради науки.

— Это не показательно, — съязвил Ромка, — ты ведь не как все люди: ешь и жуков и слабительный мед...

Топс так сердито посмотрел на Ромку, что тот отодвинулся, а остальные ребята засмеялись.

— Это потом, — заметил Василий Александрович, — сначала попробуем его на животных. Но еще раньше нам надо повторить этот опыт. Может быть, «взрыв жизни» вызван еще одним фактором, которого мы не учли, и, повторив опыт, мы не сумеем вызвать сверхскорое размножение бактерий.

— Тогда все пропало? — воскликнул Топс.

— Тысячу раз сделаем опыт, а своего добьемся! — заявил Ромка.

— Без настойчивости, научной фантазии и глубокого знания дела совершенно невозможно решить большую проблему, — внес свою поправку Василий Александрович.

— Давайте я начну опыты, — предложил Ромка.

Но Гномик и Топс заявили, что микробы — их дело, пусть Ромка занимается плодовыми лесами или ДР.

— Я буду вести опыты с ДР, — поспешно заявил Егор. — Поручите это мне, Василий Александрович.

— Есть мальчики, — начал Василий Александрович, — которые вдруг начинают увлекаться чем-нибудь, а через два дня им так же «вдруг» все это надоедает, и они хватаются за другое, не заканчивая первого, а потом, не поняв второго, начинают третье. Все это делается с жаром, пылом, энтузиазмом, но толку бывает очень мало.

— Я не из таких! — И Егор вспыхнул.

— Значит, возьметесь и не бросите? — спросил Василий Александрович.

— Возьмемся и не бросим, — хором ответили ребята.

А Егор добавил:

— Мы же стараемся делать, как полковник Сапегин! Итак, ДР мы уже знаем, — сказал Егор, продолжая начатый разговор, — крик ночной птицы нас теперь не уведет вдаль. А что такое хлоропласт, который разбил журналист?

IX

— Мир еще не знает такой машины, — восторженно ответил Василий Александрович, — хотя прототип мы видим в листе зеленого растения. Ведь хлоропласт преобразует лучистую энергию солнца. Шестьдесят процентов лучистой энергии попадает на хлоропласт листа, но только три процента расходуются на накопление, которое мы получаем в виде зерен, плодов, клубней. Остальные пластические вещества все расходуются на то, чтобы семя проросло, чтобы выросло растение, листья, корни и чтобы создать систему семяобразования. Одним словом, для изучения ассимиляции и диссимиляции хлорофилла был найден способ делать пластиды, гидролизуя белок при помощи ферментных систем. Непонятно? В желудке животных, например, — продолжал Василий Александрович, — ферменты растворяют протоплазму, и от листа остается зеленая масса пластид. И вот, если помечтать, то представьте себе, что из массы таких пластид вы создаете хлоропласты и помещаете их в огромные стеклянные сосуды и выставляете на солнышко. Затем вы подводите минеральные продукты к пластидам для создания крахмала, и у вас получается зеленая пластидная фабрика — огромный искусственный лист. Вот у нас был такой небольшой опытный хлорофильный пласт, оставшийся от опорного пункта.

— А из каких листьев надо добывать хлоропласт? — спросил Ромка и, заметив ревнивые взгляды ребят, пояснил: — Это ведь касается моей специальности.

— Ну, для этого надо найти устойчивые культуры пластид. Самые лучшие пластиды — из мха и водорослей. Представьте себе высокий цилиндр, как наш стеклянный столик. Снизу наливаются минеральные вещества, а сверху на пластидах образуется сахар, который сливается.

— А если сделать пластидную фабрику, чтобы она заняла целый гектар? — предложил Гномик.

— Будешь целый кишлак кормить, — отозвался Асан.

Василий Александрович и Искандер улыбнулись.

— Я! Я берусь за пластиды! Я восстановлю опытный хлоропласт, а когда вырасту, стану творцом целых хлоропластидных фабрик! — поспешно закричал Ромка. — Тогда и зеленые растения не очень-то нужны будут.

— Ты неправ, — тихо, но решительно сказал Искандер.

— Как неправ? Почему? — И Ромка удивленно посмотрел на Искандера.

— Ты очень увлекаешься, мальчик, — ласково сказал Искандер. — Пусть опытный хлоропласт, созданный для изучения свойств хлорофилла, не уводит нас в страну мечтаний. Есть люди, — продолжал Искандер, — которые хотят создать искусственный, синтетический, белок и кормить таблетками всех людей. Я не против, если это получится хорошо. Но если эти люди скажут так: «Это единственный верный путь», я против. Если эти люди скажут так: «Оставьте работы над увеличением урожайности зеленых растений», я очень и очень против: это голос не наших людей. Наука не стоит на одном месте. Каждый день приносит новое. Но чтобы создать изобилие плодов, надо делать так, как учат нас Мичурин и Лысенко.

— Почему не помечтать? — сказал Василий Александрович. — Но Искандер сто раз прав. Сейчас самое главное — заставить растения давать урожай два-три раза в

год, увеличить урожайность в десять, в двадцать раз. Недаром этот чужой человек спросил меня: «Как вы делаете так, чтобы яблоня обильно родила каждый год, а не через год, как обычно?»

— А разве яблоня родит через год? — удивился Егор.

— Конечно, — авторитетно подтвердил Ромка и тихо добавил: — А все-таки жалко «хлоропластидную фабрику».

— Советские ученые установили, — продолжал Искандер, — что когда осенью дерево кончает рост, то почки делаются или плодовыми, или ростовыми. А почему так? Чтобы сделать их плодовыми, не надо никакой алхимии. Дело простое. Надо создать в дереве большую концентрацию клеточного сока перед окончанием роста побегов; это изменит их, и тогда ростовые почки сделаются плодовыми. Значит, надо осенью хорошо удобрить почву. Мы это проверили и узнали, в какие сроки это лучше делать для наших садов и какие удобрения давать.

Пока Искандер и Василий Александрович объясняли, мальчики о чем-то перешептывались. Они что-то хотели спросить, но никто не решался задать вопрос первым. Наконец Гномик смущенно заерзал на скамейке и спросил:

— Василий Александрович, вы, может быть, нам расскажете, мы еще в городе слыхали про ваших зеленых сторожей...

— Это какие такие зеленые сторожа? — удивился Василий Александрович.

— Ну, ваше изобретение, вроде гигантских росянок: они хватают щупальцами собаку и втаскивают ее в «зеленую бочку», где она растворяется.

Гномик не успел кончить, как Василий Александрович громко засмеялся.

— Вот чепуха! — сказал он. — И кто это распускает такие слухи?

— Я, — сказал весело Искандер. — Это я как-то в шутку сказал пионерам из колхоза, чтобы они не ходили по опытным грядкам.

— Об этом мне говорил и Борис Ладыгин в городе, — вспомнил Егор.

Искандер развел руками. Он не ожидал, чтоб его шутка так далеко распространилась и стала былью. Все пришли в веселое настроение.

X

— Наше дело — фрукты, мед, виноград, хлопок. Наше собственное изобретение — это особый, лечебный мед, хотя и простой мед обладает лечебными свойствами. Разве это не интересно? — продолжал Искандер. — Это очень интересно.

— А чем мы хуже других? — возразил Василий Александрович. — Почему мы не можем работать над созданием съедобного микробелка будущего, если позволяет время? Ведь это тоже очень интересно.

— Очень! — восторженно отозвались ребята.

— Ты, Василий Александрович, отвлекаешь ребят от настоящего дела, — на этот раз очень серьезно возразил Искандер.

— А почему не помечтать? — разгорячился Василий Александрович. — Мичурин мечтал, например, посадить ореховые деревья по всей стране, от Крайнего Севера до Черного моря, а орехи, как известно, очень питательны. Не связывайте полета фантазии: и наша наука и наша жизнь в конце концов направят ее по правильному пути... Люда, принеси зеленую записную книжку. Она лежит на моем письменном столе, слева.

Люда побежала в дом.

— О том, что надо мечтать, сказал еще Владимир

Ильич Ленин в своей книге «Что делать?» и при этом сослался на Писарева. Вот я вам и хочу прочесть из Писарева.

Василий Александрович нетерпеливо оглянулся, а Люда уже протягивала ему зеленую записную книжку.

Василий Александрович протер очки и прочел:

— «Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...»

— Мудрые слова, — сказал Искандер. — Вот мы мечтаем превратить все окрестные леса в благоухающие чудесные сады — источник здоровья и радости не только для нас, местных жителей. Мы пошлем плоды своего труда в Москву и Ленинград, на Игарку и в Колыму. И разве наш неизвестный друг — далекий якут или эвенк, получив наши сушеные и замороженные фрукты или варенье, не скажет спасибо не только за фрукты, но и за наш труд и заботу? Если будете трудиться на благо народа, вы и стариками обретете молодость, ибо только труд молодит дух старого человека. Труд вывел человека в люди!

Искандер глубоко вздохнул. Все внимательно слушали вдохновенную речь старика.

— Чудесные дела делаются в нашей стране, — продолжал Искандер. — Неправ Абдулла, он наслушался болтовни одного ленивого агронома и требует от нас невозможного: чтобы сад можно было не обрабатывать, а дерево родило райские плоды. Пустые мечты пустого человека! Нельзя привить дикую яблоню хорошим сортом и

забыть о ней и чтобы она родила самые лучшие яблоки. Без хорошей обработки нет хорошего сорта. Я верю: народ превратит плодовые леса, покрывающие наши горы, в огромный цветущий плодоносящий лесо-сад или сад, смотря по характеру насаждений и по нашим силам.

Тут Егор не выдержал и стал опять говорить о скором приезде Четвертой пионерской дружины, о том, с какой радостью ребята будут осуществлять мечту о саде.

Ромка, Гномик и Топс то и дело перебивали его речь, дополняя всё новыми и новыми подробностями о составе и силах дружины, о ее сплоченности, о прошлых походах и вылазках.

Искандер был растроган. Ребята хорошо понимали это, и чувство радости роднило и старых и молодых в общем порыве к достижению единой цели.

Ромка впервые по-настоящему почувствовал, что доставлять радость другим — величайшее наслаждение. Теперь он готов был работать без сна и отдыха.

— И наш пионерский отряд из кишлака Чак мог бы помочь! — сказал Асан и начал рассказывать о славных делах колхозных пионеров.

— Жаль, что Абдулла смотрит глазами Пханова, — заметил Искандер.

— Но наши пионеры все-таки придут, — ответил Асан, — и тогда вместе с Четвертой пионерской дружиной их будет больше четырехсот человек.

— Завтра утром я поеду в колхоз за бензином для движка, — предложил Егор, — и узнаю о колхозных пионерах.

— Пусть Гюльнара приходит со своим отрядом, пусть приведет хоть человек двадцать пионеров, — предложила Люда.

— Чудесно! Как только Гюльнара придет, так и нач-

нем облагораживание, — с заблестевшими глазами сказал Василий Александрович.

— Наступила пора работать на медогонке и собирать орехи, колхоз обязан помочь, — сказал Искандер. — В этом году большой сбор меда, и колхоз хорошо заработает на меде.

— Завтра, Егор Иванович, вы отправитесь в путь, и заодно по дороге вы будете наблюдать за книгами, — сказал Василий Александрович.

— Какими книгами? — удивился Егор.

— Как «какими»? Константин Николаевич Сапегин прислал лошадей с товарищем Онуфриевым за оставшимися книгами, принадлежащими опорному пункту института. Сам он в кишлаке отправляет грузы и написал, что заехать не сможет.

— Сапегин? — воскликнул Егор.

— Да, Сапегин, — повторил Василий Александрович и, вдруг смутившись, сказал: — Извините старика, я ведь вам забыл об этом сказать, совсем запамятовал. Даже если бы не бензин, вам бы все равно надо было поехать: может быть, он знает о Максиме Ивановиче.

— Пусть Асан тоже поедет, — сказал Искандер.

— Так давайте же скорее упаковывать книги, — предложил Егор.

— Они упакованы в ящики для вьюков, впрочем можете не беспокоиться о книгах. С караваном поедет товарищ Онуфриев, да и караванщик. Вас же я попрошу передать Сапегину письмо о «взрыве жизни».

— Все сделаю! — Егор не знал, как выразить свою радость.

Он свистнул Барсу и побежал. Он бежал куда глаза глядят и, очутившись далеко в долине, сел на траву и вздохнул.

— Ну вот, может быть мы и найдем нашего Максима Ивановича!

* * *

Первое, что Искандер сказал Василию Александровичу в ту ночь, когда прибыл в Зеленую лабораторию и встретил американского журналиста, было не о «госте» (о котором Гарун предупредил старика), а о войне с Японией.

Узнав о войне, Василий Александрович сказал: «Если Егор узнает об этом, он сорвется, а жаль мальчика». Василий Александрович подробно рассказал Искандеру о юном фронтовике и предложил временно скрыть от Егора и других ребят известие о начавшейся войне и предупредить только одного Асана, на тот случай, если бы Егор попал с ним в кишлак. Когда же вызвали Асана, сказалось, что Асан уже знал о начавшейся войне от матери, но, по совету Гаруна, скрыл это от Егора. Мало того: Гарун еще при первой встрече в лаборатории придумал эту меру в отношении Егора и устроил так, что Егор до сих пор не знает о войне. А теперь Гарун взял с Егора слово: что бы ни случилось, даже новая война, а Егор не бросит пост.

Вот почему Искандер решил послать Асана в кишлак вместе с Егором.

ПИОНЕРЫ КОЛХОЗА

I

Егор не мог найти себе места и все торопился. Утром чуть свет он вместе с прибывшим коневодом и Асаном навьючил лошадей, потом разбудил гостей и все время торопил их. Онуфриев даже рассердился на него:

— Если торопишься, иди. Догоним — подвезем.

Егор знал, что в горах на лошадях ездят только шагом, и решил, что пешком, по самой короткой дороге, где

не пройти лошадям, он дойдет быстрее. Мальчик попрощался со всеми, попросил Асана присматривать за вьюками и пошел с Барсом по тропинке на гору сокращенным путем.

Егор шел быстро. Ему хотелось скорее повидаться с Сапегиным. У Егора была надежда, что если этот Сапегин и не дальний родственник полковника, то хотя бы знает о нем.

Онуфриев и журналист нагнали его уже после полудня, около фисташковой рощи. Караван немного отстал.

— Садись, торопыга, позади меня, — предложил Онуфриев и вынул левую ногу из стремени, чтобы Егор мог взобраться на лошадь.

Эта поездка оказалась очень скучной, и единственным желанием Егора было поскорее доехать.

Автомашина Онуфриева ждала путников возле моста. Шофер спал в кабине. Пханов хотел было поехать в кишлак к Абдулле, но Онуфриев резко запротестовал.

— Теперь этих колхозных лошадей, на которых мы ехали, я поручаю тебе, — сказал он Егору.

Егор передал с Онуфриевым просьбу Василия Александровича и Искандера, чтобы Четвертая пионерская дружина поскорее выступала в большой поход.

Когда машина уехала, Егор верхом на коне, ведя других лошадей в поводу, поехал в кишлак. Подъехав к чайхане, он вызвал чайханщика и спросил, не здесь ли остановился Сапегин. Чайханщик кивнул головой, указывая на двор чайханы. Там около грузовой машины стояли три человека. Егор, понукая лошадей каблуками и криком, помчался туда. Он поспешно соскочил с коня и, оглянувшись на совершенно равнодушного Барса, подбежал к машине.

— Где Сапегин? — взволнованно спросил он.

Шофер указал на мужчину, склонившегося над тюками, лежавшими под навесом.

Егор, как вихрь, налетел на него.

Мужчина выпрямился. Он был совсем не похож на Максима Ивановича. Егор втайне надеялся, что этот Сапегин окажется двоюродным братом полковника.

Егор озадаченно несколько секунд смотрел на незнакомца. Потом поздоровался и спросил:

— Вы Максима Ивановича Сапегина не знаете?

— Не знаю такого.

— Вы Сапегин? — спросил Егор.

— Я, — подтвердил мужчина, удивленно глядя на мальчика.

— И не знаете Максима Ивановича? Он вам не родственник?

— Нет, не знаю. А зачем он тебе?

Егор очень огорчился. Он рассказал о своих поисках полковника Сапегина, о своей ошибке, приведшей его в Зеленую лабораторию, и, наконец, о караване с книгами, идущем позади.

— Досадная, очень досадная ошибка, — согласился Сапегин. — А ты не обращался в Москву? Там есть какое-то бюро по розыску родственников. Раньше оно было в Бугуруслане и называлось Центральное бюро справок.

— Нет, я думал, он здесь.

— Что же ты собираешься делать?

— Я? — Егор и сам еще не думал об этом, но ответил, как подсказало сердце: — Буду работать в Зеленой лаборатории и искать.

Сапегин пригласил Егора в чайхану закусить. Егор поблагодарил и отказался, сославшись на то, что он должен сдать лошадей, доверенных ему. Потом он передал Сапегину письмо о «взрыве жизни», обещав рассказать подробно, как только сдаст лошадей в колхозную конюшню. Но когда Егор возвратился в чайхану, Сапегина там не оказалось. Чайханщик сказал, что Сапегин

пошел звонить по телефону в город, чтобы прислали ученого-специалиста. А какого специалиста и зачем, чайханщик не знал.

Обескураженный неудачей с поисками Максима Ивановича, Егор попросил у чайханщика бумагу и ручку и сел писать запрос о своем фронтовом отце в Центральное бюро справок.

Написав запрос, он вышел к мосту, сел на крутом берегу реки и, подперев подбородок рукой, устремил взгляд в сторону фисташковой рощи. Он сердился на самого себя: почему он вообразил, что этот Сапегин знает что-нибудь о Максиме Ивановиче?

Здесь и нашел профессор Сапегин мальчика, пребывавшего в глубокой задумчивости. Егор рассказал все, что знал о «взрыве жизни». Сапегин сообщил Егору, что для исследования явлений «взрыва жизни» завтра из Ташкента прилетит сюда профессор микробиологии. Он сейчас договорился по телефону. Сапегин просил Егора дождаться приезда микробиолога и проводить его в Зеленую лабораторию. Сапегин советовал Егору не горевать. Все образуется, сказал он, и Егор найдет своего фронтового отца. Сапегин позвал Егора обедать.

Егор отказался от обеда и сидел печальный. Ему не хотелось ни думать, ни что-нибудь делать, а сидеть так. Пусть шумит река... Вот только Барса жалко. Пес, положив голову на лапы, смотрел в лицо Егору.

Через час приехал Асан с караваном. Егор рассказал ему о своей неудаче. Асан не стал его утешать.

— Пойдем к моей маме домой, — позвал он. — Но сначала сдадим книги.

Они провели караван с книгами к Сапегину, а потом пошли к матери Асана.

В доме у Асана было чисто, лежали красивые ковры и подушки. Асан сходил в погреб и принес молока. Достал из углубления в стене, служившего шкафом, лепеш-

ки и согрел чай. Егор не захотел есть. Он лежал на ковре, заложив руки под голову. Асан поел, убрал посуду и молча лег рядом.

Асан задремал, но Егору было не до сна. Он лежал с открытыми глазами. Перед его мысленным взором в очень короткое время, как на экране, прошла вся его небольшая, но богатая событиями жизнь.

Барс зарычал. Вошла мать Асана и испугалась собаки. Асан успокоил мать, рассказав, что собака фронтовая, ученая, раненая, умная и «как человек». Егор приказал Барсу лежать, а сам встал и поздоровался. Мать Асана тотчас же стала хлопотать с ужином, а Егор пошел колоть дрова. Колол он, очень сильно ударяя топором, и щепки разлетались во все стороны.

Потом его позвали ужинать. Егор вынул из рюкзака лепешки, вареное мясо, мед и бутылку медвянки.

— Выпей, — сказала Егору мать Асана и подала ему пиалу.

Он послушно выпил со всеми, а потом с аппетитом поел.

— Спи спокойно, — сказала мать Асана и ласково погладила Егора по голове.

— Спасибо, — растроганно сказал Егор и лег, чувствуя большой прилив нежности.

Он подумал, как много хороших людей на свете, которые так, ни за что, очень добры к нему. Он вспомнил и шофера колхоза, оставлявшего его у себя, и Егора Ивановича Дубинина, сразу принявшего в нем участие, и Василия Александровича, и ребят в Джелал-Буйнаке. А бойцы на фронте, а спутники по фронтовым дорогам! Какие попадались хорошие люди! «Но чем я могу отблагодарить, помочь им? Я еще ничего в жизни не сделал и так мало знаю и умею!» подумал огорченно Егор засыпая. Ночью он стонал, и мать Асана два раза вставала и подходила к нему.

II

Мальчики встали поздно. Они позавтракали.

Асан повел Егора к правлению колхоза.

— Заседание, — сказал Асан, заглянув в окошко, и нерешительно поставил ногу на ступеньку крыльца.

— Пошли, чего боишься! — настаивал Егор, подталкивая Асана в спину.

Резкий свист заставил их поднять голову. Возле коновязей на раскидистых ветвях старой шелковицы сидело несколько мальчиков и девочек. Они с интересом смотрели на пришельцев. Асан тоже свистнул в ответ. Ребята на шелковице опять дружно засвистели.

— Где Гюльнара? — спросил Асан.

Ребята спрыгнули с шелковицы на землю и подбежали к мальчикам:

— Там Гюльнара! — И ребята указали на дверь правления колхоза.

— Мы пришли за вами, — объявил Егор. — Пойдете к Искандеру прививать деревья?

— Конечно, пойдем, — уверенно сказал высокий темноволосый мальчик.

— Мы уже давно собираемся, — взволнованно сказал другой и посмотрел на дверь правления колхоза.

Ребята кого-то ждали. Из их сбивчивых объяснений Егор понял, что Гюльнара ждет у телефона в правлении колхоза результатов последних испытаний хлопкоуборочной машины. Так как опытный участок, где испытывается машина, находится неподалеку, то первая работа машины будет проведена на хлопковых полях колхоза «Свет зари». Они все вместе пошли с Гюльнарой к телефону, но счетовод, он такой злой, прогнал их, говорит, что они мешают ему считать, а они не мешали, а только шопотом говорили между собой. Им очень хочется скорее узнать, а на опытное поле их тоже не пускают.

В это время дверь правления колхоза с силой распахнулась и ударилась о стену, зазвенев стеклами. Из дома вышла Слу — мать Гюльнары. Она обернулась к окнам правления и пригрозила:

— Партийная группа тебя уже предупреждала, Абдулла, ты все упорствуешь! Ты счетовод, ты большой человек в колхозе, но никто не дал тебе права подменять и заменять собой председателя колхоза и правление. Будешь своевольничать — возьмем другого счетовода!

— Ты, Слу, сама не своевольничай!— донесся из комнаты пронзительный мужской голос. — Нет такого правила, чтобы отпускать продукты колхозным пионерам, пускай даже и на общественное питание. Окультуривание лесов не предусмотрено по смете и по годовому плану работ. Зачем усылать пионеров в леса, когда они могут помочь во время уборочной кампании! А председатель еще придумал тратить деньги на какие-то поездки пионеров к морю. Пусть даже по графе «культнужды» — я все равно против!

Вслед за Слу из правления вышла Гюльнара. Ее щеки пылали, а огромные карие глаза то презрительно щурились, то гневно раскрывались. Ее шелковое лилово-красное платье было перетянуто в талии узеньким пояском, и множество длинных и узких черных кос рассыпалось по плечам. На голове была малиновая тюбетейка, на ногах — ичиги, маленькие мягкие сапожки. Гюльнара спрыгнула на землю прямо с крыльца.

Пионеры окружили Гюльнару:

— Ну, Гюльнара, что сказали? Что?

— Машина еще испытывается, а продуктов Абдулла не хочет выписывать, хоть и есть записка председателя.

— Не беспокойся, все сделаем! — успокоила ее мать, проходя через расступившуюся толпу пионеров.

Одного она погладила по голове, другого похлопала по плечу, третьему улыбнулась.

— А вы что здесь делаете? — спросила тетя Слу, заметив Егора и Асана.

Мальчики объяснили.

— Дочка, — обратилась тетя Слу к Гюльнаре, — вот эти храбрые джигиты, — она улыбнулась Егору и Асану, — они знают дорогу и проводят вас к Искандеру в Пчелиный город. Я же пойти не могу: мне в райком надо поехать. А вы все, ребята, поможете Искандеру! Обещаете?

— Обещаем! — крикнули ребята.

И тетя Слу ушла своей легкой и быстрой походкой.

Егор сразу решительно поднялся по ступенькам. Гюльнара пошла вслед за ним.

— Попробуй... джигит, — улыбнулась она.

— Абдулла еще должен дать нам документ из лесничества на ореховый лес, переданный во временное пользование колхозу, возле Зеленой лаборатории, — сказал Асан. — Документ нам очень нужен: без него сборщики, нанятые совхозом, не уйдут из орехового и яблоневого леса, и получится так, что они будут собирать колхозные орехи и яблоки. Нам надо обязательно иметь этот документ.

Егор кивнул Гюльнаре головой и вошел в открытую дверь правления. В комнате было много народу. Колхозники горячо спорили. Счетовод Абдулла был тщедушный, но не старый мужчина, с шишкой под левым глазом и пронзительным голосом. Он сидел в кресле за большим письменным столом и, сдвинув очки на лоб, то яростно крутил ручку арифмометра, то спорил с пожилым мужчиной, то так же азартно вписывал цифры в лежавшую на столе ведомость. Все в нем: и серый костюм с двумя автоматическими ручками, торчавшими в нагрудном кармане пиджака, и большие очки, сдвинутые

за ненадобностью на лоб, и его привычка высокомерно разговаривать — свидетельствовало о его претензии казаться значительным человеком. Никто не обратил внимания на вошедших мальчиков. Улучив минуту, Егор подошел к Абдулле и сказал, что у него к нему важное дело. Абдулла окинул быстрым взглядом Егора и отвернулся к пожилому мужчине.

— Товарищ счетовод, я к вам по очень важному делу, — повысив голос, сказал Егор.

Все присутствующие с удивлением посмотрели на смелого мальчика. Абдулла рассердился:

— Ты кто такой, мальчик? Зачем отрываешь меня от важных дел?

— Я пришел из Зеленой лаборатории от Искандера и Василия Александровича за документом и за пионерами для прививки диких плодовых лесов, — отрапортовал Егор.

— Прививки? — закричал счетовод.

— Прививки, — подтвердил Егор, озадаченный его тоном.

— А знаешь ли ты, мальчик, что прививка делается весной, а не осенью? — сказал Абдулла. — Чего Искандер с ума сходит!

— А знаете ли вы, товарищ счетовод, — в тон ему ответил Егор, — что прежде чем прививать, надо расчистить лес, надо наметить деревья, вырезать сухие ветки и надо научиться прививать по новому способу на деревьях, намеченных к порубке? Весной у нас будет очень мало времени: пионеров не отпустят надолго из школы.

Егор едва успевал переводить дух, торопясь все объяснить. Счетовод угрюмо молчал, но наконец не выдержал и крикнул с досадой:

— Да знаешь ли ты, мальчик, что значит превратить лес в сад?

— Знаю! — ответил Егор.

— Нет, не знаешь, — важно сказал Абдулла.

Егору не понравились ни его лукавые глаза, ни важность, рожденная чванством и самодовольством. Пристальный взгляд мальчика не понравился Абдулле.

— Нет, не знаешь, — повторил Абдулла и, поняв, что от этого настойчивого мальчика не так-то просто отделаться, сердито засопел и сказал визгливым голосом: — Не ты один такой простодушный! Много есть таких у нас в колхозе. Только что приходила Слу и говорила то же самое. Вы что, сговорились не давать мне работать?

— Я от пионеров, — сказал Егор.

— Здесь некоторые думают, — продолжал счетовод: — Абдулла бездушный человек, ничего не понимает. Ложь! Кто бережет и копит колхозную копейку? Кто помогает колхозникам стать зажиточными? Бухгалтер Абдулла помогает.

— Сами колхозники! — крикнула Гюльнара, стоявшая у дверей.

Абдулла сердито пожевал губами:

— Искандер сумел уговорить председателя Туйгуна и правление колхоза... Искандер сказал: сами привьем, и тогда собирайте богатый урожай. А теперь он что говорит? Он требует людей для работы в лесо-садах — значит, надо работать в лесо-саду почти как в обыкновенном саду, может быть даже больше. Надо делать обрезку, выкорчевку, травить вредителей и многое другое. Зачем такое дело? Ты окультурь дикое дерево так, чтобы не обрабатывать, а чтобы оно само давало сортовые яблоки.

— Это замечательное дело, — не утерпел Егор. — Окультуренное дерево дает урожай на пять лет раньше и в два раза больше.

— Колхоз уже имеет пять гектаров лесо-садов в горах рядом с колхозом по акту на вечное пользование землей... Почему Искандер такой жадный? Ему все мало!

Несколько лет назад они с Туйгуном взяли бумажку на двести гектаров плодового леса возле Зеленой лаборатории, а кто там работать будет? Лошади? У меня на колхозной работе нехватает людей. Пионеры помогают. Как я повезу оттуда яблоки? Вагонами? Зачем?

— А повидло, а фруктовое вино, сушка, пастила? Там все можно сделать, — напомнил Егор.

— Такие капиталовложения не предусмотрены по смете. Такие работы не предусмотрены по годовому плану. А когда для дохода колхозу наш заведующий ларьком Пханов просит Василия Александровича и Искандера дать в продажу большие орехи — за них дают большие деньги, — Искандер говорит «нет». И тогда получается сальдо не в нашу пользу, и тогда бухгалтер тоже имеет право сказать «нет». Вот я и говорю «нет». Зачем мне брать на свою голову еще двести гектаров лесо-сада? Кто будет вести учет? Хоть Туйгун и написал, а я не могу выписать продукты для похода пионеров.

— Нет, дадите! — рассердился Егор. — Это большое государственное дело.

— С меня хватит учета и расчетов по колхозному производству! — закричал Абдулла.

— А где документ на двести гектаров орехового и яблоневого леса? — сердито спросил Егор.

— Кому он нужен?! В этих лесах собирали урожай все, кто хотел.

— И портили и ломали деревья! — воскликнул Егор.

— Это не мое дело, — сказал Абдулла. — Теперь ореховые совхозы есть. Пусть занимаются этим. И если председатель Туйгун помогал Искандеру, это была его ошибка.

— Но ведь Василий Александрович и Искандер делают чудеса, — возразил Егор: — они заставляют даже дуб родить орехи.

— Нет, не чудеса! — еще более визгливо запротесто-

вал Абдулла. — Два года назад сюда приезжал один очень ученый человек, большой профессор. Он ругал Василия Александровича. «Разве, — говорил этот профессор, — всякая там обработка, полив, внешние условия делают сорт? У меня, — говорит, — есть такое лекарство...» — Абдулла потер лоб и взялся пальцами за нос.— Не помню сейчас... «...Помажу, — говорит, — дерево, и другой сорт получается». Вот это чудо! Он говорил: «За деревом ухода не надо, только собирай урожай, а твой, — говорит, — знахарь хочет воспитать растения уходом. Тогда и рук в колхозе нехватит. Отвечать придется».

— Сам знахарь этот ваш профессор! И вы не имеете права задерживать пионеров, я председателю жаловаться буду! — сердито сказал Егор.

— Нет, с меня довольно лесо-садов, и я не буду говорить с тобой, мальчик! Я вижу, здесь целый заговор против сметы колхоза. Нет, это не твое дело, и я не буду говорить с тобой!

Егор пробовал возражать и попросил бензину для движка. Счетовод сказал, что бензина нет. Егор вспомнил рассказ Асана о большом складе Пханова, где было все, начиная с дефицитных стройматериалов до бензина. Он попросил счетовода дать бензин с этого склада.

— Нет такого склада, мальчик, и ты мешаешь мне работать.

Асан вызвался показать склад. Абдулла совсем рассердился и, вызвав кладовщика, выбранил его за «болтливость» и за то, что тот натравил на него какого-то мальчишку. Мало Искандеру трех опытных участков в садах и виноградниках. Мало уже пяти гектаров сделанных лесо-садов, так нет, они хотят еще сделать лесо-сад возле Зеленой лаборатории, на земле, не отведенной в вечное пользование, и требуют бензин для опытов!

— Пасека в горах — это колхозное дело, а окультуривание — дело совхозов. А вы хотите всучить колхозу

договор на сбор дикорастущих! На свою работу колхозников еле хватает!

— Мы будем облагораживать леса! Пионеры будут работать! — вмешался Егор.

— А где план и смета на облагораживание? — не сдавался Абдулла. — Это дело Витаминпрома, Лены Чукмасовой. Иди и договор с ней заключай, она нанимает ребят на сбор дикорастущих! — сказал счетовод Егору и нетерпеливо махнул рукой, чтобы ребята уходили.

Мальчики не двинулись с места.

— Значит, документа не отыщете? — сурово спросил Егор.

— Сколько раз тебе повторять, мальчик! — возмутился счетовод.

— Нам нужен центнер бензина для движка, иначе погибнут опыты, — повторил Егор.

— Зачем еще эти незапланированные опыты, не предусмотренные по смете?

— Вот возьмите-ка, это от Пханова, — сказал Егор и подал Абдулле записку, которую сжимал все время в кулаке.

Счетовод поднял брови, нахмурился, недоверчиво взял записку, внимательно прочел ее три раза и, пожевав губами, кратко сказал:

— Половину дам.

— Давайте все, — настаивал Егор.

— Что ты меня учишь! — закричал взбешенный Абдулла. — Видишь? — Он дрожащими руками взял бумажку и поднес к глазам Егора.

Но Егор не знал, а Абдулла не мог ему объяснить, что раз Пханов расписался с особой закорючкой на конце, значит надо дать половину.

— А где бочка с бензином? — спросил Егор в тревоге, как бы счетовод не передумал и не пришлось итти разыскивать.

— Нет бочки, — сердито сказал Абдулла, — давай свою тару!

Егор нахмурился и опустил голову. Бочки у ребят не было, и ехидный счетовод это знал.

— Будет бочка! — раздался звонкий голос Гюльнары, стоявшей у двери.

Абдулла даже вздрогнул.

— Ты опять здесь! — яростно закричал он.

Дверь распахнулась, и вошел высокий молодой мужчина в военном костюме. У него было гладко выбритое мужественное лицо.

— Опять ты кричишь, Абдулла? — насмешливо спросил он. — Ну, что здесь случилось?

— Это приехал наш председатель Туйгун, — шепнул Асан на ухо Егору.

Председатель пожал руки всем присутствующим, не исключая и ребят.

— Я не могу расходовать материалы и колхозные средства на работы, не предусмотренные сметой и планом, — упрямо сказал Абдулла.

— Если работа важная, значит надо пересмотреть смету и план, а можно иногда работать и не выходя из сметы, а изыскивая внутренние ресурсы, — спокойно возразил Туйгун. — А в чем дело? — Он подошел к своему столу, взял из папки бумаги и стоя начал бегло их просматривать.

Егор подошел и хотел все объяснить, но Туйгун прервал его:

— Я все знаю. Почин наших ученых замечательный. Правление их поддерживает. И если некоторые, — Туйгун презрительно посмотрел на Абдуллу, — до сих пор не научились мыслить по-государственному и, сберегая копейки, упускают десятки тысяч рублей, то это легко поправить. Абдулла, выпиши все то, что надо нашим пионерам для работы в плодовых лесах. Я беру ответ-

ственность на себя перед правлением. Мы должны были бы сейчас же построить снесенные мосты и отправить пионеров на машинах, но дело срочное, и чтобы не задерживаться, лучше вы идите по ущелью Чак. Дойдете?

— Дойдем, — сказала Гюльнара. — А хлопкоуборочная машина?

— Работает, и очень хорошо работает.

— Без твоей резолюции не выдам, — сказал Абдулла, подходя с запиской Пханова.

Туйгун, увидев записку Пханова, усмехнулся, порвал ее и сказал:

— Мудрите вы тут! А ну-ка, дай заявление Слу.

На заявлении парторга он написал распоряжение о выдаче бензина и продуктов.

— Мяса не надо, — сказал Егор, — сами настреляем.

Возле крыльца уже столпились в ожидании пионеры.

— Победа! — крикнула Гюльнара. — Машина работает. Принесите мелкую тару для бензина, у кого что есть: бочки, четверти.

— А у нас есть осел, — отозвался Асан, — он повезет на спине хоть два центнера.

III

— Сколько пионеров пойдет в Пчелиный город? — спросил Егор.

— У нас подготовлен отряд в двадцать три пионера, — ответила Гюльнара.

— Так мало? — удивился Егор.

— Мы думали, что пионерам придется много помогать в колхозе из-за войны. Мы считали, что демобилизованных колхозников снова призовут в армию, а их так и не призвали, даже еще прибыли демобилизованные.

— Подожди, я что-то не понимаю: о какой войне ты говоришь?

— Как — о какой? О войне с Японией!

— С Японией?! — крикнул Егор так, что Гюльнара вздрогнула, и тихо добавил: — Ты что-то путаешь.

Асан, стоявший рядом, делал знаки Гюльнаре, чтобы она замолчала, но она не замечала ни его гримас, ни жестов.

— А ты разве ничего не знаешь? — удивилась Гюльнара. — Не знаешь, что у нас с Японией война с восьмого августа? Ничего не знаешь?

— Гюльнара, ты правду говоришь? — взволнованно спросил Егор.

Гюльнара от неожиданности даже хлопнула себя руками по бедрам.

— Эй, Темир! — крикнула она в открытое окно ближайшего дома.

— Еще не собрался! — донесся ответ.

— Какая последняя сводка Информбюро, наши гости не знают! Они даже о войне ничего не слышали.

— О! — раздался удивленный возглас, и Темир выскочил из окна и подбежал к Егору.

Это был круглолицый, плотно сбитый невысокий мальчик в белых трусах, белой майке и черной тюбетейке. Егор сразу вспомнил Ахмета из Четвертой пионерской дружины — приятеля Бориса. Та же живость, тот же огонь во взгляде, весь в движении. Удивленные пионеры окружили Егора.

— Ты ничего не слышал о войне? — не веря своим ушам, переспросил Темир.

— Мы были в диких горах, — сказал Егор.

— Еще девятнадцатого августа наши авиадесантные части высадились в Харбине, Гирине и Мукдене, — торжественно провозгласил Темир. — Гремят орудия, наступает пехота. Наша авиация громит тылы врага, давят

врага танки, режут волны военные корабли. Ты понимаешь, понимаешь?

— А Япония? Надо высаживаться в самой Японии! Японцы — это знаешь!.. Помнишь Халхин-гол?

— Конечно, помню, — авторитетно заявил Темир, будто он сам был участник боев на Халхин-голе.

— Поеду бить японцев! — в неистовом азарте закричал Егор. — Полковник Сапегин там, конечно. С первой же машиной... Жаль, Онуфриев уехал. Почему же он нам ничего не сказал?

Сердце Егора залила горячая волна. Ему стало жарко, и он задышал часто-часто. Отчаяние, что он не на войне, не на Дальнем Востоке, где гремят орудия и слава овевает советские знамена, овладело им с такой силой, что он решил «действовать». У Егора не осталось и тени сомнения, где искать полковника Сапегина. Только в самом горячем месте, а таким местом сейчас был японский фронт. А ведь Егор знал кое-что о подготовке к этой войне. Ведь друг Сапегина полковник Ростовцев уехал в энском направлении, на восток, со своим «хозяйством» еще месяца два назад и ведь звал Егора. И вот какое горе — он тогда не пошел и прозевал! Проморгал! «Ну и недотепа!» мысленно ругал себя Егор. Но то, что он услышал, вызвало также и взрыв восторга.

— Ну, а сегодня что передавали?

Темира не надо было просить дважды — рассказывать о победах Советской Армии было для него огромным удовольствием.

— Сегодня, двадцать третьего августа, Совинформбюро передало следующую сводку, — отчеканивая слова, громко начал он, и голос его звенел от гордости и радости.— Наши войска заняли Дайрен, заняли Порт-Артур... За двадцать первое августа взяли в плен семьдесят одну тысячу солдат и офицеров.

— Так это же победа! — закричал Егор.

— И еще какая! — подтвердила Гюльнара. — Японцы уже пятнадцатого августа капитулировали!

— Не верь капитуляции, — решительно заявил Темир: — приказ японским войскам о прекращении боевых действий не отдан. Японцы оказывают зверское сопротивление. В сводке Информбюро так и сказано: «фанатическое сопротивление».

— Но японский император согласился капитулировать! Ты скажи, согласился? — набросилась Гюльнара на воинственного мальчика.

— Согласился! А кто отравляет колодцы? Японские войска. А кто поджигает степи? Японские войска!

— Но Гарун, Гарун! Я ему скажу, я скажу! — И Егор угрожающе потряс кулаком, но что он скажет Гаруну, Егор и сам толком не знал.

— Не сердись, Егор, — мягко сказал Асан.

Только теперь Егор с удивлением заметил, что Асан нисколько не взволнован известием о войне.

— Помнишь, Гарун нам сказал: обещайте оставаться на посту, даже если бы была война? — напомнил Асан.

Егор вспомнил. Вспомнил он и то, что обещал и за себя и за всех не покидать «пост» ни при каких обстоятельствах. Гарун знал о войне с Японией и ничего не сказал.

— А почему молчали Искандер и Василий Александрович? — спросил Егор.

Асан подробно рассказал, что Гарун и Василий Александрович решили не говорить Егору о войне, чтобы Егор сгоряча не сорвался и не уехал. Гарун сам взялся за поиски полковника и хотел, чтобы Егор пока оставался в Зеленой лаборатории. Он считал, что такая дальняя поездка для Егора могла окончиться плохо.

Гюльнара выжидающе смотрела на шевелящиеся губы Егора, на укоризненное покачивание головой и на глаза, устремленные куда-то вдаль.

Темир, ни секунды не стоявший на месте, дружески взял левую руку Егора в обе руки и сказал:

— Ты понимаешь, Порт-Артур освободили! Да?

— Здорово! — сказал Егор. — Уж я-то понимаю, что значит прорвать фронт и выйти на оперативные просторы, да еще к Порт-Артуру! — Егор торжественно поднял руку, чтобы как-нибудь выразить восторг, и запел одну из самых любимых песен Сапегина:

Наверх вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает.
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

И, взмахнув рукой, он сказал:

— Подтягивайте!

И ребята-пионеры с восторгом пели вместе с Егором:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает!

Останавливались проходящие, подходили любопытные, и даже Абдулла выскочил на крыльцо, привлеченный громкими звуками песни.

После пения стали говорить о войне, а потом начали обсуждать предстоящий поход. Родители многих пионеров были заняты на дальних колхозных полях. Надо было подождать их возвращения.

— Выступаем завтра утром? — спросила Гюльнара.

Егор не знал, что и ответить. Его тянуло в город, а оттуда на фронт, но... нарушить слово, данное Гаруну, он не мог.

— Наметим на завтрашнее утро, — согласился Егор.

Нащупав в кармане письмо, написанное в Москву, в Центральное бюро справок, Егор вынул его и разорвал на мелкие кусочки.

— Максим Иванович Сапегин в самом жарком месте, я знаю, — сказал он ребятам, — и запрашивать бюро нет

смысла... Эх, если бы больше было пионеров! — неожиданно закончил Егор.

— Мама мне советовала пригласить пионеров из соседнего колхоза, — сказала Гюльнара.

— Так за чем же дело стало? — спросил Егор.

— Я еще не говорила с ними, — призналась Гюльнара: — после объявления войны не до этого было.

— Давай сейчас же отправимся в этот колхоз, — предложил Егор. — Все равно день свободный. Далеко?

— Всего десять километров.

Темир предложил попросить председателя «подбросить» их до половины пути на машине, которая скоро пойдет в том направлении за членами правления, оставшимися возле хлопкоуборочной машины на опытном поле института.

Председатель, узнав, в чем дело, не только согласился «подбросить» их до полпути, но распорядился довезти их до колхоза.

IV

Все так же за машиной возвышалась пыльная стена и повисала в воздухе, отражая все изгибы дороги. Все так же белели от пыли листья деревьев и кустов, окаймлявших дорогу.

Кишлак открылся сразу за поворотом. Это не был кишлак старого типа. Все, начиная от новых белых домов с железными крышами до гидроэлектростанции и силосных башен, свидетельствовало о новом строительстве.

Машина остановилась возле колхозного клуба. Было двенадцать часов, и громкоговоритель повторял сводку Совинформбюро. Возле него стояла группа колхозников и ребят. Не успела машина затормозить, как их уже окружили комсомольцы и пионеры.

Егор слушал привычный голос диктора и старался не проронить ни слова. Темир не преувеличивал, все было именно так — войска продвинулись за две недели на пятьсот — девятьсот пятьдесят километров. Освобождена была вся Маньчжурия, Южный Сахалин и Курильские острова. Егор быстро оглядел толпу собравшихся около громкоговорителя и попросил позвать секретаря комсомольской ячейки. Спокойный и вдумчивый юноша, по имени Ким, внимательно выслушал Егора и Гюльнару. Слушавшие радио также подошли к ним. Был обеденный перерыв, и секретарь, посоветовавшись с парторгом колхоза, решил собрать всех пионеров в клуб.

Это было просторное и прохладное здание. Пока собирались приглашенные, Егор осмотрел клуб. Он узнал, что этот цветущий колхоз организовался пятнадцать лет назад на совершенно голом месте. В колхозе жило и работало пятнадцать национальностей: и киргизы, и русские, и украинцы, и дунгане, и узбеки, и другие. Он, так же как и колхоз в Чаке, был миллионером, но колхоз в Чаке до сих пор не имел клуба, зато имел Пханова, а, как выяснил Егор, в этом колхозе такого Пханова не было.

Когда все пионеры собрались, Егор рассказал о почине пионеров в окультуривании лесов. Гюльнара дополняла. Было много вопросов. Решили послать отряд под руководством Кима. Но так как пионеры помогали убирать урожай, решили выступить в Зеленую лабораторию через пятнадцать дней.

— А какую мы песню знаем! — похвастался Темир после окончания собрания и заставил Егора запеть «Варяга».

Темир и Гюльнара стали подпевать, а второй раз запели все. И каждый чувствовал, что, очутись он на «Варяге», он также умер бы, но не сдался врагу.

Шофер зашел проститься с Егором. Он присоединился

к поющим. Потом комсомольцы и пионеры пригласили шофера закусить. Шофер возвращался в Чак за грузом, но ребята не поехали с ним.

Радостное возбуждение ребят передалось Егору. «Что ж, — решил он, — если я обещал Гаруну быть на посту, я сдержу слово, но с Гаруном я поговорю... чтобы он знал, как не доверять фронтовику...»

Ребята шли не по дороге, а садами и полями. Пионеры колхоза то и дело указывали на свои опытные делянки, было ли это в винограднике, на полях клещевины, дающей рициновое масло для авиамоторов, или на хлопковом поле. Ребята шли в тени деревьев, росших вдоль арыков, и дружно приветствовали всех работающих на поливе. Вода не допускала «обеденных перерывов».

Группа провожающих уменьшалась с каждым полем. Оказывается, провожающие возвращались с обеденного перерыва на свои поля.

— У нас не хуже! — то и дело твердила Гюльнара, ревниво поглядывая на Егора, громко восторгавшегося опытными делянками.

Вот почему, возвращаясь к кишлаку, Егору пришлось пойти и посмотреть опытные делянки пионеров на полях колхоза «Свет зари» в кишлаке Чак, а также школьное опытное поле и по крайней мере десять раз повторить «очень хорошо» и «у вас гораздо лучше», после чего Гюльнара наконец успокоилась.

V

В кишлаке их встретил Асан и сразу же потащил к себе. Оказывается, профессор микробиологии, которого ожидали завтра, уже прилетел на «ПО-2». Егор ожидал увидеть старика с седой бородой, в очках, а его встретил очень молодой мужчина, скорее похожий на спортсмена,

на футболиста, чем на профессора. Егору понравилось, что профессор говорил с ним, как с равным. Профессор очень подробно расспросил о «взрыве жизни» и решил сейчас же ехать в Зеленую лабораторию. Егор нарисовал подробный план пути.

Профессор поблагодарил и скоро выехал, отказавшись от проводника, чтобы не отрывать колхозников от работы.

— Надо достать радиоприемник! — сказал Егор и принялся доказывать Гюльнаре, как это будет необходимо для них в диких горах.

Оказывается, Темир уже думал об этом. Радиоприемник с новыми сухими элементами был у члена правления колхоза Джолдыбая. Егор вечером вместе с Темиром отправился к Джолдыбаю. Старик сидел на крыльце. И едва только Темир объяснил цель их прихода, Джолдыбай ответил:

— Хоп — хорошо, берите приемник!

Он провел их в комнату, показал, как присоединить и отсоединить провода сухих элементов, упаковал приемник в ящик и даже дал рюкзак.

— Скоро сам приеду в Зеленую лабораторию, — обещал Джолдыбай.

ТВОРЦЫ НОВЫХ ФОРМ

I

Еще затемно пионеры колхоза «Свет зари» выступили в поход. На этом настояла Гюльнара.

— Лучше, — сказала она, — выйти раньше и поспать днем, на привале, чем шагать в полдень под горячим солнцем.

Мост через реку Чак голова колонны прошла в 4 часа 18 минут 24 августа.

Впереди бежал Барс. За ним шагал Егор с лошадью в поводу. Гюльнара вела в поводу другого навьюченного коня. Потом шел Асан, погоняя прутом осла. Темир тоже гнал вьючного осла. Пионеры шли налегке, без груза. Только Егор нес за плечами радиоприемник в рюкзаке. Желающих помочь ему было много, но Егор боялся доверить ценную ношу.

Первый, недолгий привал устроили через пятьдесят минут, у фисташковой рощи, и отдыхали десять минут. Без десяти семь снова остановились. Егор с помощью Темира и Асана установил радиоприемник. Антенну накинули прямо на дерево. Сухие элементы не вынимали из вьюков, а прямо присоединили провода. Лошадь держали за узду.

Едва только лампочки начали накаляться, в трубочках наушников Егор услышал шорох, потом еле слышный мелодичный аккорд, какой бывает перед важными сообщениями.

— Будет приказ! — предупредил Егор, и сердце его забилось быстрее. А вдруг он услышит: «войска генерала Сапегина»! — Я буду громко повторять.

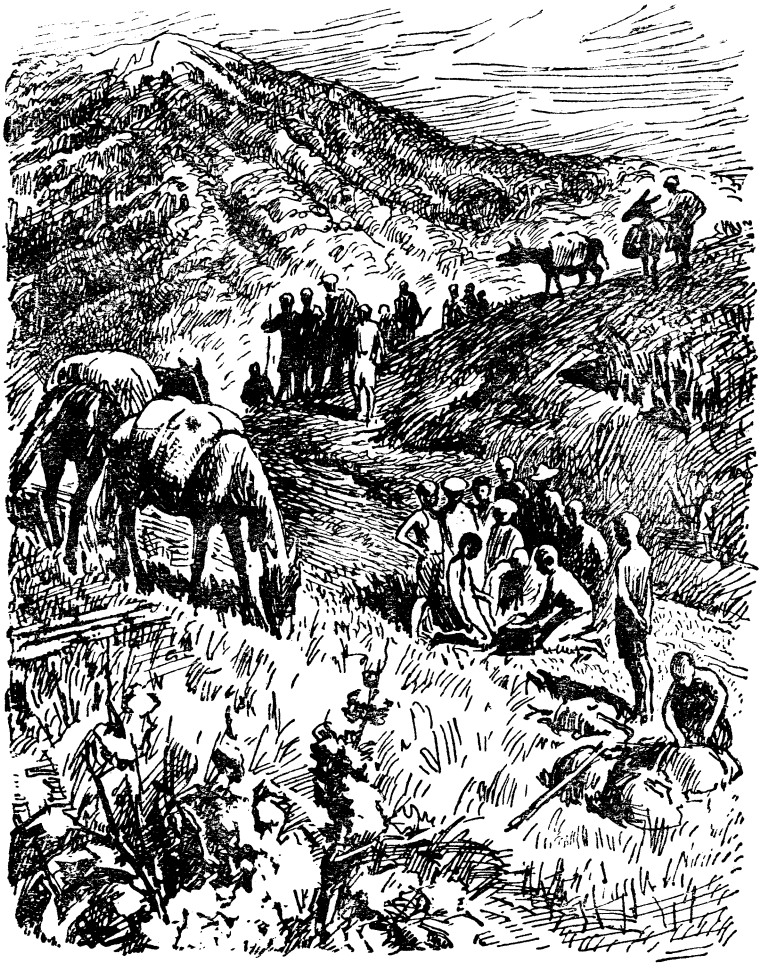
Все ребята сгрудились вокруг Егора.

«Приказ Верховного Главнокомандующего...» услышал Егор громкий и повелительный, такой знакомый ему голос радиодиктора, всегда передававший приказы из Москвы. Егор стоял на коленях. Он выпрямился, а руки опустил по швам, невольно принимая положение «смирно».

— Говори! — ревниво закричал Темир.

И все крикнули «говори», так как хотя и очень тихо, но услышали голос диктора.

— «Приказ Верховного Главнокомандующего»! — повторил Егор.



Но он не мог повторять слово в слово, ибо это мешало сосредоточиться, мешало думать.

— Ребята! — закричал Егор, срывая наушники и вскакивая. — Квантунская армия прекратила сопротивление, сложила оружие и сдалась нашим войскам в плен! Ура!

Лошадь испугалась крика и рванулась. Когда снова наладили радио, диктор уже называл фамилии командующих, войска которых отличились. Егор прослушал все до конца. Полковник Сапегин не был назван. Егор опять загрустил.

— Командуй! — сказал он Гюльнаре.

Отряд шел по долине реки Чак, делая привалы на разведанных местах, а потом вступил в извилистую и широкую долину Алматала. Все, кроме Егора, были веселы и оживлены.

После двух ночевок, длинного и утомительного пути пионеры увидели вдали верхушки гигантских ореховых деревьев. Пошли быстрее. Навстречу отряду примчалась Кока.

Как выяснилось потом, она первая почуяла приближение отряда пионеров — стала лаять и рваться с цепи. Тогда Гномик влез на вершину орехового дерева и объявил, что по долине Алматала приближается отряд пионеров.

Гюльнара приказала отряду построиться. Теперь они торжественно маршировали со своим пионерским знаменем, развевающимся по ветру под звуки трубы. А подходя к Пчелиному городу, запели хоровую песню. Их встретили Люда, Ромка, Топс и Гномик. Гномик даже дал салют из ружья.

— Мы уже знаем о войне от профессора, — сразу же сообщил Ромка, чем сильно огорчил Асана, надеявшегося первым сообщить о победах.

— А как «взрыв жизни»? — спросил Егор.

— Пробовали два раза, — сказал Ромка, — пока не получается. Там, оказывается, окончилась питательная смесь. Мы сделали и употребили новую, а для новой смеси взяли минеральные соли из новых мешков. Профессор говорит — повидимому, в прежней смеси были несколько иные соли, или, как говорит профессор, изотопы. Например, называется калий, а он неодинаковый, их несколько братьев калиевых, и у каждого свой характер... Вы разве не встретили профессора?

Егор и Асан удивленно переглянулись и почти в один голос ответили:

— Нет.

— Ну, так он уже уехал, — заявил Топс. — Взял с собой наших микробов, то самое электросолнце, образцы питательных смесей и растворов.

— Значит, пока ничего? — разочарованно спросил Егор.

— Тссс! — Топс показал на Гюльнару.

Гюльнара рапортовала Искандеру и Василию Александровичу о прибытии отряда пионеров в количестве двадцати трех человек. Люда поцеловала Гюльнару и повела весь отряд к дому.

Ребята забросали Егора вопросами о полковнике Сапегине. Василий Александрович и Искандер тоже ждали ответа Егора.

— Он ничего не знает о моем Максиме Ивановиче, — сказал печально Егор. — Этот Сапегин никакой не родственник и даже никогда не слыхал о моем.

Егор заставил себя улыбнуться, но вдруг отдал повод лошади Ромке и, резко свернув в сторону, побрел, еле удерживаясь, чтобы не заплакать. Гномик хотел было пойти за другом, но Василий Александрович его остановил.

Ребята стали расспрашивать Асана.

II

А Егор шел в тоске, сам не зная, куда идет. Рычанье бежавшего позади Барса заставило его очнуться. Егор очутился возле овечьего загона и увидел незнакомца, сидевшего на обрубке дерева, двух небольших плотных лошадок мышастой масти, жадно евших сено у загородки, и борзую собаку, лежавшую в тени сарая. Незнакомец кивнул мальчику.

— Кто вы? — спросил Егор.

— Объездчик! — ответил суровый худощавый киргиз со шрамом на левой щеке и редкой рыжеватой бородкой и такими же усами.

Тут только Егор заметил ружье, прислоненное к стене загона.

— Вы охотник? — сразу заинтересовался Егор.

— Охотник, — подтвердил гость.

Егор вздохнул и сказал:

— Я тоже собирался в этих лесах охотиться на обезьян.

— Нет обезьян, — кратко ответил охотник, и на лице его появилась чуть заметная улыбка

— Теперь и я знаю, что их здесь нет, — согласился Егор. — Я чуть было шутку Максима Ивановича Сапегина не принял за правду. Тогда мне было очень плохо, я болел, а он...

— Сапегин? Максим Иванович? — переспросил охотник с несвойственной ему поспешностью.

— Да. Он ведь тоже охотился где-то в этих лесах... Вы его знаете?

— Друзья были, — так же кратко ответил охотник.

— Да неужели! — воскликнул Егор, подходя ближе. — Где он теперь?

— Как на войну уехал, больше я его не видал. Хороший человек был! Я один раз хотел вытащить медведя

из ямы, сам копал эту яму и сам в нее свалился к медведю. Сапегин наверху был. Он ко мне в яму прыгнул, помог... Если бы не он, медведь бы меня кончил...

— Так это вы! — закричал взволнованно Егор. — Мне про этот случай сам полковник Сапегин рассказывал! Вы чонмерген? Великий охотник?

Суровый киргиз кивнул головой. В его немигающих глазах что-то потеплело.

— Ведь вы же знаменитый снайпер! Это вы ловите диких зверей для зоопарков? — спросил Егор, весь охваченный волнением.

Охотник кивнул головой.

— Вот не думал! Это же удивительно!.. Я ведь с полковником Сапегиным собирался ловить зверей для зоопарков.

Егор, спеша и волнуясь, рассказал ему свою историю, а закончил неожиданно, чувствуя доверие к чонмергену:

— Вы знаете Гору Дракона? Ну, ту, где есть пещера и где, как говорят, иногда сверкает глаз дракона.

Охотник слегка кивнул головой.

— Так вот, — продолжал Егор, опасливо оглядываясь, — Асан мне рассказал, что Абдулла пугает: «Кто пойдет туда, не вернется». А я читал книжку о «Черном драконе» — японской шпионской организации. Может быть, сказки о сером драконе — это маскировка, чтобы...

— Я был в пещере, — прервал охотник Егора.

— Ну и что?

— Ничего. Стены из белого кварца. Когда от них отражается свет, старики еще веряг, что это светится глаз дракона. Могу еще раз полезть в пещеру.

— Ну, возьмите меня с собой! — попросил Егор.

Охотник прищурил немигающие глаза и внимательно оглядел Егора.

— Трудно будет, — сказал он.

— Я ничего не боюсь, — настаивал Егор.

— А зачем же тогда хочешь бежать? — вдруг раздался голос Искандера.

Егор обернулся. Позади, с нагруженными лошадьми, стоял Искандер.

— Или ты думаешь, что охотиться за тайнами растений и переделывать их — это простое дело? Кто посадил одно дерево, тот уже принес пользу народу. Муллы учат — мир создал бог, человек не может изменить даже травинку. А ты, если хочешь, станешь великим творцом: ты переделаешь однолетние растения в многолетние. Разве это простое дело — переделать мир так, чтобы ты мог сказать: «Мир — мой сад»!

Растерявшийся Егор посмотрел на Искандера и встретил его проникновенный взгляд. Охотник-киргиз глядел тоже строго, ожидая, что скажет мальчик.

— Я остаюсь, — только и сказал Егор.

III

Асан и Люда повели пионеров купаться на реку. Егор, охотник и Искандер помогли ребятам разгрузить приведенных лошадей и осла.

— Этот бак я отнесу к движку. — И Егор, подняв бак на плечо, пошел в Зеленую лабораторию, приказав Барсу остаться возле дома.

Тотчас же Ромка, Топс и Гномик взяли другие бачки и тоже понесли бензин к движку.

— Ну, а как наши доящиеся? — спросил у ребят Егор.

— Опять снизили удой, — сказал Ромка.

— Надо лучше ухаживать за ними — поливать или удобрять... Мало ли что можно сделать! — сказал Егор.

— А вот ты и сделай, — ответил Ромка.

— И сделаю. Я ведь обещал это дело взять на себя — сделаю.

— Но ведь сейчас главная задача — начать окультуривание лесов дикорастущих плодовых, а не ДР, — возразил Ромка.

— И еще другие работы, — напомнил Топс: — выкачка меда, удобрение почвы, чтобы заставить деревья дать не ростовые, а плодовые почки.

— Еще целебный мед, — вставил Гномик и свое слово.

— Скажи, Егор, зачем ты их привел, колхозных пионеров? — спросил Ромка.

— А ты разве против них? — удивился Егор.

— Ведь мы же хотели, чтобы первой была наша Четвертая пионерская, а первыми ты привел пионеров из колхоза.

— Выходит, что я подвел вас? — спросил Егор.

— Выходит, — сказал Ромка. — Ты бы лучше съездил в город за нашими пионерами.

— А ты, Ромка, смотри шире. Наша Четвертая дружина поможет не только Зеленой лаборатории, но возьмет шефство над колхозными пионерами... Вы, городские ребята, поможете им... учебниками и другим чем...

— ...и все скажут, что мы сделали правильно! — подхватил Гномик.

— Ты бы так сразу и сказал, — сдался Ромка, убежденный такой несколько необычной для него точкой зрения и уже жалея, что он сам не додумался до этого.

В это время мальчики увидели Василия Александровича, который нес бачок, задыхаясь под его тяжестью. Мальчики побежали ему навстречу.

— Люда зовет обедать, — сказал Василий Александрович, отдавая бачок, и, заметив взволнованные лица ребят, спросил: — Вы не ссорились?

— Мы спорили, какая работа важнее, — сказал Гно-

мик: — доящиеся или окультуривание, медосбор или микроудобрения?

— А лучше будет, если каждый из вас окончательно выберет себе самое интересное для него дело, — предложил Василий Александрович.

— Я, например, хочу заставить ДР доиться! — горячо сказал Егор. — Василий Александрович, — попросил он, — вы же обещали поручить это дело мне. Я бы здесь и дневал и ночевал.

— Ну, зачем же так! — возразил Василий Александрович. — Дело это трудное и вряд ли даст быстрые результаты. Может, и вообще не удастся, как не удался наш повторный опыт со «взрывом жизни».

— Василий Александрович, — не унимался Егор, — я вас очень прошу! Ведь кому-то надо за ними смотреть... Я уже много думал об этом... Ведь даже у Гномика есть призвание — он решил изучать жучков и всяких там козявок, мушек, таракашек. Роман давно уже интересуется деревьями, Топс — камнями и микробами, а я теперь, когда кончилась война, остался без дела. Я тоже стану творцом новых растений. Мое слово — кремень, я ведь обещал.

— Очень хорошо! — согласился Василий Александрович. Он жалел мальчика и полагал, что научно-исследовательская работа отвлечет Егора и тогда не будет места печальным мыслям. — Будете помогать экспериментировать с ДР и выполнять работу по намеченному нами плану как лаборант, то-есть вести наблюдения и записывать в дневник фенологических наблюдений. В исследовательской работе главное — уметь наблюдать, уметь сопоставлять факты и смело экспериментировать. Помните, что наука требует жертв, и чтобы добиться малого, надо порой уметь отказаться от большого.

— Я же был на фронте! — напомнил Егор.

IV

Решили итти обедать, но Егор отказался.

— Есть не хочется, — сказал он. — Я сначала займусь ДР, а пообедаю позже.

Ромка начал речь о «восстановлении сил после похода», но Василий Александрович мягко, но решительно взял Ромку за плечо, отвел в сторону и сказал несколько слов.

— Мы пришлем тебе обед, «скала-человек»! — крикнул Ромка.

— Ты устал с дороги, — дополнил Гномик, — а здесь так тихо и спокойно.

Егор остался один. Ему просто необходимо было остаться одному, чтобы обдумать свое положение. Ехать на войну с Японией уже не имело смысла. Ездить по городам искать Максима Ивановича — это тоже не лучший способ. Может быть, написать запрос всем, всем, всем — и в Москву, и в часть, и капитану Малову — и ждать ответа? А вдруг ответ придет раньше, чем он закончит опыт с ДР? Бросить опыт? Нельзя, это дело чести. Ускорить опыт? Было бы замечательно добиться быстрой победы, как с японцами. Егор посмотрел на ДР. Неужели он их не покорит?

Егор подошел к ДР и внимательно осмотрел это странное растение. Бугристые листья лежали распростертые перед ним, как крылья огромной птицы, собирающейся взлететь. Все было необычным в этом растении, созданном человеком. Егор долго стоял, рассматривая его огромные листья. Он вспомнил разговор с Искандером и охотником-киргизом. Егор должен доказать, что он не боится труда и выполняет взятые на себя обязательства. На войне, на фронте он привык чувствовать себя нужным человеком. Он был там всегда на своем месте. Как же так случилось, что вернувшись домой, на

родину, он не сумел найти здесь своего места? Он во что бы то ни стало должен доказать, на что способны фронтовики первой линии. Ему хотелось бы сейчас, сию же минуту совершить что-нибудь очень полезное, героическое. Он и взялся за ДР потому, что знал, что это будет трудная работа. Значит, тем приятнее будет одержать победу. Работа с ДР — это как боевое задание, которое он должен выполнить на «отлично». Егор вздохнул. Он много времени потерял после войны, ничего не совершив. Ну что ж, начинать так начинать.

Юный фронтовик прошел в лабораторию и стал читать научную записку Василия Александровича о ДР. Она была написана не для мальчика, попадались незнакомые слова, но Егор решил разобраться сам и так увлекся, что забыл про обед, который ему принесла Люда. Он даже не стал с ней говорить, и девочка ушла обиженная.

Егор еще раз внимательно перечитал инструкцию, приложенную к записке.

— «Смело экспериментировать! Сопоставлять факты!» — повторял, даже напевал Егор, поглядывая на часы. Егор начал «сопоставлять факты».

По инструкции, для полива растений в этот час нужно было открыть кран сроком на пятнадцать минут. Это ясно даже маленькому. Но ДР не доятся, значит где-то что-то в инструкции неправильно. А почему поливать пятнадцать минут, а не двадцать? Ведь «взрыв жизни» получился именно оттого, что микробы получили сверхпитание, тепло и свет. Не в этом ли секрет? А что, если увеличить «влияние на ДР внешних факторов»? Видимо, он, Егор, уже разбирается в этом, раз может «сопоставлять факты». «Взрыв жизни» прошел без участия Василия Александровича. В чем заключается смелый эксперимент? Надо пробовать. Конечно, он, Егор, своим экспериментированием может нарушить инструкцию, а

это значит — нарушить приказ. Но ведь и на фронте инициатива поощряется. Дан приказ овладеть дзотом, и это надо выполнить, но если овладеют всей деревней, в порядке инициативы, за это хвалят. Вот и он, Егор, проявит инициативу и «смелое экспериментирование», а разница не так уж велика. Конечно, лучше было бы согласовать с Василием Александровичем, но «если командир выбыл, другой обязан вести войска к победе». Так рассуждая, Егор поливал растения двадцать минут вместо положенных пятнадцати. Он точно проследил, когда вода, побежав по арыку, достигла корней ДР, и все это записал в дневник. Газовой подкормки Егор дал тоже больше.

Он посмотрел на измерительный прибор давления в растении: стрелка манометра даже перевалила за красную черту. Егор включил вакуумы. Растения доились лучше обычного.

ДР № 1 дало триста граммов; ДР № 2 — триста двадцать граммов; ДР № 3 — двести; ДР № 4 дало больше всех — девятьсот граммов.

Егор вышел во двор к ДР № 4 и погладил его лист. Он чувствовал нежность к этому растению, которое послушалось его, Егора.

Вечером пришли Василий Александрович, Искандер и с ними все ребята. Егор рассказал о своей работе: он дал полторы нормы питания воды и две нормы газовой подкормки. Все видели результат и были довольны. Друзья хотели помочь Егору и остаться ночевать в Зеленой лаборатории, но Егор воспротивился и снова остался один с доящимися. Он запустил мотор и динамку. Еле заметно отсвечивали красноватые листья. Где-то на горе кричал филин.

— Я заставлю вас доиться, я заставлю! — погрозил Егор кулаком доящимся.

Перед утром он включил аккумуляторы и улегся

спать. Проспав не больше часа, он побежал к вакуумам — доить... но удивительно: стрелки стояли почти на зеленой черте — доить было нечего. Егор внимательно просмотрел все записи Василия Александровича и убедился, что все эти дни растения по утрам давали не менее одного литра, а сейчас только ДР № 4 показывало пол-литра, остальные — ничего. Егор был испуган. Он побежал к водоему, открыл кран и дал растениям сразу две нормы воды. Потом он дал им три нормы газовой подкормки. Он то и дело смотрел на измерительные приборы, но стрелки почти не изменили своего положения. И вдруг у Егора возникло предположение, что, может быть, увеличению удоя способствовали не поливка и не подкормка, а некоторое количество съедобного белка «автохтонной микрофлоры Б» — этого микроудобрения, которым, судя по записке Василия Александровича, он пользовался для увеличения удоя.

Егор долго не решался что-либо предпринять. Наконец он вошел в комнату «Б» и взял из стеклянного сосуда немного студенистой массы, оставленной Василием Александровичем для исследования. Он не успокоился на этом. «Экспериментировать так экспериментировать», решил Егор. Он влез на чердак дома, собрал остатки порошка, палочкой сделал углубления в почве возле ДР, положил туда немного студенистой массы, присыпал ее порошком и все это засыпал землей.

«Я вношу под ДР № 4 микроудобрение с подкормкой, — мысленно отметил Егор. — Запишем это в дневник». Хотя было светло, но Егор включил электросолнце. Ему не терпелось поскорее увидеть результаты эксперимента с подкормкой. Даже с Людой и Гномиком, приносившими ему еду, он почти не говорил об опыте.

Юный экспериментатор сидел возле вакуум-насоса, то и дело включая его. И странное дело: в то время как остальные три ДР нормально отдавали свои граммы

сока, ДР № 4 давало все меньше и меньше и наконец совсем перестало доиться. Это случилось около пяти часов дня. Егор выбежал из домика и в ужасе остановился: ДР № 4 беспомощно лежало на земле. Казалось, что какая-то сила вырвала растение с корнем и бросила на землю. Сначала Егор растерялся, потом хотел бежать за Василием Александровичем. Затем он взял себя в руки и занялся исследованием случившегося. Он приблизился к поверженному растению. Вся почва возле него была приподнята и взрыхлена. При ближайшем рассмотрении растение оказалось не вырванным, а выпертым из земли, — такова была неизвестная сила, разворотившая землю вокруг на метр и высотой почти до полуметра. Почва под остальными ДР была в прежнем состоянии.

«Это сделал микробелок, это сделал микробелок!» мысленно твердил Егор и, присев на корточки, набрал в руку земли. Она была мягкая и рыхлая.

Первое, что сделал Егор, — он выключил электросолнце. Затем посадил обратно на то же место огромный корень сахарной свеклы. Это было не так просто, но Егор быстро справился с этим делом. Затем он прорыл арык на разрыхленной земле и пустил по нему воду к ДР № 4. Прошел час. Концы листьев, обычно напряженные, бессильно повисли вниз. ДР № 4 начало быстро вянуть. Егор разволновался. Он хотел было бежать за Василием Александровичем, но побоялся бросить ДР и стал ждать, не придет ли кто-нибудь из ребят, чтобы позвать Василия Александровича.

Ужин принес Гномик.

— Пионеры отдыхают и такую самодеятельность организовали, так весело! Пойдем, — позвал он.

Но Егору было не до веселья. Он рассказал о своей беде. Гномик сейчас же побежал за Василием Александровичем.

Вместе с Василием Александровичем пришел Искан-

дер. Они выслушали сбивчивую речь Егора и оба рассердились.

— Как же так, — спрашивали они, — вы, Егор Иванович, позволили себе свободно экспериментировать с микроудобрениями, не зная свойств этой расы микробелка! Может быть, именно этот микробелок, разлагаясь, убил других микробов возле корней и вызвал гнилостное заболевание? Чтобы так экспериментировать, нужно много знать, очень много знать!

Василий Александрович сейчас же взял пробу земли, исследовал ее под микроскопом и заставил Егора заменить под растением часть земли, добавив земли с компостов, заложенных в прошлом году, куда еще раньше была внесена «автохтонная микрофлора Б».

— Пробовать так пробовать, — заявил Василий Александрович, когда Егор сыпал землю, волнуясь за судьбу растений. — А теперь, — сказал Василий Александрович, — пойдите-ка вы, Егор Иванович, к ребятам и поселитесь.

Но Егор отказался наотрез.

— Ну, тогда погуляйте, отдохните. — И, взяв Егора за плечи, Василий Александрович мягко, но настойчиво увел его из Зеленой лаборатории.

V

Вот когда Егор пережил страшные минуты. Его прогнали! Поделом конечно, но это было ужасно... Василий Александрович понял состояние мальчика и, подойдя к нему, сказал:

— О вашей неудаче, Егор Иванович, будем знать только я, Искандер и Гномик...

— Хорошо, — наклонив голову, тихо сказал Егор, — не смогу ли я работать с ДР еще... потом?

— Дней через пять... А пока все мы будем работать на пасеке и вносить удобрения под плодовые деревья... Чтобы работать научно, надо много, очень много знать. Иногда целой жизни бывает мало... В свободное время я буду с вами заниматься, если захотите.

— Конечно! — отозвался Егор и, опечаленный, ушел вместе с Гномиком.

Егор не видел пионерской линейки, не слышал рапортов. Яркий огонь пионерского костра, разложенного на опушке Орехового холма, и веселые песни не привлекали его. Егор отвязал Барса, сел под ореховым деревом «Джаным» и задумался. Надежда на то, что ему удастся заставить ДР давать по пятьдесят литров сахарного сока, не оправдалась. Его изгнали из Зеленой лаборатории, и допустят ли снова туда? Хотел сделать дело, а вышел позор!

— Эх! — горестно сказал Егор.

— Эх! — повторил кто-то сзади.

Мальчик быстро обернулся — никого. Барс зарычал.

— Эх! — уж нарочно крикнул Егор.

— Эх! — опять послышалось позади.

На этот раз Барс вскочил, и Егор увидел чью-то голову, выглядывавшую из-за дерева.

— Ну ладно уж, выходите! — позвал Егор.

Из-за деревьев вышли Ромка, Топс и Гномик. Они нерешительно подошли и сели возле Егора. Гномик рассказал о каком-то незнакомом мальчишке, виденном в лесу на горе.

— Может быть, это Степка? — спросил Егор, опять готовый к борьбе.

— Наверное, Степка, — подтвердил Гномик.

— Может быть, созвать военный совет? — предложил Ромка. — Позовем Гюльнару?

— Хорошо, — сказал Егор, довольный, что есть возможность отвлечься от мыслей о ДР.

Ромка сбегал к Гюльнаре и, возвратившись, сказал, что Гюльнара просит созвать военный совет, когда окончится самодеятельность, а сейчас зовет Егора к костру.

— Вы идите, а я не приду. Не могу я сейчас веселиться, — отказался Егор.

Оставшись один, он опять вздохнул, и тотчас же, как эхо, опять донесся ответный вздох.

— Ну, кто еще там? — раздраженно крикнул Егор.

Из темноты вышла Люда.

— Ах, что ты наделал, Егор! — с укором сказала она. — Папа говорит, что ничего не получилось из твоего опыта.

— А ведь Василий Александрович обещал об этом никому не рассказывать.

— Неужели ты сам, Егор, не рассказал бы о своей неудаче мне, своему другу?

— Ну, рассказал бы... немного погодя, — смутился Егор. — Ты понимаешь, как мне сейчас тяжело! Я погубил лучшее из всех растений! Понимаешь, я сам! Решил удобрить этим съедобным белком. Ну зачем? — воскликнул Егор вне себя от огорчения. — Зачем?

— Ты понимаешь, Егор, сюда едет новый секретарь обкома партии по сельскому хозяйству. Он недавно прибыл из Москвы и спрашивал по телефону секретаря райкома в Джелал-Буйнаке, как работают Искандер и папа... Секретарь на-днях приедет сюда, к нам... Он приедет, и такая беда — доящееся погибает на глазах! Папа решил убрать ДР — 4...

— А где сейчас Василий Александрович? — спросил взволнованный Егор.

— Пошел в Зеленую лабораторию.

Егор испуганно посмотрел на Люду. Из-за него сейчас Василий Александрович выбросит ДР № 4, и он, Егор, на-

всегда останется виновником этой неудачи! Неужели нельзя что-нибудь сделать?

— Бежим к нему, Люда! — попросил он.

И они побежали. Скоро Егор и Люда были в Зеленой лаборатории. Увидев ученого возле ДР № 4, они остановились.

— Василий Александрович, — сказал Егор умоляющим голосом, — не выбрасывайте ДР — 4, оно выздоровеет! Честное слово! Что-нибудь придумайте... Я себе никогда этого не прощу!

Василий Александрович стоял на коленях возле ДР № 4 и осторожно разрывал руками землю. Он был так поглощен своим занятием, что даже не оглянулся на говорившего. Жесты его были медленные. Он поднес горсть земли к глазам и долго, внимательно рассматривал ее. Затем он осторожно растер землю в пальцах, судорожно вздохнул и сел возле растения.

— Видите? — с каким-то непонятным Егору вдохновением спросил он.

Егор и Люда промолчали, потому что ничего, кроме обыкновенной земли, не видели.

Василий Александрович вскочил в странном возбуждении, схватил Егора за плечо с необычной для него силой и крикнул:

— Рассказывайте!

Егор решил, что ученый очень сердится на него, и это подействовало на мальчика удручающе. Тем более что он уже рассказал все, что он делал с ДР № 4. Приученный к дисциплине, он все же снова перечислил, на этот раз более подробно, все, что он делал с ДР № 4. Василий Александрович задал множество вопросов. Когда Егор ответил на последний вопрос, Василий Александрович долго молчал, а потом воскликнул:

— Красивая идея! Великая гипотеза! Нет, только подумать... Неужели возможно?..

Но Егор и Люда ничего не понимали.

— Папа, в чем дело, ну расскажи! — просила Люда.

Но Василий Александрович не пожелал удовлетворить любопытство дочери. Он заставил Егора измерить слой вспухшей земли. Потом Егору пришлось не только разыскать палочку, которой он делал углубления в земле для микробелка, но принести бутылку с остатками микробелка и снова полезть на чердак с веником и намести в блюдечко минеральных солей.

А потом Егор помог Василию Александровичу повторить то же самое, что делал он с ДР № 4: проделать прутиком дырочки в земле, опустить туда немного микробелка, присыпать подкормкой и затоптать землю ногами. Все это сделали невдалеке от ДР, где была такая же почва и в арыке текла вода из водоема. Потом Егор включил электросолнце.

Это началось уже через сорок минут. Сначала на плотной земле появились трещины. Первым их заметил Василий Александрович. Трещины, как паутина, покрыли весь опытный участок. Потом почва начала пухнуть. Егор, может быть, и не заметил бы этого, но Василий Александрович заставил его взять листок бумаги и записывать под диктовку.

Василий Александрович, глядя на часы и пробуя прутом вспухшую землю, диктовал, а Егор записывал. Ученый делался все веселее и веселее.

— Да вы понимаете, что это такое? — вдруг крикнул он и засмеялся.

Но ни Егор, ни Люда ничего не понимали.

— Биовспашка, вот что это такое, хотя еще нет такого слова и никто не видел то, что видим мы!

Но Егор воспринял эти слова без всякого энтузиазма.

— Ну как вы не понимаете! — горячился Василий Александрович. Он на мгновение задумался и стал говорить быстро-быстро, сам увлекаясь сказанным: — По-

ле, и на нем нет никаких железных борон. Никакие железные орудия не разрушают, пусть хоть и немного, структуру почвы. По полю едет странная машина: длинный барабан на двух колесах, а на барабане посажено что-то вроде стальных спиц. Едет такая машина по целине, и спицы то и дело вонзаются в почву. Проходит час, второй... и вдруг все необъятное поле вспухает, поднимается, как на дрожжах... Особый вид микробов или дрожжей вспахал почву, вернее сказать — разрыхлил, а структура ее не нарушена, структурные комочки сохранены.

— И на машине нет человека, машина управляется по радио, — поспешно и громко сказал Егор.

— Папа, значит мы сделали открытие? — восторженно спросила Люда.

— Пока это только рождение идеи, гипотезы, — сказал Василий Александрович. — Хотя нам и удалось повторить эксперимент, но не осталось ни микробелка, ни минерального компонента. Я сейчас же напишу об этом профессору, который сюда приезжал.

— Вы больше не сердитесь на меня за ДР — 4? — спросил Егор.

— Нет, — сказал Василий Александрович, — но все же надо овладевать не только азами, но и глубинами науки, и я уверен, что вы совершите множество интереснейших путешествий в глубину вещей и явлений, которые приведут вас к величайшим открытиям. Чтобы видеть, надо знать, откуда смотреть. Одного рождения гипотезы мало. Чтобы разработать ее и претворить в жизнь, иногда бывает мало человеческой жизни.

— Папа, пусть ДР—4 живет, — попросила Люда.

— Какая настойчивость! — с притворным неудовольствием сказал Василий Александрович. — Что же, придется подчиниться и не трогать ДР—4. Дайте-ка ему сейчас один полив.

Егор с радостью выполнил это поручение.

— Завтра с утра мы начнем большую работу, — сказал Василий Александрович. — Вам надо хорошенько выспаться и отдохнуть. И все-таки, прежде чем вас отпустить, я хочу вам, Егор Иванович, дать завещание, которое академик Павлов оставил советской молодежи. Вы ведь твердо и серьезно решили заниматься наукой?

— Твердо и серьезно!

— В таком случае, вы обязательно должны прочесть завещание академика Павлова. — Василий Александрович положил на стол книгу и ушел.

VI

Егор сел к столу и стал читать.

«Что бы я хотел пожелать молодежи моей Родины, посвятившей себя науке?

Прежде всего — последовательности. Об этом важнейшем условии плодотворной научной работы я никогда не смогу говорить без волнения. Последовательность, последовательность и последовательность. С самого начала своей работы приучите себя к строгой последовательности в накоплении знаний.

Изучите азы науки, прежде чем пытаться взойти на ее вершины. Никогда не беритесь за последующее, не усвоив предыдущего. Никогда не пытайтесь прикрыть недостатки своих знаний хотя бы и самыми смелыми догадками и гипотезами. Как бы ни тешил ваш взор своими переливами этот мыльный пузырь — он неизбежно лопнет, и ничего, кроме конфуза, у вас не останется.

Приучите себя к сдержанности и терпению. Научитесь делать черную работу в науке. Изучайте, сопоставляйте, накопляйте факты.

Как ни совершенно крыло птицы, оно никогда не смогло бы поднять ее в высь, не опираясь на воздух. Факты — это воздух ученого. Без них вы никогда не сможете взлететь. Без них ваши «теории» — пустые потуги.

Но, изучая, экспериментируя, наблюдая, старайтесь не оставаться у поверхности фактов. Не превращайтесь в архивариусов фактов. Пытайтесь проникнуть в тайну их возникновения. Настойчиво ищите законы, ими управляющие.

Второе — это скромность. Никогда не думайте, что вы уже все знаете. И как бы высоко ни оценивали вас, всегда имейте мужество сказать себе: я невежда.

Не давайте гордыне овладеть вами. Из-за нее вы будете упорствовать там, где нужно согласиться, из-за нее вы откажетесь от полезного совета и дружеской помощи, из-за нее вы утратите меру объективности.

В том коллективе, которым мне приходится руководить, все делает атмосфера. Мы все впряжены в одно общее дело, и каждый двигает его по мере своих сил и возможностей. У нас зачастую и не разберешь, что «мое», а что «твое», но от этого наше общее дело только выигрывает.

Третье — это страсть. Помните, что наука требует от человека всей его жизни. И если у вас было бы две жизни, то их бы нехватило вам. Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях.

Наша Родина открывает большие просторы перед учеными, и нужно отдать должное — науку щедро вводят в жизнь в нашей стране. До последней степени щедро.

Что же говорить о положении молодого ученого у нас? Здесь ведь ясно и так. Ему многое дается, но с него многое и спросится. И для молодежи, как и для

нас, вопрос чести — оправдать те большие упования, которые возлагает на науку наша Родина».

* * *

Вечером собрался военный совет. Егор рассказал о своей неудаче с доящимися, об опыте биовспашки и закончил словами:

— Если уж заниматься наукой, то надо изучить азы науки, быть терпеливым, изучать, сопоставлять, накоплять факты, искать законы управления фактами. Не гордиться, работать коллективно, не жалеть сил для работы и исканий, чтобы оправдать доверие Родины.

— Откуда ты это? — спросил Ромка.

Егор рассказал о завещании академика Павлова. Ребята решили, что каждый должен переписать его, заучить наизусть и делать все в жизни по завещанию.

Кроме того, решили, что Гномик и Асан пойдут охотиться и одновременно разведают, не появился ли Степка с дружками. Всем же остальным завтра работать по-стахановски.

НАПРАВЛЕНИЕ ГЛАВНОГО УДАРА

I

Гюльнара выстроила отряд на утреннюю линейку, отдала рапорт Искандеру и, по его указанию, разделила отряд на звенья по три человека. Каждое звено получило ручную пилочку. Кроме того, Василий Александрович дал еще две большие пилы, четыре топора, четыре струга и садовые ножи. После чего ушел в Зеленую лабораторию.

Был чудесный час восхода солнца. Огненная полоса над горой росла и горела, затопляя глаза светом и теплом.

— Солнце! — торжественно произнес Искандер, протягивая к нему правую руку.— Ты бросаешь первый луч, и леса оглашаются пением птиц, и человек пробуждается к труду. Под твоими лучами зеленеет трава и цветы поворачивают к тебе свои золотистые головки. Плоды наливаются соком, зреют зерна, и хлопок раскрывает свои коробочки. Свети же ярче, ибо в этот день детские руки заставят двести диких яблонь жить новой жизнью! Да будет благословен день труда!

Искандер замолчал и опустил руку. Красный диск солнца отделился от горы и стал быстро подниматься вверх.

— Мы пойдем в наш плодовый сад, — сказал Искандер, — и срежем там для прививки ветки у молодых яблонь. Это будут куски веток — черенки, — и на каждом черенке будет по три глазка. Не мы первые открыли прививку дикорастущих. Прививали и на Кавказе, и возле Алма-Аты, и в Таджикистане, и в Узбекистане. Но лесов очень много, а сделано еще очень мало. Слушайте внимательно, чтобы знать, как и когда прививать. Есть четыре основных способа прививки дикорастущих. Первый способ — срезают крону дерева на высоте одного-полутора метров и прививают двумя ветками в расщеп с двух сторон. Срезают крону, если дереву не больше сорока лет. Второй способ — срезают крону дерева и прививают возле места, где спилена крона, на кору, седлом. Третий способ тот же, только прививают за кору, седлом не в штамб, а в крону, в основные ветки, спиливая все другие. Это когда дерево старше сорока лет. Есть еще четвертый способ прививки — «дудкой». Спиливается крона дерева, снимается широкое кольцо коры, и на то же самое место надевают новую кору с культурного ореха. Так прививают дуб орехом.

— А где почки на коре? — спросил Егор.

— Пробуждаются скрытые почки, — пояснил Искан-

дер. — В лесу, на практике, вы все это поймете. Прививку делают рано весной, когда бывает ноль градусов, до появления первых листьев. Прививку за кору, седлом, можно делать и позже, при появлении первых листьев. Все же весной очень мало времени. Мы хотим подготовить все для весенней прививки теперь, осенью. Для других мест, где бывают морозы, много снега, осенью прививать плохо, а для нашего мягкого орехового климата, я думаю, этот опыт удастся. И я хочу, чтобы вы на этом опыте научились прививать.

— А если привитые нами деревья пропадут? — обеспокоилась Гюльнара.

— Мы будем вести прививку в очень густом яблоневом лесу, — ответил Искандер. — Там все равно надо прореживать... Придется вырубить часть яблонь, чтобы осталось не более двухсот пятидесяти на гектар. Мы сейчас вырубать не будем, а привьем их. Если прививка не удастся, то весной вырубим те, которые не принялись, а привьем другие, оставшиеся. Мы ничего не теряем... Но прививать надо хорошо... Теперь пусть каждый назовет свой любимый сорт...

— Коричневое полосатое! Боровинка! Суйлепское! Апорт! Папировка! Ранет! Семиренко! — наперебой называли ребята свои любимые сорта яблок.

— Не надо делать яблоневый лесо-сад таким разносортным. Давайте возьмем суйлепское, боровинку и коричневое полосатое: это сорта нашего района.

Каждый торопился и хотел быть первым. Каждый стремился быть поближе к Искандеру. Веселой гурьбой ребята пошли в сад. Здесь были и небольшие — карликовые — деревья, и среднего роста — полуштамбовые, и высокие, большие — штамбовые деревья.

К штамбовым и направился Искандер.

— Где самая молодая часть дерева? — спросил он.

— Верхушка, — ответило несколько голосов, и ребята устремили взоры на самую тонкую часть дерева.

— Нет, нет, верхушка — самая старая часть дерева,— сказал Искандер. — Поэтому мы и не будем брать ветки у старых яблонь, а срежем у молодых, но так, чтобы им это не очень повредило.

Выбрали очень хорошее дерево.

— Держите ветку снизу, — сказал Искандер, берясь за ветку левой рукой и нацеливаясь пилкой, зажатой в правой.

Тотчас же протянулось десять рук.

— Возьми ты, Гюльнара, и ты, Роман, — указал Искандер, — остальные станьте в круг и внимательно смотрите, как надо делать.

Эту первую ветку на дереве Искандер спилил сам, чтобы ребята видели, как это делать. Свежую рану на дереве Люда замазала глиной. Первым из ребят спиливал ветку Роман. Все на него смотрели. Он это чувствовал, нервничал и торопился. Пилка у него то и дело соскакивала, раня кору. Подбежали Топс и Гномик, чтобы поддержать ветку, но все же подпиленная ветка обломилась, содрав большую полосу коры со ствола.

— Нельзя так, нельзя! — огорчился Искандер. — Надо хорошо держать ветку снизу, пока другой не отпилит.

Спиленную ветку Искандер разрезал на части по три глазка и тщательно затесал каждую в виде ровного, узкого клина, так что нижний конец выступал над срезом. Потом он указал деревья и ветки, подлежащие отпилке. Каждое звено получило по шесть деревьев.

— Не пилите, пока не будет команды! — кричал Ромка, вызвавшийся быть первым помощником Искандера.

Он бегал от звена к звену, показывал, где пилить, как лучше держать, и чувствовал себя, как командир во время успешного наступления. Иногда он подбегал за советом к Искандеру.

— Я умею работать топором и буду стесывать концы у веток, — предложил Егор.

Искандер дал ему одну ветку на пробу. Егор ловко и точно стесал. Искандер его похвалил. Теперь стесывали концы двое: Искандер и Егор. Обескураженный случаем с доящимися растениями, Егор испытывал наслаждение от работы. Для него, бывшего сапера, это было привычным делом.

В саду слышался гул возбужденных детских голосов, шум листьев, звон пил. Спиленные ветки связывали по шесть штук вместе и, чтобы не сохли стесанные концы, обертывали их мокрой травой.

Егор кончил связывать ветки и подозвал к себе Гномика, Ромку и Люду.

— Я хочу, — сказал Егор, — послать Гномика домой в помощь Люде, как разведчика. Ведь может притти Степка. Гномик будет охранять гигантские орехи от «степок», отпугивать птиц-пчелоедов и стрелять куропаток, не уходя далеко от дома.

— Так ведь он плохо стреляет, — заметил Ромка.

— Я плохо стреляю! — возмутился Гномик. — Я чонмерген!

— Зачем ты, Ромка, дразнишься! — укоризненно сказала Люда.

— Это я нарочно, — тихо сказал Ромка, — чтобы он охотнее согласился.

II

По склону яблоневой горы шел отряд пионеров с Гюльнарой во главе. Егор, Ромка, Топс и Асан шли рядом. Впереди Искандер вел в поводу коня, нагруженного продуктами, топорами, пилами. Барс бежал рядом с Егором.

Ромка первый крикнул:

— Пахнет яблоками!

Аромат усиливался. Ребятам стало казаться, будто они попали на фруктовый склад.

Пионеры вышли на просеку и увидели громадный яблоневый сад. Только яблони в нем росли в беспорядке. Из толстых многолетних пеньков высотой в рост человека поднимались ветки, разросшиеся широкой кроной. В зелени листвы розовели и золотились яблоки. Их было больше, чем листьев.

— Это облагороженный нами яблоневый лес, зимние сорта, — любовно сказал Искандер. — Положите свои черенки на землю, отдохните и поешьте яблок.

Ребята бегали по саду и ели яблоки.

— У меня слаще всех!

— Нет, ты попробуй мое! — раздавалось в разных концах.

Гюльнара крикнула:

— Пионеры, идем дальше!

Ребята подхватили свою ношу и пошли через яблоневый лесо-сад вслед за Искандером в лес. Дул ровный ветерок. И лес яблоневых деревьев, росших друг возле друга, приветливо махал им ветками. Здесь пионеры остановились. Искандер сказал:

— Тот не сделал в жизни доброго дела, кто не посадил дерево на земле. У индейцев был такой мудрый обычай: кто срубит хинное дерево, тот должен посадить и вырастить взамен него другое. У балканских славян есть еще лучший обычай: юноша не может жениться до тех пор, пока он не посадит шестьдесят фруктовых деревьев. Центральный комитет комсомола призывает каждого комсомольца сажать каждый год по нескольку фруктовых деревьев. Пусть обычаем юных пионеров в нашем краю, — продолжал вдохновенно Искандер, — станет также облагораживание диких фруктовых деревьев!

— Сто пятьдесят на каждого пионера! — крикнул Егор.

— Двести! — отозвался Ромка.

— Двести пятьдесят! — предложила Гюльнара.

Искандер смотрел на этих веселых ребят и с грустью вспоминал свою безрадостную молодость.

— Сегодня, — сказал Искандер, — каждый из вас для практики и как опыт облагородит семь диких яблонь. Для этого прежде всего надо чисто и бережно срéзать всю крону дикой яблони на высоте груди, загладить стругом срез, расщепить этот высокий пенек, а в него привить ветку-черенок. Для начала ты, Гюльнара, и ты, Егор, берите пилу и спилите крону вот этой дикой яблони.

Это было пятнадцатилетнее дерево. Задрожали листья, и белые опилки посыпались на землю. Наконец крона рухнула. Искандер зачистил стругом срез, потом расщепил пенек топором накрест.

— В эту трещину, так, чтобы слои камбия касались друг друга, мы вставим черенок, который хотим привить.

Все бросились к своему грузу.

— Не все, не все! — сказал Искандер, улыбаясь горячности ребят. — Только две ветки, но, как исключение, — и он обратился к четырем друзьям, — давайте ваши черенки. Вы пришли к нам первые, вы первые и привьете свои ветки, хотя сразу четыре и не прививают. Сделаем как исключение.

Искандер взял черенок Егора и воткнул его в ствол с краю. С другой стороны вставили черенок Романа. Таким же способом вставили черенки Асана и Топса.

— Пусть цветет и крепнет ваша дружба, как будет цвести это дерево, и пусть она переживет дерево.

И вскоре вместо очень толстого ствола дикой яблони на пеньке торчали четыре молодых черенка. Потом пенек

крепко связали крученой мочалой, сверху на расщеп положили кору и замазали садовым варом.

— Через два или три года на этой яблоне родятся яблоки, — сказал Искандер. — А теперь надо забить три палки с трех сторон дерева и на них укрепить деревянный обруч.

— Зачем? — удивился Топс.

— Чтобы птицы садились на круг, а не на черенки, — объяснил Искандер.

Так и сделали.

Звенели пилы, и с шумом падали на землю большие кроны диких яблонь, и все больше и больше качалось на срезанных пеньках тонких черенков.

Робко глядели ребята на эти слабые веточки.

— Веселее, смелее, не робейте! — слышался голос Искандера.

И ребята трудились, учились превращать дикий лес в сад.

Прививку седлом делали так: возле верхушки срезанного ствола делали надрез коры в три-четыре сантиметра, обратной, костяной, стороной окулировочного ножа слегка отдирали кору и за нее вставляли черенок, и делали это так, чтобы слои камбия совпадали.

Каждый трудился, желая выполнить свою работу отлично, чтобы «его дерево» весной росло и развивалось лучше других. Асан с сожалением оставил ребят и отправился на разведку — искать Степку.

Наступил вечер. Это был дивный вечер! Ни ветерка! Золотистые оттенки заметно лиловели, и синие тени заполняли ущелья. Было и не жарко и не холодно. Трудолюбивые пчелы давно уже закончили свой трудовой день, а пионеров нельзя было уговорить бросить работу. Жужжали пилы и звенели топоры, срезая сухие деревья и ветки. Росли кучи собранных яблок.

Призыв Искандера: «На сегодня довольно!» тонул в

громких выкриках ребят: «Очистил две сотки лесо-сада!», «Очистил три сотки лесо-сада!», «Собрал с двадцати деревьев яблоки!», «Собрал с тридцати!»

Это подзадоривало остальных. Ребята умоляли Искандера подождать «одну секунду» и дать им срубить последний сухостой, собрать яблоки еще с одной яблони. И снова свистели пилы и звенели топоры.

Искандер улыбался, смеялся, спорил, сердился: в наступающей темноте могли по ошибке принять хорошее дерево за сухостой, а спешка в сборе яблок могла привести к обрыванию почек.

Тогда Егор призвал свою «гвардию» навести порядок. Постепенно работа прекратилась.

Веселой гурьбой, с песнями пионеры спускались по склону, неся с собой корзины, наполненные яблоками.

Трудно было встретить в тот вечер более веселых ребят. Все смеялись и всему радовались.

III

Только Топс не смеялся. Ему поручили вести мула, нагруженного двумя корзинами с яблоками, а на каждую лошадь или мула Топс смотрел, как на своего личного врага. Невзлюбил лошадей он после неудачной попытки четыре года тому назад научиться ездить верхом. Причиной неудачи были осы, но Топс упорно молчал и никогда не рассказывал об этом случае.

Топс держал повод в вытянутой руке, стараясь быть от мула подальше, итти в стороне, а послушный одноглазый мул шел вслед за Топсом, как собака, угадывая все повороты, и случалось так, что они даже кружили на одном и том же месте. Тогда Топс ускорил шаг, мул не отставал. Топс пошел еще быстрее, мул шел по пятам. Топс побежал, и мул побежал.

Перед ветхим, шатающимся мостиком через пенистый горный ручей Топс остановился. Ехать через бурный ручей верхом он боялся, а на мостике нехватало всех бревен, были щели. Топс решил сначала пройти сам, а потом, уже будучи на той стороне, за веревку провести мула. Уздечка была коротка. Топс снял и привязал к ней свой пояс. Привязал веревку, висевшую у седла. Затем он погрозил одноглазому кулаком, сказав: «Стой здесь», и пошел по мостику, осторожно выбирая место, куда ставить ногу. Он дошел до середины, мостик стал довольно сильно колебаться. Топс оглянулся и обмер: за ним по пятам шел одноглазый мул.

Топс в ужасе побежал по мосту на тот берег, мул — за ним, но, попав копытом в щель, сорвался и повис. Он упал брюхом на бревно, составлявшее левую основу моста. Свесив все четыре ноги вниз, а голову вытянув по бревну, многоопытный мул лежал не шевелясь.

Пока Топс подпрыгивал от волнения на том берегу, не зная, что предпринять, Темир, Ромка и Касым бросились на выручку. Они развьючили мула и отнесли корзины с яблоками на берег.

— Иди помогай! — крикнул Темир Топсу.

Тот боязливо подошел.

— Бери за хвост, — командовал Темир.

Топс отказался.

— Ну, бери с Касымом одноглазого за уздечку!

На это Топс согласился. Дружными усилиями мула подняли за хвост и голову, причем он сам, освобожденный от груза, быстро поднялся и, как кошка, ловко выбирая бревна, вышел на берег.

Топс отнесся к упрекам ребят даже весело. Он был рад, что все кончилось хорошо, а Темир ведет мула.

— Мы не можем позорить наш отряд, — сказал Ромка, останавливая мула. — Снимай корзины, будем учить Топса ездить верхом.

Топс попробовал убежать, но его догнали.

Вот почему все четверо опоздали на вечернюю линейку, где прибывшая в этот день от правления колхоза парторг тетя Слу принимала рапорты бригадиров о их работе. Вместо Темира, председателя совета отряда, рапортовала пионервожатая Гюльнара. В этот день была сделана опытная и одновременно учебная прививка шестидесяти семи диким яблоням, собрано две тонны яблок и очищено от сушняка полгектара.

Гномик и Асан доложили Егору о своих охотничьих трофеях. Они добыли девять куропаток и семь диких голубей. Ни Степки, ни дыма от костра они нигде не заметили.

IV

Это был очень веселый вечер, и тетя Слу просто не могла нарадоваться на своих пионеров.

Потом пели песни. Темир прочел стихотворение о Мичурине. А так как это стихотворение знали многие ребята, то декламировали его все в один голос:

Он в руки взял природу,
Залальчивый, живой,
Сады на всех широтах
О нем шумят листвой...

Гюльнара и другие девочки танцевали киргизские танцы. Темир играл на бубне. Егор исполнил «Яблочко» и снова начал танцевать на «бис», как вдруг музыка оборвалась на самом интересном месте: тетя Слу, разговаривавшая с Искандером и Василием Александровичем, позвала баяниста. Баянист-техник оставил баян и ушел.

Егор взял баян. Конечно, он не мог так играть, как техник, но все же умел. Он услышал, что взрослые гово-

рят о постройке плотины, и, не переставая играть, подошел к тете Слу. Пионеры подошли вслед за ним. Игра оборвалась. Начался серьезный разговор о починке плотины, намеченной на позднюю осень, потом стали обсуждать завтрашнюю работу, и сразу возникло много вопросов: кто и что может делать и у кого к какой работе больше лежит сердце.

Прибывшие колхозные пионеры не впервые приступали к работе. Почти все они уже работали на опытных делянках, заложенных Искандером и Василием Александровичем на полях и в садах колхоза. Самый рослый и сильный из мальчиков, Касым, получил на своих опытных яблоневых деревьях наибольший урожай. Он умел подрезать плодовые деревья, хорошо рубить, умел водить трактор, удобрять, поливать, подкапывать.

Худенькая, стройная девочка, которую звали Оля, умела хорошо чеканить хлопок по методу академика Лысенко. Две девочки умели хорошо варить повидло, пять других умели хорошо резать и сушить фрукты.

Темир, как заявил он, был виноделом и даже сам бы сумел приготовить вино из фруктов. Этому он научился у отца. Темир умел лазить по деревьям и влезать туда, куда не могли влезть другие. Высокий Вова любил машины, умел точить пилы, напильники. Это, как выяснилось, умел делать и Топс.

Одни из ребят любили петь, другие — танцевать. Оказалось, что Темир привез с собой шахматы. Ромка тотчас же предложил организовать шахматный турнир.

Неразговорчивый Касым оказался к тому же левым защитником колхозной футбольной команды, но футбольного мяча не было, и Касым договорился с Егором организовать кружок городошников. Девочки предпочитали волейбол. Тетя Слу обещала прислать мяч и сетку.

Гномик агитировал за охоту и завербовал в чонмергены пять человек.

Все же самое главное, как сказала тетя Слу, была стенгазета. Пусть каждый звеньевой напишет о том, что он сделал, и об условиях соревнования. Редактором единогласно выбрали Гюльнару, Ромку — заместителем редактора, а Гномика — художником. Топса, умевшего красиво писать, назначили «заведовать типографией».

Долго спорили, как назвать газету. Предлагали назвать: «Лесной пионер», «Стахановцы лесо-садов», «Преобразователь природы». Приняли предложение Василия Александровича назвать газету «За сокровищами солнца».

— Зеленые растения — это биологические солнечные машины, — сказал Василий Александрович. — Агрономы — инженеры «солнечных машин». Зеленые растения — это сокровища солнца на земле. Впрочем, — заметил Василий Александрович, — называть машиной растение, являющееся живым организмом, неправильно.

Первую научную заметку для газеты сдал Гномик. Это подзадорило других.

В этот вечер долго не хотели итти спать, и, уже лежа на ароматном сене, Егор шептал слова Василия Александровича, стараясь понять всю глубину сказанного: «Человек, переделывая природу, преобразует сам себя».

V

На следующий день Егор помогал Искандеру качать мед. Это было очень интересно. Тяжелые рамы, полные меда в запечатанных сотах, вынимали из ульев, отпугивая пчел дымом. В домике возле медогонки широким острым ножом вскрывали соты. Чистый, янтарный мед выступал из сотов. Эту рамку вставляли в медогонку, и ребята по очереди крутили ручку. Мед выплескивался из сотов в чан. Залетевшие в домик пчелы жужжали.

Пришел Василий Александрович и пригласил Егора, Ромку, Асана, Топса и Касыма итти с ним в ореховый лесо-сад, чтобы они познакомились с участками и техникой сбора как будущие звеньевые по сбору орехов.

Мальчики с радостью согласились. Егор поручил Гномику помогать в Пчелином городе на Ореховом холме и поглядывать, не появится ли Степка.

Много лесов видел Егор на своем боевом пути. Видел он и лесные дебри возле Новгорода, и сосновые леса Смоленщины, и дубравы Украины, и буковые леса Карпат, и скучные, посаженные по линейке еловые леса Германии, но такого леса, как этот ореховый, он еще никогда не видел.

Это были огромные, «многоэтажные» деревья. В лесу — густая тень, обильно цветущее разнотравье, жужжанье пчел и неустанное щебетанье птиц. Где погуще — опавшие листья и ветки. Егора ни на минуту не оставляло сознание того, что он находится среди реликтов третичного периода. Может быть, поэтому он считал и воздух иным и землю иной и шел по ней с трепетом и восторгом первых путешественников, впервые высадившихся на необитаемый остров.

На пологом склоне деревья были разрежены. Стояли они не густо, огромные, раскидистые, и все же кроны их вверху смыкались. Егор все больше убеждался, что это был особый мир, наполненный неярким светом и легкими звуками. Под его высоким сводом дышалось легко, радостно и весело.

Топс наклонился и поднял с земли орех. Он вынул его из зеленой «рубашки», вытер и, положив в рот, нажал крепкими зубами. Василий Александрович испуганно оглянулся, услышав треск расколовшегося ореха.

— Что вы, — закричал он, — это же опытные орехи!

Ученый тут же объяснил ребятам значение опыта. Часть деревьев поливалась осенью из ручья, под некото-

рыми рыхлили землю, некоторые подрезали, часть не поливалась. Это были контрольные деревья. Но если земля под поливным орехом лучше, чем под контрольным, то увеличение урожая будет зависеть и от качества земли. Поэтому берут не одно ореховое дерево, а много деревьев, на различных почвах, различных склонах, и так далее. А рядом оставляют контрольные деревья того же возраста, на тех же почвах. Сравнивая урожаи на опытных и контрольных деревьях, можно учесть прибавку урожаев от того или иного агрономического мероприятия.

Ребята быстро усвоили технику сбора. Главное заключалось в том, чтобы, сбивая орехи, не обламывать тонкие ветки. Нельзя было сбивать ни камнями, ни палками. Это надо было делать шестами. Василий Александрович показал, где под навесом лежат длинные, многометровые шесты с крючками на концах.

Шесты были легкие. Срывать орехи было совсем нетрудно. Все эти орехи Василий Александрович взвесил на безмене. Оказалось 423 килограмма. Василий Александрович сразу развеселился.

— У нас, — сказал он, — есть деревья, дающие пятьсот килограммов и даже больше, а с гектара дикого орехового леса обычно собирают от десяти до пятидесяти килограммов. Весь этот склон, от хребта вниз, огражденный справа и слева горными ущельями, — это наш облагороженный лесо-сад, кишлака Чак... А теперь, когда я взвесил орехи, — милости прошу попробовать.

Ребята уселись кружком и стали камнями колоть орехи и есть. Василий Александрович тем временем рассказывал о сборе и просушке орехов, о сортировке по размеру и цвету, о том, как и сколько добывается масла из орехов, и о том, что мечта Мичурина об ореховых рощах от севера до юга — когда каждый колхозник будет иметь в своем саду ореховые деревья — близка к осуществлению.

— Несколько ореховых деревьев снабдят колхозника растительным маслом на целый год.

Это была очень интересная лекция, где даже такой, казалось бы, пустячный факт, как то, с какой легкостью вынимается сердцевина из скорлупы, и то играл роль.

Орех! Вот уж не думал Егор, что с ним связана целая наука, целая отрасль промышленности!

На «контрольном», непривитом орехе плодов было мало. Всего шесть килограммов. Темир, охотясь за орехами, залез на самую верхушку дерева. Там было много крупных орехов.

— Слезай! — сердито крикнул Егор, не терпевший чрезмерной беспечности и показного геройства.

Но он ошибался. Темир не кичился своей способностью лазить. Он привык к этому и считал самым обычным делом. Поэтому он спокойно сидел на ветке, разглядывая что-то, что не было видно снизу.

— Кто-то нам помогает собирать орехи! — крикнул мальчик сверху.

— Не может быть! Это ошибка! — заволновался Василий Александрович. — Это облагороженный лесо-сад колхоза «Свет зари», и никто не вправе собирать здесь орехи!

— Беги! — шепнул Егор Топсу.

Тот побежал в направлении, указанном сверху.

Ребята ждали. Скоро между деревьями замелькала фигура Топса. Задыхаясь от волнения, он еще издали закричал:

— Там Степка! Пришли!

Хотя ребята давно поджидали Степку, но сейчас эта весть застала их почти врасплох.

— Не ошибся? — спросил Егор.

— Честное пионерское! Совсем недалеко отсюда! Там сам Степка, и с ним его ватага! Они сбивают наши орехи, на том краю этого орехового лесо-сада.

— За мной! — скомандовал Егор.

Он взял Барса на поводок и побежал, а за ним следом побежали Ромка, Топс и Асан, оставив Василия Александровича, Темира и Касыма в полном недоумении.

VI

В лесу стоял шум. На землю падали камни и ветки, сыпались орехи. Незнакомые Егору мальчишки поднимали упавшие камни и снова швыряли их вверх, чтобы сбить орехи. В воздухе, как глубокой осенью, кружились сорванные листья.

— Стой! Не бросай камней! Не ломай веток! — закричал Егор, увидя все это, и передал поводок Барса Ромке.

Но сборщики были так увлечены, что никто не обратил внимания на Егора. Он подбежал и схватил за руку незнакомого мальчика. Тот обернулся и удивленно посмотрел на него.

— Здесь запрещено собирать орехи; это опытный, облагороженный сад колхоза «Свет зари», кишлака Чак, — сказал Егор.

Паренек презрительно посмотрел на Егора и громко позвал:

— Степка, беги сюда!

Чужие ребята подходили к Егору, враждебно оглядывая его. Ромка, Топс и Асан, спрятавшиеся, как резерв, невдалеке за стволами орехов, выжидали, чтобы во-время броситься на подмогу. Увидев, что незнакомые ребята окружили Егора, Асан и Топс поспешили на выручку. Ромка с трудом удерживал рвущегося вперед Барса.

Егор засвистел, и вскоре четыре мальчика и собака стояли против двенадцати мальчишек во главе со Степкой.

Степка Пханов, высокий парень, резким движением

головы забросил назад свои длинные огненно-рыжие волосы. Лицо его было бледно. Маленькие, как у отца, глазки были прищурены, над лбом вился вихор, а на мизинце левой руки Егор заметил длинный ноготь. Такие же длинные ногти были у двух из его дружков.

— Чего ты привязался к нам? — спросил Степка и небрежным жестом вынул из кармана портсигар, оттуда взял папиросу и сунул, вернее бросил, ее в рот.

Тотчас же один из стоявших рядом с ним поспешно зажег спичку и дал прикурить.

— Пришли на запах жареного — не пройдет — все билеты проданы, свободных мест нет — законтрактовано нами — до горизонта — нашли дураков — айда, айда отсюда — тоже спецы — айда!

Из этого стремительного и бессвязного набора слов, сопровождавшегося хаотическими жестами, будто мальчишка отбивался от напавших на него ос, Егор понял, что Степка считает место своим и угрожает.

Чтобы избежать драки, Егор как можно спокойнее объяснил, что Степка с ребятами попал не в обычный ореховый лес, а в облагороженный лесо-сад колхоза «Свет зари», и собирать здесь орехи нельзя. Это все равно, что залезть в колхозный сад и расхищать колхозную собственность.

Сборщики могут собирать дикие орехи в любом другом месте и уж, конечно, не сбивать их камнями и палками, уничтожая урожай будущего года.

— Расхитители колхозной собственности! — не сдержавшись, крикнул разъяренный Ромка.

Среди «расхитителей колхозной собственности» произошло замешательство. Они стали шептаться между собой.

Степка втянул побольше дыма и дунул прямо Егору в лицо. Егор покраснел от негодования, но сдержался и промолчал.

— Выдумано неплохо — на мякине не проведешь — не на таковских напали — кто в прошлом году собрал больше всех орехов? — Степка Пханов — я умею находить быстро и сбивать камнями и палками — вам не удастся помешать мне выйти и в этом году на первое место — номер не пройдет!

— А ты знаешь, что строго судят расхитителей колхозной собственности? — спросил Егор и добавил: — Это колхозный лесо-сад!

— А вы не врете? — серьезно спросил кто-то из Степкиной компании.

— Конечно, врут — хотят нас запугать — если это лесо-сад, то где здесь забор, или ров, или столбы, или хотя бы объявление об этом — пусть дураки верят на слово — мы бригада сборщиков! Не мешайте работать!

Положение явно осложнялось. Повидимому, где-нибудь в этом лесу было и объявление и межевые столбы, но никто из защитников не знал, где их искать. Мальчишки из Степкиной компании были здесь в первый раз и больше верили Степке.

— Да вы что, не видите, что это облагороженные ореховые деревья? — сердито спросил Егор.

— Лес как лес — дерево как дерево — орех как орех — два дня труда — горы орехов — мы вам утрем нос — здесь растут всякие орехи — вот даже совсем еще не поспели.

— Это контрольные экземпляры, — пояснил Егор, — смотри!

Он взял орех из-под контрольного, орех из-под облагороженного дерева, очистил их и положил на ладонь. Облагороженный орех был светлее и в три раза крупнее. Только слепой не увидел бы разницы.

— Гоп-ля-ля! — И Степка ударом снизу вышиб орехи из руки Егора.

Мальчик и на этот раз сдержался.

— Это опытные участки, понимаете? Вы не имеете права взять ни одного ореха...

— Даже из уже сбитых нами? — недовольно спросил кто-то из «гостей».

Степка выразительно засвистел.

— Ах вы лесные диверсанты! — закричал Ромка и погрозил кулаком. — Мы вам покажем, как ломать деревья камнями и палками!

— Все сбитые камнями тонкие ореховые веточки на земле — урожай будущего года! — уличал их Топс, вспоминая слова Василия Александровича.

— Мы не обезьяны — доставать зубами не умеем...

— Зачем зубами? — отозвался Асан. — Возьми длинную-длинную палку, лезь на дерево и концом этой палки сбивай орехи.

— Не учите — сделаем, как захотим — уходите, не мешайте — еще не поздно — а то вынесут ногами вперед! Ну!

VII

Степка и его дружки угрожающе двинулись к мальчикам. Те стояли на месте, ожидая врага. Кто-то бросился Егору сзади под ноги. Степка мгновенно толкнул Егора в грудь, и тот сразу же очутился на траве.

Асан не стал ждать. Длинная плеть в его руках щелкнула, задев одного «расхитителя», навалившегося на Егора, и тот с воплем выпрямился, схватившись обеими руками за ногу.

— Ура, гони их! — восторженно закричал Ромка и, выпустив поводок Барса, ринулся на Степку.

Барс вне себя от ярости бросился вперед. Противник, увидев огромного пса, позорно пустился бежать. Но не успел Степка отбежать и десяти шагов, как пес ударом в спину сбил его с ног, и мальчик покатился по земле.

Он хотел вскочить, но, увидев над собой раскрытую пасть разъяренного пса, жалобно закричал и закрыл лицо руками. Страшная тяжесть навалилась ему на грудь, но зубы собаки не коснулись ни его руки, ни шеи. Через несколько секунд Степка слегка приоткрыл один глаз и увидел, что пес стоит передними ногами у него на груди, а из его открытой пасти свисает вздрагивающий от частого дыхания длинный розовый язык.

— Лежи, как мертвый, а то разорвет! — услышал он голос хозяина собаки.

Но предупреждение было излишним. Степка и не думал сопротивляться, а только закрыл глаза. Наконец тяжесть свалилась с его груди. Тогда мальчишка снова открыл один глаз. Возле него стояли собака и ее хозяин.

— Твое счастье! — задыхаясь от волнения, скороговоркой выпалил Егор. — Испугался я за тебя — думал, порвет! — Он вытер тыльной стороной руки кровь, сочившуюся из носа. — А то я бы показал тебе, как фронтовика задирать! Твое счастье, — закончил Егор.

— Встать можно? — прошептал Степка, с опаской глядя на Барса.

— Вставай, — снисходительно разрешил Егор.

Степка поднялся и начал стряхивать руками пыль с брюк. Остальные ребята стояли в отдалении и выжидали. Мальчик, стоявший рядом, стал старательно счищать пыль со спины и брюк Степки.

— Ты лучше сними и вытряхни, — посоветовал Егор, уже не чувствуя злобы к поверженному врагу.

— Испугался? — насмешливо спросил Ромка.

— У нас все вполне законно — документы налицо! — Степка вынул из кармана бумагу, развернул ее и громко прочитал.

Это было разрешение на сбор орехов в лесах совхо-

за Витаминпрома. Оно было подписано Леной Чукмасовой.

— Я ее знаю! — сказал удивленный Егор.

— Ага! — торжествующе сказал Степка. — Интересуюсь вашим разрешением. Вы, наверное, сами лесные диверсанты!

— Мы собираем для колхоза, и это лесо-сад колхоза «Свет зари», — сказал Топс.

— Не знаю — покажите документы — докажите.

— И докажем, докажем, — горячился Ромка, — а собирать здесь вам Барс не позволит.

Степка боязливо посмотрел на огромную собаку.

— Хотите на половину — договор о дружбе — мы первые нашли эти орехи — нам за находку двадцать процентов от собранного.

— Ни одного ореха, — решительно сказал Егор.

— Значит, война? — спросил Степка.

— Нет... если вы уйдете... Ореховых лесов много.

— Но они поспели только здесь, — настаивал Степка.

— Ага, ага! — закричал Ромка. — Значит, ты сам знаешь, что это не обычный лес, как везде, а скороспелый, облагороженный! Ясно?

— Ясно — ясно, как день — наво́дите тень на плетень — я ухо́жу — друзья в волнении — за последствия не отвечаю.

Степка, небрежно волоча длинные ноги, поплелся в глубь леса, откуда доносились призывные свистки.

Ребята помчались к Василию Александровичу и рассказали о нападении Степки на ореховый лес.

— Все ореховые леса, — сказал Василий Александрович, — принадлежат ореховым совхозам, но этот ореховый участок выделен колхозу еще до организации орехового совхоза. Они не имеют права собирать здесь орехи, это опытный ореховый лесо-сад. В лесу есть объявление на доске и межевые столбы.

— У них есть разрешение на сбор, — сказал Егор, — а у вас есть какие-нибудь документы на этот лесосад?

— Конечно. Но документ находится в колхозе, — сказал Василий Александрович, — Слу сразу найдет и отдаст. Надо срочно ехать в колхоз. С мальчишками мы справимся, но ведь могут притти взрослые сборщики, а как мы докажем? Они работают сдельно и, конечно, захотят набрать с наших деревьев, вместо того чтобы собирать то же количество с нескольких гектаров. Надо сейчас же поехать в колхоз за документом.

Было решено, что Егор поедет в колхоз немедленно. Василий Александрович пойдет поговорит со «степками», а Егор направится в Пчелиный город, а оттуда — в колхоз.

— Не отрывайтесь от противника, — сказал напоследок Егор.

Мальчики крепко пожали друг другу руки.

VIII

Когда Егор возвратился в Пчелиный город, Гномик и Люда были дома. Узнав, что Егор едет в колхоз, Гномик вдруг затосковал.

— Егор, возьми меня с собой! — просил он.

— Я вернусь, — успокаивал его Егор. — Барса я ведь тоже оставляю тебе. Смотри за ним. Ты понимаешь, здесь у меня как будто родная семья. Посмотри лучше, какого я тебе жучка подарю. Я его давно нашел на листе доящегося растения, — сказал Егор, шаря в карманах, и, вынув жука, завернутого в бумажку, подал Гномику.

Гномик перевернул жучка на спину, осмотрел брюшко и снова перевернул.

— Что это за зверь? — спросил Егор, довольный тем, что Гномик так заинтересовался жуком.

Гномик растерянно и испуганно посмотрел на Егора.

— Егор... — сказал Гномик и вдруг запнулся. — Не уезжай, пока я не узнаю, что это за жучок. Я загляну в определитель насекомых. — И он убежал.

Егор был удивлен такой странной просьбой.

Искандер, Люда и готовый в дорогу Егор вошли в комнату, где Гномик определял жучка. Склонившись над столом, тот даже не заметил их прихода. Егор заглянул через плечо Гномика. На раскрытой страничке определителя он прочел заголовок: «Японский опаловый хрущ».

— «Японский опаловый хрущ»,— громко прочитал он.

— Этого не может быть, не может быть! — взволнованно сказал Искандер.

Гномик вскочил и, глядя Искандеру в глаза, сказал:

— Я вначале сам себе не поверил, что это японский опаловый хрущ. Но смотрите, — Гномик показал на каштаново-коричневого жучка, бархатистого на вид: — все совпадает.

— Как же он сюда попал, этот заокеанский, иностранный вредитель? — удивился Искандер.

— Иностранный?! — воскликнул Егор и даже задохнулся от нахлынувших воспоминаний.

Спеша и волнуясь, он поведал обо всем, что запомнил из рассказов полковника Сапегина об использовании биологического оружия в экономической войне, которую ведут американские монополисты против своих конкурентов, за захват рынков. Егор рассказал о грибке, уничтожившем десятки миллионов кофейных деревьев в Индонезии и особенно на Цейлоне, и о розовом черве хлопковой моли, и о других вреднейших жучках. А закончил так:

— Максим Иванович рассказывал, что если вино-

градник заболеет филоксерой, надо сжечь весь зараженный участок, поэтому садят филоксероустойчивые сорта винограда. Для борьбы против других сельскохозяйственных вредителей применяют и птиц, и насекомых, и бактерий... А японский опаловый хрущ может размножиться здесь? — спросил Егор.

— Может. Из-за отсутствия естественного сопротивления, — пояснил Искандер.

И он кратко рассказал, как кролик, привезенный в Австралию, не встречая естественного сопротивления, расплодился так, что стал сельскохозяйственным вредителем. А когда чертополох попал в Южную Америку, где он никогда не рос и, значит, не встречал сопротивления в среде растений, не знавших такого соперника, то захватил огромные площади.

— Значит, этот хрущ может уничтожить все привитые нами в лесо-саду деревья!— с ужасом сказала Люда.

— Надо сейчас же, не медля ни секунды, сообщить об этом в Джелал-Буйнак, — спохватился Искандер. — Я немедленно поеду.

— Не надо, я ведь сейчас еду в колхоз за документами, — сказал Егор. — Документы я пришлю с кем-нибудь из пионеров, а сам на машине поеду в город сообщить о жучке. Я быстрее вас доеду.

Гномик бережно уложил жучка в спичечную коробку с ватой, а сверху написал: «Японский опаловый хрущ. Обнаружен Егором Смоленским в районе Алматала. Определен Анатолием Батовым».

У Искандера Егор попросил для Бориса бутылку с целебным медом против малярии и получил необходимые объяснения, как его принимать.

Вскоре Егор уже нахлестывал коня, поднимаясь на гору по самой крутой, но и самой короткой дороге.

Мальчика мучило сознание, что он едет слишком медленно.

ПОБЕДА

I

В городе было пыльно и жарко. На углах лотошники торговали виноградом, яблоками, персиками, гранатами, дынями и другими фруктами. В окне охотничьего магазина виднелись патроны, образцы дроби, но Егор даже не поглядел на все это — он прежде всего пошел к Борису. Во дворе у Бориса играл младший брат Ромки, «живодер» Павлик. Он неприязненно оглядел Егора с ног до головы.

— Где Борис? — спросил Егор.

— А зачем тебе? — недружелюбно ответил мальчуган. Он засунул руки в карманы и обошел вокруг Егора. — А где Борисов Барс? — спросил он не без коварства.

«Вот язва!» подумал Егор и пошел в дом. Там его встретила мать Бориса. От нее Егор узнал, что мальчика уже не трясет малярия, но он еще слаб.

— А я думал вылечить Бориса и привез лекарство от малярии, — сказал Егор. — Где же он?

Дверь распахнулась, и на пороге появился сам Борис, вернее тень Бориса — так он похудел. Его огромные глаза радостно смотрели на Егора.

— Эх ты! — только и сказал Егор, изо всех сил прижимая Бориса к груди.

— Задавишь! — прошептал Борис. — Ты слышал обращение Сталина к народу?

— Нет, — с огорчением ответил Егор, выпуская Бориса из объятий.

И тот потащил Егора за руку в свою комнату.

Там Борис схватил со стола сделанную им запись и громко прочел:

— «Второго сентября государственные и военные

представители Японии подписали акт о безоговорочной капитуляции».

Егор с восторгом смотрел на большую карту Дальнего Востока, приколотую к стене и утыканную красными флажками. Да и как было не радоваться!

Когда первые восторги прошли, Борис сказал:

— Мы, как только получили ваш рапорт, сразу же отправили к вам один отряд в тридцать пять человек во главе с Ахметом. Ты знаешь, о Четвертой дружине заговорили в газетах!

— Разве? — удивился Егор. — А мы ничего и не знаем об этом!

— Смотри! — И, взяв со стола газету, Борис сначала показал на текст, обведенный красным карандашом, газеты Егору не дал, а сам громко прочел: — «Замечательный почин. Пионеры начали облагораживать дикорастущие плодовые в лесах Киргизии, чтобы превратить яблоневые и ореховые леса в сады». А вот в другой газете. — Борис схватил со стола газету и прочел: — «В долине Алматала пионеры Четвертой буйнакской школы совместно с пионерами кишлака Чак начали прекрасное дело по превращению лесов в сады. По почину Джелал-Буйнакского райкома комсомола, под руководством ученых колхоза Искандера и Василия Александровича Подосинникова, работающих в плодово-пчеловодной лаборатории колхоза «Свет зари», пионеры Егор Смоленский, Роман Крестьянинов, Алексей Омельченко, Анатолий Батов, Асан Шерафудинов и отряд пионеров колхоза «Свет зари» с пионервожатой Гюльнарой во главе...»

— Врешь! — радостно закричал Егор.

— Смотри сам! — Борис поднес газету к глазам Егора.

Тот читал. Удивление и смущение сменились чувством гордости за себя и за товарищей. Вся их работа вдруг осветилась особым светом. «Брать пример с Четвертой

пионерской дружины!» — так писалось в газете. Кто бы подумал? Нет, это было замечательно!

— Ну и дела! Ну и дела! — твердил Егор.

— Это Гарун написал, — сообщил Борис.

Он опять засыпал Егора вопросами, и Егор не знал, с чего начинать: то ли с рассказов об охоте, то ли о приключении с парашютистом или о переходе Большого Капчугая, то ли сообщить о «взрыве жизни», ДР и биовспашке.

Но начал он все-таки с того, что полковника Сапегина еще не нашел. Потом рассказал о появлении Степки. Сказал о своем решении стать творцом новых форм. Они проговорили долго, торопясь и перебивая друг друга, и не могли наговориться. Когда мать Бориса позвала их обедать, было уже три часа. Егор хлопнул себя по лбу:

— Ох, у меня срочные дела, а я задержался! Надо сейчас же разыскать Гаруна и посоветоваться, я потом поем, — и с этими словами Егор убежал.

В редакции газеты он не застал Гаруна. Егор позвонил в райком комсомола, но и там не было Гаруна. Егор отправился к Лене Чукмасовой.

II

Лена Чукмасова сидела в кабинете за большим столом, положив ногу на ногу, и что-то быстро писала. Егор сразу узнал ее.

— Наконец-то! — радостно воскликнула девушка, увидев Егора. — Ты сейчас откуда? Ты в городе у кого-нибудь был?

Егор коротко рассказал о встрече с Борисом, о лесном участке колхоза «Свет зари» и о Степке Пханове.

— Да, я в прошлом году договаривалась со Степа-

ном Пхановым, — сказала Чукмасова, — и дала разрешение на сбор орехов. Он собрал очень много. Хороший сборщик. Вот почему в этом году я опять дам ему разрешение. Но он еще не получал разрешения. Мы будем давать разрешения через две недели. Орехи не поспели.

— Как не получал? Ведь я вам говорю, что Степан Пханов с приятелями собирают орехи в лесах Ферганского хребта по долине Алматала! Он даже показывал мне разрешение.

— Я еще не давала ему разрешения.

— Я сам видел, — настаивал Егор. — Ваша подпись, и с печатью.

— Значит, это прошлогоднее, — заметила Чукмасова, — и Степка или своевольничает на колхозном участке, или не знает, куда он попал.

— Напишите ему об этом письмо, — попросил Егор,— он нас не слушает.

— Хорошо, — сказала Лена Чукмасова и вдруг, что-то вспомнив и как-то особенно поглядев на Егора, взяла телефонную трубку, вызвала по телефону какого-то человека, потом сказала: — Вы интересовались Егором Смоленским? Он находится у меня. Хорошо.

Она положила трубку и стала расспрашивать Егора о Зеленой лаборатории.

Заметки в газете она читала и сказала, что ребята сделали замечательный почин окультуривания леса, но лучше, если бы ребята не отвлекались на окультуривание, а собирали уже имеющиеся орехи, яблоки и другие плоды, а то сборщиков мало и много плодов гибнет зря.

Егор вспомнил слова Искандера об окультуривании лесов, и они так поспорили, что чуть не поссорились.

Во время спора Лена Чукмасова то и дело смотрела на свои ручные часы, загадочно улыбаясь, и все нетерпеливее поглядывала на дверь.

Вдруг дверь распахнулась, вошел милиционер и стал у двери.

— Этот? — спросил милиционер, показывая пальцем на Егора.

— Да, — ответила Лена.

— Как тебя зовут? — спросил милиционер. Он захлопнул дверь и стал перед Егором.

— Я Егор Иванович Смоленский, воспитанник полковника Сапегина, бывший фронтовик, — громко отчеканивая каждое слово, ответил Егор.

— Следуй за мной, — сказал милиционер.

Егор вскочил. Значит, Степка Пханов опередил его и успел нажаловаться Лене на пионеров. А она, не разобравшись, кто прав, позвонила в милицию. Не поверила Егору! Вот этого он никак не ожидал от Лены Чукмасовой. Зачем он сразу не пошел в райком!

— Эх ты! — только и сказал он ей, но было столько негодования и презрения в его взгляде, что Лена покраснела, как девчонка, уличенная в нехорошем поступке.

III

В этот день Люда почувствовала себя одинокой. Для нее, привыкшей обходиться в Зеленой лаборатории без общества сверстников, это было необычное состояние. Строгая и требовательная не только к другим, но и к себе в первую очередь, девочка тут же попыталась найти причину этого своего настроения.

Разве Гюльнара была плохой подругой? Но не было Егора, в этом и была причина. Не было ее простого и хорошего друга, не боявшегося «дружить с девчонкой». В отношении Люды к Егору была и забота о сироте — слово, которое она никогда не употребляла и предостерегала других не произносить его, — здесь было и вос-

хищение, и желание помочь в учебе, и просто симпатия, вызванная некоторым сходством характеров.

В Зеленой лаборатории она не была одна. Вернувшаяся Мария Ивановна суетилась на кухне. Отец с пионерами был в лесо-саду. Искандер с Гномиком ушли искать японского опалового хруща.

К полудню Люда выпустила архаробарана из загородки, и Панька бодро ковылял за ней на трех ногах, как собачонка.

Люда сделала метеорологические наблюдения, прошлась по саду-пасеке, проведала коров, овец и коз, пасшихся неподалеку. Она покормила Паньку и легла в гамак. Девочка задремала, положив руку на стоявшего рядом Паньку.

Когда Люда проснулась, она сразу заметила, что архаренок исчез. Оглядевшись, она увидела его за крайним ореховым деревом. Панька, подняв уши, настороженно смотрел в лес и даже не повернул головы на ее зов. Девочка знала, что Панька чует издалека приближение зверя или человека, и выбежала на опушку посмотреть, кто идет.

Солнце стояло высоко. От лесо-сада на яблоневой горе по долине что было силы бежал Топс. Он еще издалека крикнул:

— Наши дома?

— Нет, — ответила Люда.

— Где Василий Александрович? Опять появился Степка с дружками, они сбивают камнями и палками орехи. Мы с Ромкой их еле отогнали. Ромка остался там сторожить с Барсом... Где Василий Александрович?

Топс остановился, еле переводя дух.

Люда сказала, что Василий Александрович с пионерами из отряда Гюльнары в яблоневом лесу, а Искандер с Гномиком ищут японских опаловых хрущей. Это сейчас страшнее всяких плохих мальчишек.

— Когда я волнуюсь, — сказал Топс, — мне зверски хочется есть. Нет ли чего-нибудь поесть?

Люда повела Топса в дом и подала мед и молоко. Топс ел торопясь — он решил бежать к Василию Александровичу, работавшему с пионерами.

Вдруг громко застучали копыта по деревянному полу. Это вбежал Панька. Он остановился возле Люды, повернул голову к двери и насторожил уши.

— К нам кто-то идет, — сразу определила Люда.

Они вышли из дому. Но во дворе никого не было. Топс полез на дерево и неожиданно увидел там Гномика. Он, оказывается, устроил себе наверху гнездо и сидел там.

— Ты здесь?! — удивился Топс. — Люда сказала, что ты в Зеленой лаборатории.

— Я уже там не нужен, — кратко ответил Гномик.

— Ты сам сделал это гнездо? — усомнился Топс.

— Сам! — ответил Гномик. — Вспомнил, как Егор рассказывал про разведчиков, взял несколько палок, привязал веревками, и, вот видишь, удобно.

— А в лесу беда, — сказал Топс. — Степка хвастает своим разрешением на сбор орехов и говорит, что мы ночью утащили у них часть уже собранных орехов. Если бы не Барс, была бы драка.

— Врут, нет у них разрешения.

— Есть, я сам видел — настоящее, с печатью... А Искандер где?

— В Зеленой лаборатории. Я пошел было с ним, но он сказал, что сам справится. Я вернулся — и прямо сюда... Вон они, идут! — И Гномик протянул руку в сторону леса.

Из леса прямо к Пчелиному городу на Ореховом холме нестройной гурьбой шли мальчики.

— Люда, из леса «степки» идут! — крикнул Гномик.

— Человек двенадцать, — подтвердил Топс. — А вон

там, гляди, с другой стороны, за садом, из долины, еще идут, и много-много, человек сорок... Ох, я и забыл зажечь костер боевой тревоги, чтобы наши ребята прибежали! — вспомнил Топс и быстро спустился с дерева.

Вскоре высокий столб дыма над Пчелиным городом на Ореховом холме возвестил об опасности.

IV

Степка во главе ватаги ребят уже приблизился к дому.

Люда загнала всех трех архаробаранов в загон и стояла перед домом, прижав руки к груди, полная решимости. Гномик с ружьем спрятался на веранде за окном. Рядом с ним притаился Топс в качестве резерва.

Впереди шел долговязый Степка в белых брюках, полосатой ковбойке и в ботинках. За ним гуськом двигались остальные.

— Ты кто, девочка? — развязно спросил Степка, подходя к Люде.

— А ты кто, мальчик? — в тон ему, презрительно щуря глаза, спросила Люда и добавила: — Есть обычай здороваться.

— Подумаешь, воспитание показывает — здравствуй — я Степка Пханов — мы собираем орехи — появились воры — украли у нас орехи — разыскиваем.

— А я Люда, я помогаю папе в саду и на пасеке.

— Где твой отец? Его, кажется, Василий Александрович зовут?

— А зачем он вам?

— Только лично — секрет — особо важно.

— А его здесь нет.

Ребята зашептались.

— Тогда ты — отдай наши орехи — четверо ваших

ребят с собакой налетели — ночью разграбили — наши орехи — не пройдет — не на таковских напали.

— Какие орехи?

— Не притворяйся, — вмешался курносый веснущатый мальчик. — Мы собирали в лесу орехи, и вдруг на нас напала целая банда, да еще с собакой. А в последнюю ночь они разорвали наши мешки и украли много орехов. Раз эти ребята — помощники твоего отца, пусть он и отвечает за них.

— Зачем им брать ваши орехи? У нас своих много.

— Зови отца! Отдай орехи! — раздались голоса.

— Я сказала, что отец в лесу... Орехи у нас есть, но они не ваши, и я их вам не отдам!

— Ура! — закричал кто-то. — Наши орехи нашлись!

— Возьмем силой! — закричал Степка.

— Попробуй только!

— Будем искать. Ты, Петух, иди со своими в сад — поищите вон в том домике.

— Пошли! — сказал густым, грудным голосом коренастый веснущатый мальчик, которого назвали Петухом.

— Не пущу в сад! — закричала Люда, растопыривая руки. — Не послушаетесь, вам же хуже будет!

— Подумаешь, испугала! — сказал Петух. — Мы свои орехи ищем. Ваши ребята хищничают в лесу, целые яблони спиливают на дрова, а нас обвиняют в браконьерстве!

— Вы ничего не понимаете! — сказала Люда.

— У вас разрешения на сбор нет, — настаивал Степка.

— Нет, есть, — неуверенно сказала Люда.

— А ну покажи. Да что с ней разговаривать! — крикнул Петух.

Одна группа ребят, во главе со Степкой, направилась к дому. Другие, во главе с Петухом, пошли в сад. Люда кричала им, чтобы они не смели ходить, но мальчишек было уже невозможно остановить.

На веранде, за окном, давно уже слышался шопот. Гномик не мог больше сидеть безучастно. Он высунулся из окна с ружьем.

— А ну сунься только! — закричал он звенящим от гнева голосом и, давая сигнал тревоги, выстрелил вверх.

Стреляя, Гномик высунулся в окно. Вдруг кто-то сбоку схватил его за руку. Гномик рванулся, но его крепко держал рослый мальчик. Все остальные ребята тоже бросились на Гномика и вытащили его через окно из дома.

Гномик попал в плен. Он грозил, брыкался, рвался, но его крепко держали за руки.

— Пустите Гномика! — кричала Люда.

Но ее тоже схватили за руки. Самое ужасное было в том, что ружье находилось в руках у Степки. Один из мальчиков, обошедший дом вокруг, вернулся и сообщил, что все двери заперты, а ключей нет.

— Этот забияка сидел на веранде — запер — ключи в кармане, — сказал Степка и запустил свободную руку в карман Гномика.

Там он нащупал толстую мягкую веревку. Степка вынул ее, взглянул, взвизгнул, подскочил и швырнул веревку на землю.

— Змея! — завопил он. — Змея!

И все мальчишки поспешно отбежали от Гномика. Гномик был освобожден, но ружье его было в руках врагов. Мальчик решился на хитрость. Схватив своего ужа, еще вчера ночью подобранного и забытого в кармане, он закричал:

— Это кобра! — и кинулся с извивающимся ужом к Степке: — Бросай ружье!

Мальчики швырнули ему ружье и убежали за ореховые деревья.

В саду слышался крик, шум. Оттуда тоже бежали в ужасе ребята из ватаги Петуха, а за ними, впереди пионеров Первого отряда Четвертой дружины, бежал Ахмет.

— Ахмет! Ура! Ахмет! — кричал Гномик. — Откуда вы?

— Только что из города, — сказал Ахмет. — Это прибыл мой отряд в тридцать пять пионеров.

Топс выскочил из окна и бросился за Степкой. Вскоре он и еще один мальчик держали Степку за руки. Степка вырывался. Петуха тоже держали, но тот и не пытался бороться.

— Не понимаю, откуда вы взялись? — недоумевал Степка.

— Я же сказал — из города прибыли, — отвечал Ахмет. — Через несколько дней вся Четвертая дружина приедет!

Гномик обнимал своих друзей и чуть не визжал от радости. Люда была в восторге. Ромка и Асан с пионерами примчались на дым костра, как буря. Их помощь была уже не нужна.

Все были так рады приходу ребят из города, что забыли на некоторое время о Степке и его приятелях.

Ахмет ничего не мог сказать о Егоре — он выехал раньше, чем Егор приехал в город, — зато о заметках в газетах он рассказал подробно. Ромка упоенно слушал Ахмета.

Степка потребовал, чтобы освободили его правую руку. Он порылся в карманах и протянул бумагу Ромке.

— Что ты мне тычешь? Что? Вот наши права! — И Ахмет сунул в руки Степке документ, который ему передала тетя Слу. — И никто не давал вам права собирать орехи колхоза. Ты знаешь, как это называется?

Степка молча прочел документ, потом еще раз перечел его и стал обвинять ребят в том, что они рубят фруктовые деревья на дрова.

— Кто рубит фруктовые деревья на дрова? — услышали ребята гневный голос и увидели незаметно подошедшего Василия Александровича.

Ученый пришел из леса, где руководил работой отряда Гюльнары. Люда бросилась ему на шею.

— Кто рубит фруктовые деревья? — грозно переспросил Василий Александрович у столпившихся ребят.

Петух поднял руку:

— Сам видел свежесрубленные кроны на земле. Я даже решил написать об этом в район.

— Эх вы, не понимаете, что говорите! Ведь мы же облагораживаем леса! Посмотрите, весь сад возле дома создан этим способом. А плоды появляются уже на второй год. А ну-ка пойдемте со мной! — решительно потребовал старик.

V

Смущенно переглядываясь, все ребята пошли в сад.

— Судьба наших лесных богатств должна интересовать каждого, кто любит Родину,—сказал Василий Александрович. — В горах десятки тысяч гектаров ореховых лесов, плодовые леса из яблонь, груш, фисташек, алычи, а вы, — и ученый показал на Степку и его приятелей, — вы хищнически грабите плодовый лес. Палки и камни бросаете, чтобы сбить орехи, вы ломаете тонкие ветви ореховых деревьев, а урожай орехов зависит только от развития этих тонких ветвей — ведь на них образуются женские соцветия! И вы губите будущий урожай! Вы саранча, вот вы кто! Саранча! — И Василий Александрович покраснел от гнева.

Степка попробовал возражать. Ахмет показал Василию Александровичу бумагу, переданную тетей Слу.

— Вот видите, видите, вы еще и воруете орехи, принадлежащие колхозу! Как вы посмели!

— У нас есть разрешение, — раздались голоса ребят, пришедших со Степкой. — Мы не знали, что эти орехи колхозные. Степка сказал, это дикие орехи... Степка,

покажи разрешение! Мы не воры! — Ребята искренне обиделись и очень хотели поскорее оправдаться.

Степка нехотя подал Василию Александровичу разрешение на сбор орехов.

Ученый внимательно прочел его, нахмурился и, передавая Ромке, сказал:

— Я что-то не разберу, в каком году оно выдано.

— Там клякса, — поспешно пояснил Ромка, протягивая руку за разрешением. — Разобрал. Разрешение выдано в 1944 году, а «четыре» переправлено на «пять». Смотрите, Гномик, Люда!

— Врешь! — закричал Степка и выхватил бумагу.

Но свои же ребята, во главе с Петухом, завладели ею.

— А в самом деле подделка! А я, дурак, верил, что у тебя есть разрешение! — рассердившись на то, что его так глупо провели, сказал Петух. — Ты что же это, а? — не находя слов выразить негодование, спросил он Степку.

— Степка нас обманул! — произнес кто-то из ребят.

— Честное слово, мы ничего не знали, — просто сказал Петух. — Мы думали, что ваши ребята рубят дикие яблони на дрова. Неужели эти фруктовые деревья в саду были спилены и привиты так же? Вон какие большие на них яблоки!

— Попробуйте, ребята,— пригласил Василий Александрович.

Ребята осторожно срывали фрукты и ели. Василий Александрович испытующе смотрел на них, соображая, как бы их заинтересовать работой.

— А что вы скажете, если мы вас попросим помочь колхозу облагораживать плодовые леса? Чтобы каждый из вас своими руками создал лесо-сады своего имени, своей бригады! Ведь это же так интересно!

— Об этой работе даже в газетах напишут, — вставил Ромка. — Только мы всяких хулиганов не возьмем.

— А что надо делать? — недоверчиво спросил мальчик из Степкиной компании.

Василий Александрович объяснил. Кто не интересуется прививкой, чтобы поработать здесь весной, может работать по разрежению плодовых лесов, на подрезке сушняка, выкорчевке и других подобных работах. Надо будет собрать скороспелые орехи, зимние сорта яблок. Работы будет много, и работы интересной.

— Мы собрали немного орехов в облагороженном вами ореховом лесо-саду, — сказал Петух, — но раз такое дело, мы отдадим их вам... мы не собирались присваивать чужое. Произошла ошибка, но это не по нашей вине! — И Петух презрительно посмотрел на Степку.

— Дураков нет — не отдадим то, на что имеем право, — запротестовал Степка, — просто захватил по ошибке не то разрешение.

Петух и Степка заспорили. Чем больше Ромка смотрел на Степку и вслушивался в спор, тем явственнее он ощущал в словах Степки, не желавшего признать свою вину, то упрямство из ложного самолюбия, какое еще совсем недавно так часто направляло его самого по неверному пути. В Степке он увидел себя, как в кривом зеркале, и это еще больше рассердило его.

— Не слушайте Степку! — горячо сказал Ромка. — Что ему облагораживание лесов, если он ведет себя в лесу не как хозяин, а как вор!

— Я не вор! — крикнул Степка. — Все знают: я самый быстрый сборщик!

— Сбивая урожай камнями и палками, ты уничтожаешь урожай будущего года, лишь бы быть первым, — обвинял Ромка. — Значит, ты воруешь у нас у всех, у народа, у себя. Не хочешь работать — уходи сам, а ребят не мути. В необлагороженных лесах орехи все равно еще не поспели как следует, и делать будет нечего.

— Не поспели! — подтвердил Василий Александро-

вич. — Даже если вы, Степа, и получите новое разрешение, то, прежде чем поспеют орехи, пройдет полмесяца. Вот я и прошу всех вас эти полмесяца поработать у нас.

— Ребята, — крикнул Ромка, — хоть вы и не нашей школы, но есть же среди вас пионеры, а настоящие пионеры не должны итти на поводу у всяких «степок»!

— «Степок», — подхватил Топс, — которые, если надо итти в школу, так болеют, так болеют, что бросают школу! Где же твои больные глаза, Степка, если ты можешь различать скороспелые орехи? Где твои очки, что ты носил в городе? И кого ты обманываешь? Ну чего ты еще ломаешься!

— Очки разбились — ну и что — я не бездельничал — я торговал в палатке — помогал отцу — работал — подумаешь, очки...

— Это были не очки, а просто темные стекла, — не отставал Топс.

— Ребята, давайте обидимся и уйдем отсюда, где нас оскорбляют, не будем помогать чужой школе! — И Степка направился к выходу.

— А ну, Степка, отойдем, поговорим, — потребовал Петух.

И все ребята из Степкиной компании отошли в сторону. Сначала они говорили шопотом, потом громким шопотом, потом стали долетать отдельные слова и даже фразы:

— Мы пионеры!

— Он обманул нас!

Степка, не глядя ни на кого, рывком забросил рюкзак за спину.

— Кто со мной? — крикнул он и пошел на запад.

Двое мальчиков несмело пошли за ним.

— Ты куда, Костя? — строго спросил Петух.

Невысокий мальчик потоптался на месте и сел. Ребята молча проводили Степку глазами.

— Мы ведь ничего не знали. Мы считали себя просто

сборщиками, и нам никто не объяснял, как надо снимать орехи, — сказал смущенный Петух.

Василий Александрович что-то сказал подошедшему Искандеру. Старик кивнул головой.

— Слушайте, Петя, — обратился к мальчику Василий Александрович, — мы организуем бригады ребят для сбора и окультуривания дикорастущих. Каждая бригада получит свой участок лесо-сада. А вы организуйте бригаду из своих ребят-сборщиков и соревнуйтесь с другими бригадами.

— Давай, Петух, это же интересное дело! — послышались голоса.

Гномик принес свой дневник и стал записывать желающих. Создали пять бригад:

Бригаду яблоневого лесо-сада, бригадир Гюльнара.

Бригаду яблоневого лесо-сада и для работ в Зеленой лаборатории, бригадир Люда.

Две бригады орехового лесо-сада во главе с Романом и Петей Петуховым.

Пятую, особую охотничью, возглавлял Гномик.

— Бригада охотников, — заявил Гномик, — будет охотиться за вредителями, от диких кабанов до насекомых, а сейчас надо срочно провести разведку района распространения японского опалового хруща, и в этом деле все обязаны участвовать, даже выполняя свою основную работу.

Асана сначала хотели сделать бригадиром, но он отказался. Юный пастух должен был возвратиться завтра же к стаду, так как в связи с болезнью старшего пастуха Тагая на него временно, до назначения старшего пастуха, возложили ответственную работу. Асан уговорил тетю Слу и ученых доверить ему гибридов архаробаранов, передав их в стадо. Этих гибридов он брал с собой. Панька уже бегал, хоть и прихрамывал.

VI

С утра обе ореховые бригады отправились вместе с Искандером в лес, нарезать участки.

Ореховый лесо-сад разделили пополам. Ромка взял себе «левую сторону». Петухов не возражал. Раздел необлагороженного орехового леса, являющегося продолжением лесо-сада, вызвал большие споры. На участках Романа в некоторых местах кустарник так тесно переплетался, что превратился в совершенно непроходимые заросли. Была необходима дополнительная работа по расчистке, и Ромка требовал «поделить этот участок пополам». Петух совершенно справедливо возражал, ссылаясь на то, что Ромка сам выбирал левую сторону лесо-сада, а этот лес — продолжение его. Искандер принял сторону Пети.

Гномик, сопровождавший обе бригады и рыскавший по лесу в поисках японских опаловых хрущей, шепнул Ромке, что ореховый лес у Петуха больше поврежден ореховой плодоножкой, точильщиком и другими вредителями, а в зарослях кустарников может быть неплохая охота. Там среди камней он видел дикобраза.

— Соглашайся.

Топс осмотрел стену в овражке и тотчас же сообщил своему бригадиру, Ромке, о богатейших горных черноземовидных почвах этой части леса. Это решило дело.

— А ты хорошо разбираешься в почвах? — спросил Искандер.

— Я целое лето работал с почвоведом. Мы брали монолиты [1].

Топсу тут же пришлось рассказать, как они копали

[1] Монолит — образец почвы, вырезанный из стенки ямы и включающий все почвенные горизонты, от верхнего до подпочвы включительно. Цельный кусок высотой в 1 метр помещается в невысокий узкий ящик.

ямы, делали промеры почвенных горизонтов, чернозема, лёсса, определяли «горизонт вскипания» и кислотность.

Ромка сейчас же «дал задание» Топсу провести почвенное обследование участка их бригады. Это и будет началом изучения «среды», о чем их подробно инструктировал по дороге Искандер. Ромка же брал на себя определение основных видов древесных пород. Кроме того, он брал на себя изучение «растительных сообществ». Гномику было поручено изучение степени пораженности леса вредителями.

В бригаде Пети не было ни почвоведа, ни энтомолога. Искандер предложил Гномику переделать свою охотничью бригаду в научно-охотничью бригаду, включив Топса, и обязать ее помогать всем ореховым бригадам.

Промеры веревкой и забивка колышков, отделявших границы бригад, заняли время до полудня.

— Я буду питаться только орехами, — гордо заявил Ромка. — Мы теперь знаем, что по питательности орехи выше мяса, молока и хлеба.

Топс, отнюдь не возражавший против мяса, был очень доволен, что он перешел из бригады Ромки в невегетарианскую научно-охотничью бригаду.

В ореховом лесу было сухо. В нем только до первых чисел июля влажно. В августе начинают увядать травы, и только в ущельях, возле воды да в поливных участках орехового лесо-сада еще много зелени и цветов.

— Устроишь пожар! — крикнул Ромка, увидев Петю Петухова, хлопотавшего у костра.

— Каждый год надо сжигать сухие листья, — сказал Искандер. — В этих лесах никогда не сжигали сухие листья. Но сначала сгребите их в кучи, чтобы огонь не пошел гулять по лесу.

Так и сделали. Жечь костры было весело.

Во второй половине дня перекочевали в ореховый лесо-сад, где предстояло собирать орехи.

Взяли длинные шесты с деревянными крючками на концах. Сбор вели легко. Для этого Ромка цеплялся за ветку крючком. По «упрямым» орехам он ударял этим же крючком. Это не всегда помогало. Петя Петухов предложил свое изобретение: делать на крючке разрез, чтобы захватывать орех. Так с небольшого началось соревнование за лучший и быстрейший сбор орехов, без потерь — сломанных тонких веточек. Пришлось выделить инспектора по качеству. Единогласно был избран Гномик. Гномику пришлось в связи с этим много пережить из-за нового появления Степки.

VII

Это случилось так. Обе бригады выделили сборщиков, очистщиков, сортировщиков, сушильщиков. Мало было стряхнуть орех с ветки — его надо было очистить от зеленой кожуры, а весь урожай взвесить и записать. Очищенные орехи надлежало рассортировать, и было вовсе не просто разделить орехи на четыре сорта по величине.

У каждой бригады был свой лагерь. Искандер ушел ночевать в Зеленую лабораторию. Ночью Топс, лежавший рядом с сушилкой, проснулся от того, что его кто-то задел по лицу. Это мог нечаянно сделать во сне Ромка, и Топс заснул. Вскоре его опять кто-то разбудил.

— Что надо? — сердито крикнул Топс.

Никто не ответил. Топс подождал и заснул. Разбуженный в третий раз, он рассердился, сел и, услышав шорох, закричал:

— Кто там? Что надо?

От его крика проснулся Ромка. Они долго всматривались в темноту, но ничего не заметили.

Утром Ромка обнаружил, что часть орехов, лежавших на сушилке, пропала, причем больше всего пропало са-

мых крупных, отборных. Гномик, инспектор качества, напустился на Ромку за плохую организацию хранения. Ромка сослался на Топса, спавшего возле постила.

— Это Степка приходил и взял орехи, — сейчас же решил Топс.

Гномик усомнился в этом, ссылаясь на ночную тьму.

— Мы жгли костры? — напомнил Ромка.

Оказалось, что Степка появлялся и у Пети Петухова. Он никого не тронул, но часть орехов взял, и тоже самых лучших.

— Эх, жаль, не поймали вора! — сетовал Ромка.

Искандеру решили о Степке не говорить, чтобы он не помешал рассчитаться со Степкой, если тот появится опять.

Утром бригада Ромки завтракала орехами и медом. Бригада Пети Петухова ела мясо, хлеб, мед и орехи. Топс завтракал с этой бригадой. Он должен был срочно провести почвенное исследование. Днем Топс рыл ямы, определял «мощность горизонтов» и описание их диктовал Гномику. Тот записывал в тетрадь.

Опять весь день ребята лазили по деревьям, собирали орехи, взвешивали, очищали, сортировали, укладывали для просушки. Ромка и Петух требовали от пионеров, чтобы они собирали орехи так, чтобы ни одной веточки не сбить, так, чтобы ни одного ореха не осталось.

— А если орех висит где-то высоко-высоко, на верхушке? Лезешь, как на небоскреб! — говорил «верхолаз» Марлен, такой же ловкий, как Темир.

Марлен влезал на верхушку самых высоких деревьев и оттуда кричал вниз изумленным слушателям:

— Весь край вижу! Люда со своими ребятами — на пасеке, пионеры с Гюльнарой — на том склоне горы. Слышу, как орлы кричат!

— А Степки не видно? — спрашивал Ромка.

— Пока не вижу!

И во вторую ночь пропала часть самых крупных орехов. Ромка назначил часовых, но те проспали. Ромка неистовствовал.

Василия Александровича, проходившего в сумерках по ореховому лесу, где работала бригада Пети, чуть не избили, накинув на голову что-то темное, но во-время «опознали», освободили и долго извинялись «за ошибку», но так и не признались, кого они хотели поймать.

— Это не Степкина работа, — сказал Ромка своей бригаде, внимательно осмотрев сушилку. — Ну скажите, ну зачем ему приходить каждую ночь за орехами? Может быть, это кто-нибудь из наших «соседей», друг Степки? Пока молчите, но следите внимательно

— Эй ты, чего там крутишься? — Таким злым окриком Петух встретил появление Ромки в их лагере возле сушилки, где Ромка хотел опознать «свои» орехи.

— Смотрю, кто больше собрал, кто выйдет победителем, — сказал Ромка заранее подготовленную фразу и ушел в полном убеждении, что это сделал кто-то из «петухов».

Так он и сказал Гномику, требуя, чтобы тот сейчас же обнаружил на сушилке у Петуха украденные орехи «по внешним признакам». Но это оказалось невозможным. Ромка и Гномик поссорились.

На четвертую ночь Ромка не спал. Он подождал, пока все заснут, и сел возле дерева. Было темно. Вскоре Ромка услышал шорох. Кто-то брал орехи. Ромка, стараясь не дышать, пополз в сторону шума. Вор, задевая сухие листья, отправился восвояси, в сторону лагеря бригады Петуха. Ромка крадучись двинулся в погоню. Вора он заметил около толстого дерева. Ромка не стал раздумывать, кто сильнее. Он бросился, «как тигр», на противника и, сбив его с ног, громко позвал своих. Вор тоже кричал и звал. Прибежали встревоженные пионеры. Разожгли огонь. Ромка держал Петуха.

— Ты крал орехи! — заорал Ромка.

— Нет, ты у нас крал! — ответил Петух.

Взаимные обвинения сыпались градом, грозя разрушить не только дружбу, но и работу по облагораживанию лесов. Роман первый это понял.

— Кончили! — закричал он. — Все марш спать!.. Пойдем поговорим! — позвал он Петуха.

Пионеры, громко обсуждая случившееся, пошли спать.

VIII

— Скажи своим, чтобы не брали, — скороговоркой начал Ромка (так он всегда говорил, когда волновался). — О наших пионерских делах пишут в газетах, призывают брать с нас пример, и вдруг такой позор. Это ужасно! Ну пойми, что это просто ужасно!

— Значит, твои не тащили у нас? — сказал Петух.

— Что ты! Конечно, нет! — горячо ответил Ромка. — Сначала я думал, это Степкины дела...

— И я думал. Но зачем ему приходить каждую ночь...

— И я так подумал, — признался Ромка.

— А может быть, он решил нас поссорить?

— Тоже может быть. Но если он это делает, то через своих ребят.

— Я своих знаю. Один раз нас Степка обманул, это правда, но в другой раз это ему не удастся. Знаешь, Ромка, давай это дело замнем. Я предупрежу своих, ты следи за своими, и все будет в порядке, никто не узнает, вроде как бы ничего и не было. Парторг колхоза тетя Слу обещала вручить лучшей бригаде переходящее знамя и подарки, а тут, понимаешь, такое дело!

— Еще бы! — отозвался Ромка и задумался.

— Ну? — нетерпеливо крикнул Петя.

Вначале предложение «замять» понравилось Ромке... Но Роман уже не был тем Ромкой, каким он выехал на мотоцикле из Джелал-Буйнака. Тот обязательно бы согласился, а этот Ромка не мог...

— Знаешь что? — Ромка дружески взял Петуха за руку. — Разве дело только в славе? Ведь беда в том, что среди пионеров есть кто-то, кто ведет себя не как подобает пионеру. Мы скроем, и вор останется среди нас с пионерским галстуком на шее. Чтобы скрыть, надо других заставить соврать. И вот мы, бригадиры, будем учить врать... Лучше обсудим все это на пионерском костре... Как думаешь?

Петя Петухов смутился. Уж очень ему не хотелось опять стать на позорище перед лицом всех пионеров после столь памятного события со Степкой.

— Какое же здесь позорище, — убеждал Роман, — критиковать то плохое, что у нас происходит? Критика и самокритика — великое дело. Так пишут во всех газетах.

— Решили! — согласился Петя. — Только давай все же дня два-три понаблюдаем.

Утром Ромка уединился с Гномиком и попросил его помочь ему понаблюдать. Об этом же он попросил Марлена и еще троих.

«ЧЕМ КРЕПЧЕ НЕРВЫ, ТЕМ БЛИЖЕ ЦЕЛЬ»

I

Егор шел с милиционером по улицам Джелал-Буйнака с горьким чувством возмущения и стыда. Этому сильно способствовали любопытные взгляды и вопросы встречавшихся ребят:

— Эй, фронтовик, куда это тебя?

— Что случилось, Егор Иванович?

— Вы куда меня ведете? — наконец не вытерпел Егор, превозмогая свое гордое решение молчать.

— Куда надо, — кратко ответил неразговорчивый милиционер, не желая продолжать разговор.

Виноватым в чем-нибудь Егор себя не чувствовал. Они вышли в центр города и подошли к большому дому, возле которого стояло много машин и верховых лошадей. «Джелал-Буйнакский райком ВКП(б)», прочитал Егор на табличке. Милиционер провел его в большую приемную. Посетители сидели и стояли группами, оживленно разговаривая и нетерпеливо поглядывая на двери.

— Тебе, мальчик, что надо? — строго спросил Егора худощавый молодой человек.

— Секретарь райкома звонил начальнику милиции, — ответил за Егора милиционер. — Начальник поручил дежурному разыскать Егора Смоленского. Дежурный приказал мне доставить. Вот я и привел.

— Не во-время, — с досадой ответил молодой человек: — к нам прибыл в город секретарь обкома по сельскому хозяйству, с минуты на минуту должен быть здесь... Потом, потом приходи!

— Пойдем, — решительно позвал милиционер.

— Никуда я отсюда не пойду, — возразил Егор. — Японский опаловый хрущ появился, понимаете? — сказал он молодому человеку, повидимому техническому секретарю. Тот удивился настойчивости мальчика.

— Об этом надо сообщить в райзо, — посоветовал секретарь и поспешил в кабинет.

— Опаловый хрущ — это страшный японский вредитель! — крикнул ему вдогонку Егор.

Но молодой человек уже исчез за дверью...

Посетители, услышавшие последние слова Егора, окружили мальчика. Егор торопливо рассказывал все,

что знал о японском опаловом хруще, появившемся в Зеленой лаборатории.

Вдруг толпа стихла и расступилась.

— Идет, идет! — раздались сдержанные голоса.

От входных дверей легко шел невысокий стройный мужчина средних лет, с черными усами. Быстрыми карими глазами он будто раздвигал толпу. Он был одет в летний, защитного цвета костюм, такие же сапоги и фуражку. Милиционер почтительно провожал взглядом секретаря обкома.

Егор вдруг рванулся и с криком: «Полковник Сапегин, полковник Сапегин!» бросился к вошедшему, не слишком вежливо расталкивая посетителей. Секретарь обкома мгновенно повернулся, крикнул: «Егорка! Сынок!» и порывисто обнял мальчика.

— Полковник Сапегин! Максим Иванович! — только и твердил Егор, обхватив шею Сапегина обеими руками. И были в его голосе и безмерная радость, и ласка, и мольба.

— Ну вот, наконец-то мы с тобой встретились! — взволнованно сказал Максим Иванович Сапегин. — А я уже не знал, что и думать. Телеграммы посылал — отвечают: выбыл по демобилизации. Куда ты запропал?

Егор поднял лицо, прижимавшееся к груди фронтового отца, увидел сочувственные взгляды окружающих и смутился.

— Мой сынишка, — пояснил Сапегин. — Я уже думал, он пропал, а он вот он, тут как тут! — И Сапегин обнял Егора за плечи. — Рекомендую вам Егора Смоленского, как видите — кавалера двух медалей... Ну-ка, пойдем со мной, тебя еще ждет нагоняй за то, что ты запропастился!

Егор позабыл и о милиционере, и о Лене Чукмасовой, и о доящихся, и даже о коробочке с японским хрущом, зажатой в руке. Не в силах отвести глаз, он

восторженно смотрел на своего полковника, такого необычного в полуштатской одежде, и крепко держался обеими руками за его левую руку. Они прошли в кабинет секретаря райкома.

Выяснилось, что вместо того чтобы приехать в Джелал-Буйнакский совхоз, где работает врачом мать Максима Ивановича, Егор приехал совсем в другое место, за двести пятьдесят километров оттуда, в город Джелал-Буйнак. Сапегин бранил его за это, а Егор смотрел на него влюбленными глазами и смеялся от радости. Наконец-то сбылась его мечта и он нашел своего полковника! Они поговорили минут десять, вспоминая соратников, кратко рассказывая о себе. Оказывается, Сапегин уже знал о выезде Егора в город.

— Почему у тебя все время сжаты пальцы левой руки? Ранение? — забеспокоился Максим Иванович, заметив, что Егор, даже жестикулируя, не разжимает пальцев.

Егор, совсем забывший было о японском опаловом хрущe, с удивлением посмотрел на свои стиснутые пальцы, разжал кулак, и окружающие увидели на его ладони спичечную коробку. Сапегин улыбнулся.

— Японский опаловый хрущ, — пояснил Егор.

Улыбки на лицах мгновенно исчезли. Их сменило выражение тревоги и недоверия.

— Может быть, ты ошибаешься? — спросил его Сапегин.

— Честное пионерское! — сказал Егор и раскрыл коробочку.

На кусочке ваты лежал каштаново-коричневый жук.

— Да, это японский опаловый хрущ, — гневно прищурив глаза, подтвердил Сапегин. — Где ты его нашел, когда, сколько жуков, на каких растениях? Много ли жуками уничтожено растений? Кто борется с жуком, как? — взволнованно расспрашивал Сапегин.

Кабинет секретаря райкома партии наполнился приглашенными. На расширенное заседание бюро пришли члены райкома партии и члены райкома комсомола, начлесхоза Егор Иванович Дубинин, Лена Чукмасова и другие.

— Появление японского опалового хруща требует срочных мер, — заметил Сапегин, — и, прежде чем слушать доклад представителей Южно-Киргизской комплексной экспедиции Академии наук по обследованию плодовых лесов Южной Киргизии, я предлагаю выслушать сообщение пионера Егора Смоленского о появлении японского опалового хруща... Расскажи-ка нам, Егор, да не смущайся, расскажи, как умеешь.

II

Егор стоял возле широкого письменного стола в большой комнате, и много глаз с ожиданием смотрели на него. И Егор начал. Вначале он очень волновался, спешил, поправлялся, то забегал далеко вперед, то возвращался назад. Назвав место появления японского опалового хруща — Зеленую лабораторию, он забеспокоился, что опасность появления жука не всем понятна, и стал разъяснять, чем занимается Зеленая лаборатория. Он говорил спеша, глотая слова, боясь, что его прервут на самом интересном. Но никто его не прерывал. Все слушали очень внимательно, что-то записывая в блокнотах.

Сапегин ободряюще кивал головой.

За двадцать минут Егор хоть и сбивчиво, но многое успел рассказать о той большой работе по окультуриванию лесов, по созданию лесо-садов, которую начали пионеры Четвертой дружины по совету райкома комсомола.

Когда Егор кончил, Сапегин продиктовал телеграмму о вызове трех самолетов «ПО-2».

— Это... — Сапегин показал на жука, — это диверсия, результат посещения Зеленой лаборатории американским журналистом. Нужно немедленно уничтожить этих жуков заморского происхождения. Покет — официально журналист, а нам известно, что, кроме этого, он агент американской федеральной разведки, приехал просить у нас, как у союзников, скороспелые зимостойкие сорта местного сахарного тростника, уроженца Средней Азии. Они нужны американцам для улучшения их сортов. Ты помнишь, Егор, как мы в цитадели немецкой городской обороны, в ратуше, нашли семена, вывезенные фашистами из советских сельскохозяйственных станций и научно-исследовательских институтов?

Егор это хорошо помнил. Но присутствующие не знали, и Сапегин рассказал им об этом.

— Я тогда понял стремление американцев захватить как большие ценности именно эти семена и очень важные научные работы по увеличению урожая. Еще Карлтон, которого американцы называли «охотником за русскими пшеницами», сознался в этом... Сейчас наша «крымка» и другие сорта — под американскими названиями «маркиз», «тетчер», «терки», «блейкхел» — занимают девяносто пять процентов посевов в Северной Америке. Даже почвы американцы называют по-русски: суглинок, чернозем, подзол и так далее. Именно благодаря ценности наших сортов и научных работ, приведших к успехам, наши враги и «союзники» пытались и продолжают пытаться захватить их. Это один из методов той «холодной войны», которую американцы вели и ведут против нас, и это прежде всего экономическая война, в данном случае — в области сельского хозяйства.

О доящихся растениях, как биофабриках сахара, Сапегин сказал, что это пока фантастика, хотя сама работа с доящимися растениями и дает ответ на многие интересующие нас сегодня вопросы ассимиляции и диссими-

ляции. Получение большого урожая — вот что сейчас самое главное. Получение урожая плодовых, например, не через год, как обычно, а каждый год, сейчас важнее.

— Это же самое говорил Искандер, — сказал расхрабрившийся Егор.

— А вот съедобный белок, — сказал Сапегин, — еще интереснее. Может быть, ученым колхозной лаборатории и удастся решить этот вопрос по-своему, используя почвенных микробов. Как добавочный корм для скота такое открытие имело бы важное значение. Но самое интересное — биовспашка, если бы удалось решить эту проблему.

Расспрашивал Сапегин и о гигантских орехах. Тут Егор заявил, что гигантские деревья неудобны — с них трудно собирать орехи. Об этом говорил и Василий Александрович.

— Ты не понял мысли ученых, — поправил его Сапегин. — Важны не орехи. Нам нужна скороспелая древесина. Старики менее чем в двадцать лет вырастили огромные деревья, а древесина — это спирт, и шелк, и многое другое. Леса — это борьба с засухой. Вот с какой стороны нас интересует выращивание скороспелых деревьев. Вырастить лес не в шестьдесят-восемьдесят лет, а в двадцать лет — огромное достижение. Поэтому орехами так интересовался мистер Покет. Впрочем, такое поведение «союзников» для нас не новинка. Имея с ними дело, всегда надо помнить одну англо-саксонскую поговорку: «Если ты не можешь задушить врага, обними его»... Но сейчас мы должны говорить о наших плодовых лесах.

Сапегин сообщил, что Совет Министров СССР объявил плодовые леса Джелал-Абадской и Ошской областей государственным лесо-плодовым заказником [1].

[1] В заказнике налажено установленное хозяйственное использование всех возможностей лесо-плодового хозяйства. Здесь и разведение леса, и борьба с вредителями, оползнями, и многое другое. В заповеднике — охрана природы без плановой хозяйственной реализации, охранение в неприкосновенном, диком виде.

— Как вы знаете, — сказал он, — с 1944 года у нас работает Южно-Киргизская комплексная экспедиция Академии наук по обследованию плодовых лесов Южной Киргизии. В составе экспедиции много ученых. Сейчас профессор, участник экспедиции, сделает нам доклад. Прошу вас, Николай Семенович.

III

Невысокий мужчина с живым взглядом больших голубых глаз и седеющей бородой начал доклад об итогах работы за 1944 и неполный 1945 год, заметив, что экспедиция продлится еще в 1946 году, когда и будут окончательные выводы. Леса эти были давно известны. Еще в конце прошлого века один академик писал о них так: «Целые десятки верст будто едешь по фруктовому саду».

Профессор говорил о работе Института сухих субтропиков и о практике местных колхозов в окультуривании лесов, указав на работы Василия Александровича и Искандера.

Он говорил и о том, что́ ребята уже видели сами, — о сплошных стенах высоких гор, с запада, севера и востока защищающих этот край от вхождения холодного воздуха, вследствие чего зимой в горах температура на 3,5 градуса теплее, чем в Ферганской долине. Егор многое записал из сказанного профессором.

Специально для Гномика он сделал заметки о насекомых.

Из доклада профессора Егор понял, что встретившийся им фисташковый лес был вовсе не лесом и не рощей, а фисташковым редколесьем, где фисташек было совсем немного. Всего же фисташек в Средней Азии 204 тысячи гектаров.

Профессор указал на огромную мелиоративную роль[1] леса.

Он подробно разобрал характер лесо-плодовых массивов и указал способы, как их окультурить, создавая чисто ореховый лес, орехово-яблоневый, яблонево-алычовый, орехово-еловый лес, и т. д.

Расчеты профессора, как очищать леса, сколько оставлять деревьев, Егор записал.

IV

— Большое дело, которое должна подхватить районная общественность, — сказал Сапегин, — это широкая помощь в окультуривании плодовых лесов, помощь лесо-плодовым хозяйствам, создание лесо-садов по методу мичуринской науки. Значительная роль в этом деле должна принадлежать комсомольским и пионерским организациям. Что вами сделано?

И вдруг поднялся Гарун. Егор удивился — как он его не заметил раньше! Гарун рассказал о том, что комсомольцы и пионеры помогали колхозам в годы войны, что ребята собирали сырье для добычи витаминов, собирали лекарственные растения, а сейчас, во время каникул, в виде опыта пробуют помочь Зеленой лаборатории.

— Только мы, — продолжал Гарун, — сначала послали туда на разведку маршрута четырех пионеров и поручили им выяснить о помощи Зеленой лаборатории. Это были Егор Смоленский, Роман Крестьянинов, Алексей Омельченко, Анатолий Батов, потом к ним присоединился пятый — Асан Шерафудинов из колхоза «Свет зари». Ребята оказались очень инициативными и дельными.

[1] 25 процентов дождей над лесами превращаются в подземный сток. Воды лесных территорий доходят до хлопковых полей, когда ощущается наибольшая потребность в поливе.

Гарун сообщил, что четыре дня назад первый отряд джелал-буйнакских пионеров в количестве тридцати пяти человек уже уехал в Зеленую лабораторию, а завтра выступают и остальные отряды. Продовольствие отправляют в кишлак Чак на машинах, а оттуда — вьюками.

Сапегин одобрил инициативу райкома комсомола. Профессор тоже похвалил пионеров и сказал, что местные пионеры помогали экспедиции. Начались высказывания по докладу. Егор Иванович Дубинин критиковал, а Лена Чукмасова защищала свои совхозы Витаминпрома.

После заседания Егор не утерпел, чтобы не упрекнуть Дубинина:

— Как же вы сказали, что не знаете полковника Сапегина?

— Я не знал тогда. Ведь Сапегина избрали секретарем уже после твоего отъезда в Зеленую лабораторию.

— Ты зачем меня милиционеру передала? — спросил Егор у Лены Чукмасовой.

— Начальник милиции тебя разыскивал, а зачем — не сказал. Оказывается, секретарь райкома тебя вызывал и о тебе спрашивал. Дежурный милиции просил, как только ты появишься, сейчас же позвонить ему. Ты писал рапорт Борису и подписался: «Воспитанник полковника Сапегина». Я об этом только сейчас узнала. Гарун сообщил секретарю, а тот рассказал Максиму Ивановичу о тебе. Товарищ Сапегин поручил разыскать тебя. Позвонили в кишлак, чтобы тебя вызвать, а там сказали, что ты выехал в город ко мне. Вот меня и просили позвонить, когда ты придешь.

Егор шутя погрозил ей кулаком. Лена засмеялась:

— Секретарь райкома хотел тебе сюрприз сделать, не предупреждая о приезде товарища Сапегина, а начальник милиции пересолил.

Засмеялся и Егор. Он был безмерно счастлив.

Принесли телеграмму о вылете трех самолетов «ПО-2».

— Завтра на рассвете полетишь со мной в Зеленую лабораторию, — предупредил Сапегин Егора.

— А Бориса можно с собой взять? — спросил Егор шопотом и вкратце рассказал Максиму Ивановичу, кто такой Борис.

— Возьмем, — согласился Сапегин. — С нами поедут и Чукмасова и Дубинин. В Пчелином городе нас будут ждать лошади. Предупреди своего Бориса, чтобы завтра утром в семь ноль-ноль он был на квартире секретаря райкома. Ну, повтори, путаник!

— Чтобы Борис пришел на квартиру секретаря райкома в семь ноль-ноль! — радостно отрапортовал Егор и вместе с Гаруном помчался к Борису.

Вечером в Джелал-Буйнаке был организован пионерский костер. Огромное пламя озаряло сотни блестящих глаз, направленных на маленькую фигурку, освещенную пламенем.

Все было в докладе Егора. И красочное описание края, и романтика охоты за зверями, микробами и растениями, и восторг перед творцами новых форм растений, и огромный план окультуривания лесов. Пионеры сидели вокруг, время от времени высказывая громкими криками свое восхищение. Гул голосов после его доклада напомнил Егору силь. Многие захотели говорить.

Гарун сообщил план пионерского похода и состав отрядов и звеньев. Утром из Джелал-Буйнака должен был начаться этот великий поход. До кишлака Чак пионеры ехали на грузовых машинах, предоставленных райкомом партии.

Егор и Максим Иванович Сапегин легли спать только в четыре часа утра: было о чем поговорить и что вспомнить.

V

В восемь ноль-ноль три самолета «ПО-2» сельскохозяйственной авиации вылетели на северо-восток, имея на борту полковника Сапегина, Егора, начлесхоза Егора Ивановича Дубинина, Лену Чукмасову и Бориса.

Пролетая над шоссе, Егор заметил внизу мчащиеся грузовые машины. Пионеры махали им руками. Егор толкнул локтем Бориса, и они, сняв кожаные шлемы, выданные им для полета, помахали пионерам. Летчик тоже приветственно помахал крыльями. Несмотря на шум пропеллера, восторженные крики долетели снизу. Егор был счастлив и доволен. Он только досадовал, что трудно из-за шума разговаривать с Борисом.

Первая остановка была возле кишлака Чак. Здесь их встретили уже извещенные по телефону Туйгун, тетя Слу и другие члены правления колхоза. Максим Иванович осматривал с ними поля, сады, давал советы и решал споры.

Егор и Борис ходили за Сапегиным по пятам.

Ночевали в кишлаке, а утром чуть свет самолеты вылетели в Алматала. Полетел и Асан, которого Егор «выпросил» отпустить в Пчелиный город на несколько дней. Быстро пролетели по долине реки Чак, поднялись вверх, перевалили гору, и перед ними зазеленел Пчелиный город на Ореховом холме.

Самолеты сделали круг и приземлились. Первым примчался Барс. Он прыгнул к Егору и вдруг услышал знакомый свист. Пес мгновенно повернул голову, замер, потом взвизгнул и помчался к самолету. Он налетел на Сапегина, как буря. Барс прыгал, визжал и лизал руки.

— Хорошего ты, Борис, пса вырастил, — сказал Сапегин, лаская Барса.

— Он ваш, — только и был в силах сказать Борис,

глядя, как бурно проявляет Барс свою любовь и привязанность к Сапегину.

— Спасибо, друг, — и Сапегин пожал руку Борису.

Гномик стоял в стороне, взволнованный появлением Сапегина, не зная, признает ли его теперь Егор. Но Егор сразу же подвел Гномика к Максиму Ивановичу.

— Это Гномик, — сказал Егор.

— Что же, будем жить одной семьей? — спросил Максим Иванович. — Ты ведь охотник и сам убил секача?

— Убил! — с радостной улыбкой отвечал Гномик, с любовью глядя на Сапегина.

Сапегин похлопал мальчика по плечу и сказал, что они потом обо всем поговорят. Гномик осмелел и, набрав воздуху в легкие, отрапортовал:

— Товарищ полковник, я как начальник отряда разведки обследовал окрестности и не обнаружил ни одного живого японского опалового хруща. Еще пять штук мертвых нашел возле доящихся растений.

Но тут в разговор вмешался подошедший Василий Александрович. Он горячо пожал руку Сапегину и заявил, что опалового хруща бояться в самой Зеленой лаборатории уже не надо. Жуки были брошены на ДР, а эти растения выведены так, что содержат нервно-мышечный яд против насекомых: этот яд действует, как далматская ромашка, которую употребляют под названием «пиретрум». Поэтому жуки, съев часть листа, погибли.

— Если бы мы смогли выработать это качество у пшеницы, кукурузы и других растений, это освободило бы нас от необходимости опылять и опрыскивать их против вредителей, — сказал Сапегин.

Василий Александрович пригласил Сапегина в дом.

— А вот мой друг Люда, наш бригадир! — сказал Егор и подвел Люду.

— Ну и чудесно, что ты дружила с Егором и приобщила его к премудростям науки. Ничего нет на свете лучше хорошей дружбы!

— Пойдемте в Зеленую лабораторию, — смутившись, сказала Люда.

И они пошли.

VI

С бьющимся сердцем Егор подходил к доящимся. ДР № 4 стоял, как остальные, с широко распластанными листьями.

Ученый подробно рассказал о режиме растений. Сапегин все выслушал и вдруг спросил:

— А вы академию не запрашивали?

— Как же, еще недели полторы назад послал письмо. Но ответа все нет и нет.

Краснея, Егор полез в карман, вытащил конверт со штампом академии, переданный ему почтальоном на аэродроме в Джелал-Буйнаке, и со словами: «Простите, совсем забыл», отдал его Василию Александровичу.

Василий Александрович торопливо разорвал конверт, начал читать. Вдруг он даже побледнел от волнения.

— Отдых растениям, недостаточный отдых! — пробормотал он. — Повидимому, — сказал Василий Александрович, — я давал недостаточное время для отдыха растению. И как это я мог упустить такую важную особенность в режиме растений!

— Что это за отдых для растений? — спросил Егор.

— Это значит, что в эти часы их не поливают, не кормят, не освещают, — ответил Василий Александрович. — Здесь в ответе сказано. — Он громко прочел: — «Усиление процессов ассимиляции происходит в дневные часы, усиление процессов распада происходит в ночные, распад создается отдыхом, и, повидимому, ваш «вечный

день», создаваемый электролампами, мешал этому. Никакие растения не могут выдержать такого длинного дня, и не кажется ли вам, что ваши электролампы, да еще со светофильтрами, — ошибка? Попробуйте дать растениям отдых ночью, тогда функции синтеза, то-есть процесса ассимиляции, и функции распада, оттока сахаристых веществ, должны наладиться».

— В научной работе трудно сразу вести много опытов, — сказал Сапегин. — Этот опыт по изучению процессов ассимиляции и диссимиляции растений, оставшийся вам по наследству, — вопрос будущего, а окультуривание лесов плодовых уже сейчас имеет огромное народнохозяйственное значение. Но совету из Москвы обязательно последуйте. Мне самому это интересно.

Теперь было ясно, почему растения доились после «взрыва жизни»: тогда, чтобы прекратить «взрыв жизни», Василий Александрович остановил движок, электролампы не работали, и растения отдохнули.

Завтрак прошел в оживленной беседе.

И Василий Александрович и Искандер очень обрадовались, узнав о решении правительства превратить плодовые леса Южной Киргизии в заказник.

— Это самое правильное, самое правильное! — воскликнул Василий Александрович.

Искандер рассказал о хищничестве в плодовых лесах, о своей помощи экспедиции Академии наук и очень хвалил помощь пионеров, понявших общенародное значение создания лесо-садов.

Сапегин предложил, не теряя времени, поехать верхом и осмотреть лесо-сады и плодовые леса. Он вынул из планшетки карту и наметил маршрут на пять дней пути.

— Поеду я, — сказал Максим Иванович,— Егор Иванович Дубинин, Лена Чукмасова, Егор и на выбор: или Василий Александрович, или Искандер.

— Искандер лучше знает эти леса, — предложил Василий Александрович.

Егор не сводил глаз с Максима Ивановича и, поймав его взгляд, показал глазами на Бориса и Гномика.

— Поедет Искандер и, если захотят, Борис и Гномик, — сказал Сапегин.

Мальчики только об этом и мечтали.

— А я, — сказала Люда на ухо Егору, — а я?

— Не обижайся, мы же охотники.

Но Люда обиделась.

— Но прежде чем вы уедете, я бы хотел показать созданные нами лесо-сады, — сказал Василий Александрович, — хотя бы орехово-яблонево-алычовый лесо-сад.

Сапегин согласился, приказав ребятам хорошо накормить лошадей, осмотреть седла, приготовить в дорогу продукты и ружья, зарядить побольше патронов.

— Значит, будем охотиться? — воскликнул Борис.

— В лесу — и не охотиться? — сказал Сапегин. — У меня есть разрешение на отстрел пяти козлов.

Сапегин, Василий Александрович, Дубинин, Искандер и Лена Чукмасова отправились в лесо-сад, но предварительно осмотрели гигантские орехи.

— Очень важно широко проверить ваш опыт, — сказал Сапегин. — Если в двадцать-тридцать лет мы сможем получить готовый лес — это же решение вопроса о деловой древесине!

Дубинин ходил возле орехов, недоверчиво ощупывая кору.

— Я слышал об этих деревьях, но неужели им всего двадцать лет? Может быть, такой рост, — сказал он, — обусловлен только местными, особыми условиями и в других местах он не повторится?

Начался спор.

— Спилите, проверим возраст по кольцам на срезе,— шутя предложил Дубинин.

— И спилим, только не сейчас, и проверим в других местах, — ответил Василий Александрович. — Один орех разбит молнией надвое до половины. В будущем году будем прививать «дудкой» дикие ореховые деревья. Необходима кора. Вот тогда мы и спилим это огромное разбитое молнией дерево, чтобы его корой привить двести пятьдесят молодых диких ореховых деревьев, и тогда увидим.

Бригады пионеров перевыполняли свои планы, чтобы достойно встретить прибывающую Четвертую пионерскую дружину.

VII

Все волновало и восторгало Бориса. И то, что он выздоровел от целебного меда, а не после обычных лекарств, и то, что Егор нашел своего полковника, и то, что они прилетели сюда на самолетах и теперь он здесь, в том самом Пчелином городе на Ореховом холме, о котором рассказывают в городе легенды.

Борис возбужденно смеялся, хлопал Егора по плечу, и тот, понимая радость друга, радовался его радости.

— Может, сбегаем на часик поохотиться? — попросил Борис.

— А может быть, сначала организуем сборы в дорогу и после этого? — предложил Егор.

На этом и порешили. Но седла были в порядке, лошади отдохнули, и коневод находился при них; он кормил их отборным зерном и сеном.

Друзья — Борис, Егор, Гномик и Ромка — отправились на охоту. Топс пошел с ними, как «тащишка»: нести тяжести.

Борис шел быстро, слегка задыхаясь. В первый раз с мальчиками не было Барса, и это печалило Гномика.

Куропатки поднялись перед Борисом из кустов с шу-

мом и треском. Борис вскинул ружье и выстрелил раз и потом еще раз. Птицы исчезли вдали, и ни одна из них не упала. Борис перевел удивленный взгляд на Егора, потом на Ромку. У него после болезни дрожали руки.

— Перья упали, мясо улетело, — весело поддразнил Топс, но, встретив предостерегающий взгляд Егора, замолчал.

— Ох, я и мазал в прошлую охоту! — сказал Егор.

— А я, — поспешил на выручку Ромка, — выстрелил раз десять, а всего одну сшиб.

— Давно не охотился, — извиняющимся тоном сказал Борис, и они пошли дальше.

Первым убил куропатку Гномик, потом двух сбил Ромка. Егор подстрелил неизвестно как залетевшую сюда дикую индейку — улара. Один только Борис, жаждавший больше всех поохотиться, стрелял раз двадцать и не «взял» ни одной.

На отдыхе, чтобы развлечь приунывшего Бориса, Ромка стал рассказывать о соревновании среди пионерских бригад и о воре-невидимке. Это так волновало Ромку, что он решил рассказать обо всем друзьям.

— Вынесем этот вопрос на пионерский костер! Пусть мы из-за этого даже потеряем красное знамя! — разгорячился Роман.

— Даже так? — спросил Борис.

— Ну да! Пусть мы сто раз стахановцы, но если в нашем пионерском коллективе такой позор, пусть мы не получим красное знамя, но зато среди нас не будет вора, мы оздоровим наш коллектив!

— Ты ли это говоришь? — удивился Борис.

— Да! И давай спросим у Максима Ивановича, прав я или нет.

— Да откуда ты взял, что Борис тебе советует скрыть? — спросил Егор.

— Наоборот, я удивляюсь тебе, — сказал Борис. —

Я не узнаю тебя, Роман. Я знал тебя другим, а сейчас слушаю тебя и ушам своим не верю! Молодец! Помнишь, Роман, ты просил меня дать тебе рекомендацию в комсомол? Так вот, Роман, теперь я тебе напишу рекомендацию.

— Спасибо, друг! — тихо сказал Ромка.

— Приедет Гарун с дружиной, с нашими комсомольцами, и мы примем достойных, — обещал Борис. — Да и не только ты, Роман, изменился. А Гномик? Раньше он походил на тех детей, которые поют в темных комнатах, чтобы рассеять страх, а стал этот маленький, скромный работяга Гномик чонмергеном! Ведь вот! А Топс! Даже он перестал лениться. Вот каково влияние коллектива!

— А ведь я тоже изменился, — покраснев, признался Егор и, встретив недоуменные взоры, пояснил: — самоуверенности поубавилось. Ох, как мне учиться надо!

— А вы представляете, что этот соня Топс по ночам учится ездить верхом? — сказал Ромка.

Об этом ни Егор, ни Борис не знали. Ромка рассказал историю с мулом и о том, что Топс почти научился ездить верхом, во всяком случае перестал бояться верховой езды.

VIII

— Ну, — весело сказал Сапегин возвратившимся охотникам, — видел я вашу работу! Молодцы! Подучитесь еще, и вас можно будет посылать на помощь в другие районы. Вот прибудет вся Четвертая дружина, и мы займемся осенней подготовкой окультуривания плодовых лесов.

— Готовить черенки, — подсказал Ромка.

— Нет, — возразил Сапегин, — мы выберем десять гектаров плодового леса, пойдем все туда и поучимся,

что надо снять, что оставить и сколько. Пока мы будем ездить, Василий Александрович займется с вами и со всей дружиной, а приедем — начнем работу. Ну, каковы трофеи, охотники? Хвалитесь.

И за обедом и после обеда Максим Иванович Сапегин рассказывал пионерам, как он стал охотником, и сказал, что настоящий советский гражданин должен вести себя в лесу как хозяин, а не как браконьер.

Егор принес и прочитал устав чонмергенов. Сапегину понравилось. Он стал расспрашивать ребят, как они охотились по пути сюда, потом сам рассказал несколько случаев из своей жизни.

— А кто знает способ добывать зайцев посредством кирпича, нюхательного табака и листа капусты? — спросил Сапегин.

Никто не знал.

— А это очень просто, — весело сказал Сапегин. — Кладете кирпич на заячью тропу, на него — кусочек капустного листа и сыплете на кирпич нюхательный табак. Захочет заяц съесть лист капусты, наклонится, нюхнет табаку — апчхи! — и головой о кирпич. И так он чихает и бьется головой, пока не упадет в обморок... Ну, вы его и берете...

Все весело засмеялись.

Так, пересыпая серьезный разговор шутками, Максим Иванович рассказал ребятам о дикорастущих на Северном Кавказе, где они занимают площадь свыше двухсот тысяч гектаров, о плодовых лесах возле Алма-Аты.

— Но, — заявил он, — наши плодовые леса — редко встречающиеся, или, как говорят, реликтовые, остатки плодовых лесов третичного периода.

Егор вспомнил о своих записях и прочел Гномику о редких жучках, а Гномик принес целый стакан жуков, которых он не смог определить. Максим Иванович посо-

ветовал взять жуков завтра с собой в поездку, чтобы передать Ореховой экспедиции.

Так в этот день и не успели выяснить, кто же у кого брал орехи, и на другой день рано утром группа всадников во главе с Максимом Ивановичем и Искандером двинулась в горы.

Топс, Ромка, Люда и Асан долго махали им вслед.

В этот же день отряд Гюльнары и отряд Ахмета под руководством Василия Александровича принялись готовить в лесу единый лагерь на четыреста человек для Четвертой дружины.

Ромка объявил себя помощником Василия Александровича и активно помогал рыть канавы, делать навесы и подвозить сухое сено.

СВОИМИ РУКАМИ

I

То ли от укрепляющего целебного меда, то ли от чистого воздуха, движения и от охватившего его азарта, но Борис чувствовал себя совершенно здоровым.

Небольшие, плотные, очень сильные и выносливые горные лошадки быстро подняли всадников на гору. Егор старался все время ехать рядом с Сапегиным, но это не всегда удавалось, и тогда Егор торопил коня, а он, привыкший следовать за хвостом передней лошади или итти впереди, но не рядом, сердился, прижимал уши, старался зубами схватить Егора за ногу. Эта борьба занимала много времени, и Егор не видел того, что восхищало Бориса.

Прежде всего Бориса поразила удивительно пестрая окраска обнаженных скал. Были они и красные, и тем-

ные, и коричневые, и малиновые, и светлые. Всадники спугивали куропаток и диких голубей. Один раз промчался кабан. Барс, бежавший рядом с лошадью Максима Ивановича, только насторожился, посмотрел на хозяина, но тот не дал команды преследовать, и Барс остался возле лошади.

В полдень спешились в плодовом лесу на той же горе, где ребята поймали парашютиста, километров на десять ближе к Зеленой лаборатории.

— Вот, — сказал Искандер, — первый ярус — орех. Деревьям — от шестидесяти до ста восьмидесяти лет, средняя высота — двадцать три метра, средний диаметр — тридцать четыре сантиметра.

— Средний запас древесины кубометров двести, — вставил Егор Иванович Дубинин.

— Второй ярус — клен туркестанский и яблоня киргизов.

— Хотя клена больше, вы ведь его уничтожите? — заметил Дубинин.

— Обязательно срубим, чтобы не затенял, — подтвердил Искандер. — Средний возраст второго яруса — восемьдесят лет, средняя высота — двенадцать метров. Ниже второго яруса идет подлесок: боярышник, жимолость, алыча, барбарис, шиповник, крушина слабительная, бересклет.

— Егор, — обратился к мальчику Максим Иванович, — а ну скажи, сколько здесь ореховых деревьев, — и он показал на группу стволов.

— Двенадцать ореховых деревьев, — быстро пересчитал Егор.

— Вот и ошибся: всего-навсего одно дерево, — объяснил Сапегин. — Это все стволы одного и того же ореха, от одного пня.

Егор смутился.

— Ребята, подойдите-ка все сюда, — позвал Сапегин

Бориса и Гномика. — А ну-ка, Гномик, опиши-ка мне эти две яблони. Начни с высокой.

— Яблоня высокая, плоды белые, а вторая небольшая, и яблоки красные... — Гномик замолчал.

Максим Иванович подождал немного, потом спросил:

— Все?

— Все, — ответил Гномик.

— Надо быть более наблюдательным и описывать подробно. Попробуй-ка ты, Борис.

Борис глубоко-глубоко вздохнул, будто запасая воздух, и начал:

— Мощное дерево... темносерая кора... шероховатая.

— Правильно! — одобрил Сапегин. — Дальше.

— Дальше? Листья тонкие, будто бумажные, яблоки крупные, светлые.

— Неплохо, — сдержанно похвалил Сапегин. — А другое?

— Второе — небольшое дерево с красновато-бурой гладкой корой. Колючки...

— Где? — быстро спросил Сапегин.

— Ну, на этих... ростовых побегах... Лист плотный, сильно опушенный с нижней стороны.

— Славно, Борис, просто молодчага! Вот так и надо. Из тебя будет толк!

Максим Иванович предложил ребятам описать ореховые деревья и ореховые плоды.

— Помогать так помогать! — сказал он. И, внимательно посмотрев на лица ребят, произнес голосом Гномика: — А охота когда же?!

Ребята дружно засмеялись: как раз об этом они и думали.

— Завтра утром, — ответил Сапегин. — К вечеру мы достигнем середины вон той горы, там заночуем, а завтра рано утром поохотимся, чтобы днем снова работать. Согласны?

Ребята охотно согласились и занялись описанием орехов так, как научил их Искандер.

Что могло быть интереснее ночи у костра, проведенной вместе с Максимом Ивановичем! Сапегин рассказал об окончившейся войне с Японией, о применении атомной бомбы в Нагасаки и Хиросиме. Потом он рассказал о появлении в Италии колорадского жучка, размножавшегося в огромных количествах.

Много говорил он о том, что век атомной энергии сменит век электричества.

— А у нас будет атомная энергия? — спросил Гномик.

— Можете не сомневаться! — уверил его Сапегин. — Атомная энергия для мирных целей в будущем станет основной энергией эпохи коммунизма.

Рассказал он и о сельском хозяйстве будущего. Ребята согласны были слушать его хоть до утра. Он рассказывал просто и весело. Но в час ночи Максим Иванович напомнил об утренней охоте и приказал ложиться спать.

II

Борису не спалось. Он лежал, устремив глаза на звезды. Вот он и в горах. Хорошо! Но вдруг он вспомнил о своих неудачных выстрелах на охоте и опечалился. Что, если и утром случится то же самое? Это будет просто ужасно. То ли он ослабел и рука нетверда, то ли патроны виноваты?

Этот же вопрос он задал себе на утренней охоте, промахнувшись по дикой свинье, бежавшей в десяти шагах. Он промазал позорно, как мальчишка, впервые взявший ружье в руки. Борис ругал себя как только мог. Но что толку! Где-то внизу прогремело три выстрела, и крик Егора: «Сунулся, готов!» возвестил о первом трофее.

Борис шел по склону самым верхним. Через полчаса снова раздались выстрелы. Потом послышался приближающийся лай Барса.

Вдруг перед Борисом появился из-за кустов дикий козел и стал: огромный, рогатый, чудесный!

Уже спуская курок, Борис понял, что промазал, потому что в то же мгновение, когда он нажал спуск, козел прыгнул, а Борис не успел перевести ружье. Это было ужасно, просто ужасно! Повидимому, после болезни и глаз стал неметок, и рука нетверда, и от ружья отвык, и ослабел. Да! Несчастливый день!

Переживая неудачу, Борис брел по склону, неся ружье в руке. Солнце поднялось над горой. Внизу уже не стреляли. Борис все шел и шел. Вот тут-то он и увидел шесть козлов. Они шли впереди цепочкой, не замечая охотника. Вспомнив слова Сапегина — стрелять только козла, но не козу, — Борис выбрал самого рогатого. Козлы зашли в камни. Борис спешил, задыхался в разреженном воздухе. Ведь он был где-то на высоте около трех тысяч метров. Когда козлы появились снова, руки Бориса так дрожали, что он не мог хорошо прицелиться. А пока он отдышался, козлы снова ушли вперед, и снова он пошел за ними, стараясь не дышать шумно, но козлы все же его заметили и удрали. Борис был в отчаянии.

Склон был крутой. То здесь, то там торчали, как столбы, огромные камни. На один из таких камней со стороны вершины и влез Борис, приподнявшись на руках. Больше делать было нечего. Отдохнуть — и назад.

Теперь он сидел на выступе скалы и слышал биение своего сердца — так было тихо. Потом Борис залюбовался лесами и потоками, сверкавшими внизу, успокоился и уже собирался итти, как услышал очень тихий шелест внизу, будто сыпались мелкие камешки. «Сурок, — решил Борис. — А может, дикобраз?» Борис приподнял-

ся, вытянул вперед шею, посмотрел направо, за камень, и ничего не увидел.

«Бывает же!» рассердился он сам на себя и совершенно явственно услышал, как опять зашелестели камни. Борис встал, сделал шаг к обрывистому краю камня и заглянул вниз. Ружье, заряженное жаканом на козла, он держал в руках. У подножья камня лежал на брюхе пятнистый огромный барс с длинным хвостом и яростно рыл когтями землю. В тот же миг, когда Борис заметил барса, тот поднял голову, и Борис выстрелил. Это случилось мгновенно. Барс рванулся и забился на земле; безвольно сползая вниз по склону, он свивал и развивал длинный хвост. Борис не успел испугаться, барс не успел прыгнуть. Все кончилось мгновенно.

Борис смотрел с камня на вздрагивающее тело барса, и торжество победителя с огромной силой охватило его.

— Максим Иванович, Егор, Гномик! — закричал он, потрясая ружьем.

Эхо далеко унесло его крик по ущелью.

Не ожидая помощи, Борис спрыгнул с камня. Пуля пробила зверю голову. Это был меткий выстрел.

Егор и Гномик долго звали Бориса и, не дождавшись, отправились на розыски. Они встретили его на полпути и были просто потрясены, увидев убитого барса.

— Ты ранен? — спрашивал Гномик, осматривая Бориса, бледного от возбуждения. — Он бросился на тебя? Как же ты его убил?

У Бориса был большой соблазн изобразить охоту в духе «страшных рассказов»: как прыгал и ревел зверь, «а я его, а он меня», но правдивость взяла верх, и Борис сказал:

— Сразу, наповал и очень легко. Случайно.

Но Гномик не поверил. Он помнил свою охоту на секача. Это было не просто.

Трофей Бориса оказался непревзойденным. Максим

Иванович добыл большого козла и кабана, Егор и Гномик — одного кабана вместе. Борис так разошелся, что легко подстрелил промелькнувшего в ветвях дикого голубя. Сапегин был в восторге от этого меткого выстрела.

— Вот это чонмерген! Просто готовый снайпер! — сказал он.

И снова они осматривали плодовые леса, и Егор с полным правом потом говорил: «Целые десятки километров будто едешь по фруктовому саду».

Что же касается типа окультуренных плодовых лесов, то такими, как сказал встретившийся им профессор, на устроенных площадках будут лесо-сады, на неустроенных — лесо-плодовые хозяйства и лесные хозяйства с плодовыми; последние будут выращивать и деловую древесину и попутно плоды.

Егор, Борис и Гномик за эти дни узнали много нового о плодовых лесах, и Максим Иванович в шутку называл их «мои академики».

III

Это было воистину величественное зрелище, создавшее впечатление силы и организованности. Вся Четвертая дружина выстроилась на утреннюю линейку возле Пчелиного города на Ореховом холме.

Отряды Гюльнары и Петухова, построившие в ореховом лесу лагерь для Четвертой дружины, ждали гостей там.

Рапорт принимал Максим Иванович Сапегин. Возле него стояли Василий Александрович, Туйгун и Искандер, позади них — Егор Иванович Дубинин, Лена Чукмасова, прибывшие с пионерами учителя и гости из района.

Запела труба, загрохотал барабан. Гарун скомандовал «смирно», и из-под исполинских ореховых деревьев показался Ромка с высоко поднятым знаменем дружины

в руках. Его сопровождали Гномик и Люда. Гарун и командиры отрядов рапортовали о совершенном маршруте и двухдневном отдыхе. Только семь человек из всей дружины натерли ноги. Потом Гарун рапортовал Максиму Ивановичу Сапегину о готовности четырехсот десяти пионеров приступить к окультуриванию плодовых лесов.

Максим Иванович поздравил пионеров с началом большой, интересной работы, которая предстоит им. Напомнил, что надо делать, и вскоре вся дружина поотрядно выступила в поход. Нужно было итти три километра. Еще затемно к лагерю отправились Егор, Топс, Асан и Мария Ивановна с несколькими пионерами, ведя в поводу лошадей, навьюченных орудиями для работы.

Было построено два лагеря — один для мальчиков, другой для девочек. Под длинными навесами из веток, загораживающими с северной стороны и по краям, лежало сено. «Столовая» была рядом. Столами служила земля. Глубокие канавы, куда можно было опустить ноги, тянулись параллельно, на расстоянии метра друг от друга. У каждого стола Гюльнара воткнула веточку с номером отряда. Рядом на углях стояли котлы с рисовым супом, с чаем, на столах лежали лепешки, яблоки, стояли деревянные бочонки с медом. Нехватало только гостей.

Первыми примчались Гарун и Ромка.

— Ну как, готово? — еще издали закричал Ромка.

— Молодцы! Очень хорошо выбрали место бивака, молодцы! — твердил Гарун, осматривая столы.

Завидев колонну, Егор и Петух выбежали вперед, доложили Максиму Ивановичу о готовности бивака и сказали, что каждый представитель отряда, прибывший с ним, поведет свой отряд к столу.

Не было ни беготни, ни ссор, ни суеты. Было много смеха и веселья.

— Это мы настреляли кабанов, — не утерпев, похвастался Гномик.

— Если бы собрать всех пионеров и организовать облаву «гай», то можно добыть штук сто, — заметил Ромка.

Эта мысль понравилась и Максиму Ивановичу и Дубинину.

После завтрака и небольшого отдыха, заключив договор социалистического соревнования на лучшую работу, опять построились в отряды и двинулись в лесо-сад. Он начинался сразу же за шалашами.

Два отряда вел Василий Александрович, другие вели Искандер, Дубинин, Лена Чукмасова, тетя Слу и учителя. Борис, Егор, Топс, Ромка, Гномик, Асан и Люда были в сводном отряде полковника Сапегина.

Они прибыли в дикий плодовый лес. Этот лес надо было очистить от неплодовых, клена и других деревьев, раскорчевать старые пни, и, главное, надо было отобрать из растущих ореховых и яблоневых деревьев лучшие. Остальные же надо было наметить к спилке осенью. Весной от каждого пенька вырастет поросль, и летом из шестидесяти штук поросли у одного корня будет оставлено три-четыре штуки.

Это был такой же чудесный ореховый лес с «ореховым климатом».

Сначала надо было как-то ограничить свои четыре гектара леса. Один гектар — это десять тысяч квадратных метров; значит, четырехугольник сто на сто метров — гектар, а двести на двести метров — четыре гектара. Так и сделали, отметив границу кучками камней.

Потом сводный отряд разделился на четыре группы по двадцать человек. Каждая такая группа занимала ленту леса в пятьдесят метров; это при длине ее в двести метров составляло один гектар.

Прежде всего Максим Иванович предложил каждой

группе пройти свой участок и отметить самые плодоносящие ореховые деревья.

— Удовлетворительно плодоносящих будет не больше двадцати процентов, все остальные придется спилить, оставив пеньки для размножения поросли. Смотрите не только на обилие плодов, но и на их качество. Оставлять надо только вполне здоровые деревья, — сказал Василий Александрович.

Как просто сказать: первый ярус — орехи. А чтобы увидеть их, надо откинуть голову назад, и тогда только увидишь эти гигантские деревья во всей красе. Один такой великан красовался на участке Егора, выделяясь между всеми.

— Эх, если бы все были такими! — сказал Егор, и вся его бригада и стоявший рядом Гномик согласились с ним.

Только Ромка, командовавший соседней группой, осмотрел орех и сказал:

— А я бы его спилил на пенек.

— Никогда! — возразил Егор и обратился к Максиму Ивановичу, ходившему от группы к группе.

— Самое могучее дерево, — согласился Максим Иванович. Егор торжествующе улыбнулся. — Но надо его спилить на пенек, — закончил Максим Иванович.

— Ага! — крикнул Ромка.

— Но почему? Почему? — недоумевал Гномик.

— А потому, что дерево это образует только мужские цветы, значит не дает урожая.

Когда Максим Иванович ушел, Егор стесал топором кусок коры и на древесине написал: «Н. П.» (на пенек).

Оценку лучших ореховых деревьев делали сообща и внимательно. Нелегко решиться срубить огромное дерево.

Хорошо сказать: наметить в рубку старые и больные деревья, неплодоносящие или слабо плодоносящие, с пло-

хо развитой кроной, деревья, дающие плоды плохого качества; оставить все деревья, дающие обильный урожай хороших плодов, вне зависимости от здоровья и возраста; оставить молодые, могущие быть привитыми или окультуренными. Здесь были деревья всех возрастов.

Егор и Люда пересчитали все ореховые деревья на своем гектаре, их было 91. Ромка насчитал 83, Борис — 102, а группа Асана и Топса — 88. Так и оказалось, как говорил Максим Иванович: из всех деревьев удовлетворительно плодоносили только 20 процентов. Значит, Егор должен отобрать 18 ореховых деревьев, Ромка — 16, Борис — 20, Асан и Топс — 17.

Вот и попробуй выбрать лучшие, да так, чтобы они не стояли рядом, а распределялись по всей площади. Было одно рекордное по урожаю дерево, но с дуплом.

Пришел Максим Иванович и разрешил спор:

— Это дерево надо оставить: дупло еще небольшое, надо его продезинфицировать, засыпать щебнем и замазать глиной.

Нет, все это было вовсе не так просто, как думалось вначале. Каждый чувствовал себя хозяином, каждый чувствовал ответственность, а желание сделать лучше всех заставляло ребят бегать от дерева к дереву и сравнивать их. В трудных случаях на помощь приходил Сапегин. Он везде поспевал, его шутки вызывали громкий смех, его бодрый голос слышался то здесь, то там.

Потом Максим Иванович проверял, принимал работу по отбору деревьев. Почти у каждого он переменил два-три дерева. Гномик и Топс жалели рубить и оставили много старых ореховых деревьев. Топс был в особенно добродушном настроении: он получил письмо от сестры, возвратившейся из армии. Он всех приглашал к себе в гости, был весел и оживлен.

После успехов и поздравлений, выслушанных от про-

фессора за сбор редких жуков — усачей, чернотелок, стафелин, жужелиц, слоников, особенно редкого слоника, называвшегося по-латыни «акалес раулцерн», — Гномика признали специалистом.

Потом принялись за дикие яблони. Надо было оставить хорошие старые яблони, и молодые для прививки, и «подрост» от корневой поросли.

Всех яблонь, включая выросшие от поросли, должно было быть шестьдесят штук на гектар. Значит, старых надо было оставить штук двадцать.

Дикой сливы, алычи, должно было быть сто кустов на гектар. Посадка должна была вестись от деления кустов, обладающих лучшими плодами, а их надо было выбрать.

И все это была не игра, а самая настоящая и интересная работа.

Три девочки из группы Егора так хорошо заделывали дупла, что их приглашали в другие группы и даже к Ромке. В группе Бориса нашелся настоящий чертежник, и все приставали к нему с просьбами сделать план «своего» плодового леса.

После обеда уточнили, какие деревья пойдут на вырубку, какие нужно оставлять на пенек, а какие совсем убрать.

Уже к вечеру первые удары топора в группе Егора возвестили, что ребята приступили к вырубке неплодовых. Первый клен «грохнулся» под восторженные крики. Падая, он задел ветвями оставленную яблоню и обломал у нее одну ветку.

— Надо быть осторожнее и лучше обрубать большие ветки на дереве, — сказал Василий Александрович.

Но не так-то легко было лезть на дерево и рубить. Не все могли это сделать. Лучше всех это делал Асан.

Стучали топоры, валились деревья, и на площадках все отчетливее вырисовывались деревья, оставленные

жить, и те, которые должны были срубить на пенек в конце октября.

Чистый воздух, ясное небо, бурное веселье увлекали даже самых тихих и робких ребят.

IV

Максим Иванович рассказал один случай на фронте, когда плохо сделанная работа — постройка моста через реку — замедлила наступление. Поэтому всякую работу надо делать честно и хорошо.

Ужинали перед заходом солнца. Потом пели и танцевали при свете огромных костров, и Егору, не отходившему от Максима Ивановича, ночь показалась совсем короткой. Так быстро наступило утро!

Три дня ребята проработали на этом участке, а на четвертый день пошли приводить в порядок плодовый лес, окультуренный Василием Александровичем и Искандером в прошлом году.

Здесь было много света, все взрослые яблони были усыпаны множеством хороших, крупных яблок, а возле пней росла трехметровая поросль. Ее-то и вырубали ребята. Они замазывали дупла, корчевали пни и собирали яблоки на сушку. Азарт первого дня сменился глубоким интересом к работе. Одни больше интересовались орехами, другие — алычой, третьи — яблоками. Спорили о лесо-садах и плодовых лесах.

— Конечно, лучше лесо-сады, но за ними больше ухода. Кто будет работать? — говорил Сапегин.

— Мы! — единодушно отвечали пионеры.

Максиму Ивановичу пришло время уезжать. Егор ходил неспокойный. Ему не хотелось расставаться с Максимом Ивановичем, но жаль было бросать работу в Зеленой лаборатории и друзей.

— Пока оставайся здесь — надо закончить дело, раз начал, — сказал Сапегин, поняв его настроение. — Я поеду по другим районам, а потом приеду за тобой и Гномиком. Решим, что тебе делать.

— Я ведь решил создавать новые формы растений, — признался Егор.

— Очень хорошо, — одобрил Максим Иванович. — Но для этого надо много учиться.

В этот день Сапегин с ребятами возвращался в Зеленую лабораторию через ореховый лес, где бригады сборщиков рапортовали ему о своих успехах. Петя Петухов, смущаясь, сказал, что его бригада собрала бы больше орехов, но у них орехи, как и раньше, куда-то исчезают.

Борис рассказал о воре-невидимке.

Это было неприятное дело. Все ребята огорчились и молча стояли, опустив головы.

Асан, отсутствовавший эти дни, не знал о пропаже и внимательно слушал все, что говорилось о воре-невидимке. Вдруг он вышел вперед и показал под ореховое дерево:

— Орехи здесь, — сказал он. — Пусть Барс роет.

Сапегин удивленно посмотрел на Асана, потом вдруг улыбнулся, кивнул головой и приказал Барсу рыть землю. В пионеров полетели комья земли. Все стояли молчаливые, сосредоточенные, и веселое настроение Максима Ивановича и Асана было им непонятно.

Из ямы вдруг выскочила туркестанская крыса. Барс схватил ее, мотнул головой и отбросил. Он победоносно взглянул на хозяина.

— Пусть еще роет, — сказал Асан.

— Догадываюсь, — сказал повеселевший Борис.

В толпу вместо комьев земли полетели орехи. Изумленные ребята увидели яму, выложенную мхом, а в ней крупные, отборные орехи.

— Вот ваши орехи, — торжествующе сказал Асан. —

Зачем оставляли их на ночь? Разве не знаете, что крысы собирают орехи на зиму в кладовку? Разройте другие крысиные норы, здесь их очень много, и найдете ваши орехи.

Нужно ли описывать, как все обрадовались, особенно Петя Петухов. А Максим Иванович рассказал, что одна крыса съедает очень много, судя по оставленным скорлупкам. Кроме того, она заготовляет до двадцати пяти килограммов на зиму.

— Так вот кто у Степки Пханова орехи украл! — сказал Ромка. — А ты, Петух, пришел их требовать у Люды.

Все разъяснилось, и все были очень довольны. Гномик предлагал напустить на крыс микробов вроде мышиной чумы.

V

В этот вечер на опушке Зеленой шапки был устроен большой пионерский костер. От громкого разговора и смеха шум шел по всему лесу.

Все уселись за столами, уставленными пловом, фруктами, «веселящим» медом и другой снедью.

Наши друзья Егор, Гномик, Ромка, Асан, Борис, Топс, Люда, Гюльнара, Темир и Петух сидели возле Сапегина.

— Хорошо? — спросил Максим Иванович Сапегин.

— Очень хорошо! — весело отозвались пионеры.

— Вы — пионеры-новаторы, — сказал Сапегин. — Сейчас мы сидим под сенью зеленой листвы благодатного леса, а не так далеко от нас еще лежат голые песчаные пустыни, где все наоборот: деревья не имеют листьев, тучи, даже если появляются, не дают дождя, рыба имеет и легкие и жабры, так как реки не имеют воды, а если имеют, то никуда не втекают и пропадают в пу-

стыне. Суховеи, идущие из Кара-Кумов, еще заставляют растения Поволжья и Восточной Украины умирать от жажды. А чтобы уничтожить пустыни и превратить их в цветущие оазисы, необходима влага, полив. Так создается микроклимат, имеющий иную температуру, иную влажность воздуха, и так далее. Это значит, что люди ростом до одного метра живут в ином климате, чем высокие. Я и Егор живем в разных климатах. Ну-ну, не обижайся, я знаю, что ты не любишь, когда тебе напоминают о твоем росте, — засмеялся Сапегин, посмотрев на Егора. — Миллиард лет назад — здесь присутствующие, наверно, не помнят этого — Каспийское море было иным. А сейчас оно очень сильно высохло и высыхает, и это способствует созданию пустынь. Вы счастливцы: вы будете участвовать в грандиозном переоборудовании планеты. Каспийское море вы соедините с Черным, а несознательные северные реки, несущие массу воды на север, где и так сыро, вы повернете вспять — заставите их течь на юг и поливать пустыни. Волгу, Оку и Каму превратите в длинный ряд глубоководных озер с массой гидростанций. Сделаете плотину в Керченском проливе, откуда вытекает холодная вода, и тогда теплое течение, идущее через Дарданеллы и утепляющее Кавказ, не будет уходить в глубь моря, а будет обогревать сухой Крым и вызовет увлажнение климата. Вы, молодежь, засадите пустыни и степи садами. Мичурин мечтал о садах от Черного моря до Ледовитого океана. Но мечты — это первая стадия проектирования. Пройдут года́, и наша молодежь превратит всю нашу Родину в прекрасный, цветущий сад, тянущийся от Тянь-Шаня до Дуная, а молодежь стран, освобожденных от ига капитала, продолжит его далеко на запад и на восток. Вы уже сейчас превращаете леса в лесо-сады! Разве это не осуществление мечты! Летом и осенью вы будете работать в этих лесах, где воздух чист, прозрачен и целебен, где деревья

осыпаны плодами, а дичи — просто охотничий рай! Зимой же вы будете учиться. Ведь чудесно?

— Чудесно! — дружно откликнулись пионеры.

— И вот я вижу, — Сапегин простер руку к горам, — что ваш почин подхвачен. Направление главного удара заключается для горных лесных краев в окультуривании плодовых лесов. Это не только Киргизия — это также Таджикистан и Северный Кавказ, Узбекистан и Алтай. Тысячи пионеров приедут из городов на помощь... В наш век борьбы формируется новый человек — идейный, глубокий. Это борец за счастливое будущее, которое мы называем коммунистическим «завтра», но черты которого мы видим уже сегодня. И вот я гляжу в будущее и вижу перед собой уже не пионеров, а ученых: Гномик — академик-энтомолог... О чем ты мечтаешь, Гномик?

И мальчик, увлеченный научной идеей, уверенно ответил:

— Уничтожить всех вредных насекомых, и чтобы жучки были не просто жучки, а целебным средством от болезней. Папа называл это «антибиотики».

— Ну, а ты, Роман?

— Я превращу леса в сады от Черного до Ледовитого, от Тихого до Дуная и дальше. Я создам такие скороспелые деревья, что будут в один год такие, как сорокалетние! — Роман сказал это одним духом и задохнулся.

— Ну, а ты, Люда?

— Я стану творцом климата, чтобы климат был по заказу. Чтобы под Москвой зрели апельсины, а под Ленинградом — лимоны. Захочу полить — и заставлю тучу лить дождь. Захочу — и отведу градовую тучу в море. Я буду инженером погоды.

— Люда — тучедвигатель! — засмеялся Топс.

Но на него замахали руками.

— Мичуринская наука позволяет воспитывать южные

растения на севере и создавать совершенно новые формы, — заметил Сапегин. — Идея управления климатом очень увлекательна, и кое-что уже сделано.

— А я создам новые породы овец для этих гор, — сказал Асан. — Мы создадим новые породы скота, каких еще не видел никто.

— Ну, а ты, Темир?

— Мы собрали со своего опытного участка самый большой урожай хлопка, пшеницы и риса, — сказал Темир. — Теперь мы будем разводить ветвистую пшеницу академика Лысенко. Вот если бы два урожая в один год...

— Лучше три! — крикнул кто-то звонким голосом.

— Ну, а Топс?

— Я создам почвы, достойные эпохи! — важно сказал Топс, успевший продумать свой ответ. — Почва имеет пятнадцать процентов живого белка в виде микроорганизмов. Она на грани мертвого и живого — так говорил доцент, с которым я работал. Почва болеет и устает. Я знаю учение Вильямса. Почвоведение, микроудобрение и микровспашка — это моя будущая специальность.

Так один за другим ребята высказывали свои затаенные мечты, причем некоторые приняли решение только сейчас. И многое сейчас казалось им достижимым.

Немало интересного рассказал пионерам Сапегин, а напоследок сказал:

— Мы — те самые внуки и правнуки, которым Белинский еще сто лет назад завидовал, предсказывая свободную, а значит, творческую, яркую жизнь. Пусть же каждый из вас проживет свою жизнь так ярко, чтобы он мог в будущем сказать о себе: «Я человек Сталинской эпохи». Мечты — это первая стадия проектирования, научное обоснование — вторая, программа работ — третья. Давайте же не откладывая, теперь же, вот сейчас, здесь, наметим большой план окультуривания ближайших ле-

сов, то-есть приступим к третьей стадии, вторая уже выполнена...

Стало тихо.

— Ну-ка, Егор, скажи, как ты об этом думаешь? — обратился к мальчику Сапегин.

Егор застеснялся.

— Говори! Говори! — закричали ребята.

И Егор сказал. Никогда до этого вечера Егор так не говорил. Может быть, ему помогли в этом встреча со своим фронтовым отцом, и счастье, которое принесла хорошая дружба с товарищами, и работа в этом прекрасном лесном саду.

— Пусть, — сказал Егор, повторяя слова Максима Ивановича, — пусть все ребята станут настоящими хозяевами наших лесов, друзьями полей, рек и долин и пусть они превратят нашу Родину в прекрасный, цветущий сад!.. Вся наша страна планирует свои дела. Мы будем пионерской бригадой колхоза, и у нас будет свой план. И вот какой...

Много говорил Егор, и ребятам казалось, что он говорил их словами, потому что у всех было одно желание: учиться и работать.

— Вы многого сможете достигнуть, — сказал в заключение Сапегин. — Кто захочет, тот и в четырнадцать лет творит дела, достойные мужчины, бездельник же и в сорок лет дитя!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Так Егор Смоленский нашел своего фронтового отца, Максима Ивановича Сапегина, действительно оказавшегося «на самом горячем месте», потому что догнать и перегнать довоенный уровень в сельском хозяйстве и промышленности было самым горячим делом.

Так пять друзей пионерской разведки — Егор, Ромка, Гномик, Асан и Топс, — вначале увлекавшиеся приключениями и для большей увлекательности даже осложнившие свой поход придуманной военной игрой и КЭПСом, оставили все это, потому что работать в Зеленой лаборатории было гораздо увлекательнее.

Так охота на птиц и зверей закалила их и привела к охоте в мире растений и микробов. Самые «приключенческие приключения» ничто по сравнению с путешествиями в глубь вещей и явлений.

Мир будущего, черты его мы можем найти уже сегодня в нашей жизни.

Чудесные открытия будущего уже сегодня рождаются в наших лабораториях. Они входят в планы научно-исследовательских учреждений. Над этими проблемами работают большие научные коллективы. Сельскохозяйственные проблемы решают научно-исследовательские институты и десятки тысяч колхозных хат-лабораторий.

В этой приключенческой повести с элементами научной фантастики очень мало фантастики.

Огромные лесные массивы плодовых лесов действительно существуют и в республиках Средней Азии, и на Кавказе, и в других местах. И это правда, что только одних ореховых лесов в Киргизской ССР — тысячи гектаров и что они — реликты третичного периода.

И это правда, что эти плодовые леса окультуриваются. Необходимо, чтобы это стало народным движением и чтобы пионеры помогали облагораживать леса, озеленять страну.

За гибридов архаров и баранов — архаромериносов — в 1950 году присуждена Сталинская премия. Съедобный микробелок методом «взрыва жизни» еще не получен, хотя сыр из дрожжей вы уже можете купить в магазине. Успехи в деле получения искусственного, синтетического, белка большие, но это выходит за пределы книги.

Проблема выращивания скороспелой древесины — самая насущная проблема. Рецепта, как вырастить огромное дерево в десять-двадцать лет, еще нет, гигантских ореховых деревьев пока не существует, но целый ряд приемов для получения скороспелой древесины, от подбора видов деревьев, например эвкалипта и т. д., уже применяется на практике, и можно не сомневаться, что проблема скороспелой древесины будет решена мичуринской наукой.

Дрессировка пчел уже применяется как средство для лучшего опыления цветов, а значит, повышения урожая. Многоэтажные русские вертикальные ульи и «лежаки» уже широко применяются в пчеловодстве.

Влияние фитогормонов на человека известно, как и влияние меда, полученного от различных растений, но местные способы лечения — цветами, специальным медом и т. д. — не нашли широкого применения, хотя в нашей стране много энтузиастов различных методов лечения:

гомеопатия, гидротерапия и др. Если же вы любите спорт, будете путешествовать, охотиться, то не надо вам никакого особого целебного меда.

Хороший пчеловод может использовать лечебные свойства наилучших медоносов, используя медоносный конвейер, то-есть переезжая с пасекой в течение сезона от одних медоносных растений к другим.

Использование хлоропластов и ДР приведено для большей наглядности значения зеленого растения и хлорофилла. Об этом сказали Искандер и Сапегин.

Биовспашки пока еще нет. Придуманы и военно-тактические занятия.

Автор сознательно изменил названия города, кишлака и ущелья, так как особенности приключенческого жанра не выносят придирчивой до мелочей документальности, но такие ущелья с дикими плодовыми существуют действительно в Средней Азии. Описание природы и лесов этих гор правдивое.

Огромное народно-государственное значение имеет окультуривание плодовых лесов. В этом деле пионеры должны помочь, а единственное научное решение дает мичуринское учение, продолженное академиком Т. Д. Лысенко и победившее морганистов, мешавших и в развитии науки и в практической жизни колхозов и совхозов.

Особенности жанра не позволили автору дать глубокое научное объяснение всем явлениям. Многое только названо.

Но если у тебя, юный читатель, прочитавший эту повесть, родится интерес к мичуринской науке и тебе захочется совершить путешествие в глубь вещей и явлений, автор уже этим будет вполне удовлетворен. Путь тебе покажут и школа, и кружок юннатов, и Дом пионеров, и комсомол, и наши замечательные ученые — последователи Мичурина.

АВТОР

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Охотник за обезьянами 5
В поисках полковника Сапегина 19
Где же полковник Сапегин? 41
Запечатанный пакет 51

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Старт 75
По азимуту 98
Боевой путь 113
Яблоневые леса 126
Боевая тревога 135
«В ружье!» 152
Выход из окружения 165

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Иглы раздора 180
Дикие пчелы 208
Мужество 225
Гибриды 239

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Пчелиный город на Ореховом холме 250
Секач с «Черной горы» 272
Контрудар 301
Делать так, как полковник Сапегин 314

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Серый дракон 325
«Взрыв жизни» 367
Пионеры колхоза 407
Творцы новых форм 429
Направление главного удара 452
Победа 478
«Чем крепче нервы, тем ближе цель» 500
Своими руками 520

Послесловие 539

К ЧИТАТЕЛЯМ

Издательство просит отзывы об этой книге присылать по адресу: Москва 47, ул. Горького, 43, Дом детской книги.

Для среднего возраста

Ответственный редактор **С. Алексеев.** Художественный редактор **Н. Яцкевич.** Технический редактор **М. Кутузова.** Корректоры **Ю. Носова** и **Р. Мишелевич.** Сдано в набор 8/IV 1950 г. Подписано к печати 22/VII 1950 г. Формат $70 \times 108^{1}/_{32} = 8{,}5$ бум. — 23,29 печ. л. (23,33 уч.-изд. л.). Тираж 30 000 экз. А06030. Цена 15 р. 30 к. Заказ № 543.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

15 р. 30 к.